НЁМАН

3/2016
МАРТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Александр Николаевич КАРЛЮКЕВИЧ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

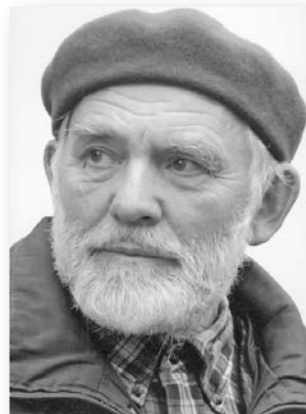
Подписано в печать 17.03.2016. Формат 70 ×108 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,83. Тираж 1891. Заказ .

Цена номера в розницу 24 700 руб.

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

Леонид ЛЕВАНОВИЧ

Беседь течет в океан[*]

Роман

IX

Первый день Нового года Петро Моховиков, будто прикованный, просидел у телевизора. Пришлось завести будильник, чтобы не проспать начало передач. А все потому, что на его долю выпала «рядовка» — очередь быть обозревателем. И день не только новогодний, а и первый день самостоятельной программы Белорусского телевидения.

Вечером Петро недолго сидел за новогодним столом, да и дочурка приболела, кашляла, и у жены поднялась температура. Встреча Нового года не была радостной и праздничной.

Будильник затрещал, когда в комнате было еще темно, за окном в сером тумане барахталось, трудно рождалось зимнее утро. Петро нехотя поднялся, сделал короткую зарядку. Но холодный душ немного взбодрил, чашка крепкого кофе окончательно прогнала сон.

А через день разгорелся конфликт.

Петро Моховиков давно убедился, что должность главного редактора на телевидении напоминает вулкан: идешь утром на работу и не знаешь, что где вспыхнет, за какой недосмотр, за чью ошибку получишь нагоняй.

День начался как обычно. Во второй понедельник месяца всегда проводилась редакционная летучка. В самой большой комнате, где размещаются режиссеры, собирались все сотрудники. Здесь стояло несколько столов, зеркало-трюмо, чтобы наводить марафет перед записью передач, умывальник, несколько просиженных кресел.

Летучка прошла обычно, особо ярких передач не было, споров и конфликтов не возникло.

Круглые часы над дверью показывали начало второго — время идти в столовую. Обычно он приглашал кого-нибудь из подчиненных, чтобы пообедать за компанию, но дверь соседнего кабинета, где сидели его заместитель и ответственный секретарь, была заперта.

Перед буфетной стойкой, за которой хозяйничала Татьяна Семеновна, дебелая, пышногрудая дама, увенчанная, словно короной, белым кружевным накрахмаленным колпачком, привычной очереди не было.

— С Новым годом вас! С Рождеством! — поздравил Татьяну Петро и добавил: — Пусть сбудутся все ваши тайные желания.

— Спасибо! И вам желаю того же. Но чтобы все желания... Это уж слишком. Пусть что-то останется на будущее. А главное — здоровье. Тогда и желания будут. Остальное можно купить за деньги...

---

[*] Окончание. Начало в № 2 за 2016 г.

Глаза Татьяны хитро блеснули, румяные губы соблазнительно улыбнулись. Петро уловил подтекст в ее словах, невольно вспомнил, как минувшей осенью она то ли в шутку, то ли всерьез спросила:

— Вы давно были в Москве?

— Да уже давненько. А что?

— Хочу вот съездить. Ищу компаньона. Дорогу оплачиваю. И все остальное... — игриво-нахально улыбнулась, будто невзначай левой рукой поправила белый колпак: мол, смотри, какая я красивая.

— Надо подумать, — тоже улыбнулся Петро.

Но думать было некогда. Назавтра поехал на съемки, потом после планерки у председателя обедал с коллегами в Доме литератора, были и другие неотложные дела. В столовую попал через неделю. За буфетной стойкой увидел помощницу Татьяны, значит, не дождалась. «Может, и зря не согласился. Был бы интересный вояж», — мелькнула в голове грустно-озорная мысль.

Он сел за свободный стол, ел и чувствовал взгляд Татьяны. Может, и она сожалеет о несостоявшейся поездке в Москву. Вот и намекнула о «будущих желаниях»...

Возвратившись в кабинет, сразу включил монитор, чтобы посмотреть, как записывается передача для школьников. И тут резко затрещал телефон.

— Петр Захарович, — сердито спрашивал заместитель председателя, — почему вас не было на месте? Председатель вас искал. Он уехал в Совмин. Поручил мне передать... Новость неприятная. Вы принимали программу в Бресте? Ну, их выход на Минск?

— Да, я принимал, — ответил Петро и почувствовал, как лицо заливает жар, а сердце тревожно встрепенулось, как пойманная птица в клетке.

— Вы делали им замечания?

— Конечно, делал. Кое-что они учли. Но программа была уже готова.

— А сюжет о праздновании Коляд на Полесье вас не насторожил?

— У меня были сомнения. Я высказал их. Но меня убедили, что это давняя народная традиция. Сюжет оживил передачу.

— Ну, вот что... Теперь вам придется убедить в этом отдел пропаганды ЦК партии. Позвонили председателю. Сказали, что этот сюжет воспринимается как инструктаж для верующих. Это политическая близорукость. Что они там, в Бресте? Свихнулись? Ни хрена не разбираются. И вы... Короче, пишите объяснение. Завтра бумага должна быть у меня!

В трубке послышались гудки, короткие, резкие, противные. Петро смотрел на экран монитора, на студию, где, как в немом кино, двигались люди, а видел совсем другую картину.

В Брест Петро прилетел впервые. В аэропорту его встретили коллеги из местного телевидения, в гостинице хорошо поужинали, выпили по рюмке за встречу, за знакомство. А назавтра смотрели программу. Тогда каждая область готовила для Минска передачу — рапорт съезду партии. Брестскую программу открывал короткий видеофильм: Беловежская пуща, легендарная крепость, словно опоясанная голубыми лентами Буга и Мухавца, ухоженные поля местных колхозов — широкие и ровные, как стол. В фильм было вмонтировано выступление первого секретаря обкома партии.

Завершал программу концерт художественной самодеятельности. Был и сюжет о праздновании на Полесье Коляд. Петру сюжет понравился — живинка в довольно казенной программе, где было много трескотни о достижениях, о передовиках. А песни-колядки блеснули, как золотинка в сером песке. Концерт показался слабоватым, мало самобытных номеров. Об этом Петро деликатно сказал. Главный редактор студии вынужден был признать, что концерт

не совсем удачный, но все уже смонтировано, времени для кардинальных перемен нет.

— Ну что ж, будем считать, что программа не хуже, чем в других областях, а в некоторых моментах даже лучше. — В чем конкретно, гость уточнять не стал, высказал мысль, что передача дает представление о Брестчине, о том, как люди работают и отдыхают.

Главный редактор повеселел, согласились с мнением гостя и представитель обкома, и симпатичная смуглянка из управления культуры.

— Есть предложение... Ну, по обычаю доброе дело надо замочить. Петр Захарович у нас первый раз. Я покажу ему крепость, Белую вежу. В два часа встретимся в пуще. В Каменюках. Там в ресторане пообедаем, продолжим обсуждение, — многозначительно улыбнулся главный редактор.

Все так и было. Осмотрели музей крепости. Экскурсовод, молоденькая, тоненькая выпускница местного пединститута, провела гостя по тихим залам музея. Очень впечатлила заснеженная Пуща. Громадные островерхие ели, разлапистые сосны, могучие дубы. А меж деревьев — гривастые зубры, ершистые дикие кабаны, в вольерах — олени, косули.

На дворе стоял мороз, потому особенно теплым, уютным, показался небольшой банкетный зал, стены его украшали оленьи шкуры, до блеска отполированные оленьи и лосиные рога. Длинный массивный стол, сверкающие лаком деревянные кресла. В вазе на столе дышала смолистым ароматом толстая ветка с еловыми шишками. В камине потрескивали, горели светлым пламенем осиновые поленья.

Конечно же, бросилась в глаза серебристая головка шампанского, оригинальной формы штоф «Беловежской». Были тосты за дружбу, за плодотворное сотрудничество. Закусывали колбасами из мяса дикого кабана, котлетами из лосятины, солеными грибами. Атмосфера стояла дружеская, теплая, сердечная.

На вокзале Петро целовался со всеми, кто провожал. В купе вагона хорошо выспался под мерный стук колес. Вернулся в Минск с чувством, что командировка удалась...

Это воспоминание мгновенно промелькнуло после звонка заместителя председателя, потребовавшего объяснительную записку. А что писать? Про котлеты из лосятины? За все в жизни приходится платить, тоскливо подумал Петро, глядя на чистый лист бумаги. С чего начать объяснительную?

Решил посоветоваться. Есть же люди более опытные. Взялся за телефон и через минуту услышал голос шефа редакции литературно-драматических программ Владимира Петровича Климчука. Высокий, плечистый, громкоголосый, он всегда смело отбивался, когда начинали критиковать передачи редакции.

— Петрович, нужен мудрый совет.

— На какую тему? Если о женщинах, то не по телефону. А за чаркой, так сказать, глаза в глаза. Что стряслось у тебя?

Петро Моховиков рассказал о своей беде. Коллега долго молчал, шумно дышал в трубку.

— Ну, вот что. Слушай меня внимательно. Первое, не переживай, за это с работы не снимают. Не ты передачу готовил и не твои подчиненные. А приемка — чистая формальность. Упирай на то, что не было времени перемонтировать. Но и ребят с областной студии не топи. Что-то возьми на себя, мол, первый раз принимал программу... Какая дурость! Наши предки из глубины веков... Издавна праздновали Коляды, а теперь не моги... И еще о записке. Пиши коротко, лишняя информация может обернуться против тебя. И вооб-

ще, любое объяснение на бумаге — это плохо. Написанное остается. Конечно, сочинить придется, но не торопись отдавать. Тяни до последнего.

Ты говоришь, голова болит. У меня тоже. Наверное, грипп подбирается. Мои архаровцы пишут передачу о театре. Вот гляжу по монитору. А то по чарке бы шандарахнули.

— Спасибо, дружище. Считай, что ты успокоил меня. А чарка будет!

Ни Петро, ни коллега-литератор не могли и подумать, что через десять лет Коляды-Рождество станут официальным всенародным праздником.

Домой Петро ехал в переполненном троллейбусе. То с одной стороны, то с другой слышался хриплый, простуженный кашель. Только бы не сел голос, тревожился Петро, тогда пропал. Он рассказал жене о своих неприятностях, о завтрашней записи передачи.

— Что-то не нравится мне цвет твоего лица. И глаза блестят. Может, температура? — Ева приложила ладонь к его лбу.

— Ничего, прорвемся, — он с благодарностью взял ладонь жены, нежно поцеловал.

Невольно мелькнуло в голове: какое счастье, что встретилась эта женщина! Если бы не пережил семейную драму, то, пожалуй, не смог бы оценить Еву. Не зря люди говорят: не познав горя, счастья не оценишь.

— Надо съесть пару зубчиков чеснока. Картошка варится. Сейчас подышишь. Это классная ингаляция, — заботливо суетилась Ева.

Она не любила, когда Петро выпивал даже одну рюмку водки, но на этот раз не возражала, и он позволил себе три — для профилактики.

Утром он проснулся бодрым, спал крепко, казалось, никакая хворь его не одолеет. Но пока добрался до студии, нос заложило, дышалось трудно.

Администратор передачи Юля, молоденькая ясноглазая девчушка, где-то отыскала краснозвездную коробочку вьетнамского бальзама. Петро помазал пазухи носа, потер переносицу. Уже в студии, сидя напротив собеседника — оба залитые морем света, — Петро поглядывал на себя на экране с тревогой. Волновался и ученый-аграрник. Они еще раз повторили основные тезисы, порядок вопросов уточнили.

— Главное, вы сильно не волнуйтесь. Это ж не прямой эфир. Если какой огрех, подчистим при монтаже, — успокаивал Петро гостя, а сам почувствовал, как гулко тахкает и его сердце в ожидании того момента, когда на табло вспыхнет: «Микрофон включен».

После записи передачи он обговорил с режиссером Лидой Якубовской, что можно сократить: надо уложиться в двадцать минут.

— Я неважно себя чувствую. На монтаже быть не смогу. Думаю, ты все сама сделаешь. Как передача? Не стыдно будет?

— Да нет, все по делу. Разговор толковый, проблемный. Монтаж несложный. Я все сделаю. Поезжай домой. Выпей аспирину и под одеяло. Да чаю с медком...

В грустных усталых глазах Лиды он увидел искреннее сочувствие, желание помочь. Лицо ее было бледное, болезненное.

— Ты тоже не болей. Крепись. Я всегда готов тебе помочь...

Дома Петро намазал горчицей ломоть хлеба, наверх положил нарезанный дольками лук, посыпал соль, перец и хлобыстнул полную чарку водки. Лег и сразу отключился. Спал часа три. Вставать не хотелось, ни читать, ни писать, ни смотреть телевизор не тянуло. Вечером позвонил своему заму Евгению Иосифовичу, поручил сходить завтра на планерку к шефу телевидения.

Весь следующий день Петро провел дома, лежал, читал и ждал звонка, — нет, не от своих подчиненных. Ему очень не хотелось услышать голо-

сок секретаря заместителя председателя: «Петр Захарович, где ваша объяснительная записка? Шеф требует...»

Но секретарь не потревожила его, зато в конце дня позвонил Евгений, поинтересовался, как здоровье, рассказал, что было на заделе-планерке.

— Шеф метал икру, где твоя объяснительная? Ну, а завтра как? Может, сам пойдешь на задел к председателю?

Петро знал, что его зам побаивается ходить на планерки к председателю. На то были свои причины: однажды Евгений перебрал норму пития и сорвал передачу, получил партийный выговор, его хотели уволить, председатель крепко ругал наедине, но дал шанс, и Евгений держался.

— Давай встретимся в главном корпусе без четверти десять, — предложил Петро. — Отдашь мне программу на неделю. Мне уже лучше, но как будет утром, не знаю. На планерке хочу быть. Если сам не отобьешься, то навешают собак...

— Думаю, это правильная тактика, — охотно поддержал Петра заместитель. — Тогда до завтра! Набирайся сил!

Они были одного возраста, но после перехода Петра в эту редакцию отношения изменились. Евгений был подчеркнуто вежлив. В глубине души он затаил обиду на высшее руководство, что его не назначили главным. Способный, опытный, фотогеничный тележурналист, отличный организатор, он имел основания претендовать на эту должность, но тот срыв ему не простили. Вот поэтому он не любил ходить на планерки и с радостью поддержал тактику своего шефа — самому отбиваться на заделе.

Вечером Петро Моховиков смотрел свою передачу. И получил первое поздравление — конечно же, от жены:

— Мне понравилась передача. Поздравляю! Ты хорошо выглядел. Говорил складно, не путался, не заикался. И этот человек из министерства рассуждал убедительно. И на доброй белорусской мове.

— Ну, так это же самое главное, — улыбнулся Петро, чмокнул жену в щечку, хотя ему хотелось целовать ее долго и горячо.

Утром Петро чувствовал себя лучше, выпил чашку крепкого кофе и поехал в Дом радио, где находился кабинет председателя.

В актовом зале, узком, темноватом, Петро хотел сесть подальше, шел по проходу, и тут его остановила диктор Зинаида:

— Петр Захарович, садитесь. Здесь свободное место. С интересом смотрела вчера вашу передачу. Я об этом ничего не знала, хотя и родом из деревни. Так что поздравляю вас.

У Петра посветлело на душе. Эта женщина нравилась ему, любовался ею на экране, а тут повезло сидеть рядом, к тому же сама пригласила. Но будет вдвойне стыдно, если председатель пропесочит его за Коляды.

— Ну что, начнем? — председатель быстрым взглядом обвел зал. — Как мы сработали за неделю?

Петро сидел как на угольях: ждал, когда его поднимет председатель и устроит допрос — куда он смотрел, принимая программу брестчан, и будет распекать, как мальчишку. Председатель это умеет делать отлично. Тем временем началось обсуждение программы будущей недели. Председатель поднимал главных редакторов, они коротко докладывали о сути той или другой передачи.

Покритиковал передачу о зимовке на фермах, что сделана она по принципу тяп-ляп, журналистка долго говорила о грустных глазах коровы, а о надоях, сбалансированности рациона заметила вскользь.

— Такое впечатление, что она впервые попала на ферму и ее все удивляло. Это идет от незнания жизни, дела, от профессиональной неподготов-

ленности. А вот вчера я посмотрел передачу научно-популярной редакции и порадовался. Вот где знание проблемы! Передача серьезная, динамичная, без тягомотины и болтовни. Прочитал человек статью в «Правде» о том, что плоскорез укрепил здоровье целины, изучил проблему, нашел единомышленника. Кстати, агроном из министерства отлично говорил по-белорусски.

— Слышите, Петро? Я же вам сказала, что передача хорошая, — Зинаида слегка дотронулась до его руки.

— Спасибо большое, — шепнул Петро и слушал шефа дальше: когда же он вспомнит Коляды?

— Мы часто сурово критикуем за накладки, ляпы технические и редакторские. И это правильно...

Ну, сейчас о Колядах, с грустью подумал Петро.

— Накладки и огрехи случаются не только у нас, — в голосе шефа послышались веселые нотки. — На днях «Правда» напечатала репортаж с кинофестиваля в Париже. Пишет об успехе фильма «Дикая охота короля Стаха». И такой ляп: сценарий написал польский литератор Владимир Короткевич. Наш Володя Короткевич — польский литератор. Он вчера со смехом рассказывал, как звонил ему правдист домой, просил извинить... Ну, что у кого еще? Будем закругляться.

Петро с облегчением вздохнул: о Колядах председатель ничего не сказал, не вспомнил о записке объяснительной. Значит, принял огонь на себя. Может, помогла отбиться ошибка в главной партийной газете. Настроение улучшилось, на душе посветлело, он почувствовал, что и грипп победил. Крепче сжал папку, в которой притаилась рожденная в творческих муках объяснительная записка.

— Так где твоя объяснительная? — толкнул Петра под бок Климчук.

— В моей папке. Все свое ношу с собой, как говорил один философ. А тебе спасибо за совет.

— Спасибо — это хорошо. Но рюмка водки — еще лучше.

— Будет, старина, будет. За Коляды выпьем. Обязательно, — весело ответил Петро Моховиков.

Хроника БЕЛТА и ТАСС, 1981 г.

4 февраля. Гомель. В деревне Глинище Хойникского района начали строительство музея народного писателя Беларуси Ивана Мележа.

10 февраля. Москва. В связи с 20-й годовщиной Движения Неприсоединения Л. И. Брежнев направил приветственное послание Фиделю Кастро Рус, который является теперь председателем Движения Неприсоединения.

14 февраля. Кабул. Создание Национального фронта в Демократической Республике Афганистан находит широкую поддержку афганского народа.

19 февраля. Минск. Досрочно выполнил свои обязательства в честь XXVI съезда КПСС коллектив производственного объединения «Белоруськалий».

X

Андрей Сахута ехал после обеда в райком. Светло-голубая «Волга» уверенно катилась по широкой столичной улице, словно конь, хорошо знающий дорогу домой.

Вчера до поздней ночи Сахута читал книгу диссидента Александра Зиновьева «Зияющие высоты». Читал и злился, но не мог не понимать, что

автор пишет правду, суровую правду, высмеивает показуху, глупость наших чиновников. Книга начала раздражать с предисловия. Автор пишет: рукопись была найдена на свалке, да не лишь бы какой. Сахута выписал эти строчки в блокнот: «Мусорная свалка играет в Ибанске совсем не ту роль, какую она играла в антагонистических обществах прошлого. Здесь это — одна из Великих строек социализма, и потому писать ее следовало бы с большой буквы — как Мусорная свалка». Ну и уел! Мусорная свалка — Великая стройка социализма... Дальше было еще мудренее: «Заведующий — высшее лицо в Ибанске, вождь Братии и глава государства. Братия — то, что в старину называли Партией. Заведующий формально считается первым среди равных в коллегиальном руководстве. Но по мере превращения в маразматика и пешку в руках фактически правящей банды становится единоличным диктатором». А сколько яда, сарказма в этих словах: «Жители Ибанска любовно называют Заведующего, как выяснится опять-таки впоследствии, Заибаном».

Сахута дважды подчеркнул последнее слово. Это же ругательство! Грязное, злое. А само название города! Разве не издевка: «Происхождение названия Ибанска историки объясняют различно. Одни производят его от того, что все граждане Ибанска имеют фамилию Ибанов. Другие истолковывают его так, что оно приобретает неприличное звучание». Конечно, какое же еще может быть звучание! Дурню понятно... Сахута обратил внимание на дату под вступлением: Ибанск. 1974 год... Это же семь лет на Западе книгу читают и смеются над нами, над нашей Братией, а мы, словно слепые щенята, лезем, карабкаемся на коммунистические «зияющие высоты».

Машин с каждым годом все больше. Заводы, фабрики, котельные дымят круглые сутки. Цивилизация сама себя губит. Атомных бомб наклепали столько, что можно взорвать всю планету и погубить все живое. Но и пешком горожане ходить не станут. Если живешь в Чижовке, а работаешь на заводе холодильников за двадцать верст, без автобуса не обойтись. А сколько дают смрадной гари грузовики, самосвалы! Бывает, на перекрестке газанет водитель, чтобы тронуться с места, и темно-сизое облако окутывает автомобиль.

Андрей Сахута все больше убеждался, что проблемы экологии выходят на первое место. И не только в городе, но и в деревне. И проблемы эти глобальные: и в Европе, и в Америке идут кислотные дожди, едкий смог накрыл смрадным покрывалом огромные мегаполисы — Лос-Анджелес, Токио, Мехико и много других городов. И Андрея снова потянуло в лес. Он ведь мог бы и теперь работать в лесничестве, сажал бы деревья, занимался благородным делом, а не пустопорожней трескотней. В душе возникло несогласие, внутренний голос запротестовал: нет, не только трепотней занимается райком партии, очень многое в жизни района зависит от его, Андрея Сахуты, деятельности, от его требовательности, твердости. О том, что люди могут обойтись без райкома партии, он думал редко. Думать так — все равно что рубить сук, на котором сидишь, и травить свою душу.

Раздумья Андрея прервал телефон. Секретаря он предупредил, что готовится к совету, чтобы ни с кем не соединяла. Значит, что-то важное. Снял трубку, услышал взволнованный женский голос.

— Андрей Матвеевич, это председатель профкома трикотажного объединения Лилия Ивановна Сидорович. Я была у вас пару недель назад.

— Помню, Лилия Ивановна. Что случилось?

— То же самое, что и раньше было. Директор пьян в стельку. Лежит под столом в кабинете. Приезжайте, сами убедитесь...

— Приедем. Будьте на месте.

Сахута вызвал третьего секретаря по идеологии Светлану Дубкову:

— Светлана Васильевна, возьмите кого из своих инструкторов, из промышленного отдела тоже пригласите. Скажите об этом заведующему отделом. Сам он должен быть на совете, который сейчас начнется. А вы поезжайте на трикотажную фабрику. Там Зайцев опять пьян, спит в кабинете под столом... Позвонила председатель профкома Сидорович. Я вам говорил о ее визите. Действуйте смело и настойчиво. Пора с этим кончать. Ежели что, звоните.

В мыслях мелькнуло воспоминание...

Недели две назад пришла к нему на прием молодая симпатичная женщина. Сначала говорила сбивчиво, сумбурно, понемногу успокоилась. Сахута слушал внимательно, деликатно задавал вопросы.

— К сожалению, я мало вас знаю. Расскажите о себе. Как к вам относится Зайцев?

Сахута знал Зайцева хорошо. Опытный хозяйственник, умелый организатор, но в последнее время начал выпивать. На него часто жаловались люди, на его грубость, невнимательность.

— Как? Сразу же, как я пришла к ним, стал за коленки лапать. Говорит: садись ближе, еще ближе, и давай лапать... У меня глаза на лоб. Я едва не дала ему по физиономии. И еще. Если что надо решить, к нему не пробиться. Все прут с утра. После двенадцати он уже лыка не вяжет...

Первый секретарь внимательно слушал посетительницу, наблюдал за ней. Лиля осмелела, видимо, по привычке подкатала рукава красной кофты, из-под которой виднелась аккуратная белая блузка. Руки у нее, довольно полные, сильные, руки бывшей спортсменки, были красивые. Сахута невольно залюбовался ими, даже мелькнула мысль: «Симпатичная кобета. Видимо, и коленки у нее соблазнительные. Не диво, что Зайцев потянулся погладить...»

— Он может позвонить начальнику цеха и сказать: «Слушай сюда. Там у тебя в третьем ряду справа... Блондинка такая симпатичная. Пришли ее ко мне». Как можно такое терпеть? Все понимают, он много сделал для фабрики. Строил корпуса, пионерский лагерь, профилакторий, квартиры. Дневал и ночевал на фабрике. Его ценили, орденами награждали, депутатом избирали. А теперь... Люди говорят, мол, не дали Героя, он и запил. Секретарь парткома его ставленница. Вернулась к нам после партшколы. Во всем ему потакает. Полгода работает и уже машину без очереди купила. На его выходки смотрит сквозь пальцы. А мне он заявляет: «Тебе, Лиля, придется искать работу. Я не потерплю, чтобы ты критиковала меня. Я здесь хозяин. Я жизнь положил на эту фабрику...» А еще… Даже говорить стыдно. Может напиться, стать на пороге кабинета и брюки спустить…

Выслушав исповедь женщины, Сахута предложил такой вариант: как только Зайцев напьется, чтобы сразу звонила в райком. И вот сигнал поступил.

В актовом зале, где собрался совет по научно-техническому прогрессу, у Андрея не выходило из головы: что там, на фабрике? Что делать с этим Зайцевым?

Члены совета уселись за длинным столом, Сахута как председатель во главе стола. В зале сидели руководители предприятий, секретари партийных организаций, профсоюзные и комсомольские лидеры.

— А кто есть с трикотажного объединения? — спросил Сахута.

Поднялся невысокий лысоватый человек, отрекомендовался, что он — заместитель директора.

— Приглашали ведь директора. А где же он?

— Директор немного приболел.

— А секретарь парткома тоже болеет?

— Этого я не знаю.

В зале заулыбались. Сахута не мог не заметить это. «Значит, люди знают о директоровой болезни. Надо решать», — подумал он, открыл заседание совета и первому дал слово председателю секции «Научная организация труда».

…Как только разошлись члены совета, Сахута потянулся к внутренней связи, чтобы позвать Светлану Васильевну, — Зайцев с трикотажной фабрики не выходил из головы, но сдержал себя: стоп, братец, передохни, не вертись, как голый в крапиве. Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза... А какая теперь красота в лесу! Эх, если бы походить с ружьем! Как давно он не был на природе...

Он резко поднялся, посмотрел в зеркало: «Стареешь, братец. Что хотеть? Пятый десяток разменял». Причесался, пригладил волосы над залысинами, которые вклинивались в еще густой чуб. Светлана Васильевна заходит к нему всегда с легкой приветливой улыбкой, аккуратная, модная. Заигрывает, что ли? Семья у нее вроде нормальная, есть сын, муж, а вот же хочется нравиться. Но — не до служебных романов.

Невольно вспомнился земляк Михаил Долгалев, именно он выводил в люди. Недавно они виделись, когда Николай Шандобыла возил Долгалева в лечкомиссию. Потом Андрей Сахута ездил к нему. Подолгу беседовали. Врезались в память слова: «Дела наши дрянь. Кремлевские деды спят на ходу. А мы топчемся на месте. Тянемся, как собака за возом. Одно хорошо: страха у людей поменело. Вот и я могу сказать, что думаю».

Сахута уверенным, хозяйским шагом шел по коридору, застланному красной ковровой дорожкой, толкнул дверь кабинета Светланы Васильевны — закрыто. Вошел в приемную: Светлана Васильевна и секретарша о чем-то шептались. При его появлении беседа кончилась.

— Ну, как вы съездили? Заходите, рассказывайте.

— Все подтвердилось. Но секретарша у него... Овчарка лютая... Говорит, директора нет, не приезжал с обеда. Требую: откройте кабинет. А она свое: не имею права, не пущу... Я говорю: сейчас вызовем милицию. А она: можете вызывать, у меня нет ключа. Короче, нашелся ключ. Заходим в кабинет. Храпит под столом... Так набрался, что неприятно говорить... В штаны напустил. Надо решать...

— Готовьте вопрос на бюро. Дадим ему строгача. А там посмотрим, как он будет себя вести...

Андрей Сахута понимал, что у Зайцева найдутся адвокаты и в горкоме, и в отделе промышленности ЦК. Но и молчать о его проделках, о которых знают люди, нельзя. Об исключении из партии нечего и говорить. «Строгача» достаточно, чтобы снять с должности.

После ужина Сахута снова уселся с книгой Зиновьева. Чем больше читал, тем больше соглашался с автором.

— Ну и шельма! Как в сук влепил! — удивлялся и выписывал в блокнот: «Подобно тому, как все ибанские газеты похожи друг на друга и различаются только названиями, все ибанские стенгазеты похожи друг на друга и различаются только стенками, на которых они висят».

А саркастические частушки, довольно грубоватые, решил прочитать жене. Направился на кухню, где Ада мыла посуду.

— Вот, послушай, какие частушки:

Ты, подружка, твою мать,
Пропоем страдание,
Сперва было бытие,
А потом сознание.

Или:

У моей зазнобы в попе
Сломалася клизма.
Снова бродит по Европе
Старый призрак изма.

— Это он так про коммунизм? — расхохоталась Ада. — Но грубо. Примитивно. Дай и мне почитать книгу.

— Мне дал на три дня человек из обкома. Хочу Петру подсунуть. Ну, земляку с телевидения. Позвоню сегодня в обком, попрошу отсрочки. Скажу, некогда было дочитать.

— А что за человек автор?

— Профессор, доктор наук. Несколько лет назад, когда книга вышла за кордоном, его выслали на Запад. Посади в тюрьму или в психушку, за бугром поднимут тарарам. А он всю нашу идеологию положил на лопатки. Сталина, Хрущева обгадил. Вот послушай. — Ада села рядом, чтобы лучше слышать, потому что читал Андрей полушепотом: такие слова произносить вслух было боязно даже на своей кухне родной жене. — Сталин — это ХОЗЯИН, а Хрущев — ХРЯК. Значит, когда умер Хозяин... Дальше Зиновьев пишет: «А на горизонте Истории Ибанска уже маячила колоритная фигура Хряка. В одной руке фигура держала маленький кукурузный початок, не достигший молочно-восковой степени зрелости, а другой показывала большой кукиш. Одна нога у фигуры была босая. Фигура громко икала и бормотала лозунги. НОНИШНОЕ ПАКАЛЕНИЕ, ТВОЮ МАТЬ, БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ ПОЛНОМ ИЗМЕ — эти слова выделены крупным шрифтом. — Андрей показал жене страницу.

— Милый мой, это издевка над всем нашим жизненным укладом. А насчет хряка... Судить можно за оскорбление. Мы верили в коммунизм... Ну, не все, но большинство людей верило.

— Согласен. Но иногда я думаю: может, коммунизм — это утопия? Несбыточная мечта человечества. — Андрей помолчал, потом задумчиво добавил: — Вот я сегодня распинался, за научно-технический прогресс агитировал. А сам думаю: надо заинтересовать человека рублем. Тогда он сам будет искать, внедрять все новое, передовое.

— Значит, тогда надо и конкуренцию допустить. И рынок, и частную собственность. А это все элементы капитализма... Он давно уже гниет. Если верить марксистам.

— Есть у него и о высоком начальстве. Одну минутку. Я отметил карандашом. Прежние читатели тоже птичек наставили. Вот такой пассаж: «Если хотите знать, самую глубокую основу всех мерзостей образует не безнравственность средних или худших представителей рода человеческого, а ущербная нравственность его лучших представителей».

— Рыба гниет с головы. И есть это в любой стране. В любом обществе, не только у нас.

— Правильно мыслишь, моя милая. Но книга о нашем обществе. В первую очередь все касается нас. Есть тут и насчет права и оппозиции. Критика очень серьезная.

— Наши люди не прочитают книгу. Она недоступна для них. Ну что, я пойду спать. Ты еще будешь читать? Так иди в свой кабинет. Чего тебе сидеть на кухне? Включи лампу. Там удобней.

— Хорошо. Пойду. — Он поднялся. Обнял Аду, поцеловал. — А может, пойдем? Присплю тебя...

— Вот читай. Раз подгоняют. Что-то я устала за день.

Ада направилась в ванную, Андрей подался в свой кабинет. Читая дальше, наткнулся на небольшой раздел «Человек и научно-технический прогресс», прочел раз, другой. И не мог не согласиться с автором, что человеческое счастье не зависит от научно-технического прогресса. «Человек — это честь, совесть, стремление к свободе воли и выбора, к свободе перемещений, к свободе творчества».

Захотелось выписать и такие слова: «Человека гражданином делают не наука и техника, а искусство, нравственность, религия, идеология, постоянный опыт сопротивления. Не любое искусство, не любая идеология. И не всякая борьба за свое «я». Последнее предложение Андрей подчеркнул дважды. И снова вспомнил Зайцева. Человек много трудился, горел на работе. Но так ли от души? Может, старался ради карьеры? Получал награды, полюбил власть над людьми. Мог вызвать в кабинет любую симпатичную женщину, пообещать ей лучшую работу, квартиру, премию и смело лапал за колени... И женщина отдавалась. Ради такой власти он карабкался вверх. А когда не дали Звезду Героя, человек будто сломался, запил, загулял на всю катушку.

В конце концов, автор не открывает Америки. Сахута и сам не раз думал, что цивилизация, научно-технический прогресс не делают человека счастливее, добрее. Умнее, хитрее — да, более коварным, изощренным в совершении преступлений. Андрей глянул на часы и ужаснулся — был второй час ночи, выключил свет, но чувствовал, что сразу не уснет. Посмотрел на улицу и удивился: так много светилось окон. Что делают люди? За каждым светлым окном человек, который не спит...

Торопливо проехало такси — занятое, зеленый огонек не горел, кто-то возвращался домой. Андрей тихо вошел в спальню. Ада спала, и он осторожно, чтобы ее не разбудить, лег рядом. Мелькнуло в голове, что и его завтра, уже сегодня, ждет много забот. А если б я не вышел на работу, подкралась крамольная мыслишка, что было бы? Совещание провел бы второй секретарь, некоторые встречи перенесли, но жизнь в районе не остановилась бы. Значит, я занимаюсь имитацией конкретного, живого дела. Вот, посадил дерево, оно вырастет. А протоколы заседаний, докладные, инструкции можно смело отправлять в макулатуру.

Ночью Андрею приснился странный сон. Вроде после субботника райкомовцы, другие люди отдыхали в городском сквере, сидели на лавочках и просто на траве. Дорожки сквера были посыпаны гравием. И вот Андрей взял небольшой камешек, бросил по дорожке низом, как некогда над Беседью: камешек подскакивает на воде, печет блины — так это называла ребятня. Кто больше напечет «блинов», чей камешек перелетит на другой берег, тот победил. На этот раз камешек полетел, подскакивая, и попал в лоб ребенку, которого отец вел за руку. Андрей даже увидел, как на детском лобике закраснелось пятно между бровей, словно пятнышко между глаз индийской киноактрисы. Сердце екнуло, он отвернулся в ожидании, что будет дальше. На душе было такое чувство, хоть сквозь землю провались. Мужчина тем временем приблизился.

— Ты что, свихнулся? Или пьян? — со злостью сказал он. Его лицо, смуглое, как у цыгана, перекошенное от ненависти, дышало злобой. А малыш был светловолосый, даже не плакал. — Твое счастье, что камешек не попал в глаз. Иначе я разделал бы тебя так, что ни одна больница не взяла бы.

Сидевшие на скамейках подчиненные все исчезли, как сквозь землю провалились.

Проснулся, услышал негромкие голоса — на кухне говорило радио. Выпил маленькими глотками стакан холодной воды, думал про неожиданный,

бестолковый сон. Почему камешек попал в лоб ребенка? Когда его бросал, дорожка была безлюдной. Откуда появились отец с мальчиком? Вечная загадка снов.

В доме напротив светилось уже много окон, но Андрею хотелось еще немого полежать: время позволяло, да и лег поздно. Он вернулся в спальню, Ада проснулась, сладко потянулась, спросила, который час.

— Ты, видимо, поздно лег?

— Да не очень. В половине второго.

— Нечего поздно сидеть. Книга диссидента того не стоит. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Только зарядку делать не хочется. Может, вместе?..

— Вместе лучше в кровати, — еще раз потянулась Ада.

Андрей вспомнил первые годы семейной жизни: сколько было объятий, горячих поцелуев, теперь занимались любовью довольно редко. И потому он охотно обнял жену.

— Где моя радость? — начал нежно целовать теплую грудь жены, еще тугую, соблазнительную, коричневатые соски, когда-то кормившие его детей, и он будто благодарил их за это.

В разгоряченном сознании мелькнула мысль: эта родная грудь ему дороже всяких «измов». Он все чаще думал, что для счастья человеку надо немного: хорошая жена, здоровые, умные дети, приличная квартира, а потом уже работа, профессия — средства кормить детей.

Но долго разлеживаться в постели времени не было, он понимал, что его ждут разные жизненные и партийные дела и что придется ему думать и про «измы». А еще уже в который раз он убедился: чем больше отдаешь в любви, тем сильнее наслаждение и радость, а лентяи не знают радости ни в работе, ни в любви.

Хроника БЕЛТА и ТАСС, 1981 г.

3 марта. Москва. Пленум ЦК КПСС, созванный XXVI съездом Коммунистической партии Советского Союза, единодушно избрал товарища Брежнева Л. И. Генеральным секретарем ЦК КПСС.

7 марта. Минск. В столичном Доме литератора состоялся торжественный вечер, посвященный 85-летию Народного писателя Беларуси Кондрата Крапивы.

21 марта. Якутск. Закончено строительство шестисоткилометровой линии электропередач через реку Лена. ЛЭП соединила берега могучей реки.

22 марта. Полоцк. В отреставрированном Богоявленском соборе открылась картинная галерея.

XI

Ночью Петру приснился сон. Вроде он еще школьник, на дворе весенние каникулы. И вот они — четверо друзей: Андрейка, Данька, Павлик и Петрик, выправились на лодке в лес. А паводок в самой силе, от деревни до леса — море воды, лишь кое-где торчат рыжие шапки курганов. День солнечный, ветреный, водная зыбь блестит, словно рыбья чешуя. Петрик сидит в центре лодки-плоскодонки с веслом, закрепленным на правом борту в уключине, напротив Андрейка, он с нетерпением ждет, чтобы занять Петриково место, взяться за весло — парнишки гребли по очереди. На корме важно сидит Данька, тоже с веслом, он гребет и управляет лодкой. А впереди, на носу лодки, прилепился Павлик — он недавно уступил место Петрику и, разгоряченный,

смотрит на красные свои ладони с пузырьками мозолей — так он старался грести.

Лодка приближалась к руслу Беседи. Течение здесь бурное, глубина большая.

— Греби сильнее! — кричит Данька. — А то снесет вниз.

Петрик загребает тяжелым веслом изо всех сил, чувствует, как руки наливаются свинцом, во рту пересохло, а лодку несет вниз могучее бурное течение.

— Данька, правь в старую Беседь! А то в Гомель занесет нас, — испуганно кричит Павлик.

Старое русло реки едва заметно по верхушкам кустов. И Данька, и Петрик яростно орудуют веслами. Наконец плоскодонка вклинивается среди ольшаника в старое русло. Павлик ухватился за верхушку куста, чтобы причалить лодку, она закачалась, вода ринулась через накренившийся борт.

— Не двигайтесь! — Данька ловко положил весло поперек, чтобы выровнять лодку. — Черпайте воду!

Андрейка черпал деревянным ковшиком, Данька своей кепкой, Петрик и Павлик просто ладонями. Постепенно мутно-бурая вода убывала. Ребята понемногу успокоились, понимая, что опасность миновала.

— Если б лодка перевернулась, мы бы пошли на дно. А тут глубина большая, — рассуждал Данька. — Нам повезло.

И тут Петро проснулся. В квартире было тихо, окна уже светлели. Во рту действительно пересохло, сходил на кухню, выпил воды. Было еще рано — без четверти пять. Немного полежал, убедился, что заснуть не удастся, и как только блеснуло солнце, побежал на зарядку.

Все последующие дни, чтобы ни делал, Петро нет-нет да и вспоминал сон. И ему очень хотелось поехать домой, увидеть весенний разлив реки, и особенно — ледоход. Эта картина врезалась в память навсегда: по Беседи плывут с шорохом и треском, наползая одна на другую, льдины. Бурное течение разворачивает их, снова сталкивает. Треск, шум и гул стоят над проснувшейся рекой.

В субботу, наблюдая по монитору за учебной передачей о творчестве поэтессы Цётки, ему захотелось записать свои впечатления.

Нынче в тишине кабинета он перечитал свои записи.

14 февраля. За окном февральская метель. Зима отважилась показать свой характер. А до этого было очень тепло... Как я жду субботу! В будние дни наваливается столько проблем… 11-го повезло попасть на вечер Мележа. Было много интересных выступлений. Основательный доклад сделал Алесь Адамович. Выступали москвичи: Сартаков, Залыгин, впервые видел и слушал известных русских литераторов. Эмоционально и глубоко сказал об уроках Мележа Геннадий Буравкин: не писать о том, что тебе недорого, любить литературу, а не себя в литературе. Заботиться о культуре народа. Все верно!

Да, Иван Мележ — крупный художник. Суровая, неумолимая судьба не позволила ему завершить свои замыслы. Как не позволила Максиму Горецкому и Михасю Чароту, Кузьме Чорному и Михасю Зарецкому и много кому еще. Единственный, кому больше повезло, — Якуб Колас, а из современных, видимо, наиболее полно реализовал свой талант мудрый Кондрат Крапива.

25 февраля. Среда. Вернулся из Риги. Какая интересная поездка! Столько встреч, знакомств. Наши телепрограммы не хуже других, правда, мы получили диплом третьей степени. И то хорошо. На прощание был банкет

на высоком уровне — 24-м, последнем этаже гостиницы «Латвия». А какая панорама вечернего города! Море огней: огни на море — сторожевые корабли на рейде, огни в порту, на городских улицах. Минск — большой город, а такого высотного здания не имеет. Надо расти!

7 марта. Канун женского праздника. Искусственно придуманного, как и 23 февраля. Вот День матери — это праздник. По религии Великий пост, нельзя есть жирное, мясное, пить спиртное, а праздник провоцирует пьяные застолья. Не по-божески это! Женщин надо уважать каждый день. Да и цифра восьмерка — странная, двусмысленная. И так, и сяк поверни — все равно восьмерка. Значит, и женщину можно... Позавчера был на вечере Кондрата Крапивы. Пришел даже сам Киселев, первый секретарь Компартии Беларуси, а с ним вся троица: премьер Аксенов, пред. Президиума Верховного Совета Поляков и второй секретарь ЦК КПБ Бровиков. Вел вечер Нил Гилевич, и делал это достойно, с юмором. Про аксакала драматургии долго говорил Андрей Макаенок, а потом сказал: нам нужны новые театры, а то у нас всего три белорусскоязычные. Неужели Министерство культуры умеет считать только до трех? Вижу, вечер записывает телевидение, эти слова прошу не стирать... Высокое начальство переглянулось, заулыбалось, в зале грянули аплодисменты. Тут я полностью солидарен с Макаенком.

Сам юбиляр говорил сидя, но не заикался, не путался, иногда по-старчески сухо покашливал. И закончил: да наступнага юбілею! Молодчина! А ему 85! Недавно опубликовал отличные басни, возможно, написал их раньше, а теперь обнародовал. Нил Гилевич прав: после Крылова в славянской литературе это крупнейший баснописец и великий драматург.

25 апреля. Вчера нечаянно попал в Молодечненский район, в деревню Ракутевщина. И сажал там Максимов сад.

Ракутевщина — небольшая живописная деревня. В 1911 году в ней прожил несколько месяцев Максим Богданович — впервые в белорусской деревне, дышал целебным воздухом, слышал родной язык, — бледнолицый юноша двадцати лет! Он ходил здесь, видел эти окрестности.

«Калісьці летняю рабочаю парой Праз вёску я ішоў...» — так начинается небольшая поэма «У вёсцы» (В деревне). Как увидел малыша, тот испугался, заплакал, пополз к старшей сестре, как она его успокаивала, утирала слезки, что-то говорила, склоняясь, словно мать. «І помню, я на міг пахарашэў душою». В этой худенькой девчушке он увидел то высокое, что Рафаэль пытался выразить через лик Матери Божьей. Как просто и как здорово сказано! Что значит талант и чуткая душа, полная любви, милосердия и доброты.

И вот через семьдесят лет на кургане, у дороги, идущей из поселка Чисть в Красное, мы садили Максимов сад. Несколько лет назад, благодаря заботам молодечненских историков-краеведов Миколы Ермоловича и Геннадия Кохановского, на кургане установлен оригинальный мемориальный знак: высокий камень, острый, как свеча, а рядом другой, широкий, слоистый, на нем — металлическая пластина с надписью, что здесь жил Максим Богданович, и строфа из его стихотворения — эти же слова выбиты и на могиле поэта в Ялте: «хоць зернейкі мае...» и т. д.

День был солнечный, но ветер дышал холодом: накануне выпал снег, мела метель, какой за всю зиму не случалось. В Ракутевщине нас ждали, ямки выкопали, саженцы подготовили, школьники, будто разноцветные мурашки, облепили курган. Нил Гилевич сказал короткую речь. Голос его — сильный, громкий, и сам он — высокий, седоволосый, чуприну растрепал ветер, —

стоял, как богатырь, на кургане. Дети слушали, разинув рты, глазенки блестели от интереса и волнения. А как они потом орудовали лопатами!

Нил Гилевич, Алесь Бачила, Женя Янищиц и Пятрусь Макаль посадили лиственницы, а мы с Климчуком и поэтом Хведарам — клен, сразу за камнем. Деревце вверху раздваивается, будет густое, курчавое. Пусть растет! Земля здесь песчаная, поэтому сыпали в ямки чернозем. Дети покрасневшими от холода руками смешивали чернозем с песком, сыпали смесь в ямки. И так уж старались! Думаю, этот день они запомнят навсегда.

На прощание учителя снова построили школьников, они громко, звонко кричали: «Да па-ба-чэння!» Жыве Беларусь! Якую гэтак моцна любіў Багдановіч: «Беларусь, Беларусь! Агнём імя тваё мне гарыць...»

В этом году в начале зимы исполняется девяносто лет со дня рождения Максима Богдановича. Еще мог бы жить. До этого времени нет в Минске памятника великому поэту, нет даже улицы. Оперный театр должен носить его имя, он и стоит недалеко от того места, где родился Максим. Жаль, что беспощадная, неумолимая судьба не дала раскрыться в полную силу его многогранному таланту.

Петро закрыл свой кондуит, собрался было иди в студию, и тут зазвонил телефон. Сегодня нерабочий день, начальства нет, может, Ева? Снял трубку, услышал глуховатый, взволнованный голос Лиды Якубовской:

— Петро, добрый день! Наконец я слышу тебя. А то все звоню, а тебя нет и нет. Узнал? Это Лида. Ты один? Можешь говорить?

Петро знал, что Лида в больнице. Почувствовал, что краснеет от стыда, — ни разу не навестил ее.

— Ну, как ты? Я один, можем говорить. Прости, я пока не смог навестить... Но я обязательно приеду. Как там тебя найти?

— Милый мой! Не надо меня искать. Слушай внимательно. У меня мало времени. Кто-то может зайти. Я могу звонить только в выходные дни, когда врача нет... Так вот, милый мой Петя. Я очень благодарна тебе... За все, за ласку, за теплоту... И хочу, чтобы ты запомнил меня красивой. Не такой, как сейчас. Я страшная стала, худющая. Болезнь никого не красит. Жизнь достала меня. Но уже недолго осталось... Так что, ради бога, не приходи сюда. А вот на похороны — приди. И купи букет белых роз. Моя душа эта почувствует... Буду тебе благодарна...

Последние слова Лида произнесла сквозь слезы.

— Лида, милая, я приеду. Неужели так, вдруг... Не может быть! Ты будешь жить... Что говорят врачи?

— Дорогой мой, к великому сожалению, все правда. Медицина уже бессильна... Христос воскрес, а я не могу. Ради бога, не приезжай сюда. Мне будет больно. На днях выписывают домой... Запомни те дни, когда мы встречались... Прощай, любимый... — Лида говорила с трудом, слезы душили ее. — Все. Кто-то идет. Целую крепко! Бывай! Береги себя, свою семью. Не поминай лихом...

В трубке послышались короткие гудки, словно стучало, пульсировало сердце Лиды. Светлый весенний день сразу померк в глазах Петра. Он обхватил голову руками, готов был завыть по-волчьи от беспомощности, от невозможности что-нибудь изменить...

Не знала полесская красавица Лида, которая прощалась с жизнью, не знал Петро, бывший военный летчик, бывший агроном, а теперь тележурналист, не знал никто на белом свете, что до страшной аварии на Чернобыльской атомной станции оставалось ровно пять лет.

Хроника БЕЛТА и ТАСС, 1981 г.

5 мая. Гомель. Фольклорно-театральный коллектив «Жалейка» показал спектакль «У Купальскую ноч», созданный по мотивам лирики Янки Купалы.

7 мая. Бухарест. Славными трудовыми успехами ознаменовали коммунисты и трудящиеся Румынии 60-летие Румынской коммунистической партии, которое отмечается 8 мая.

13 мая. Рим. Сегодня в Ватикане произошло покушение на папу Иоанна Павла II. Папа Римский получил ранение и доставлен в один из госпиталей столицы Италии. Преступник задержан.

XII

Каждый понедельник, после обеда, Андрей Сахута принимал посетителей по личным вопросам. Понедельник для него был действительно тяжелым днем: в половине девятого совещание в горкоме — главный партиец города давал накачку, озадачивал на целую неделю, конечно же, не обходилось без так называемых ЦУ. Затем в десять часов собирались секретари первичных парторганизаций района, директора заводов, руководители учреждений или их заместители — набивался полный актовый зал. Теперь уже давал накачку и ЦУ Андрей Сахута.

Потом к нему старались пробиться заведующие отделами: у каждого находились дела, которые можно было решить только после согласования с первым секретарем. Здесь партийная дисциплина не допускала послаблений. Андрей Сахута был убежден, что так и нужно, так и должно быть. Партийные комитеты должны работать с точностью часового механизма, показывать пример деловитости и организованности. И он делал все, чтобы так и было, точности, деловитости он требовал от своих подчиненных. И они не раз убеждались, что их первый не любит пустой болтовни, не терпит бюрократической волокиты.

Ровно в два часа он был в своем кабинете. Секретарь принесла список людей, записавшихся на прием. Было в нем семь фамилий. Бросилась в глаза знакомая фамилия — Осиновский, это новый директор трикотажной фабрики, назначенный на место Зайцева. Почему в день приема по личным вопросам? Это заинтриговало.

И вот прием начался. Вошли два человека: один высокий, русоволосый, второй — пониже, коренастый, смуглый, оба с обветренными загорелыми лицами. Это были начальник и парторг строительно-монтажного поезда. Суть просьбы: рабочие поезда трудятся далеко — в Клайпеде, Таллинне, других городах, живут там в вагончиках, ни поесть по-людски, ни помыться. Дома бывают редко, а тут еще подшефный колхоз.

— Раньше главным шефом над нашим колхозом было локомотивное депо. А мы помогали. То материалов подкинем, то строителей подошлем. Ну, при возможности, — говорил солидным басом начальник поезда. — А теперь нас хотят сделать головной организацией. Мы не потянем. Не по Сеньке шапка.

Парторг поддакивал, кивал головой, старался вставить и свои три гроша в рассказ начальника:

— Андрей Матвеевич, вся надежда на вас. Помогите.

— Понимаю ваше положение. Надо что-то придумать. Разберемся. Ну, а как живут ваши люди?

— Вы опередили нашу вторую просьбу, — смелее взял беседу в свои руки парторг.

Видимо, идя сюда, они договорились: ты докладываешь по первому вопросу, а я по второму.

— Не хватает вагончиков. Старые непригодны. Никаких условий...

— Что ж, будем решать эту проблему. Может, удастся подкинуть вам несколько новых вагончиков. А старые нужно переоборудовать. Обязательно утеплить. Материалы у вас есть. Мастера — тоже.

Сахута позвонил заведующему отделом райкома, куратору строительства, поручил взять на контроль строительно-монтажный поезд.

Как только вышли строители, порог кабинета осторожно переступили две женщины, вслед за ними топал и начальник милиции района. А дело было вот в чем: женщина получила кооперативную квартиру, когда муж служил в армии, в это время у нее родилось и дитя. Когда муж вернулся домой, начались ссоры, скандалы, жена подала на развод. Суд развел их и предложил разделить квартиру, жена не согласна: муж не помогал строить, не имеет права на квартиру. Она не пускает его домой, он угрожает расправой.

«Почему я должен этим заниматься? — тоскливо думал Сахута. — Что я, верховный судья? Есть решение суда. Выполняйте. Но, наверное, есть какая-то неточность в судовом постановлении. И что мне посоветовать? Они надеются на справедливое решение первого секретаря...»

Он терпеливо выслушал всех.

— Ну что ж, будем думать, как тут решить. Во-первых, к вам просьба, товарищ подполковник, поручите участковому, чтобы поговорил с бывшим мужем. Припугнул как следует. Какие могут быть угрозы? Есть закон. По закону будем и решать.

— Будет сделано! — быстренько ответил грузный седовласый офицер.

«Неужто ты сам не мог до этого додуматься? И до чего мы докатимся? И во всем будет виноват райком», — настроение у Сахуты испортилось. Но вслух, обращаясь к парторгу, он сказал:

— Придите ко мне вместе с судьей. Захватит пусть материалы. Полистаем, подумаем, посоветуемся, какое решение принять. Чтобы все было справедливо...

Слово «справедливо» Сахута произносил часто. Понимал, что именно справедливого решения ждут от него люди, когда записываются на прием. Похожие проблемы он помогал решать, когда сидел в кресле председателя райисполкома. И мысли, что это не его дело — делить или не делить квартиру, тогда у него не возникало: он — власть, его выбрали депутаты, доверили ему. И он должен оправдывать доверие. А кто теперь его избрал? Пленум райкома, кучка партийных функционеров. И несколько передовых рабочих для приличия, чтобы показать связь партии с народом.

И вот он, Андрей Сахута, мечтавший стать лесником, имея диплом лесовода, сам того не желая, стал комсомольским лидером-пустозвоном. Затем руководил советской властью столичного района, а теперь имеет право влиять на решение суда, давать указания директору завода, которые противоречат законам экономики, и директор должен вытягивать руки по швам и выполнять его указания, ибо это линия партии. А еще более конкретная причина послушания в том, что его, директора, утверждали на должность в этом кабинете первого секретаря, значит, здесь могут и снять после обсуждения на бюро. И запишут: считать нецелесообразным дальнейшее... И сам министр не выручит бедного директора.

Наконец вошел Осиновский, высокий, подтянутый, курчавый. Сахута вышел из-за стола, подал руку, пригласил сесть. Внимательно взглянул на гостя, словно хотел понять, какая личная проблема привела его сюда. Наверное, Осиновский заметил это и сразу решил прояснить ситуацию:

— Хотя сегодня день приема по личным вопросам, у меня дело не совсем личное. Я пришел посоветоваться...

Чем дальше слушал нового директора Сахута, тем больше светлело его лицо и настроение улучшалось: не ошиблось бюро райкома, утвердив на должность директора трикотажного объединения этого человека. Он говорил о своих планах, о том, как повысить производительность труда, предложил завести свой фирменный магазин. Сахута пригласил заведующего отделом торговли, чтобы вместе обсудить проблему. Хорошая идея, но почему без райкома ее нельзя решить? — подумал Сахута.

— Андрей Матвеевич, а теперь позвольте высказать крамольную идею.

— Давайте. Может, она только кажется вам крамольной?

— Меня беспокоит вот что. Не моя область, но как члена партии меня это волнует. Парторг наш — ставленница бывшего директора.

— Может, я пойду? — поднялся заведующий отделом.

— Оставайся. Ты же работник райкома. Ну, мы внимательно слушаем, — подбодрил нового директора Сахута.

— На партийных собраниях сидят коммунисты, некогда работавшие на фабрике, — рассказывал он. — Они давно на пенсии, а на учете в этой организации. Старики говорят о внучатах, где что болит, про анализы мочи, в каких санаториях отдыхали. Потом зевают, дремлют, слушая ораторов. По-человечески их можно понять, они свое отработали, выполнение плана их не волнует. Так почему их не поставить на учет в парторганизациях при домоуправлении, по месту жительства?

Предложение не удивило Сахуту, он и сам не раз думал об этом. Знал, что сторонников сохранения такого положения много, начиная от престарелых членов Политбюро: надо соединять энергию молодых с опытом и мудростью пенсионеров, не выбрасывать ветеранов за борт, содействовать их активной партийной и жизненной позиции.

— Иван Кузьмич, мне ваше предложение нравится. Но все не так просто. Напишите в «Правду». Даже если не опубликуют, ваше письмо попадет в ЦК КПСС. Обязательно напишите. Считайте, это вам партийное поручение, — сказал Сахута.

— Хорошо. Напишу. Не зря говорят: инициатива наказуема...

— Выходит, что так, — улыбнулся Сахута.

Осиновский крепко пожал ему руку, вместе с заведующим отделом вышел из кабинета. Вскоре дверь отворилась — на пороге стоял новый посетитель. Разные причины, разные заботы и проблемы вели людей в райком партии. Всех Андрей Сахута внимательно слушал, каждому старался помочь, дать совет или говорил так:

— Мы изучим вопрос. Что в наших силах — сделаем. Вам дадим ответ.

Краем глаза Сахута поглядывал на часы: его ждало еще одно мероприятие — встреча с молодыми коммунистами, которым он должен вручить партийные билеты или кандидатские карточки.

В райкомовском зале собрались молодые партийцы. Много было в зале женщин, молодых, симпатичных. Это удивляло Сахуту: почему женщины, будущие матери, а некоторые уже имели семьи, идут в партию, неужели у них много свободного времени? Все чаще он ловил себя на мысли: большинство людей идут в партию не по идейным соображениям. Учительница понимает: завучем, а тем более директором, ей не быть, если не станет членом партии. Инженера не назначат начальником цеха, летчика — командиром экипажа без партбилета в кармане, «хлебной карточки», как зовут в народе красную партийную книжечку.

После чашечки крепкого кофе Сахута взбодрился, да и вид людей, ждущих от него добрых слов, пожеланий, возбуждал, как наркотик. Перед каждым выступлением он переживал подъем, волнение, как артист перед выходом на сцену.

Сначала Андрей Сахута вручал партийные билеты и кандидатские карточки молодым коммунистам, крепко пожимал руки мужчинам, деликатней — женщинам.

Он стал замечать, что многие директора заводов, руководители учреждений — здоровые мужики, охотно выдвигали на партийную работу женщин. И заводили служебные романы не с пигалицами-секретаршами, а с дородными матронами-парторгами. Она всегда имела право сказать мужу, если он у нее был, что заседала на партсобрании или на парткоме. А где и с кем она лежала, оставалось ее тайной.

Конечно же, говорил Сахута не об этом. Вдохновенно, пафосно рассказывал о грандиозных планах страны Советов на пятилетку, подчеркнул особенности нынешнего момента, остановился на задачах района. Говорил первый секретарь без шпаргалки, глядел в глаза молодым товарищам по партии. За много лет комсомольской, советской, а теперь и партийной работы Андрей Сахута усвоил одно: с какой бы речью, короткой или длинной, он ни выступал, его задача — убеждать.

Он приметил, что симпатичная девушка в железнодорожной форме, может, проводница или бригадир поезда, слушает и смотрит на него с улыбкой Джоконды. Он тоже взглянул на нее, увидел, как она слегка покраснела и опустила глаза. Наверное, она думала не о партийном билете, который только что получила, а представила себе, что едет с «первым» в отдельном купе до Москвы...

— Еще раз поздравляю вас, товарищи, с важным событием в вашей жизни. Здоровья вам, успехов во всех делах. Важно, чтобы каждый из вас честно, с душой работал на своем месте. Был гражданином, бойцом ленинской партии! Всего вам хорошего!

В ответ послышались громкие аплодисменты. Сахута чувствовал, что закончил речь, может, слишком пафосно, но он действительно считал себя бойцом партии, считал, что живет и работает, руководствуясь партийными принципами, моральным кодексом строителя коммунизма.

Недели через три позвонил Осиновский, с волнением сказал:

— Разыскал меня корреспондент «Правды» по Беларуси. Хочет познакомиться. Я сказал, что работаю недавно. А он свое: на днях приеду.

— Так чего ты испугался? Расскажешь о своих замыслах. О магазине...

Андрей успокоил нового директора, но только положил трубку, как забренчала «вертушка», послышался хрипловатый голос партбосса:

— Ты чего это лезешь на рожон? Тебе что, делать нечего? Додумался: давать поручения писать в «Правду»! Нашел стенгазету! Боевой листок... Если корреспондент раскопает историю Зайцева и опозорит нас на весь Союз, ты, хрен моржовый, с треском вылетишь из райкома. Положишь партбилет. И пойдешь в лес. Рядовым лесничим. На большее можешь не рассчитывать!

— Пойду. Хоть завтра. С радостью.

— Не вякай! Я не закончил, — рявкнул бас. — Мне только что позвонил секретарь ЦК. Отматюгал, как школьника. За твою самодеятельность. И этот мудила Осиновский. Ветераны зевают на партсобраниях, мешают выполнять план. Плохому танцору и яйца мешают. Магазин ему подавай. Коммерсант нашелся. Объясни этому хрену моржовому: его задача давать продукцию. Качественную и недорогую. А государственная система торговли продаст. Ты

разве не видел, какие очереди в магазинах? С неба свалился... Хрен моржовый и ты, и твои выдвиженцы...

Из трубки доносились короткие гудки. Андрей хотел швырнуть трубку, но спохватился: разве телефон виноват, что руководят хамы.

Ни районный партийный лидер Андрей Сахута, ни его грозный босс, ни боец идеологического телевизионного фронта коммунист Петро Моховиков не могли и в страшном сне увидеть, что через десять лет райкомов и ЦК не будет, а многомиллионная КПСС превратится в пустой звук, о ней станут говорить как о преступной организации, и миллионы честных коммунистов будут молчать, и станут их называть коммуняками. Зато бывший диссидент, автор «Зияющих высот» станет ярым защитником коммунизма. О Господи, неисповедимы пути Твои...

Тем временем спокойно текла Беседь, несла свою криничную дань далекому вечному океану. Река не обращала внимания на исторические пленумы и исторические съезды, на всякие «измы». Но ей приходилось выплевывать грязную жижу с ферм и комплексов, которые «посадили» на ее берегах твердолобые партийные функционеры.

До аварии на Чернобыльской атомной станции, которая засыплет зеленые берега Беседи смертоносными радионуклидами, оставалось пять лет.

Хроника БЕЛТА и ТАСС, 1981 г.

2 июня. Могилев. Пчеловоды Костюковичского лесхоза обязались к концу пятилетки увеличить количество пчелиных семей на лесных пасеках со ста пятидесяти до полутора тысяч.

11 июня. Буэнос-Айрес. Около 8 процентов всего трудоспособного населения Аргентины не имеют работы.

20 июня. Пинск. Больше 140 квартир со всем комплексом городских условий построено в новом совхозе «Парахонский», который вырос на мелиорированных землях Полесья.

29 июня. Найроби. Итогом первого года независимости Зимбабве стало укрепление в стране единства, равенства и демократии, заявил здесь премьер-министр республики Р. Мугабе.

XIII

После разговора с Лидой по телефону Петро ходил сам не свой: не видел ни солнца, ни весеннего цветения садов, не слышал пения птиц. Как же так? Все в природе пробуждается, а молодая красивая женщина умирает, и никто не может ей помочь? И что бы ни делал Петро, постоянно думал об этом. И рассказать о своих переживаниях не мог никому: о его связи с Лидой до женитьбы знали многие, но потом он глубоко запрятал свою грешную любовь. Он мог бы навестить Лиду и даже обязан — она сотрудница его редакции, но из головы не выходила ее просьба не приезжать, запомнить красивой, и обязательно прийти на похороны с букетом белых роз, хотя с такими цветами ходить на похороны не принято.

В своем дневнике Петро ничего не писал про Лиду. И здесь он не мог быть искренним и открытым, так и ходил с невысказанным горем. Он понимал, что его переживания не идут ни в какое сравнение с мучениями Лиды. Он погрустит-погрустит и будет жить дальше, а для нее все кончено.

Май приближался к своей середине, весна готовилась передать эстафету первому летнему месяцу. Как-то в субботу Петро раскрыл свой дневник. Нет, писать ничего не хотелось, не то настроение, просто листал, перечитывал прежние записи.

Ехал в троллейбусе. Сидел возле окна, сзади — бабушка с внуком. Вдруг слышу: «Почему дядя смотрит в мое окно? Пусть смотрит в свое». А мне, чтобы посмотреть в другое окно, нужно очень сильно наклониться вперед. Бабушка стала уговаривать внука — ему года четыре, — дескать, окно общее, и троллейбус для всех, но малыш не сдавался. «Окно мое!» — и больше ничего не признавал. Вот, собственник растет! Приватизация влияет на всех.

Вечером рассказал эту историю дома. Иринка и Костик смеялись. «И ты ему ничего не сказал?» — спросила Иринка. Я молчал, тогда Костик глубокомысленно изрек: «А что ему скажешь? Бабуля такой тарарам поднимет, что пожалеешь...» — «Ты прав, Костик», — согласился я. И увидел благодарный взгляд Евы, что не делю детей по крови. Я, в самом деле, редко думаю о том, что Костик — не мой сын. По воспитанию он мой, как и дочушка.

А она, кстати, удивила через несколько дней. Вечером поздно играла, смотрела мультики, а задачи по математике не решила. Утром взялась решать с помощью мамы и не пошла на первый урок — физкультуру. А потом говорит: «Папа, напиши классной записку, что я вчера болела. У меня была температура. Поэтому пропустила физкультуру». Я расспросил, как было дело, и сказал: «Нет, дочушка, я не могу писать неправду». Дочка надулась. Я собрался на работу, а она в школу. «Ну что, пошли?» — спрашиваю. Перевел ее через дорогу, школа уже совсем близко. «Папка, я побежала!» — весело сказала она, закинула за плечи косички и помчалась. «Ну и хитрюшка, — думал я, глядя вслед. — Какие мысли в этой головке с косичками?» Одно было ясно, что обиду не затаила, может, наоборот, больше будет гордиться отцом, который не хочет никого обманывать.

14 мая. Сегодня четверг. В конце дня потянуло описать вчерашнее партийное собрание. Рассматривалось персональное дело Игоря, бывшего корреспондента Всесоюзного телерадио. Фамилию его опускаю. Сначала парторг прочитал письмо жены Игоря в ЦК КПСС, в котором она писала: муж морально распущенный человек, еще в университете подделал подпись преподавателя и был исключен. Когда работал на Белорусском радио, всячески угождал гостям из Москвы: покупал шины для автомобилей, шапки зимние доставал. Назначили его собственным корреспондентом, так начал все выносить из дому на корпункт, даже кофеварку унес, денег мне не дает, о детях не заботится, партвзносы не доплачивает, пьет, гуляет, живет с любовницей.

После этого дали слово самому виновнику. Игорь — высокий, фотогеничный, тихим голосом начал говорить. «Громче! Не слышно!» — загудел зал. Игорь, не поднимая глаз, продолжил свою исповедь.

— Мне нелегко здесь стоять... Вы прослушали письмо. Я не буду его комментировать. Некоторые факты я признаю, но больше в нем неправды. Все началось после того, как мы получили квартиру. Четыре комнаты. И жена начала меня выживать. И написала вот эту кляузу. Неправда, что не заботился о детях. Сыну купил джинсы, пообещал свозить в Москву на Олимпиаду и свозил, дочке купил кофту. Я говорю сумбурно. Прошу извинить. Это от волнения. Это письмо — месть разозленной женщины. Мы два года уже не живем как супруги. Я не хочу на нее наговаривать. На суде отказался от квартиры, от раздела имущества. Все оставил ей... Я виноват... По-глупому как-то получилось. Свои ошибки понимаю, хочу их исправить...

За время выступления он ни разу не поднял глаз. А на телеэкране был такой уверенный, улыбчивый, говорливый! Посыпались вопросы: о подделанной подписи, о шинах и шапках. Он отвечал: ничего не покупал, подсказывал,

где можно «достать». Послышались голоса: кто рекомендовал Р. в партию? Поднялся Владимир Климчук, все притихли, этого человека на телевидении хорошо знают и уважают.

— Я давно знаю Игоря. Энергичный, толковый человек. Здесь говорили, что он карьерист, любит покрасоваться на экране. Я не согласен с этим. Сделать карьеру журналисту трудно, потому что никто за тебя писать не будет. И если дурень — это сразу видно. Экран беспощадно высвечивает дурь каждого. А что любит покрасоваться... Так это можно сказать и про меня, про любого, кто выступает часто, чувствует себя уверенно, работает профессионально. Поэтому я и дал рекомендацию. Я не оправдываю его, но очень жаль... Человек молодой, талантливый. Если бы на его месте оказался матерый волк, то половину обвинений он бы отверг... Не могу не сказать о жене. Мы и ее знаем давно. Почему до этого молчала? А как развелись, начала топить, лить грязь. Я за то, чтобы объявить выговор, но не записывать...

Сразу поднялось несколько рук: люди просили слова. И первой его получила пожилая женщина с химической завивкой, режиссер музыкальной редакции:

— Не могу понять действия жены. Как можно на человека, которого любила, отца твоих детей, писать такое. Он все оставил... Она не имеет права на всю квартиру. Сколько женщин с двумя детьми живут в девушках, ютятся в однокомнатных квартирах, а она будет роскошествовать...

Собрание загудело, как потревоженный пчелиный улей. Некоторые предлагали отложить собрание, проект решения необъективный, кое-кто хотел на перекур, другие кричали: давайте голосовать, фактов хватает, все понятно. Председатель собрания совсем растерялся, ему что-то говорил шеф телевидения. Поднялся мой бывший начальник — руководитель сельхозредакции, решительно пошел к трибуне.

— Когда я слушал письмо, в голове была мысль: надо исключать из партии таких проходимцев. А теперь я не знаю, как голосовать... Жена тоже неправа. Чего она добивается? Все оставил ей... Но с другой стороны: подделал подпись, сына на служебной машине возил в Москву, недоплачивал партвзносы. Все-таки выговор надо записать. Я за проект партбюро.

Начали голосовать. Приняли проект партбюро. Тогда на трибуну поднялся Игорь.

— Уважаемые коллеги! Я хочу, чтобы вы поверили мне. Я не безнадежный человек. Ваше доверие я оправдаю, — теперь он смело смотрел в зал: партбилет в кармане остался.

По-моему, этот Игорь — порядочный прохиндей, ловкач и циник. Но и женушка его ягодка еще та. Но, может, и правильно, что не исключили. А то она хотела совсем затоптать. Зачем ей это? Ненависть?

Так это или не так, а телевизионные партийцы прозаседали полдня. А еще час ухлопал я на описание грязного дела. Вот такие наши дела.

Петро спрятал свой кондуит в ящик стола, взял дипломат, уже подошел к двери, как зазвонил телефон:

— Петро Захарович! Я вас ищу. Хорошо, что вы на месте. Это режиссер сельхозредакции. Подруга Лиды. Весть у меня совсем нехорошая, — сквозь слезы говорила женщина. Петро все понял, почувствовал, как похолодело под сердцем. — Умерла Лида. Сегодня. Похороны завтра...

— Может, что нужно? Чем могу помочь?

— Пока ничего. Приезжайте на кладбище. Автобус будет от старой студии в двенадцать часов. Она просила, чтобы никаких речей, никаких венков. Цветы можно...

Петро тихо положил трубку на рычаг. Вроде и ждал этой вести, знал, что финиш близко, внутренне готовился, но не думал, что так заноет сердце от боли, от беспомощности и тоски. Вспомнил последнее желание Лиды: приди на кладбище с букетом белых роз.

16 мая. Вчера похоронили Лиду. Сгорела как свеча... В завещании написала: гроб не открывать, никаких венков, никаких речей... Открытый протест против лицемерных сожалений. Грызли ее завистливые теледамы и в сельхозредакции, и в литдраме. Пятнадцать лет отдала телевидению, оно и доконало. И муж-выпивоха немало крови попортил... Остался сын, ему десять лет, по сути — круглый сирота. Отец на похороны не явился, вроде снимает фильм где-то далеко.

Просила Лида запомнить красивой. Высокая, с легкой, грациозной походкой; большие синие глаза, будто васильки во ржи, сияли на ее лице, которое обрамляли светло-русые волнистые волосы; ровные, белые, как чеснок, зубы. Истинно белорусская девушка-полешучка. Пожалуй, слишком красивая и чистая для нашей жизни, и особенно — для телевидения. Прожила тридцать семь. Могла бы жить еще столько и даже больше, если бы спохватилась раньше, не запустила болезнь. А может, ей не хотелось больше жить?

Руководила ритуальной церемонией режиссер из сельхозредакции, подруга Лиды. Парни с телецентра вытянули гроб из автобуса, установили на табуретки возле свежей могилы. Все молча смотрели на обитую черным крепом домовину, в которой навсегда нашло приют и вечный покой измученное тело молодой красивой женщины. Ярко светило солнце, пели птицы. Из кустарника, примыкавшего к ограде кладбища, донеслась звонкая соловьиная трель. И эта извечная песня показалась более звучной, чем прощальная, грустная мелодия оркестра.

К гробу подошла старшая сестра Лиды, тоже высокая, красивая, с моложавым лицом и седыми волосами.

— Сурова была к ней жизнь. Столь же сурово и ее завещание...

Больше никто не сказал ни слова. Взволнованно кусал тонкие губы секретарь парткома — узкоплечий, сутуловатый очкарик, блестела на солнце бритая голова директора программ, группкой стояли коллеги Лиды, впереди их худощавый, бледнолицый мальчик с мокрыми синими глазенками.

— Можно опускать? — нарушил молчание старший могильщик и посмотрел на сестру усопшей. Она молча кивнула.

В глухом молчании опустили гроб. Мы бросили по три горсти желто-бурого песка. Затем взялись за лопаты могильщики, комья земли гулко застучали по крышке домовины. Быстро, слаженно орудовали лопатами могильщики, насыпали холмик, который устлали живыми цветами.

После похорон Лиды ходил Петро, как черная тень, ругал себя, что не встретился с ней в последнее время. Из головы не выходило: почему так жестоко обошлась с Лидой жизнь? Крутился в работе, как белка в колесе, а Лиду забыть не мог.

Пришло лето. Сотрудники просились в отпуска. Правда, был график, заранее составленный ответственным секретарем редакции вместе с профсоюзным лидером. Отпуск Петро запланировал на конец лета — начало осени, подал заявление на путевку в санаторий: иногда ныло сердце, или как он говорил врачам — клапаны стучат, давление повышенное.

Как-то после ужина он прилег на диване с газетой, вскоре Ева позвала к телефону. В трубке рокотал баритон Владимира Климчука:

— Старик, слушай сюда. Есть предложение. Поехали на Купалье. В Заславье. Мы передачу записываем. Через час отъезд. От старой студии. Поехали, не пожалеешь...

7 июля. Вчера неожиданно попал в Заславье на Купалье. Когда приехали, сразу бросилось в глаза множество милиционеров и дружинников. На древнем валу замчища, напротив церкви, в которой сейчас краеведческий музей, собралось много людей. Девчата с филфака Белгосуниверситета в венках из васильков и ромашек, в длинных полотняных платьях-сукнях пели народные песни. Здесь же делались значки: вырезались из толстой бумаги, будто экслибрисы, приготовленные заранее, зеленые и голубые гравюрки вставлялись в футлярчики. Такой значок с надписью: «Заслаўе, Купалле 81» — я получил из рук симпатичной светловолосой, с карими глазами девушки. Она сидела босиком на дерюжке, пела, как и все, и делала значки. Это оказалась Купалинка, потом у костра она водила хоровод в купальнике, убранном цветами, травой. И все это действо вершилось под дождем.

Дождь подпортил гуляние. Так хотелось всем, чтобы грозная туча с молниями прошла мимо. Но вскоре линул сильный дождь. Мы спрятались в машине, к нам присоединился историк Микола Ермолович. Интересный был разговор о нашей истории, я в душе благодарил дождь, он помог познакомиться с интересным человеком. После одиннадцати Купалье началось. Мощные армейские прожекторы высветили высокий вал. Вспыхнули костры, сначала небольшой на валу, девчата и парни запели под бубен купальские песни. Сам Купала Ян, красивый длинноволосый студент, и Купалинка, ясноглазая красавица в венке, водили хоровод. Горел, дымил, сыпал искрами громадный костер, парни размахивали горящими факелами-походнями, что-то кричал бородатый режиссер, бегал, как юла, суетился кинооператор.

Несмотря на дождь, древнее, языческое буйство охватило всех, когда зажгли главный, самый большой костер. Девчата из какого-то ансамбля под фонограмму пели, с криками, визгом носились вокруг костра.

Организаторы готовились серьезно, даже флаг особенный сделали и подняли его из окна церкви, на нем надпись та же, что и на значке. Украсили праздник всадники из Ратомки, приехало много художников, писателей, журналистов. Корреспондентка журнала «Советская женщина», высокая, тоненькая, как тростинка, пафосно восклицала: «Я хочу прославить ваше Купалье на 130 стран мира». Дай Боже услышанное увидеть.

Об этом шла речь на ночном застолье в Доме культуры. Напитков и закусок было мало, зато горячих тостов много: за нашу историю, за наши давние традиции, за родной язык. А когда поднялся высокий, красивый, темноусый художник-живописец Алексей и громко воскликнул: «Жыве Беларусь!», мы все в едином порыве встали и дружно, будто клятву, произнесли: «Жыве!»

Пожалуй, впервые я так эмоционально и с гордостью почувствовал себя белорусом.

XIV

— Петрок! Что-то пчелы разлетались? Посмотри, вон над яблоней кружат. Может, облет? А может, и рой! — крикнула из веранды Татьяна.

Мамута сразу насторожился, потому что облет пчелы совершают обычно во второй половине дня, а тут еще нет и двенадцати. Он взял ведро воды и березовый веник, заранее подготовленный на случай роя, подошел к ульям. Над зеленым домиком, на первый взгляд безладно, кружили пчелы. Из ниж-

него и верхнего летков на волю высыпали сотни новых пчелок, они поблескивали светлыми, молодыми, неизношенными крылышками и с первородной радостью взлетали вверх. Над пасекой звенел могучий гул.

Петр Евдокимович сразу определил: выходит рой. Побрызгал пчел, круживших над ульем, водой, словно освятил, благословил на вылет в новую жизнь. Он следил, где начнут пчелы садиться, собираться в клубок. Высоких деревьев, как и положено, на пасеке не было, на молодых яблонях и сливах можно снимать рой, подставив два табурета. Пчелы суетливо кружились над сливой и со всех сторон тянулись к ней, будто притягивало их магнитом.

— Ага, вот они где выбрали место, — Мамута увидел темный клубок пчел, который на глазах разбухал, воздух вокруг словно кипел от тысячи крылатых насекомых. — Очень хорошо. Не надо никуда лезть.

Рой был огромный, клуб тяжелел, ветви, на которых привились пчелы, сгибались все ниже. Дымарь был заранее подготовлен, заправлен сухими гнилушками — только поджечь. Круглая, легкая роевня тоже была готова к работе: обвязана белой холстиной, нужно только сделать щель — отодвинуть с одной стороны холстину и направить туда пчел. Однако на этот раз более подходящей оказалась роевня-сундучок, внутри нее имелись четыре рамки сотов-суши, дырочки для вентиляции, леток, который потом можно закрыть, а крышка и дно легко вынимаются. И эта роевня была готова.

Мамута взялся разжигать дымарь. Подошла Татьяна, увидела дымок и сразу все поняла.

— А где они сели?

— Ой, хорошо сели. На ветвях сливы. Никуда лезть не надо. Принеси, пожалуйста, табуретку.

— А ложка есть? Может, еще одну взять?

— Возьми. Не повредит.

Петр Евдокимович надел на голову сетку-маску, закрывающую лицо, взял сундучок-роевню, дымящийся дымарь и быстрым шагом направился на пасеку. На сливовом дереве тем временем образовалась огромная темная трепещущая груша. Петр Евдокимович присматривался, есть ли трутни. Их, толстых, важных, не было видно, значит, рой-первак, матка плодная, которая зимовала, самцы-трутни ей не нужны.

— Ну, молодчина! Такую армию собрала! Значит, силенку еще имеешь. Только бы собрать твоих деток всех, никого не прижать, не обидеть.

А тебе уже третий год. На добрый толк, надо менять. Ну, если с роем вылетела, значит, начнется твоя вторая молодость. Мамута любил говорить с пчелами, ему казалось, они все понимают, он мог даже погладить своих крылатых сборщиц нектара, а вот прижать невозможно — расплата будет мгновенная. Он знал, что перед выходом роя старая матка откладывает много яичек, очищается и облегчается, иначе она не сможет взлететь. Он обкурил роевой клуб дымком, дал знать пчелам: хозяин на месте, улей для них готов, не надо лететь на новую квартиру, которую подыскали пчелы-квартирьеры, а это может быть лесное дупло, старый улей-развалюха. Рой вел себя спокойно, гул ровный, в нем слышалась надежда на счастливую семейную жизнь в новом домике.

Роевые пчелы заправляются медом перед вылетом, ибо путь может растянуться на пять-семь километров, берут с собой воск, прополис, чтобы на новом месте быстро строить соты, матка отдохнет день-два и начнет свое святое дело — откладывать в соты яички. Мамута увидел пчелку с корзинками, полными желтой пыльцы: эта прямо из лесу или поля. На новом месте все понадобится.

Подошла Татьяна с табуреткой, в белом платке, завязанном под подбородком, сетку надевать не любит. Мамута и сам часто заглядывает в улья без маски. Но роевые пчелы могут рассердиться, а тогда успокоить их непросто.

Мамута поставил роевню на табурет, оказалось низковато, попросил Татьяну принести пару полен дров. Теперь край роевни доставал до пчел, Мамута обкурил еще разок, затем загреб полную ложку крылатых насекомых и высыпал в роевню, затем еще и еще. Вскоре пчелы сплели живую лестницу и по ней двинулись в новый дом, не подозревая, что жилье это временное, только до вечера. Но тут подул ветер, ветви колыхнулись, это не понравилось пчелам, они сердито загудели, одна пеканула пчеловода в руку. «От, дурничка! Я же не виноват, что ветер подул. Татьяна, держи ветви. Ветер поднимается. Покури сюда».

Татьяна, всегда помогавшая мужу в пчеловодческих делах, понимала его с полуслова. В последнее время она часто болела, и выручал ее мед, потому к пчелам она относилась с большой любовью.

— Ну, хорошо идут. Если б еще матку увидеть, как она зашла. Тогда можно быть спокойными. Я б пошла в огород. Лебеда душит морковку.

— Иди. Я справлюсь, — тихо ответил Мамута. Он придерживал ветви, чтобы ветер их не двигал и пчелы не сердились.

Настроение у него было приподнятое. Радовался, что рой не улетел, да такой большой. Если ему подставить рамку печатной червы, от была бы сильная семейка! Но где взять такую рамку? В домике, из которого вышел рой, нежелательно, семья и так ослаблена, в других ульях стоят надсатки-магазины, их нужно снять, чтобы достать из гнезда рамку червы, а это дело непростое. Решил посадить рой, понаблюдать за ним. Если через пару дней пчелы будут лететь в поле и возвращаться с обножкой-пыльцой, значит, матка взялась за работу, через месяц в семье будет много молодых пчел, к концу сезона они наносят меду для себя, еще дадут и хозяину полпуда, а то и больше.

Тем временем пчелы дружно шли в роевню, на ветвях оставалось мало. Их можно уже и оставить — они вернутся домой. Но вдруг среди них матка? Потому Мамута обкурил всех, стряхнул в роевню, закрывая крышку, прижал пчелку и тут же получил жало в палец.

— Ах ты, милая моя. Я же не видел тебя. Ну что ж, спасибо за поцелуй. Это пчеловоду на здоровье, — тихо молвил Мамута.

До конца дня он ходил в радостном настроении. Первый рой в этом сезоне приятно его взволновал, легко удалось снять, сидят пчелы тихо — значит, матка есть. Случалось, рои улетали. Минувшим летом вышел рой с молодой маткой, сел на самую верхушку яблони. Пока Мамута разжег дымарь, пока принес лестницу, пчелы поднялись и полетели в лес за Беседь. Он стоял и смотрел им вслед, готовый расплакаться от обиды: зимой две семьи погибли, а тут еще потеря. Если бы дома не был, не видел, а то ведь на глазах удрали. Да и Татьяна подлила масла в огонь:

— Ну и раззява ты, Петрочок. Упустил рой.

Ничего не ответил Мамута, душа и так плакала, укор жены — будто соль на свежую рану. Понемногу успокоился, утешил себя: это же хорошо, что где-то еще будут жить пчелы.

Мысли мыслями, но надо готовить домик для новой семьи. На пасеке стоял свободный улей: выставил с надеждой, что залетит чужой рой, — такое раньше случалось. На этот раз посадит своих пчел. Снял крышку, утепление — наволочку с мягким сеном, такое же утепление было и сбоку, с северной стороны. Рой даже летом надо утеплять, если не будет тридцать шесть градусов тепла, матка не начнет откладывать яички. Улей был чистый,

правда, напротив одной рамки насыпались мелкие кусочки воска — значит, поработала восковая моль. Поднял рамку, увидел извилистую канавку, затянутую паутиной: по сотам прошел червяк-гусеница. Эту рамку надо удалить, останется пять, а это мало, рой большой, решил подставить еще две рамки вощины — пусть строят соты, роевые пчелы делают это быстро. Набрали воска перед вылетом, активно выделяют его. Других домашних работ мало: кормить, поить и согревать расплод не надо — только носи нектар и оттягивай соты. Нашлась для роя и медовая рамка.

Солнце уже низко висело над старой сосной в Березовом болоте, когда Мамута вынес из погреба тяжелый сундук-роевню. Тяжесть и тишина в роевне радовали хозяина: рой большой, матка на месте, если ее нет, пчелы сильно шумят, но особого кайфа для Мамуты сегодня не будет. И вот почему. Обычно он снимал рои в круглую роевню, затем под вечер Татьяна застилала белой скатертью щит напротив летка, на нижний край его Мамута клал на бок роевню, укреплял ее по бокам, чтобы не покатилась, открывал снизу холстину, обкуривал дымком, и пчелы искали путь в новый дом. Он брал их ложкой, высыпал у летка, пчелы растерянно осматривались и шли в улей. Постепенно они прокладывали тропу к летку, потом шли широкой лавиной.

— Идут, как Суворов через Альпы, — любил говорить учитель истории Петр Евдокимович Мамута.

Когда пчелы шли по скатерти, он почти всегда находил матку. Бывало, первой ее видела Татьяна и с радостью восклицала:

— Вот, смотри, какая королева! Идет вроде быстренько, но с каким достоинством! Кажется, сколько того насекомого, а такую армию народила, — удивлялась она.

Сегодня он пересаживал пчел один, скатерть не понадобилась. Он обкуривал дымком роевню, потом брал рамку с пчелами и ставил в улей, и таким образом одну за другой. Затем выдвинул дно роевни, гусиным крылом смахнул остальных пчел в улей. Новоселье закончилось.

Подошла Татьяна.

— Ну, что у тебя? Посадил уже?

— Все хорошо. Пчелки на месте. Надо нам посмотреть остальные семьи. Сорвать маточники. А то сыпанут рои, куда мы их денем? Да и семь домиков для нас хватит.

— Больше не нужно. Хотя бы этих досмотреть. Ты же любишь говорить: только сильные семьи дают мед.

— Это истина. Слабаков надо кормить. Да еще могут не перезимовать.

В последнее время они часто ссорились по разным пустякам, но в дела пчелярские Татьяна не вмешивалась, понимала — муж разбирается больше.

— Надо Юле позвонить. Пусть приедет. Вдвоем мы не справимся. А для нее будет практика.

Петр Евдокимович не возражал. Он вдруг почувствовал сильную усталость, но волна радости перекрыла ее: удачно посадил крупный рой, матка не потерялась. Будет крепкая семейка. Скоро зацветет липа, затем гречиха. Наносят пчелки меду и себе, и хозяину.

Темнело, когда Мамута подошел к домику, приложил ухо к задней стенке: услышал приглушенный звон, шорох крылышек, попискивание — это подавала голос матка: я здесь, все в порядке, домик хороший, будем в нем жить. В улье кипела работа: свита кормила матку молочком, самые нетерпеливые начали строить соты, делают это пчелы артельно, толокой, а не поодиночке. Строят все вместе, и никто не ошибется, линию не скривит. И никто их этому не учил. На седьмой-восьмой день молодые пчелы начинают выделять воск

и становятся строителями и архитекторами. Много загадок в природе, но, пожалуй, больше всего в жизни пчелиной семьи.

Не только радость и душистый мед приносили пчелы Мамуте, но и много забот и огорчений. Несколько лет назад напал на пасеку клещ, из десяти семей после зимовки осталось три, у многих пчеловодов соседних деревень погибли все пчелы. Как бороться с клещом? Как сберечь крылатых сборщиц нектара? Химических препаратов не было. В районе посоветовали обкуривать полынью, сушеным корнем хрена, лист плотной бумаги смачивать растительным маслом, закладывать в леток, после обкуривания клещи будут падать вниз, прилипать к бумаге, утром эти листы сжигать.

Сушеная полынь нашлась, накопал хрена. Правда, самые толстые корни Татьяна реквизировала: скоро Пасха, дети, внуки приедут, а копченый кумпячок с хреном — превосходное угощение. Мамута не возражал, потому как сам любил холодец с хреном. Высушил тонкие корни, каждый вечер дымил в летки ульев. Три семьи вынянчил, летом только одна дала рой. Осенью дочь Юля привезла муравьиной кислоты, разъяснила, как с ней обходиться. Обработал, все пчелы перезимовали хорошо. Повеселел Мамута, через год пасека выросла в два раза.

Минувшая зима была легкая, весна выдалась теплая, рано зацвела ива, развесила пушистые котики — самое раннее медоносное растение. А потом земляника, черника, особенно дружно цвела брусника. Да и сады: вишни, сливы — стояли, словно облитые молоком. Затем вспыхнули бело-розовым цветом яблони. Пчелиные семьи быстро набирали силу. Когда в лесу зацвела малина — одно из самых медоносных растений, — Мамутовы пчелы могли работать в полную силу. Об этом говорил и весомый рой-первак, да и в надставки Мамута заглянул: есть медок, надо скоро брать.

В тот же вечер он позвонил Юле. Обрадовался, услышав:

— Если все будет хорошо, в субботу приедем.

— Ты позвони перед выездом. Мы с мамой начнем. А вы подъедете.

Так и договорились. И хотя нелегким выдался день: утром косил, потом разбивал покосы, затем снимал рой, заснуть Мамута долго не мог. Думал о своих детях. Он имел полное право гордиться ими. Валя, старшая дочь, окончила пединститут, работала в школе, заочно окончила аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию, теперь преподает в родном институте. Имеет двоих детей. Сын Юрка добился своего — стал военным летчиком, служит в приволжском городе, подполковник уже, растет у него сын-третьеклассник. Вера живет в Минске, врач-кардиолог, у нее двое детей, муж инженер. Живут дружно. Мамута охотно навещает их в столице.

Особенно гордился он младшей дочерью Юлей. Она окончила техникум, потом сельхозакадемию, помогает ему в пчеловодческих делах. Теперь она главный зоотехник колхоза «Парижская коммуна», это недалеко от райцентра. Юля чаще других наведывается в Хатыничи, муж ее — главный инженер сельхозуправления, сам ездит за рулем служебного газика. И у них тоже двое детей. Мамута с теплотой и радостью думал о своих семерых внуках. Но в глубине души он всегда помнил: в Минске растет восьмая внучка Алеся, дочь Петра, которого родила Юзя. Алесю Мамута видел один раз, когда она еще под стол пешком ходила. Бабушка Юзя запала ему в душу молодой, красивой, жаждущей любви и ласки, оно и понятно — изголодавшаяся вдова. Первый муж не вернулся с фронта, второй спился, попал под машину темным вечером. И опять она вдова...

Как-то Мамута поссорился с Татьяной, и она со злостью крикнула:

— Можешь ехать в Минск. К своей сучке...

Петр Евдокимович про свою грешную любовь к Юзе вспоминал редко, был уверен, что Татьяна ничего не знает. А она, оказывается, три десятилетия знала о его тайне и молчала. И вот теперь, на старости, ее прорвало. Она все чаще болеет, мучает гипертония, бывает, что не может наклониться. А надо же и корову доить, и огород полоть. Петрок старался больше помогать по хозяйству, особенно летней порой. То ли болезни, то ли возраст были причиной перемен в характере Татьяны, она все чаще ворчала, сердилась. И ссоры вспыхивали из-за любой мелочи.

Петр Евдокимович настроился отказаться от директорства. Он давно собирался написать заявление в районо, но духу не хватало, все откладывал. Однако этим летом надо решить окончательно, и сделать это в июне, чтобы к новому учебному году назначили нового директора. Он предложит на свое место Любу Ровнягину, Любовь Дмитриевну. Она теперь завуч, освоилась с этой должностью, институт окончила, знает людей, и ее все знают, и родом она из соседней деревни. Лучшей замены не найти, из Могилева, тем более — Минска никто в эту глушь не поедет.

Вот достанут мед, посоветуется с Юлей, с Иваном, зятем, вместе с ними поедет в райцентр. Откладывать дальше нет смысла, если каждый день об этом думать, сомневаться, колебаться, то можно свихнуться. Попросит, чтобы дали вести уроки истории, а не дадут, сильно жалеть не будет. Ему уже шестьдесят три, наработался, у него есть хозяйство, пасека — это любимое занятие. Есть к чему руки приложить.

А зимой можно и внучат навестить. Катануть в Могилев, потом в Минск. Татьяне скажет, что Юзя, минская присуха, давно замужем. Татьяна частенько ездит в Минск к дочери, а его всячески отговаривает. Дочь обижается на отца: почему не приезжаешь? Может, и она знает, что у нее есть брат по отцу?

Кажется, так просто написать короткое заявление: прошу освободить от занимаемой должности... в связи с выходом на пенсию... Всего пару строк, но рука не поднимается их начертать, глаза становятся влажными, сердце начинает болеть. Наконец Петр Евдокимович настрочил заяву, хотя и рука дрожала, повез в районо. Там никто не отговаривал, да и заведующего не было на месте — уехал в отпуск. Инспектор, молодая женщина, Мамута мало ее знал, спросила, кто может его заменить.

— Замену я подготовил. Это Ровнягина Любовь Дмитриевна. Завуч нашей школы, которую она кончала в свое время. Диплом désinститута имеет. Семья хорошая. Отец бригадиром в Вишнях работает. Правда, когда-то в чарку заглядывал, теперь завязал. Дочь перевоспитала.

— Наверное, лимит выбрал, — улыбнулась скептически бухгалтерша, сидевшая за соседним столом. — Фонд выбрал, потому и завязал. Перевоспитать пьяницу вряд ли можно. Правда, если сильно захочет...

— Может быть, вы и правы. Во всяком случае, Любови Дмитриевне это удалось. Она будет хорошим руководителем. Умеет ладить и с коллегами, и с родителями детей. Она всех знает, — убеждал Мамута инспектора. — А новый человек... Да и кто поедет в нашу глушь...

— Ну почему глушь? — не согласилась инспектор. — Из вашей школы столько известных людей вышло! Шандобыла Николай Артемович — ваш выпускник? Власть районная.

— Наш, — с гордостью ответил Мамута.— А в Могилеве, Минске наших сколько! Моховиков Петро вон по телевизору выступает. Главный редактор. Сахута Андрей — первый секретарь райкома партии в столице. Так что передайте заведующему мое заявление. Ну, и о моей кандидатке на должность директора скажите. И еще есть просьба. Разрешите мне вести уроки истории.

— Хорошо. Думаю, мы учтем ваше предложение. Удовлетворим и вашу просьбу, — заверила его инспектор.

«Наверное, она имеет влияние на заведующего. Раз так уверенно обещает», — подумал Мамута. А еще мелькнуло в голове: «Было бы лучше, если б она сказала: «Что вы, Петр Евдокимович? Вы такой опытный руководитель. Поработайте еще». Ну, хотя бы для приличия поуговаривала. Я бы отказался, раз уже решил твердо, но было бы приятно. Да хоть бы спасибо сказала. А то — удовлетворим просьбу. Возможно, заведующий вел бы себя иначе. Хотя и он не так давно в районе, кадры знает слабо. А может, он не подпишет заявление? Мол, рано ты, Мамута, собрался в обоз. Ты еще нужен. Поживем — увидим».

Вышел из районо Петр Евдокимович с каким-то неизведанным раньше чувством: вроде можно вздохнуть с облегчением — не надо думать о ремонте школы, о заготовке дров, подбирать кадры, ездить в район на совещания, а с другой стороны, будто заноза, в голове засела мысль: ты уже никому не нужен, отработал свое, сиди на диване у телевизора. Уроки истории могут дать, а могут сказать: все, хватит, отдыхай, Мамута.

Почему-то всплыло в памяти воспоминание: поздней осенью сорок третьего проводилось первое совещание директоров школ в райкоме. Он опоздал, шел пешком по грязи двадцать километров в лаптях, другой обуви не было. Вошел в небольшой зал парткабинета, прошагал мокрыми лаптями до свободного места в первом ряду. Потом секретарь райкома Дарья Азарова попросила его остаться, расспросила о делах в деревне, помогла приобрести хромовые сапоги...

До автобуса оставалось еще больше двух часов, Петр Евдокимович неторопливо направился в сторону раймага, купить Татьяне гостинцев, потом перекусить в столовой, выехал из дома рано. Людей на улицах райцентра было мало. Местные жители почти все были знакомы между собой, приезжие сельчане тоже часто встречали здесь знакомых. Навстречу шла седая женщина с черной матерчатой сумкой, на которой был вышит большой красный цветок. Поравнялись, она остановилась, внимательно присмотрелась:

— Мамута? Это вы или я ошиблась?

— Я, Дарья Трофимовна, — узнал он в этой седой бабушке Азарову. — Как вы поживаете? Давно не виделись.

— Да пожалуй, лет десять. Столько уже я не работаю. А вы?

— Ой, не спрашивайте, Дарья Трофимовна. Вот отнес заявление в районо. Прошусь в отставку. Три года после пенсии отработал. Заботы директорские плешь проели. Уроки истории хочу вести. Если дадут. Между прочим, хотите — верьте, хотите — нет, но я только что вспоминал вас. Ну, то совещание в сорок третьем году. Когда я в лаптиках притопал...

— О, Петр Евдокимович, так и я это помню. Что было тогда, помню, как сейчас. А что вчера, того не помню. Вы, может, торопитесь куда? Я вас не задерживаю?

— Нет, у меня еще два часа до автобуса.

— Так, может, присядем в скверике? Поговорим.

Мамута понимал, что живется ей невесело и не всегда есть с кем перемолвиться словом. И он не ошибался. Живет Азарова одна. Сын в Могилеве. Летом приезжают внуки, иногда заходят бывшие выпускники — она двадцать лет отработала директором школы.

Петр Евдокимович внимательно слушал и никак не мог поверить, что эта седая, усохшая женщина в очках, со сморщенным, как печеное яблоко, лицом — та самая красавица, полногрудая женщина, с гладко причесанными

темными волосами, в гимнастерке, туго перетянутой широким командирским ремнем. Тогда говорили, что в нее был влюблен первый секретарь райкома партии Акопян. Затем стали говорить, что у нее роман с Макаром Казакевичем, хатыничским председателем колхоза, что за это ее сняли с должности секретаря по идеологии и назначили директором школы, а Казакевичу, одноногому инвалиду-фронтовику, дали выговор. Выговор за любовь, мол, у тебя семья, жена, дети, а она, Азарова, хотя и одинокая вдова, не имеет права любить женатого.

— Неизвестно, сколько той жизни осталось. Хочу к вам в Хатыничи съездить. Поклониться могиле Макара Тарасовича, — тихо, глуховатым голосом сказала Азарова.

«Значит, правда, была у них любовь», — подумал Петр Евдокимович, а вслух сказал:

— Приезжайте. Ко мне зайдете в гости. Я недалеко живу. От магазина прямо по улице...

— Я помню. Некогда часто ездила по району. На выборы к вам приезжала. На собрания. На похоронах Свидерского была. Жуткая сцена. Никогда не забуду... Может, подговорю Долгалева. Он машину найдет, так и приедем. Наверное, у вас еще какие дела есть. Вы ж куда-то шли...

— Дарья Трофимовна, а знаете что? Я шел в столовую. Она теперь зовется рестораном. Давайте зайдем, перекусим. И поговорим. Деньги у меня есть. Я еще ваш должник. За хромовые сапоги. Вы тогда звонили во все колокола и помогли. Сапоги долго носились...

— А вот этого я не помню. Как вы в лаптиках протопали и мокрые следы тянулись по полу — это стоит в глазах. А про сапоги забылось. Считайте, что и не было, — смеялась Азарова. — Идемте. Деньги у меня тоже есть.

В тихом, почти пустом зале ресторана они хорошо пообедали, даже выпили бутылку вина. На прощание трижды поцеловались.

— Петр Евдокимович, дорогой мой, один вам совет. Не думайте, что после выхода на пенсию жизнь кончается. Это не так. Мне уже две шестерки с хвостиком. Было бы лучше иметь две пятерки... Ну да что поделаешь. Вот посидели, поговорили, я почувствовала, будто помолодела на пять лет. Будете в райцентре, заходите, пожалуйста, — она назвала адрес и телефон. Мамута все записал.

— Зайду. Обязательно. Медку привезу. Я ж пчеловод. Хромовые сапоги стоили дорого. Одной бутылкой вина не отбояришься, — улыбался он.

Дарья Трофимовна весело засмеялась, и у Мамуты настроение резко поменялось. Он был рад, что случайно встретил эту умную, красивую — она и в старости была красивой, — женщину, которая большую часть своего века прожила солдатскою вдовой, без громких слов можно сказать: всю жизнь отдала людям.

И еще подумалось: до чего же короток век человека! Расцвел ты или не расцвел, пожил с радостью или мучился, хочешь стареть или не хочешь, все равно умрешь. Проснулась обида на свою Татьяну, теперь она все чаще укоряет Юзей, мол, жил со мной, а думал о другой. Столько лет молчала, а теперь, на старости, допекает.

Через неделю, под вечер, Петр Евдокимович с голубой авоськой шагал полевой дорожкой. В сетке он нес литровую банку свежего меда — почти полтора килограмма. Нет, денег брать не станет, это гостинец Матвею Сахуте и его внукам.

Вспомнилось, как нес полный горшок меду Сахутам двадцать лет назад. Тогда Андрей Сахута, его любимый ученик, только женился, работал первым секрета-

рем райкома комсомола, а теперь он в Минске, высокий партийный начальник. Учителю было приятно видеть на телеэкране Петра Моховикова. Где только нет выпускников Хатыничской восьмилетки! От Калининграда аж до самого Владивостока разлетелись птенцы деревенской школы. На добрый толк, было бы лучше, чтобы они работали на своей родине, ближе к своим родителям.

Тогда, двадцать лет назад, с высоких трибун обещали: нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Промелькнули два десятилетия, а коммунизма так и не видать. Жизнь немного улучшилась по сравнению с послевоенной голодухой, а порядка как не было, так и нет. Урожай стал более весомым, техники в колхозе хватает, удобрения есть, если бы еще бережливости побольше! Петр Евдокимович гордился, что в районной сводке по надоям молока и привесам мяса, по урожайности зерновых культур на первом месте колхоз «Парижская коммуна». Значит, главный зоотехник, его дочь Юлия, и главный агроном сельхозуправления, зять Иван, в шапку не спят.

Шагал Мамута легко, думалось и дышалось вольно. Недавно прошумел теплый летний дождь, высокая рожь, стеной стоявшая вдоль дорожки, дышала мягким, теплым хлебным духом — такой дух исходит из печи, когда там печется хлеб.

Темно-фиолетовая туча отплывала за Беседь, блеснуло солнце над Березовым болотом, а над рекой вспыхнула громадная дуга радуги. Выше была видна еще одна, но не такая выразительная. Мамута с детства любил смотреть на радугу. И название белорусское его радовало — вясёлка! А по-русски радуга, наверное, значит — радостная дуга. А его мать называла радугу Весялухай или Семицветиком. Вспомнил, как в детстве деревенская малышня называла радугу Цмоком, малым казалось, что радуга пьет, смокчет воду из реки.

Нет, что ни говори, радуга — это чудо природы. Вдруг вспыхнет после дождя на темном куполе неба настоящее чудо! А тут еще во ржи ударила перепелка: пить-подать, пить-подать. Эта извечная картина сильно впечатляла, радовала душу. Мамута даже остановился, чтобы полюбоваться. Похвалил себя, что пошел не по деревенской улице, а по этой дорожке. В резиновых сапогах можно смело топать по мокрой траве. Да и не стал бы он так на деревенской улице любоваться радугой, и перепелку там не услышал бы. Мудрый совет дала Азарова: жизнь не кончается после выхода на пенсию. Нет, она начинается, становится другой: меньше работы, меньше забот и обязательств.

Вскоре он подошел к выгону — неширокой песчаной дороге, которая вела из деревни в поле. Невольно посмотрел налево: там после войны стояло громадное, длиннющее гумно, и он летом тоже махал топором — помогал строить овин. Был там ток, конный привод-молотилка, сушильня. Позже молотили тракторным приводом, и ночью гудел трактор, слышались людские голоса. Даже ученики седьмого и восьмого классов охотно работали ночью — отвозили волокушей солому, которую тут же стоговали взрослые. Теперь на том месте зеленело сплошное поле ржи. Удивительно, как и не было здесь ничего! А прошло всего три десятилетия.

Некогда председатель колхоза Макар Казакевич — они ехали из райцентра, — показывал, где чей стоял хутор до революции, после реформы Столыпина. Стояли избы, сараи, цвели сады... И ничего не осталось, каменных фундаментов не делали, больших камней в Прибеседьи мало, цемента не было. Избы разобрали, колодцы засыпали, деревья выкорчевали. И все, будто корова языком слизала хутора. Мамута знал, что поле вдоль дорожки хатыньчане называют — наддатки: здесь давали дополнительные делянки после отмены крепостного права. Было это давно, исчезли те межи, а название живет, люди помнят, но скоро и это забудется. Вот тебе живая история. А сколько поколе-

ний людей сменили друг друга на этой земле! До войны археологи раскопали на высоком берегу Беседи древнюю стоянку, пожилой, седобородый ученый рассказал молодому учителю Мамуте: здесь поселились наши предки почти сто тысяч лет тому назад. Поймал себя на мысли: ему хочется и дальше вести уроки истории.

Мамута издали увидел велосипедиста, ехавшего по дороге. Сам он шагал по тропе с левой стороны выгона. Вскоре велосипедист догнал его. Это был председатель сельсовета Иван Егорович Сыродоев.

— Здорово, Петр Евдокимович! — Сыродоев слез с велосипеда.

Мамута спустился вниз на дорогу, чтобы поздороваться с местным начальником, с которым виделся довольно давно.

— До меня дошел слух... А может, это сплетни? Может, неправда? Ну, что вы подали в отставку.

— К сожалению, Егорович, это чистая правда. Укатали сивку крутые горки. Прошусь на обочину. Пора на отдых.

— Жаль, Петр Евдокимович. Вы еще мужик что надо. Могли бы еще поработать. Имея такой опыт, авторитет.

— Авторитет, как говорится, дело наживное. И Люба Ровнягина, если ее утвердят, будет на месте. А я хочу пожить спокойно. Пчелками заняться. Есть такая грустная шутка: человек нормально, беззаботно живет семь лет до школы и один после пенсии. Ну я, имея пенсию, прожил три года. Может, еще столько протопаю по земле.

— Ну что вы, Петр Евдокимович! Три года... Живите долго. Между прочим, читал в газетке: пчеляры живут долго. А куда ето вы собрались, если не секрет?

— Да какой тут секрет? К Матвею Сахуте. Обещал ему на гостинец медку. Вот и выбрался. Слушай, Егорович, приедь как-нибудь ко мне. Посидим, поговорим. Медком угостимся. Сколько той жизни...

— Ето правда, Евдокимович. Я вот все молодым себя считал. Помните, как финагентом работал? С темна до темна на ногах. Дайжа веломашины не было. Все пехотой. А уже дважды дед! — Сыродоев радостно улыбнулся.

Мамута приметил, как у глаз молодого деда веером сбежались тонкие борозденки морщин, виски уже посеребрила седина, но загорелое, обветренное лицо было еще моложавым и свежим. Вспомнил, как минувшей осенью отмечали его пятидесятипятилетие — промежуточный юбилей, так тогда кричал тамада Бравусов.

Подошли к дому Матвея Сахуты. Хозяин сидел на крыльце. Сыродоев поздоровался с ним издали, оседлал велосипед и покатил по улице. Мамута повернул к дому.

Хроника БЕЛТА и ТАСС, 1981 г.

3 июля. Тегеран. Иранский народ не должен забывать, что он находится в состоянии войны с Соединенными Штатами Америки, заявил лидер иранской революции Аятолла Хомейни.

12 июля. Могилев. Здесь начали выпускать механизированные подборщики льна, которые очень помогут сельчанам.

19 июля. Ленинград. По полярным водным маршрутам страны направилась научно-спортивная экспедиция «Полярная звезда».

28 июля. Аддис-Абеба. Только социалистическое общество, которое стоит на мощной экономической базе, способно обеспечить действительно демократические права трудящихся, заявил лидер Эфиопии Менгисту Хайле Мариам.

XV

Летним субботним утром Петро Моховиков ехал на телестудию. Целую неделю он воевал на курсах гражданской обороны. В начале каждого дня раздавали тетради с грифом «секретно», староста группы перед обедом собирал их, после обеда раздавал и в конце занятий снова собирал — этакая игра в секретность. Слушая полковников-преподавателей, Петро невольно думал: очень дорого стоит теперь оружие, содержание армии, но немалые средства забирает гражданская оборона — строительство убежищ, многоликий штат военных в штабах гражданской обороны.

Преподаватели настойчиво убеждали, что можно выжить после ядерного взрыва, иметь средства защиты и уметь ими пользоваться. Показывали детальные планы эвакуации, разные варианты спасения людей в так называемый особый период. Дай Бог, чтобы эти планы не понадобились, но мир все время висит на волоске. Угроза войны принуждает совершенствовать оружие, значит, развивать науку, технику. Страх и лень, видимо, всегда двигали прогресс.

Большой войны пока что не будет, у США своих проблем хватает, у немцев — тоже. Воинственная «Железная леди» Тэтчер ничего не сделает.

После всего увиденного и услышанного на занятиях Петра особенно радовало светлое, солнечное утро, веселое, беззаботное пение птиц. Радовала мысль: никуда не надо прятаться, не надо искать бомбоубежище, он едет на работу, без которой уже не представляет свою жизнь. В кабинете сразу включил монитор, поискал по студиям, нет ли записи передач. На экране была многоцветная сетка, только в одной студии, так называемой «стометровке», готовились к передаче «Новости», увидел заставку «Слово — поэзии» и незнакомого молодого поэта.

На столе лежала копия программы на следующую неделю, которую заявили его помощники: главный режиссер и ответственный секретарь, заместитель Евгений находился в отпуске. Передач они предложили немного, напротив одной помечено: запись в субботу.

Пока в студии было тихо, переключил телевизор на программу и попал на передачу «Сузор'е» (созвездие). Вел ее худощавый человек в очках, с длинными прямыми волосами. Мелькнули титры: художник Михась Романюк. Петро вспомнил, что минувшим летом он познакомился с Михасем на выставке во Дворце искусства, они говорили о передаче про изобразительное искусство в школе. Правда, идея не дошла до эфира. На той выставке Петро встретился со знаменитым живописцем Владимиром Стельмашонком, с которым был знаком. «А божечки, мы же давно не виделись!» — седобородый, с молодыми синими глазами, красивый человек крепко пожал руку. Сказал, что некоторым художникам, молодым, талантливым, объявили выговоры, хотят исключить из секретарей Союза художников. «Костьми лягу, а не дам ребят в обиду. Меня, как парторга, вызывали в высокий дом, мол, художники слишком увлеклись стариной и забыли о современности. А я говорю: надо подтягивать картины о современности до уровня работ на исторические темы».

Между тем на экране женщины из деревни Неглюбка Гомельской области в самобытных, самотканых ярких костюмах запели хороводную песню. Пожилая женщина, симпатичная, моложавая, начала рассказывать, что одевали перед праздниками. Ведущий задавал вопросы, выяснял, что значит каждый ромбик, крестик, петушок. Чувствовалось, что Михась глубоко знает народный костюм, любит этих мастеровитых женщин. А Петро вспомнил вышитые мамины рубахи, фартуки. Передача очень обрадовала, он по-хоро-

шему позавидовал коллегам из литдрамы: передача заслуживает максимальной оценки — двадцать баллов, и он предложит ее на Красную доску.

Снова переключился на студию. Поэт читал стихи с пафосом, но часто путался, запинался, просил его извинить, вытирал платком блестящий от пота лоб. Петро посочувствовал и поэту, и тем, кто записывал передачу. Опять переключился на эфир. На экране показывали собрание в сельском клубе. С трибуны, обитой красной материей, выступал худощавый, лысый человек с полным ртом металлических зубов, которые блестели из-под рыжих усов, как гуси зимой из подпечья. Негромким голосом сказал:

— Совсем близко от нового поселка — деревня Величковичи. Жители этой деревни в революцию устанавливали здесь Советскую власть. В Отечественную войну с немцем воевали. Так я вот думаю: может, и поселку дать название Величковичи. Деревня вымирает. Такое мое предложение.

В зале послышались аплодисменты. Оратор важно, неторопливо сошел с трибуны. Тут же на сцену буквально взлетела девушка с короткой гривкой волос, в клетчатой кофте и громко начала читать по шпаргалке:

— В этом поселке жить нам, молодым. От имени своих подруг, молодых доярок, предлагаю назвать поселок Молодежным.

Громкие аплодисменты, словно кто-то сыпнул горох, затрещали в клубе. Девушка, будто сорока, быстро юркнула со сцены. На трибуну поднялся рослый парень:

— Я тракторист. Точнее — механизатор широкого профиля. И мои друзья — тоже широкого профиля. Мы будем жить в поселке. Предлагаю назвать его Интернациональным. Ну, можно — Ленинским.

— Что за цирк? Что за передача? — Петро нашел программу в газете. Там значилось: репортаж из совхоза «Прогресс», и назывался район, где этот «прогресс» находится. — От такого названия отказаться! Во, манкурты узколобые. Молодежный. Это чужое, небелорусское слово. Моладзевы! Но так не назовут,— злился Петро.

А в сельском клубе продолжалось мероприятие. Мысли Петра Моховикова словно подслушал директор местной школы и сказал: лучшее название для поселения — Величковичи. Но ему возразила молодая учительница: дети пишут это слово с ошибками. Так научи их писать правильно!

Тележурналистка, ведущая передачи, ликующим голосом возвестила: новый поселок будет называться «Прогресс»! Какая ужасная передача! Отказаться от прекрасного названия поселка. Мудрые предки придумали ее, чтобы возвысить Человека — Величковичи! А современные манкурты, готовые поднять руку на отца и мать, отказались. Отказались от своего, родного, с помощью белорусского телевидения. И такое собрание показали на всю Беларусь, мол, учитесь, берите пример! Позор! Надо выступить на студийной летучке или на заделе у председателя.

Какие контрасты на нашем телевидении. Успех передачи решает ведущий. Я повторяю это на каждой летучке в редакции. Грустно, что косноязычная ведущая с позорной «прогрессивной» передачей с голубого экрана входит в каждый дом, в каждую семью. Телевидение начинает властвовать над умами во всем мире. В Москве в прошлом году две Госпремии дали телеведущим — Каверзневу и Капице. Американцы избрали президентом Рейгана — посредственного киноактера, зато популярного телеведущего. Вот как!

Хроника БЕЛТА и ТАСС, 1981 г.

11 августа. Москва. Министр иностранных дел СССР А. Громыко направил письмо Генеральному секретарю ООН, в котором требует не допустить милитаризации космоса.

20 августа. Минск. Три дня находился в Белоруссии товарищ М. С. Горбачев. Он знакомился с проблемами воплощения Продовольственной программы. Вчера, 19 августа, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отбыл в Москву.

26 августа. Ханой. Здесь состоялся массовый митинг протеста против развертывания в США производства нейтронного оружия.

XVI

В каждой окрестной деревне у Бравусова была присуха: вдовы, одинокие женщины, старые девы. Замужних женщин он не трогал, хотя некоторые посматривали на его блестящие погоны с явным интересом. Только одна была осечка: Марина Сахута отвергла его любовь. А она очень ему нравилась, еще холостяком хотел на ней жениться, однако получил от ворот поворот: ты — бабник и выпивоха.

Теперь, когда вспоминал Марину, в душе ругал ее: дурочка, так и проживет жизнь, не изведав мужской ласки. А была такая красивая! Она запала в душу навсегда с того дня, когда приехал в больницу сказать ей, что вечером подвезет с дежурства. Она вышла в белом халате, в ее глазах стояли слезы: в тот день утонул мальчишка, вернуть его к жизни не смогли. И эти синие глаза в слезах будто прострелили его сердце навылет. Но и в тот вечер Марина ему не далась, и они окончательно рассорились. Вскоре Бравусов женился — подкатилась Тамара, сказала, что беременная, а дитя родилось через год: обхитрила, взнуздала участкового малообразованная дивчина и с виду не красавица. И потому, когда услышал недавно от Марины возле Беседи, что он ей «наравіўся», аж заскрежетал зубами: почему и себя, и его лишила счастья и любви?

Хитрая штука жизнь, рассуждал Бравусов. Вот и Березовое болото, одинокая разлапистая сосна. И опять вспомнился тот незабываемый день, когда ехали арестовывать полицая Воронина. Могли же кокнуть и Просю, и двоих малых детей. Бравусов получил бы очередную медаль, а может, и орден за храбрость. А разве это храбрость? Какое счастье, что отговорили его. Прося однажды после горячих объятий призналась, что помнит, как он грозился поставить к стенке. Бравусов не дал ей договорить: ради Бога, не трави душу... Больше она никогда не вспоминала тот день. Вот и сегодня он заедет и договорится о встрече, вечером она будет жадно ласкать его, потому как давно не виделись. Прося еще в теле, а в последнее время расцвела: ее дочь замужем за председателем колхоза, уважаемым в районе человеком, и сын вышел в люди — бригадир механизаторов. Прося аккуратная, умелая, сама с хозяйством справляется, самогонку втайне гонит, но сама никогда не перебирает. И Воронин живуч, как собака, не пропал в Аргентине, семью заимел, в Хатыничи письма шлет. Где только нет белорусов? Разбросала война по всему свету.

Бравусов подъехал к повороту. Примерно в этом месте партизаны догнали в тот день парня, который вез сено, спросили, где живет Воронин, как проехать в Мамоновку. Парень ответил не сразу, испуганно оглядывался. Нетерпеливый Бравусов припугнул его винтовкой. А теперь этот парень — председатель сельсовета, дорогой сват Иван Егорович Сыродоев. А могли же сдуру и его кокнуть: ах, ты не хочешь показать, где живет полицай? Вот тебе! Пиф-паф! И никто бы не разбирался. Война. Кто не с нами, тот против...

Бравусов передернул вожжи, стеганул лошадь кнутом и вскоре остановился возле избы Проси. На улице не было ни души, но он по привычке воро-

вато оглянулся по сторонам. Прося оказалась дома, обрадовалась, сказала, что вечером будет ждать.

— Драники будут? — ухмыльнулся Бравусов.

— Могу испечь. Со шкварками. Картошки нынче накопала много.

Довольный ответом Бравусов обнял Просю, крепко, как в молодые годы, поцеловал и направился за порог.

До Вишневки доехал быстро. Привязал коня за грушу-дичку, растущую у высоких глухих ворот. Навстречу вышел хозяин, высокий, сутулый, в старой, замасленной телогрейке, подал широкую мосластую ладонь. Бравусов перед выездом побрился, наодеколонился, потому сразу уловил смрадный запах от Круподерова. Его лицо, заросшее седой щетиной, слезливые глаза с красными веками — все говорило, что человек давно не мылся в бане.

— Я уже тебя дожидаю. Мешки привез? — хрипловатым голосом проскрипел Круподеров. — А то у меня дихвицит на тару.

— Привез. На возу. Нести? — Бравусов думал, что они посидят за столом, поговорят, как старые друзья.

— Неси. Насыплем. А тогды посидим. Перекусим, — Круподеров повернулся и потопал под навес.

Бравусов отметил, что хозяин еще больше усох, сгорбился, старческая шея, изрезанная морщинами-бороздами, торчала из воротника полинявшей клетчатой рубахи.

Под навесом, прикрытая соломой, возвышалась небольшая кучка мелкой картошки. Празднично одетому Бравусову не хотелось пачкать руки, блестящие хромовые сапоги, парадные галифе.

— Ну ты, братец, и выфрантился. Как на свиданне, — ухмыльнулся Круподеров, показав два крупных, как у лошади, желтых зуба.

— Я ж, хвактически, в люди выбрался. В Хатыничах к свату заезжал. Ты ж помнишь фінагента Сыродоева? Он теперича председатель сельсовета, мой сват. Сын мой женился на его дочери. Да я и дома лохманы не ношу.

Круподерову не понравилась последняя фраза, поджал сухие, тонкие губы, начал молча набирать картошку в корзину. Бравусов держал мех, а хозяин насыпал. Молча насыпали два меха, завязали их.

— А может, еще насыплем? — глянул на Бравусова.

— Не, Павел Иванович, хватит. Своей мелочи хватает. И крупной накопали достаточно. Нынче, хвактически, благоприятный год.

И слово «мелочи» пришлось не по нутру Круподерову: намек, что он неважный хозяин и картошка у него мелкая.

Потом они обедали. На столе синела литровая банка мутноватой самогонки, стояли миска соленых огурцов, чугунок вареной картошки и сковорода яичницы. Тарелок в доме не было — их заменяли неглубокие алюминиевые миски. В одной из них желтело нарезанное сало. Круподеров разогрелся, снял телогрейку, теперь еще сильнее выпирали из-под рубахи худые, острые плечи. Это сразу бросилось в глаза гостю, потому что он помнил Круподерова могучим здоровяком, которого боялся весь район. От его кулаков трещали сельсоветские столы. В деревнях, куда он приезжал, сразу увеличивалась сдача молока, мяса, яиц, шерсти. Выбивать налоги и поставки он был большой мастер.

— Где ж твоя жена, Павел Иванович? — спросил гость.

— Катанула в Мугулев. К сыну. Внучата есть там. Ее сын, ее внуки, — вздохнул Круподеров.

— А твои дети далеко?

— Далеко. Сын в Донецке. Дочка в Караганде. Жена ж, первая, скурвилась. Ну, как меня упекли в тюрягу. Ждать она не захотела. Шахтер из соседней деревни завез ее в Донецк. Бабы есть бабы, Устинович, сам знаешь. После войны голодали люди. Я сам, бывало, корочкой хлеба да луковицей обедал. А семью обеспечивал. Вот она и отблагодарила. Твою мать, шкура барабанная, — на щетинистых щеках Круподерова тяжело шевельнулись желваки, судорожно сжался «железный» кулак искалеченной в детстве руки.

— Что ж ты хотел? Чтобы она десять лет, хвактически, постилась? Если привыкла до скоромного...

— Ну, пусть сама скурвилась. Так и детей против меня наштрополила. Сын уже знал, кто я есть. Ему тринадцать лет было. Ну, когда со мной беда случилась. Теперитька ему сорок пять. Как-то приезжал. А дочка и глаз не показывает. Ох, сволочная жизнь. Давай выпьем.

Налил самогонки в мутные стаканы.

— Давай за наших детей. Мой сын, тоже Володька, уже директор школы в Белой Горе. Ему тридцать пять. Совсем еще молодой. Жена его — дочка Сыродоева.

— Ты уже говорил про ета. Помню Сыродоева. Шустрый, верткий был финагент. Хорошо, давай за детей. Пусть и моим икнется.

Выпили, захрустели солеными огурцами.

— Как ты мог тогда погореть? Хвактичеки, опытный, матерый волк.

— Ат, по дурости. Кругликов подвел, собака. Да и я малость зарвался. У меня была большая власть в районе. Предрайисполкома был для меня не начальник. Только первый секретарь по партийной линии. Что ты! Едри твою вошь! Уполномоченный Наркомата СССР! В сорок четвертом в Минске еще были немцы, а я начал руководить в Лобановке. Контору строил в самом центре... У тебя, Устинович, сколько классов?

— Семилетка. Еще до войны окончил.

— А знаешь, сколько у меня?

— Ну, классов семь. Может, больше. Ты ж районный начальник.

— Ого, если бы семь или больше. Я бы в Минске был. А в Мугулеве так ета точно. Едри твою вошь! Учился я, братец, всего одну зиму. Окончил один класс...

— Как один? Почему? А дальше где учился?

— Дальше, Устинович, учила жизнь. Летом сломал руку. Сено топтал на возу. Отец подавал вилами. Лошадь дернула воз, я свалился — и правая рука под колесо. Только хрустнула... Четыре месяца в больнице. Летом пас овец. За семь пудов зерна. Отец сказал: заработаешь зерно — куплю чоботы. Хромовые. Овец отпас, семь пудов дали, на сапоги не хватило. Зиму просидел дома. Писать правой не мог, а левой не научился. Так и покатилось. Летом коровы, овцы, а зимой брындал по деревне, возле девчат отирался. Книжки читал. Стал секретарем комсомольской ячейки. Тут, у Вишневке. Пришел к учительнице: дайте мне справку, что я окончил четыре класса. А она: «Нет, Павличек, не имеем права». Надавала мне книг. Всю зиму читал. Весной сдал экзамены за начальную школу. А потом, как стал председателем сельсовета в Березовке, в анкетах начал писать: образование шесть классов. Напиши семь, так надо иметь аттестат. Выдвинули заместителем уполномоченного по заготовкам, послали в Мугулев на курсы партийно-советского актива. Сначала сидел там как мышь под веником. А потом осмотрелся, освоился, распетушился. Вопросы начал задавать. Получил свидетельство. Курсы етые потом выручали. Документ!

Бравусов слушал и не верил своим ушам: этот небритый, беззубый, опустившийся человек, мошенник и ворюга, был большим начальником. И он, Бравусов, боялся его, когда он приезжал в сельсовет.

— Суровое было время, Устинович. Суровые инструкции присылали прямо из Москвы. Давай молоко, мясо, яйца. Свиные шкуры, шерсть. Лупили семь шкур с мужика. Бедного, голого, голодного.

— Теперь ты жалеешь. А тогда, хвактически, издевался над людьми.

— А ты не издевался? Мало за самогонку людей посадил? Потюпу забыл? Тот сдуру затужил в тюрьме, подхватил туберкулез и загнулся через год. Дети сиротами остались. А на меня бочки катишь.

— Я не сажал. Студенцов заставил составить акт. Я жалел людей.

— Знаю, как ты жалел. Так что не оправдывайся. Мы с тобой — абое рябое. Не дай план — вытурят. Другого пришлют. А я в передовиках ходил. Бывало, Акопян, первый секретарь райкома партии, руку мне тянет: «Павел Иванович, душа любезный, будет план?» И что я скажу? «Будет, Сергей Хачатурович!» И план был. Премии получали. А Кругликов... Помнишь его?

— Почему нет? Помню, как облупленного знал.

— Умер, бедолага. Давай помянем Кругликова. Хоть я из-за него в тюрягу загремел. Хрен с ним... И моя жисть ни к черту. Век прожил, как мех сшил. А мех дырявый. Ну, будь здоров!

Выпили, не чокаясь. Бравусов почувствовал, что голова уже наливается горячей тяжестью, решил пить меньше: Прося ждет. Не хотелось здесь сидеть, пить вонючую самогонку, выслушивать слезливую исповедь тюремщика, мошенника и ворюги. Душа участкового инспектора милиции, бескомпромиссного борца с жуликами, ворами, самогонщиками, восставала против. Но на улице еще было светло, а заехать к Просе лучше в сумерках. Это обстоятельство привело к трагедии.

Бравусов вышел по нужде во двор, повернул за сарай в надежде найти туалет, но его не было, вспомнил, что хозяин ходит оправляться в сарай, чтобы навозу было больше. Пришлось спустить галифе под вишнями...

В голове настойчиво билась мысль: кто ж нами руководил? Подложил коню сена, глянул на часы, по привычке осмотрелся: нигде никого. Вошел в избу. Хозяин сидел за столом, стеклянная банка дополнена доверху. Бравусов это отметил, себе приказал: пить только для приличия, чтобы посидеть еще часок.

Круподеров налил левой рукой, как он говорил, стыканы, но поднять их не успели — у ворот замычала корова.

— Пойду загоню Рабеню. Она такая лярва... Удерет, тогда и с собакой не найдешь, — хозяин тяжело поднялся, потопал за порог. Бравусов использовал момент — вылил водку под печь, налил себе воды.

Круподеров вскоре вернулся. Раскрасневшееся скуластое лицо его налилось нездоровой багровостью — наверное, поднялось давление. Глаза с красными веками маслянисто блестели.

— Давай, Устинович, выпьем, — и шандарахнул полный стакан.

Бравусов выпил полстакана, с расчетом, чтобы хватило еще на один раз, а тогда можно ехать к Просе.

— А чего ты не допиваешь? Ты моложе, здоровее. А может, и правильно. Я уже устал пить, обрыдло жить. Пожалуй, свою цистерну выжлуктил. — Помолчал, пососал соленый огурец, помусолил беззубым ртом кусочек сала. — Какой гад етый Артем. Так рано пригнал коров. Рыкает на всю голову. Голодная. Я им тоже напасу! Выгоню на пару часов и д-д-омой, — заикаясь, ругал Круподеров соседа Артема.

— Ну, а почему тебе не напасти коров как следует? Показать соседям, как надо. Не заедайся с людьми, — правдолюбец Бравусов взялся поучать собеседника. — Я такой хвакт тебе расскажу. Был в Хатыничах староста Куцай-Гарнец. После немцев его посадили. Влепили тоже десятку. Вернулся. Так, бывало, едет по деревне, насадит полный воз детей. Конхветы им дает. И едет медленно, чтобы все видели, какой он добренький...

— Ты что, меня с полицаем сравниваешь? Ты сидишь в мой хате. Мою горелку пьешь. Ах ты, твою мать! — заревел Круподеров.

— Заткнись со своей вонючей горелкой! Чего ты раскричался? Я тебе хвакт привел.

— Ты меня с полицаем не равняй! Я — уполномоченный Наркомата СССР! А ты — мент. Говнюк!

— Я капитан милиции. Не позволю ворюге меня оскорблять, — подхватился Бравусов.

— Я районный начальник! Уполномоченный... И чтоб какой-то щенок издевался надо мной!

Левая рука Круподерова потянулась к ножу, но Бравусов опередил, сбросил нож на пол, тогда «железная рука» ухватила его за лацканы кителя. Бравусов перехватил, сильно сжал, заученным приемом завел за спину, что-то хрустнуло, Круподеров взвыл от боли, рванулся изо всех сил, стукнул участкового ногою в пах. Разъяренный Бравусов мертвой хваткой схватил за горло недавнего собеседника. Они сцепились, как два паука в стеклянной банке. Долго возились, хрипели. Наконец руки Круподерова ослабели, он как мешок осел на пол, пустил под себя лужу.

— Ах ты, подонок вонючий... Теперитька ты полностью намоченный, — зевая открытым ртом, как рыбина на песке, бормотал Бравусов. — Но он не дышит, хвактически...

Участковый смотрел на распластанное, длинное, бездыханное тело собутыльника, пьяные, открытые глаза которого уставились в закоптелый потолок. Бравусов плеснул воду из стакана в лицо Круподерова, взял левую руку, сжал в запястье — пульс не прослушивался.

«Что ж я наделал? Он же кончился...» — хмель мгновенно испарился из головы участкового, лихорадочно закрутились мысли в поисках выхода: как стемнеет, взвалить на воз и скинуть в реку. Начнут искать, если найдут... Эксперты установят, что задушен... Матвей Сахута знает, что он сюда ехал. Жена знает. Прося... Они не проболтаются. Закопать? Где? Снова будут искать.

В сарае громко замычала недоенная корова. Бравусов вздрогнул. Осторожно, как вор, вылез за ворота. Небо нахмурилось, вечер вступал в свои права. Начинался мелкий, холодный дождь. Это хорошо, подумал он, меньше свидетелей, под дождем меньше ходят люди по улице. Вдруг ему так захотелось удрать отсюда, сесть на воз, накрыться плащом с головой, чтобы не было видно лица, и помчаться к Просе. Нет, к Просе нельзя, скорее домой. Корова снова замычала. Словно кнутом хлестнуло Бравусова: надо искать выход. Вдруг вернется его жена, тогда пропал. Но Павел сказал, что жена приедет через три дня, только вчера уехала. А может, повесить его? Записку оставить. Сам себя... Под навесом, когда насыпали картофель, видел толстую веревку. Вернулся в хату. С ужасом глянул на распластанное тело, тронул за руку — она была уже холодная. Бросился искать ручку или карандаш. Написать своей не рискнул, тогда ее надо оставить на столе, а на ней будут отпечатки... Нашел огрызок химического карандаша, вырвал лист из пожелтевшей школьной тетради. Хотел смочить карандаш слюной, но спохватился: слюна — улика. Смочил водой, крупными кривыми буквами нацарапал: «Прощай жонка дети

внуки. Жисть моя обрыдла. В моей смерти никого не винитя. Я сам себя доконал. Павел».

Принес веревку, нашел табуретку, нащупал толстый гвоздь в балке. Пока он вершил свою жуткую работу, за окном стемнело. Свет не включал, бросился убирать лишнюю посуду, оставил один стакан, одну вилку. Прикинул, что в банке много водки, обернул полотенцем банку, налил почти полный стакан, прошептал: «Прости, Павел. Я не хотел. Бог тому свидетель. Ты первый, хвактически, начал. Если б нож ухватил, мог бы прирезать меня. Сам виноват. Прости...»

Бравусов неумело перекрестился — впервые в жизни. Опрокинул одним духом стакан самогона, сполоснул стакан водой, поставил в буфет. Потом отступил к двери, в одной руке держа фуражку, в другой тряпку, которой затирал следы. Глаза боялся поднять, чтобы не видеть висельника... «Хорошо, что на улице дождь», — мелькнуло в затуманенной водкой голове. Уже отвязал коня, тогда спохватился: картофель в мехах стоит, надо забрать. Мешки оказались очень тяжелыми. Давно знал: мех мелкой картошки тяжелее, чем мех крупной, но не думал, что настолько. Страх подгонял, придавал сил. Вскинул мешки на воз, прикрыл сеном, дернул вожжи. Застоявшийся конь радостно фыркнул, охотно засеменил домой.

Мокрый, одубевший от холодного ветра — не согрела и чарка на посошок, он ввалился в хату. Тамара смотрела телевизор.

— Что ты так запозднился? Шастаешь ночами под дождем, — сердито сказала она.

— Вот не мог раньше вырваться. Ему ж там и поговорить не с кем. А в дороге гужи лопнули. Пока связал. Куда картошку? Намокла она.

— Поставь в сенях. Завтра обсушим.

Он вышел, но вскоре вернулся.

— Кажется, и пил мало. Может, съел что? Он консервы на стол выставил, сало старое. Боюсь, вытошнит... — Выпил кружку воды, привалился к столу. — Помоги картошку принести. Взялся за мех, так в спину стрельнуло.

Тамара неохотно накинула на плечи фуфайку, сунула ноги в галоши, подошла к нему.

— Фу, чем от тебя так разит? Как из бочки вонючей. Что ты там пил? И что ел? Не надо к нему ездить. Товарища нашел.

— Он меня нашел. А не я его.

В эти слова Бравусов вкладывал одному ему известный смысл.

Перенесли картофель. Тамара снова уселась у телевизора. Он поставил в сарай коня, дал ему воды, сена, похлопал по мокрому теплому загривку, словно благодарил, что коняка привез его домой. В голове был рой тревожных мыслей, в ушах будто застыло мычание коровы. Может, кто уже зашел в избу? Нет, вряд ли, раз свет не горит, никто не пойдет. Завтра найдут его. А что дальше? Приедет милиция... Тюрьмы он не боялся. Не жалел Круподерова. Даже мелькнула мысль: отплатил уполномоченному по заготовкам за людские страдания. И к себе жалости не было. Жизнь прожил. А вот детей жалко. Сыну будет стыдно. Все-таки — директор школы.

Во рту пересохло, жажда томила его. Вспомнил, что в предбаннике припрятана бутылка, причем не самогона, а магазинной водки. Нашел, бутылка была начата, жадно отпил глоток, еще. Почувствовал, как потеплело в груди. Затем глотнул еще и еще, пил, пока не осушил до дна. «Эх, если б теперь попариться в баньке. Смыть всю грязь...» Но сил на это не было, да и поздний осенний вечер на дворе. В металлической бочке, приваренной к печке, была вода, с облегчением вымыл руки, с радостью ополоснул лицо. Даже почистил зубы, что делал довольно редко, и как сноп завалился на кровать.

Всю ночь ему снились кошмарные сны. Проснулся с тяжелой головой. В хате еще было темно. И первая мысль: как там? Когда его найдут? Будут выгонять коров, его недоенная Рабеня начнет реветь, пастух или сосед Артем, которого Круподеров с такой злостью ругал, зайдет... Бравусов вспомнил, что ночью ему снилось, будто за ним гнался разъяренный громадный бык, громко мычала корова. Захотелось напиться воды, еле оторвал голову от подушки, а встать не смог: спину словно прострелила острая боль, попробовал повернуться, но и это ему не удалось, будто приковал его кто к кровати. Может, порушил спину, когда поднимал *его* вверх, мелькнула мысль, или как грузил картофель? Но разве мало он перетаскал тяжелых мехов? А может, простудился? Дождь, холод. Радикулит его особо не беспокоил. Только однажды, когда целый день зимой возил дрова, назавтра болела спина. Тамара натирала водкой, а потом он обнимал ее. И было им жарко, и боль в спине отступала перед извечной страстью. А теперь невозможно даже повернуться. Однако не эта боль беспокоила его. Радикулит пройдет. Тамара натрет спину, он полежит день-два и поздоровеет. А вот если упекут в тюрьму, то это надолго.

Заговорило радио — на кухне его не выключали, только звук делали тише. Услышал, что поднялась Тамара, позвал ее:

— Что-то не могу подняться. Будто шворен металлический в спине. Ни повернуться, ни согнуться.

— Ты ночью кричал, что-то говорил, стонал. Дос тебе пить. А то кончишься. Ляжешь спать, а утром не встанешь. Может, давай натру спину? Или грелку подложить?

— Хорошо. Давай грелку.

Вскоре Тамара принесла грелку, кое-как подсунула под крестец. Он почувствовал приятную мягкую теплоту, сказал:

— Тамара, ты вот что... Ну, не говори никому, что я ездил до Круподерова. После чарки он признался, хвактически, наворовал картофеля в колхозе. Я не хотел брать. Он кажет: нет, ета с моего огорода. А вчера ты никому не сказала, где я? Куда поехал?

— Нет, не говорила. Никто к нам не заходил. Все! Больше к нему — ни ногой. Нашел друга. Он вонючий, как тхорь.

— Хорошо. Больше не поеду, — охотно согласился Бравусов. — А радикулит... Если кто спросит, коня искал, промок. Простудился.

— Кому какое дело? Чего ты так боишься? Как спина? Полегчало?

— Малость отпустило. В голове гудит, будто на ней ячмень молотили. Налей мне граммов двадцать. Душу привязать и голову полечить.

Тамара молча вышла в сени. В голове Бравусова билась мысль не о выпивке: значит, знают только Сахута и Прося. Но кто у них будет спрашивать? В газете, пожалуй, не напишут про него. А если и напишут, то нескоро.

После чарки он успокоился, снова задремал.

Почти неделю пролежал Бравусов в кровати. Радикулит понемногу отпускал, Тамара растирала поясницу водкой, а в рот не давала ни грамма, и он не просил, хотя и очень хотелось. А в глазах будто стояла сцена: Круподеров одним духом выпивает полный стакан. Мог ли он подумать тогда, что это последний его «стыкан»?

Бравусов все ждал, прислушивался, не загудит ли возле дома машина. Известно какая — милицейский газик. Но никто не появлялся. Заходил сын, расспросил о здоровье, нужны ли какие лекарства, рассказал о школьных делах — никаких других новостей не было. Отец успокоился и сына успокоил: чувствует себя лучше, все нормалево, уже может встать, скоро будет ходить. Говорил он сидя, показывая этим, что действительно все у него хорошо. Сын долго не задержался: завтра утром нужно ехать в район на совещание.

Отца заинтересовала поездка сына: в райцентре могут говорить о событии в Вишневке, и потому он ждал сына с нетерпением. Возникло желание позвонить участковому, но сдержал себя, чтобы не вызвать подозрений, да и отношения с его сменщиком были натянутые: однажды сделал ему замечание, тот надулся как сыч, проворчал: «Я сам разберусь. Теперь не то время. Все меняется». Вечером Бравусов не удержался, позвонил сыну, спросил, как прошло совещание, какие новости в райцентре.

В ответ услышал:

— Ничего особенного, обычная говорильня, и новостей никаких нет. Как твое здоровье?

— Все нормалево. Топаю по хозяйству. Коня сегодня напоил, сена дал. Дров принес. Маме, хвактически, полегка, — бодро ответил отец.

Все действительно «нормалево»: прошло восемь дней, никто к Бравусову не приехал, о смерти Круподерова нигде ни звука. «Поверили записке. Закопали, как собаку. Некролога не было. Кто о нем будет писать? Вот тебе и большой начальник. Мошенник малограмотный и ворюга».

Бравусов окончательно успокоился. Ночью приласкал Тамару. Дня три назад признался, что болит в паху. «Покажи, что там? Может, килу нажил?» — хохотнула жена. Показать постеснялся, зато в ту ночь доказал, что он еще все может, отблагодарил жену за ласковое, заботливое растирание.

Утром тщательно побрился. Рассматривал себя в зеркале очень придирчиво, словно искал перемены в своем облике: как ни крути, он убийца, пусть не преднамеренный, он защищался. Но, «хвактически», отправил на тот свет человека, пусть нелюдского, но когда-то важного начальника. Вдруг увидел, что виски почти седые. Раньше нити седины в них пробивались редко.

Ну что ж, зима на пороге, рассуждал Бравусов, вот и присыпало инеем, но я еще молодой. Всего пятьдесят восемь. Мог давно погибнуть, а я живой. Наверное, суждено, на роду написано загубить человека. Солдата Рацеева взял на мушку во время атаки, опередил немецкий снаряд. Его тело, изуродованное взрывом, снилось часто, он просыпался в холодном поту. Просю не дали поставить к стенке... А Круподеров не снится. Сам виноват и его вонючий самогон. Одна Прося может подозревать. Матвей Сахута, может, и не знает, что Круподерова уже нет на свете. Стар, мало где бывает. Марине мог рассказать о встрече... Надо съездить в Хатыничи. Поговорить со сватом, внука повидать, насчет работы посоветоваться. Дома ничего не высидишь.

И еще мелькнуло в голове: надо заехать к Просе, она, бедная, так ждала его в тот вечер, драников напекла, показалось, что слышит вкусный, дразнящий аромат ее горячих блинов со шкварками, вспомнились и не менее горячие объятия и поцелуи. А если спросит, почему не приехал, скажу: перепил, запозднился, гужи лопнули, дождь пошел. Можно и еще что-нибудь придумать. Вдруг спохватился: Проси надо остерегаться, она помнит его, беспощадного, с далекого сорок третьего... И тут же успокоил себя: Прося никому не скажет, не проболтается.

Не мог знать тогда Владимир Бравусов, сколько душевных терзаний, какая расплата ждет его впереди.

XVII

Хроника БЕЛТА и ТАСС, 1981 г.

6 сентября. Ивацевичи, Брестская область. На животноводческой ферме колхоза «Россия» растут цветы 30 сортов. Каждый день расцветает около пяти видов.

10 сентября. Варшава. Съезд «Солидарности» в Гданьске — это, как заявляли его участники, смотр сил, готовящихся к борьбе за власть.

23 сентября. Вашингтон. Печать продолжает комментировать грандиозную манифестацию протеста американской общественности против политики администрации Р. Рейгана. Манифестация прошла в минувшую субботу в Вашингтоне.

25 сентября. Могилев. Новый сквер «Вилербан» заложен в центре Могилева. Деревья на Аллее дружбы здесь посадили члены делегации товарищества «Франция—СССР» и представители французского города-побратима Вилербана.

Эпилог

В тот год Дмитриев день пришелся на воскресенье. Правда, восьмого ноября в советское время был день праздничный, вроде продолжения праздника Октябрьской революции: как пристяжная лошадь в упряжке — коренник и пристяжная коняга. Седьмого проводились военные парады, демонстрации трудящихся. В местечке Саковичи восьмого ноября на Дмитрия и второго августа на Илью проводились ярмарки. Люди приезжали за сотни километров что-то продать или купить. Приезжали из соседней Брянщины, Гомельщины, из Черниговщины. Собиралось людей очень много. В тот день и погода способствовала, дороги сухие. Ехали купить-продать, на людей посмотреть и себя показать.

Матвей Сахута любил Дмитровский кирмаш с малых лет. На Илью народ собирался очень рано, торговля совершалась быстро, и разъезжались тоже рано — жатва в разгаре. А теперь торопиться некуда, главное — засветло вернуться домой, потому что день короток. На Дмитрия Сахута обычно покупал пару поросяток — кабанчика и свиночку.

На этот раз у него был особый настрой: приехал сын из Минска, возраст заставлял радоваться каждому дню, их становилось все меньше, как листков в календаре под конец года. Вместе с Андреем приехал и Петро Моховиков с женой. Старый Сахута пожалел, что не увидит свою невестку.

— А что ж ты Аду не привез?

— Ей немного нездоровится. Весной приедем всей семейкой.

Ответ сына успокоил Матвея Денисовича, он иногда думал: все ли ладится в семье сына? Андрей очень занят, совещания, заседания, а молодой, симпатичной женщине нужны внимание и любовь. И если муж не может это дать, она будет искать свое в другом месте. Матвей Сахута планировал поехать на ярмарку с Мариной на лошади. Это куда лучше, чем на машине: сидишь на мягком сене, застланном домотканою дерюжкой, на ногах валенки с галошами, поверх фуфайки суконный армяк с башлыком, шапка-ушанка на лысой голове. На возу удобнее доставить домой мех с поросятами, яблоки, мед, горшок или ведро, но с приездом сына ситуация поменялась.

— Батя, поедем с нами на кирмаш, — предложил сын. — И Марину можем взять. Гаишников здесь нет. Машина выдержит.

— А поросят куда денем? Они же могут подмочить твою репутацию, — улыбнулась Марина. — Долго будет аромат слышен. Поеду на грузовой. Данила обещал взять. Места там хватит.

За окном мелькнула чья-то тень.

— А вот и он. Легок на помине, — добавила Марина.

Дверь отворилась — на пороге стоял Данила Баханьков.

— День добрый в хату! С приездом, Андрей, — поздоровался он.

Друзья обнялись. Были они почти одного роста, плечистые, крепкие, только руки Данилы, широкие, обветренные, с толстыми пальцами, отличались от белых, городских, Андреевых. Сели за стол, на котором возвышалась стройная, как девушка, бутылка коньяка «Белый аист».

— Не все буслы улетели в теплые края. Один остался, — широко улыбнулся Данила, поднимая чарку золотистого ароматного зелья. — Ну, с праздником Октября! Дай Боже дожить до его столетия!

— Ну, ета правильно. Смотреть надо вперед. И дальше, и выше. Как в районке про ета пишут каждый день, — поднял свою чарку старый Сахута.

Андрей налил немножко маме и Марине.

— Ой, сынок мой дорогой. Мне капельку. Ета много. В голове шумит, как в котле. Кипит там нешто постоянно.

— У нее давление, Андрей. А ты налил столько, — подхватилась Марина, вечный хранитель здоровья родителей и соседей.

— Коньяк и пьют для того, чтобы нормализовать давление. Поднять настроение. Так что, мама, не боись, пей смело, — весело убеждал сын.

Выпили, закусили. Матвей Сахута решил сразу же прояснить ситуацию: поездка на ярмарку не выходила из головы.

— Ты же завтра едешь в Саковичи на кирмаш? — спросил он у Данилы.

— Едем. Ты с нами, Марина? Мой «газон» в ремонте. Но грузовик крыт брезентом. Со свинством в Андрееву карету не с руки.

— Почему? Можно. В багажник положим. Если и дадут малость аромату, пока доедем до Минска — выветрится, — не соглашался Андрей.

Матвей Сахута не любил долго сидеть за столом, не любил чаркованья и обильного угощения. Беседа тогда безладная, чаще всего пустая, а он во всем уважал порядок.

— Ну что, детки. Вы посидите, погомоните. А я пойду по хозяйству...

Андрей хорошо знал характер отца, потому не возражал, а Даниле захотелось задержать старика:

— Посиди, Денисович. Хозяйство у вас небольшое.

— Оно так. Хозяйство малое. Но курицу и ту надо накормить, напоить. Любая живность требует внимания, заботы.

...Еще затемно в Саковичи со всех сторон шли и ехали покупатели и продавцы, словно их притягивал магнит. Шли и просто любители потолкаться среди людей, выпить на копейку — повеселиться на рубль. Как весной отовсюду стремится вода в Беседь, так этим хмурым, холодным ноябрьским утром тянулся окрестный люд на ярмарку. Ехали на телегах, на грузовиках, крытых брезентом, на еще довольно редких «Москвичах» и «Запорожцах». А на «Волгах» ездило только начальство.

На шикарном автомобиле ехал и Матвей Сахута. И сидел впереди, рядом с водителем — так распорядился сын, а сам сел сзади, где устроились Петро и Ева. Матвей чувствовал небывалый прилив гордости: он едет на шикарной машине, которая возит по Минску его сына, высокого партийного начальника. Сын как-то сказал: в его районе около пятнадцати тысяч коммунистов, а это целая дивизия. Значит, его сын — партийный генерал. Когда ехали по Хатыничам, старик пожалел, что еще темно: мало кто увидит, как он едет на «Волге», будто представитель района. Выехали рано, потому что поросят разбирают быстро — самый ходовой товар на ярмарке.

— Помнишь, Петро, как в вашей хате отмечали праздник Октября? — спросил Андрей. — Жители нескольких домов собирались...

— Помню.

— Это был сорок девятый. Почему так помнится? Марина купила мне первые в жизни ботиночки. Они были зеленого цвета. А то ведь босиком бегали до снега. И в школу босиком ходили.

— В школу босиком? — с недоверием спросила Ева. — Неужто было?

— Было. Андрею повезло. А я и в четвертый класс ходил босиком. Хотя отец был лесником, денег не хватало.

— Дядька Матвей, вы помните, как в нашей хате отмечали Октябрьские праздники?

— О, давно тое было, — старик почесал за ухом, будто чтобы лучше слышать и вспоминать. — Вы с Андреем еще пацанами были.

— Я помню все, как сейчас, — оживился Петро. — Вы речь держали. Ждали председателя Макара Казакевича, а его нет и нет. Тогда дед Гылигор поднимается: «Дос дожидать. Сами с вусами. Я — старейший стахвановец, Мацвей Денисович — член правлення. Наливайте стыканы!» О, мы уже приехали!

Тем временем рассвело. Метров за сто от площади стояли подводы с выпряженными лошадьми, грузовые машины с открытыми задними бортами. Здесь уже шла бойкая торговля. Народ все прибывал. Возле возов мычали коровы, в ящиках визжали поросята.

— Может, здесь приткнемся? Возле этого «козлика», — предложил Матвей, когда остановились у обшарпанного газика.

— Батя, хочу тебе купить сапоги. Кирзовые или резиновые? А может, хромовые? Выбирай, — обнял отца Андрей.

— Нет, сынок. Не надо. У меня всякой обуви на три пятилетки.

— Маме, может, платок? А что Марине?

— Матери ты навозил столько платков, что куфар не закрывается. Моль ест. Купи что-нибудь жене, детям. А я хочу поросяток. И медку пару килограммов. И ты своим купи. У нас мед дешевей и смачней, чем в Минске.

Петро с Евой исчезли в толпе. Андрей пошел с отцом. Довольно просторная площадь была полна людей. Куда ни глянь — всюду продавали яблоки: восково-золотистые антоновки, краснобокие, как снегири, штрифели, душистые груши. С грузовиков продавались сапоги, пальто, куртки, костюмы. Андрея заинтересовала красивая кофта, белая, с оригинальным узором на груди.

— Откуда привезли? — спросил у продавщицы.

— С Брянщины. Из Новозыбкова. Кофта теплая.

— Но маркая, белая. Быстро пачкается, — с практическим, деревенским подходом оценил кофту отец.

Часам к десяти покупки были сделаны. Еве кофта понравилась, с ее благословения Андрей купил подарок для жены. Купили меда, в мешке трепыхалась пара поросяток. Эта покупка особенно обрадовала старого Матвея и Марину: есть прибыль в хозяйстве, будет сало и мясо.

Ярмарка достигла своего апогея. Все, кто хотел, отоварились, но расходиться было еще рано. К десяти часам Андрей отыскал книжный магазин — небольшой кирпичный домик, построенный, видимо, недавно. Толкнул дверь и оказался в небольшом зале. Полки вдоль стен были уставлены книгами, лежали они и на столах. Справа у входа за столиком сидел Долгалев. Он тяжело поднялся навстречу, обнял своего земляка и коллегу. Из дальнего угла зала шел Микола Шандобыла, грузный, краснолицый, гладко выбритый. Худощавый, подтянутый Андрей выглядел куда моложе местного руководителя советской власти.

— А Петро где? — спросил Микола.

— Сейчас подойдет. Он с женой, потому и опаздывает. Кто ходит один, тот никогда не опаздывает.

— Сейчас придут председатель сельсовета и руководитель колхоза. Они обещали угостить нас чаем. А вот и Петро. Наша телезвезда, — Шандобыла широко развел руки для объятий.

Обнялись. С Евой Долгалев расцеловался, похвалил ее, что не ленится приезжать на родину мужа, вспомнил, что виделись на юбилее Сыродоева.

— Касьянович, не удивляйтесь. Ева — моя лучшая половина.

— Где же твоя худшая половина?

— Худшая в отставке. Первая жена — пробная. Вторая — настоящая, — весело шутил Петро. И Ева улыбалась, как стюардесса с аэрофлотовского плаката.

— Что ж ты раньше об этом не сказал, дороженький мой? А то я с одной сорок лет мучаюсь, — хохотал Долгалев.

— Не скажи, Касьянович. Если б ты сильно мучился, то вряд ли выдержал бы. Твой характер я знаю. Да и Семеновну твою тоже. Я, мужики, думаю так: лучше менять любовниц, чем жен, — авторитетно заметил Николай Шандобыла.

— Не слушай его, Андрей Матвеевич, — замахал руками Долгалев. — Он намекает на секретарш. Советую их не трогать. Служебный роман для нашего брата — это бомба замедленного действия. Рано или поздно она взорвется. Лучше иметь подругу на стороне, так сказать, запасной аэродром.

— А что сказала бы ваша жена, услышав такое? — улыбалась Ева.

— Я могу ответить за Касьяновича. Знаете анекдот? — Шандобыла сделал паузу, понизил голос: — Вечер отдыха в заводском Доме культуры. Все с женами. Парторг со своей, профсоюзный лидер — тоже. Муж ее говорит: «Смотри, вон любовница директора завода, а вон та химическая блондинка — подруга главного инженера». — «Признайся, милый, а твоя которая?» — «Моя? Вот эта смуглянка в красной кофте». — «Наша самая красивая», — говорит жена.

...Разгорался светлый и довольно теплый день поздней осени. Из местечка по дорогам и тропам во все стороны расходились люди. Ехали грузовики с веселыми продавцами — замочили удачную торговлю.

Расползались подводы — лошади охотно бежали домой, крутили педали велосипедисты, некоторые кирмашевцы шагали пешком. По песчаной дороге на Хатыничи неторопливо катили две «Волги» — первая черная, вслед за ней белая, как ночь и день.

Николай Шандобыла, сидевший рядом с водителем своей служебной черной «Волги», был доволен, что ярмарка прошла отлично, без всяких ЧП — так доложил ему начальник милиции. Председатель сельсовета устроил хорошее угощение: были и чарка, и шкварка, и чай из самовара.

Михаил Долгалев радовался, что повидался со своими молодыми друзьями-односельчанами, побыл среди людей, аппетитно пообедал, пил только чай — твердо держался: завязал так завязал, или как он говорил: я свой лимит выбрал, фонды кончились. А еще радовался, что купил жене теплую, красивую кофту.

Ехали с ними председатель Белогорского сельсовета и голова хатыничского колхоза Данила Баханьков. Долгалев, хотя и был самый трезвый, всю дорогу веселил, рассказывал анекдоты, курьезные истории.

Андрей Сахута и супруги Моховиковы ехали вместе. Ева была от ярмарки в восторге.

— Такой богатый кирмаш. Вот тебе и далекая провинция. А сколько людей! Сколько всего! И товаров, и продуктов. Не думала, что увижу здесь такое зрелище.

Петро Моховиков был тоже очень рад, что удалось побывать на родине, благодарен другу, пригласившему его. Радость и гордость еще усиливались от восторгов Евы. Эта женщина действительно стала самым близким и дорогим человеком. И здесь, в машине, он чувствовал ее теплое колено, которым она прижималась к его ноге. Еву все уговаривали выпить чарку, чтобы согреться, и она рискнула, потому и задремала, положив голову на плечо мужа.

Машины остановились возле кладбища, как и было договорено. Андрей постоял над могилками своих братьев — Толика, Коли и Василя. Над могилками меньших братьев, умерших давно, после войны, стояли покрытые мхом деревянные кресты. А над могилой Василя возвышался памятник из белого камня, Андрей заказывал его в районе, сделали в Могилеве. Есть и медальон, на фотоснимке Василь в темном пиджаке, белой рубахе, под галстуком. Вспомнил, что брат не любил галстуков, называл их удавкой. Таким, молодым здоровяком, он запомнился Андрею. Обидно и горько, что так рано он ушел из жизни: будто самое сильное дерево, принявшее на себя удар жизненной бури.

Подошли Петро и Ева. Андрей рассказал, особенно для Евы, кто здесь похоронен, показал могилки братьев, бабушки и дедушки.

— Вон Долгалев стоит один. Давайте подойдем к нему, — предложил Андрей. — А там и могилки родителей Миколы близко. Отец его был бригадиром после войны. Один класс образования имел. А сын целым районом руководит.

— Я удивляюсь, какие люди вышли из вашей деревни. Из такой глуши, — не переставала восхищаться Ева.

Гордится своим мужем, подумал Андрей и пожалел, что рядом нет жены: она тоже может им гордиться.

Через полчаса собрались возле машин.

— Мужики, давайте посмотрим на Беседь. Но не здесь, а возле магазина,— предложил Петро. — Там высокий берег. Вид открывается необыкновенный. День сегодня светлый. Природа нам способствует.

Никто не возразил, и вскоре шестеро хатыничских мужчин и одна нездешняя женщина стояли на взгорье.

— И правда, лучшей картины не найдешь, — взволнованно сказал Долгалев. Он стоял, опираясь на кий, крутил головой то в одну, то в другую сторону. — Даже Бабина гора видна. И река. И лес, и луга.

Петро пошептался с Данилой и Евой, вслух сказал:

— Подождите пару минут. Мы сейчас вернемся.

Вдвоем с Данилой они направились в магазин. Вскоре вернулись с бутылкой шампанского и двумя гранеными стаканами.

— Думаю, что в таком прекрасном месте... В такой земляческой компании грех не выпить. Как говорят в народе: когда то было, когда еще будет… — Петро ловко откупорил бутылку, пробка выстрелила, взлетела вверх и покатилась с обрыва на песчаный берег. — Михаил Касьянович, символически можно и вам.

— Три года даже пива в рот не брал. А здесь не могу отказаться, — он держал стакан искрящегося мелкими пузырьками золотистого напитка. — Дороженькие мои земляки! Хочу пожелать, чтобы мы все жили долго. В радости и счастье. Берегите себя, свои семьи. Всем здоровья в каждый орган и деньжат в каждый карман, — Долгалев чокнулся с Евой и осушил стакан до дна.

— Ну, Касьянович, пожелание очень емкое. Надо заказать пиджак на восемь карманов. И еще один потайной, для заначки от жены, — хохотал Петро, передавая стакан Сыродоеву. — Держите, Иван Егорович, вы тоже фронтовик. Уважаемый у нас человек. Вам слово.

Бывший финагент снял картуз, ветер тут же взъерошил редкие седые волосы, начал взволнованно:

— Мне много чего хочется сказать. Да времени мало. Спасибо вам большое, Андрей Матвеевич и Петро Захарович, что приехали, сделали нам праздник. Спасибо Михаилу Касьяновичу и Николаю Артемовичу, что не забывают свой родной край. Так пусть же всем будет хорошо, тепло и уютно в нашем краю.

— Вы — поэт, Иван Егорович! — воскликнула Ева.

— Какой из меня поэт? Я человек деревенский, — смущенно улыбался бывший финагент.

— Ну что, моя очередь? — взял стакан Николай Шандобыла. — И мне бы хотелось о многом сказать. Встреча у нас действительно необычная. Спасибо вам, наши дорогие фронтовики. И нашим гостям столичным благодарность. Выпить бы надо за вас, но третий тост за женщин, за любовь. А любовь выше всего. Мир спасет любовь. Петро, если разрешишь, и вы, Ева, если не против, хочу выпить с вами на брудершафт.

— Разве я могу возражать? — развел руками Петро.

— И мне возражать не приходится, — широко улыбнулась Ева. Приблизилась к Николаю, завела руку со стаканом за его руку, выпила до дна и поцеловала автора тоста.

— Ну, Николай Артемович, молодчина! А я, старый хрыч, не догадался. Налей-ка мне, — отозвался Долгалев.

— Нет, не позволю. Я все-таки власть! — хохотал Шандобыла. — Петро, командуй парадом. Пусть Андрей скажет.

— У меня так много чувств. Но время подпирает. Дорогие мои, давайте выпьем за наших предков. За тех, которые жили давным-давно. И за тех, что спят под березками, могилкам которых мы только что поклонились. Светлая память им, — Андрей выпил не чокаясь.

Все притихли, задумались. Долгалев взволнованно промолвил:

— Андрей Матвеевич, дороженький, хорошо, что вспомнил.

Петро налил стакан Даниле. В его широкой сильной ладони даже граненый «маленковский» стакан казался маленьким и хрупким.

— Уже много чего было сказано. Пусть живет белорусская птица — аист! Пусть он не ленится и приносит в Прибеседье побольше детей!

— Данила, ты у меня с языка сорвал. И я хотел сказать про аиста и детей, — начал Петро. — Ну, кажется, обо всем сказали. Спасибо всем за праздник. За радость встречи на родной земле. Я пью за нас, мы того достойны.

— Ну вот, видишь. И кратко, и узловато сказал, — веско заметил Долгалев. — Ну а вам, дороженькая Ева, подводить итоги. Подвести черту. Мудро получилось. До коммунизма мы не дошли, а вот к матриархату, пожалуй, придем. Все человечество. Мужики столько нахомутали, наломали дров, так что женщинам придется долго разбирать завалы.

— Говорить про матриархат я не буду. Но с вами, Михаил Касьянович, полностью согласна. А мужчин я хочу похвалить. Так вот. Дорогие мужчины! Дорогие земляки моего Петра. Я славлю Мужчину, потому что Мужчина — это жизнетворное начало. Это — Космос, Небо и вся красота вокруг. И радость нисходит от вас. Мы, женщины, принимаем то, что вы даете. Если

вы не ленитесь, то аист-батян не сачкует. Пусть же нашему роду не будет переводу. А наши реки пусть текут вовеки.

Все громко зааплодировали, Петро поцеловал раскрасневшуюся от волнения Еву, они чокнулись и допили вино.

...Через некоторое время восьмидесятые годы назовут застойными, даже — застольными. Но тогда об этом никто не знал, хотя и чувствовали, понимали, что дела идут через пень-колоду, пьют и похмеляются все: рабочие и колхозники, партийные и беспартийные, начальники и подчиненные, мужчины и женщины.

Не знала об этих людских заботах и тревогах Беседь. У нее не было застоя. Как и всегда, Река несла свою чистую, криничную воду в далекий вечный океан. Но Беседь ощущала, что люди, живущие на ее берегах, поступают бездумно: вырубают лес, строят животноводческие фермы. Река мелела, течение слабело. Русло затягивало ряской, водорослями, местами из воды выпирали лысые песчаные островки.

И все же Река надеялась, что люди поумнеют, будут беречь и ценить природу, будут заботиться о чистоте Воды. Будут учиться у нее — она, Вода, остается сама собой в любой емкости, в любом сосуде, что несвойственно многим людям в жизненной круговерти.

Течение реки и течение реки Времени нельзя остановить, повернуть вспять. О, его Величество Время! Тебя нельзя купить ни за какие деньги, нельзя одолжить. Правда, бывает, мы воруем чужое время и не всегда бережем свое. Если неудачно прошел день и человек ничего не сделал, он сетует: от, стер сегодня день, стер, как и не было.

Ты, неумолимое и беспощадное Время, все и всех ставишь на свое место. Цари и короли, миллионеры и миллиардеры были готовы пожертвовать своим богатством, чтобы приостановить или хотя бы замедлить течение жизненной реки, чтобы годы не летели так быстро. Мы стали свидетелями глобального соревнования коммунизма и капитализма. Длилось оно более семидесяти лет. «Выиграть время — значит, выиграть все», — убеждал товарищ Ленин. «Даешь пятилетку в четыре года!» — хрипло кричали большевистские комиссары. И народ давал! Женщины-солдатки в хатыничском колхозе «Пятилетку в четыре года» пахали землю на коровах, на своих усадьбах плуг тянули толокой.

И наконец, что такое человеческая жизнь? Из чего она складывается? Это — годы, месяцы, дни, часы и даже минуты. Значит, жизнь — это тоже Время. Счастье, любовь — все во времени.

Об этом думала Ева на берегу Беседи — родной реки своего мужа. Не знала она, как не знал тогда никто, что до аварии на Чернобыльской атомной станции оставалось четыре с половиной года.

До развала Советского Союза — десять лет и тридцать дней.

Перевод с белорусского автора.

Владимир МОЗГО

Только время мчится

* * *

Мостик… Переправа…
Речка, будто Лета.
Этот берег правый,
В росы разодетый.

Этот берег левый
Вышит васильками…
Утоляя гневы,
Волны бьют о камень.

Что осталось справа? —
Лишь кресты да слава.
Что осталось слева? —
Не слыхать напева.

Только время мчится
Вспененной водою
Да в волнах дробится
Солнце молодое…

Старая мельница

Совсем замшелая на вид,
Где нынче камни — грудой,
Все так же мельница скрипит
Над старою запрудой.

Здесь сквозь века не помнят дат,
Да и при чем здесь даты?
Рождали мельники — солдат
И мельников — солдаты…

Все познавали: боль и смех,
Плодов тугую завязь,
Когда мололся с неба снег,
Колючий, будто зависть.

Давно та мельница крива,
Давно стоит без дела.
Но не истерлись жернова
И память не истлела…

* * *

…А в Новогрудке самокрутку
Скрутил махорочный туман.
Травой объявлена погудка:
Чуть полежишь — и сразу пьян.

Давно минувшие столетья
По этой утренней поре
Спешат разбуженно приветить
Старинный замок на горе.

И чудится — пропахнув воском,
Зовя на ратные дела,
В Великом Княжестве Литовском
Навзрыд гудят колокола.

Твердят: «Приходит час расплаты
Для тех, в ком помыслы — не те…»
И даже ветер, как распятый,
Чуть слышно стонет на кресте.

Вильня

Здесь все пристойно и цивильно…
Манит суровой красотой
Всегда приветливая Вильня,
Где даже воздух золотой.

И понапрасну кто-то ропщет
(Разделы душ, разделы рек…),
Когда историей всеобщей
Мы породненные навек.

Как быстро время пролетело!
Но и сегодня не забыть,
Что все минувшие разделы
Сердца хотели разделить.

А в Вильне Колас и Купала
Тропу торили на двоих.
И «Наша ніва» вдохновляла
И вольный дух, и вольный стих.

Годов суровых молотильня
Никак не властна над строкой…
В душе навечно Вильно… Вильня…
Где даже воздух золотой.

* * *

Я ласкал губами алость
Нежных губ твоих.
Это только нас касалось,
Только нас двоих.

В небе звездочка качалась,
И весь мир притих.
Это только нас касалось,
Только нас двоих.

Со сватами тройка мчалась,
И робел жених…
Это только нас касалось,
Только нас двоих.

Детский плач… Какая малость —
Жизни краткий миг.
Это только нас касалось,
Только нас двоих.

* * *

Нам природа подарит права
Прикоснуться к траве… И трава

Отзовется… Звенящей листвой
Опоит небосвод голубой.

В небесах жаворонок звенит
Так, что светится счастьем зенит.

И полны полуночные сны
Синеглазым бездоньем весны.

* * *

Мне показалось — век летит
Со снежной горки.
И чей-то голос из-под плит,
И воздух горький…

Полозья выпишут сонет
На снежной неге.
Я буду помнить много лет
Об этом снеге.

Все в этом веке предстоит…
Но сквозь усталость
Мне показалось —
                    век летит?..
— Не по…
          ка…
               за…
                    лось…

Белорусский Наполеон

Памяти Наполеона Орды

Из седого минувшего он
Нам открылся, как образ на фреске, —
Белорусский Наполеон
Смотрит в душу с портретов нерезких.

Он, отеческим духом взращен,
Возвратил нам, что невозвратимо…
Белорусский Наполеон
С поэтичной душой пилигрима.

Перед ним не склоняли знамен,
Но прошествовал смело и гордо
Белорусский Наполеон
С азиатской фамилией **О**рда.

Что Париж, коль судьбе в унисон
Все тянулся в родимые пущи
Белорусский Наполеон,
Силой отчей земли всемогущий.

И поныне он не превзойден
(А французского помнят едва ли) —
Белорусский Наполеон,
Император красы и печали.

* * *

О, как же здесь дали раздольны!
(О Смольне сейчас говорю.)
Ведь Колас с Купалою в Смольне
Той ночью встречали зарю.

Свидетелем памятной встречи
В святом уголочке земли
Был звездный над Неманом вечер
И волны, что в вечность текли.

Досель неизвестно, кто прежде
Блокнот со стихами раскрыл.
Но взмыли стихи, как надежды —
Стихи воспаряют без крыл.

И замерло время невольно,
И сделались души тихи…
А Колас с Купалою в Смольне
Друг другу читали стихи.

Проводница

Молодая проводница,
И такая строгая,
Приглашает породниться
С ветром и дорогою.

А посмотрит — очи в очи! —
Да слегка зардеется,
Ты сражен, хоть нету мочи
Ни на что надеяться…

Поезд мчит себе по маю
Гулкою дорогою,
Чай в стаканы разливает
Проводница строгая.

Самому себе признаться
Опасаюсь — мало ли?..
«Вот бы с ней поцеловаться…
Ай да губки алые…»

О, мечты… Пошире двери
Раскрывает: «Станция…»
Не желаешь ссоры с Верой —
Соблюдай дистанцию.

Ну а после будет сниться
С озорной тревогою
Молодая проводница…
Только жаль, что строгая…

Перевод с белорусского
Анатолия АВРУТИНА.

Александр ВИН

Признание его литературного таланта

Рассказ

Писатель Ахматов сам придумал для себя такой псевдоним.

На перспективу, весьма масштабный, соответствующий таланту.

В один из дней прошлого февраля он окончательно решил посвятить себя серьезному литературному труду, поэтому первым делом озаботился тем, как именно в скором времени к нему станут уважительно обращаться коллеги-писатели и упоминать о нем в статьях многочисленные рецензенты.

Ахматов имел неплохой жизненный опыт: учился, служил, провел несколько лет в северных геологических экспедициях.

Суровые лесные будни и тяжесть вынужденного сосуществования с гнусными комарами впечатлили его настолько, что по возвращении из лесов в родной город он поначалу постоянно порывался рассказывать в дружеских компаниях о случаях и собственных происшествиях той поры. Первое время его слушали с восхищением, женщины считали его тогда чрезвычайно интересным и романтичным, друзья гордились таким нерядовым знакомством, но потом, пропорционально уменьшению его холостяцких финансовых возможностей, внимание к таким историям стало ослабевать, оборачиваться в сторону его хрипловатого голоса в шашлычных воскресных посиделках дамы стали реже, да и то зачастую вынужденно и невнимательно.

Сказать ему было что, он знал цену размышлениям, которые хотел донести миру и людям, поэтому ожидаемо замкнулся, стал одинок и решил не говорить, а писать о своей жизни.

Одновременно, на излете геологической популярности, он женился.

Светленькая девушка, та самая, с которой они еще в давние студенческие годы посещали литературный институтский кружок и вместе с которой вихрем восторженной юности были тогда вовлечены в активную общественную деятельность городской писательской организации, незаметно стала его женой, хозяйкой его дома и матерью двух замечательных, умненьких дочек.

В последние годы в горном институте, где он служил, благополучно возвратившись из тайги, все чаще и чаще возникали организационные и кадровые проблемы, поэтому приходилось браться за любую мелкую работу; по протекции старых друзей он периодически получал возможность читать студентам некоторые лекции, подрабатывал в институтском издательском центре, время от времени редактировал скучную методическую литературу.

Жизнь почему-то была до обидного трудной и безденежной.

Соблюдая полную лояльность к родному деканату и не отрываясь от скудных, но гарантированных возможностей бухгалтерии своего учебного заведения, все свободное от зарабатывания денег личное время он посвящал написанию остросюжетных романов, строгих, задумчивых повестей и небольших поучительных рассказов.

Перспективы были хорошие, он знал себя, он верил, что необходимо только убедить всех причастных к литературе, что его стоит читать. И издавать.

Совмещать обычную жизнь и творчество было неимоверно трудно, в первую очередь, для нервной системы. На его многочисленные, корректные и снисходительные электронные письма с предложениями текстов издательства и редакции толстых журналов ничего не отвечали, глубоко, месяцами, молчали или же издевательски требовали выслать рукописи обязательно обычной, бумажной, почтой и обещали рассмотреть написанное им в ближайшие полгода.

Все они врали, а их секретарши в своих ответах были еще и поголовно невнимательны в деталях деловой переписки и неграмотны.

Потому-то Ахматов и решил в феврале освободиться от лишнего и предельно сосредоточиться.

Нужен был прорыв. Он обязательно должен состояться и быть успешным!

На многочисленных литературных форумах сотни мальчиков и девочек, даже тыкая одним пальчиком в компьютерную клавиатуру, собирали тысячи восторженных комментариев к собственным жалким опусам, а уж он-то, со своим шикарным жизненным опытом и вниманием к точному, изящному слову, просто должен был быть востребованным. По-настоящему, профессионально, с тиражами и гонорарами.

Он обязан был сказать человечеству многое!

Он считал это своей миссией.

Жена Ахматова поначалу, в том самом феврале, даже немного расстроилась.

— А на что мы все это время будем жить?!

— Есть варианты… Нужно только немного потерпеть. Скоро у меня все получится!

В свой институт, на работу, Ахматов ходил теперь всего лишь один раз в неделю, предельно сократив нерациональные траты сил на то, что не было для его идеи стратегически важным.

В остальное время он писал.

Размышлял, волновался словами, сюжетами и образами, часами сидел за компьютером, рассылая созданное им, и только что, и в прежние времена, в журналы, в издательства, даже по адресам неведомых ему пока лично литературных агентов.

Поначалу Ахматов брезговал разными там незначительными сетевыми альманахами, маленькими провинциальными литературными журнальчиками, которые трудно, через силу, нерегулярно, время от времени издавали сохранившиеся еще в стране пожилые прозаики и поэты-энтузиасты.

Потом, спустя месяцы стыдных разочарований и презрительного молчания больших игроков литературного рынка, Ахматов стал выискивать и записывать в дневник адреса даже самых ничтожных издателей и нервно посылал свои небольшие рассказы в комиссии различных сторублевых писательских конкурсов.

Далекие столичные мальчики и девочки, одинаково глупо писавшие про драконов и вампиров, эти литературные премии выигрывали, а он, Ахматов, — нет.

Очень хотелось быть услышанным, поэтому Ахматов осознанно, краснея своим прогрессивным авторским сознанием, опустился до возобновления членства в местной писательской организации.

Там, на их собраниях, пахло кладбищенской номенклатурной сиренью, но имелась редкая возможность произнести хоть несколько слов о своем творчестве.

Дома его тоже никто не понимал.

Жена все чаще в последнее время невнимательно умолкала, отмечая тем самым задумчивую позу Ахматова, расположившегося на диване с компьютером. Отсутствие собственного кабинета создавало ему пока определенные неудобства, но Ахматов терпел, каждый раз внутренне вскипая от такого, даже легкого и незначительного, пренебрежения близкого и любимого человека к его делам.

Он тогда нервно вскакивал с дивана, выходил на балкон покурить, активно дышал морозным воздухом промышленно-металлургической окраины, понемногу успокаивался, обязательно внутренне оправдывал поведение собственной жены и вновь брался за компьютер.

Ахматов очень любил свою жену и во многом старался добиться успеха ради нее и радостей-дочек.

Обидным было только то, что она, убежденный и образованный филолог, в давние годы тоже пробовавшая писать тонкие, пронзительные миниатюры, теперь совсем не старалась понять его душевных порывов, да и сама, занятая домашним хозяйством, детьми и квартирой, прочно забросила свои прошлые опыты со словом.

Жена Ахматова имела компьютер, личный, держала его на кухне, только вот, к глубочайшему сожалению мужа, увлекалась исключительно социальными сетями, чересчур много общалась там, абстрактно, с одноклассниками, такими же замужними однокурсницами, с дальними родственниками по своей линии.

Ахматов жалел ее, убежденный, что тратить время на пустое, легкомысленное общение неразумно, нелогично и даже совсем недостойно просвещенного, с идеалами, современного человека.

Но все же иногда, вечерами, они с женой, уложив дочек спать и обнявшись в гостиной за столом, под теплым оранжевым абажуром, согласованно и с обоюдным интересом обсуждали его многообещающую литературную деятельность.

В такие минуты Ахматов чувствовал прилив нежности и уверенности, становился по-прежнему смелым и разговорчивым.

Кратко вспомнив о себе, он почти всегда с запланированным гневом переходил на текущие дела обеих городских писательских организаций.

Совсем недавно в частной беседе один из несостоявшихся областных классиков рационально объяснил Ахматову, что для продвижения своего творчества нужно не кочевряжиться, пренебрегая и брезгуя партийным опытом коллег, а необходимо непременно стать членом чего-нибудь отраслевого, литературного, поэтому он все еще и находился под впечатлением.

— В этой дурацкой писательской организации — мертвечина! Сплошные динозавры, поклоняются цензуре и злобе дня, самому младшему из них — за семьдесят! А в нашем областном литклубе, представляешь, наоборот, сплошные пацаны! У них там через слово сплошные «жру и ржу»!

Ахматов многое еще о чем, сокровенном, писательском, рассказывал в такие душевные минуты своей жене, сердясь на внешние обстоятельства.

Жена внимательно слушала его и тихо пришептывала, считая петли в вязанье.

А в личной жизни Ахматов по-прежнему, несмотря на временную нервность своего существования, продолжал быть честным мужчиной, верным мужем и преданным спутником. Поэтому-то в последнее время сильно страдал.

Жена Ахматова многого не знала.

Он рассказывал ей о творческом процессе действительно пространно и подробно, но не все.

Может, именно поэтому она так себя и вела, никак не способствуя развитию его авторского дара и таланта. Ахматову казалось, что, судя по некоторым словам, ей все труднее и труднее удавалось сдерживаться от раздражения в быту; она вроде как считала, что Ахматов много капризничает, стараясь каждую минуту уединяться с компьютером в углах их небольшой квартиры, требуя непременной тишины.

В один из дней она даже побледнела в споре, когда Ахматов выгнал дочек из-за стола, отослав их учить уроки на кухню. А когда он поздними вечерами валился с ног от усталости, жена обязательно затевала стирку и вежливо просила в таких случаях Ахматова встать с дивана и поправить ей стиральную машинку в ванной комнате.

Он прощал ей многое.

Но не желая лгать и расстраивать, не говорил ей тоже о многих вещах и событиях. Пока. Ахматов умел терпеть.

Кроме всего прочего, он так ни разу и не упомянул, достаточно доверительно разговаривая с женой, что в последние месяцы им активно заинтересовалась и вторая писательская организация их города. Представители либеральной общественности по какой-то странной причине предложили его скромной персоне, при условии перехода в их ряды, обязательную обширную публикацию в ближайшем же, финансируемом из областного бюджета, ежеквартальном писательском альманахе.

По-иному начали шевелиться, обещая практическую дружбу, и прежние коллеги, те, что считались местными патриотами и входили в ряды убежденных писателей-деревенщиков.

Запахло здоровой конкуренцией.

Ахматову начало суеверно казаться, что он становится востребованным.

О косвенной причине он, конечно же, знал. Но в семье пока ничего не говорил, потому что до конца не был уверен в правильной, достойной реакции своей жены.

Причиной его неуклонно растущей популярности была женщина.

Творческие люди, каждый по отдельности и даже будучи объединенными в коллективы, обязательно трепетно относятся к похвалам со стороны.

На Ахматова внезапно, не имея в своей основе никаких объективных мотивов и предпосылок, обрушилась слава областного масштаба.

Совершенно неожиданно в главной общественно-политической газете региона, на предпоследней полосе, там, где обычно размещались культурные новости, информация о приездах звезд и анонсы их драматического театра, появилась колонка с еженедельным обзором успехов местных писателей.

И в каждой такой колонке обязательно были хорошие, пространные, слова и о нем, об Ахматове.

Его хвалила таинственная незнакомка.

То есть, она положительно и конструктивно отзывалась не о нем самом, не как о творческой личности серьезного масштаба, а о его рассказах и повестях, мелькавших уже ранее в перечнях писательских организаций, членом и потенциальным кандидатом в члены которых он числился.

Анализ его текстов был честным, ярким и профессиональным.

Каждый вторник, с утра, Ахматов второпях придумывал уважительную причину, чтобы сбежать из дома к газетному киоску, и жадно, сминая страницы, читал там, прямо на улице, долгожданно хорошие строчки о себе.

Каждый вторник Ахматов изумлялся точным словам незнакомки, неизменно угадывавшей то самое главное и существенное, о чем он сам когда-то хотел сказать в том или ином своем рассказе или в повести.

«Вот это да!»

Практически одновременно, через неделю после первой газетной публикации о нем, такой же, но только гораздо более обширный материал появился и на самом посещаемом областном интернет-сайте, в разделе «Афиша».

И опять о нем, Ахматове, о его интересном, неординарном творчестве, о точном, правильном языке его произведений, признавая богатый жизненный опыт и уважая авторскую нравственную позицию, писала та же самая незнакомка.

Среди профессионально отточенных фраз критической направленности иногда проскальзывали и субъективные слова женской нежности, и даже, правда, очень редко, слишком уж личностные оценки тех или иных эпизодов, когда-то уж очень сильно прочувствованных и описанных Ахматовым.

Читая такое, Ахматов замирал, но жене, оберегая ее от волнений, ничего о таком повороте судьбы ни разу не посчитал нужным даже упомянуть. Хорошо хоть, что его жена, поглощенная ежедневными домашними хлопотами, совсем не читала никаких газет, да и новостные сайты и форумы ее тоже не интересовали.

Пока Ахматову в такой ситуации удавалось быть честным, но история со странной покровительницей должна была иметь свой обязательный, непредсказуемый финал.

Волны докатились и до столицы.

Почти еженедельно на почту к Ахматову стали приходить именные предложения поучаствовать в том или ином литературном конкурсе; позвонила даже одна крупная тетушка-издательница, голос которой Ахматов мечтал услышать последние два года.

Ей тоже было интересно, и она, ссылаясь на убедительное мнение интернет-аудитории, говорила, что готова издавать Ахматова. Понемногу. Но с гонорарами.

И эту приятную инициативу Ахматов также скрыл от своей любимой жены.

«Не время… Я еще… наконец-то она поймет, что я…»

С некоторым суеверием Ахматов стал прятать свой компьютер от домашних.

— Ты что-то скрываешь?

Перетирая тарелки после ужина, жена улыбнулась ему, поправила запястьем милую прядку светлых волос на лбу.

— Нет, нет! Ты что! Просто не хотел, чтобы девчонки испортили несохраненный текст…

И Ахматов неуклюже покраснел.

Любопытство терзало, но знакомых в газете у Ахматова не было, поэтому ничего узнать про автора колонки ему там так и не удалось.

Попробовал он позвонить бывшему однокурснику, владельцу того самого интернет-ресурса, который в рубрике «Афиша» умудрился совершенно бескорыстно сказать о нем столько хороших слов.

— Кто это?! Дай телефон!

Бизнесмен захохотал.

— Тайна! Мы тщательно оберегаем контакты своих авторов, конкуренция, понимаешь ли, жадные коллеги переманят стоящего профессионального критика быстро! Не рви сердце, приятель, у тебя все нормально, уверяю. Все по плану, радуйся жизни.

От ежедневных положительных новостей теперь захватывало дух.

Ахматов стал весел, сиял озорными глазами.

В субботу с утра он не мог долго спать, упруго вскочил, выглянул в окно, на солнечную улицу.

— Семейство, а не пойти ли нам сегодня в зоопарк?!

Закружились радостно дочки, бросились обнимать папу, соскучившись по давним развлечениям.

Улыбнулась жена, потерев тонкую усталую морщинку на лбу.

— Ты молодец, что такое придумал.

Поцеловала.

Они, всегда легкие на подъем, быстро собрались, дружно и дисциплинированно вышли из подъезда.

— Извини, милый, я квитанцию позабыла, куртку твою планировала сегодня забрать заодно из химчистки. Поднимешься, а? А мы с девчонками тебя пока здесь подождем…

— Эх ты, растеряша моя!

В порыве чувств Ахматов нежно обнял жену.

— На кухне, на средней полочке.

— Я мигом!

Действительно быстро, в несколько прыжков, азартно перепрыгивая через ступеньки, Ахматов поднялся к себе на третий.

Не снимая дома обуви, потянулся на кухне за нужной квитанцией, задел компьютер жены на низком столике.

Экран вздрогнул изображением.

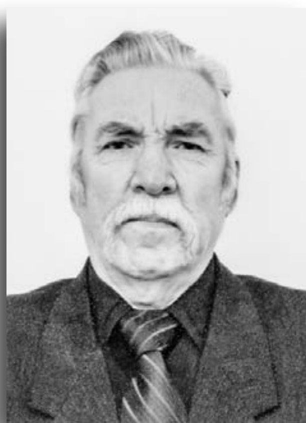
Хотелось продолжить спешить, но Ахматов все же посмотрел на строчки текста:

«…уверена, что автор этого рассказа и в очередной раз сумел показать нам, своим читателям, чарующую густоту настоящей жизни. Его герои полны силы и нежности, страсти, любви и заботы. В рассказе чувствуется несомненный опыт профессионального писателя, мастера слова…»

У подъезда Ахматов молча и сильно обнял жену, долго не отпускал ее, вздрагивая плечами.

— Ты что?!

— Потом. Все потом, милая…

Анатолий ЦИРКУНОВ

Весна дарует благодать

Проводы

Скоропостижно умер дед,
душа навеки отлетела
туда, где нет житейских бед.
Из дома выносили тело.

Несли смиренно и степенно,
на лицах значимость храня,
и похоронный марш Шопена
спокойно слушала родня.

Умолк оркестр. И тут завыла
собака — верный дедов пес,
да так, что в горле защемило
и стало муторно до слез...

Весенняя песня курицы

Затрещали весело сороки,
потому что рано поутру
распустилась ива точно в сроки,
на весеннем ласковом ветру.

В хату муха первая влетела,
воробьи затеяли игру,
у хозяйки курица запела,
охает старуха: «Не к добру».

А старик глядит на дело здраво,
говорит старухе он своей:
«Всяк весной запеть имеет право,
хоть не всяк споет, как соловей».

* * *

И со мной судьба играла,
как играет кошка с мышкой,
но и когти убирала,
награждая передышкой.

Расцветал и я весною,
молодой и непокорный,
и был ясным надо мною
небосвод нерукотворный.

* * *

Сойдя на станции конечной,
решил к усопшим заглянуть,
чтобы в обители их вечной
по-христиански помянуть.

Найти их просто — рядом свалка,
контейнер ржавый в стороне,
и чья-то детская скакалка
висит, как метка, на сосне.

* * *

Каждый грешник, греша,
должен знать, что творит,
потому что душа
и в аду не сгорит,

и напрасно молить
о спасенье в огне —
вечных мук утолить
не дано сатане.

* * *

И мне, чье время затянулось,
весна дарует благодать,
как будто молодость вернулась,
жаль только, мальчиком не стать,

чтоб босиком, задрав штанины,
плясать по лужам в теплый дождь
и быть счастливым без причины,
не ведая, зачем живешь.

* * *

В тихой и светлой метели
добрые вести весны,
гулкое эхо капели
слышу в кустах бузины,

а на кусте придорожном,
словно тряпицы шматок,
бьется в дрожаньи тревожном
летошний ссохший листок.

* * *

Дохнул ноябрь зимней стужей,
ночной мороз раздел кусты,
на ветках яблони и груши
дрожат последние листы.

И только в роще за дорогой,
среди нагих берез одна,
глядится гордой недотрогой
вечнозеленая сосна.

* * *

Кружась весь день в веселой пляске,
что так похожа на игру,
над омутом, над сонной ряской,
стрекозы ловят мошкару.

Стрекоз в прыжке хватает рыба,
показывая, что пора
ловцу за дело браться, либо
о том, что жизнь и смерть — игра.

И сам ловец, на самом деле,
мотая лески и шнуры,
на верном снайперском прицеле
у чьей-то пристальной игры.

Алесь ЖУК

Лошади детства

Рассказы

Старик и смерть

Он, кажется, давным-давно, даже всю жизнь, жил один, хотя жена умерла одиннадцать лет назад. Труднее всего было пережить зиму. К старости мир делается совсем маленьким. Отошли старые друзья, новых нет, и заводить новые знакомства не было желания. Он пробовал заводить компанию, но не получалось. Как правило, компании оканчивались выпивкой, а пить он не любил. В молодости занимался альпинизмом. Там пить не принято. Правда, удачный подъем отмечали. Еще запивали от погоды, когда идти в горы нечего было и думать. Да и от веселья, от избытка сил была выпивка в молодости, тогда не было причины заливать одиночество.

Что он имел к старости? Однокомнатную квартиру, которая осталась после замужества дочек. Они вышли замуж одна за другой, и он с легкостью разменял свою четырехкомнатку, чтобы молодые имели свой угол. Теперь муж старшей держит торговую точку, как любит говорить сам, а муж младшей дальнобойщик. Внуки уже пооканчивали университеты-институты. Их у него четверо, и они тоже живут своей человеческой жизнью.

Всю жизнь он работал в архитектурном бюро. Рабочий день по расписанию, выходные тоже. Уже и в пенсионном возрасте работал три года, просыпался в установленное время, хотя всю жизнь ленился вставать по утрам.

Веселее было с женой, он была немного болтливой, но независтливой и мужа не «пилила». Вместе они построили и эту так называемую дачу, небольшой, но уютный садовый домик. Какой-то председатель новосозданного садового товарищества обратился к нему. Он бесплатно помог с проектированием и другими архитектурными увязками и неувязками. В благодарность ему выделили участок. Надо сказать, то ли организация была «солидная», то ли председатель разворотливый, но добился он разрешения вести строительство по индивидуальным проектам, а не ставить холодные однообразные щитовые домики, как было принято. Пользуясь этим, некоторые перевезли большие деревенские избы. Старик раздобыл нового здорового леса и построил приличный домик с печкой, плюс к этому веранда, которая служила кухней, и небольшая комнатка под крышей.

Получилось так, что он будто и предвидел, что детям и внукам эти садово-огородные участки не понадобятся. Дети, пока были маленькими, с удовольствием дачничали, тут у них были и свои компании для игр, и лес рядом, в те времена довольно грибной. А когда выросли, грядки оставили старикам, пошашлычить иногда наезжали, не более. Ну и от яблок из своего сада никто еще не отказывается.

Правда, дочки приезжают регулярно, забирают и перестирывают одежду, постельное белье, привозят продукты.

Вот такова она, старческая жизнь, получилась. Можно этим и гордиться, можно и просто утешиться. Но больше всего вспоминается молодость, когда занимался альпинизмом. Чаще всего он бывал на Кавказе, но довелось повидать и суровый Тибет, и на Урале бывал, и в Саянах…

Теперь он может свободно распоряжаться своим временем. Имеет все необходимые ему инструменты, с удивлением вспоминает те времена, когда все надо было доставать. Особенно импортную мебель, продажу которой даже распределяли по предприятиям. Теперь он удивляется, что ему было интересно все это. Скорее всего, потому, что в молодости много энергии.

Забот по даче хватает. У него свое небольшое хозяйство. Первое — надо досматривать сад, заимел и грядку клубники, когда внуки были еще маленькими, потом заменил ее на садовую землянику. Да и зелень надо иметь, смешно же с дач в город ездить за пучком лука, укропа, да и ранний огурчик с грядки ничуть не лишний. Для этого с весны ставит небольшую тепличку.

Когда был моложе, то в лесу, что рядом, заготавливал дрова. Там было много молодых берез, которые под силу взять и старому человеку, и соснякового сухостоя для растопки хватало. Конечно, от таких, как он, охотников берез порядочно убыло, а те, что остались, выросли в матерые деревья, которые с его силой не взять даже с бензопилой. Дрова он покупает в местном гортопе, большие колоды оставляет зятьям, небольшие колет и сам. Печку подтапливать нужно, потому что на дачу заезжает с весны и сидит иногда до поздних холодов.

Спит минимум до одиннадцати часов, говорит, что отсыпается за молодые годы, хотя и сам иногда подумывает, что это обыкновенная старческая сонливость. В конце концов, ему для работы хватает и оставшегося дня.

Летом на даче люди, есть с кем поговорить.

Зимой занять себя в городе труднее. Комнатка, телевизор и книги на полках. Он застал еще то время, когда страна была всечитающей и книги тоже надо было доставать. Доставать лучше умела жена, он и теперь удивляется, как ей все это удавалось, да еще на итээровские зарплаты содержать прилично и одевать девочек, а порой еще и модный хрусталь добывать. Позже этот хрусталь, ненужный ему, разобрали дочки, многое перевезли на дачу.

Старик был рад за дочек, которые не затерялись в жизни, определились с семьями да и сыновей вырастили. Иногда семействами приезжали к нему на день рождения пошашлычить. Дочки накрывали на стол, мужчины занимались шашлыками. Его «коммерсант» неизменно привозил, как он говорил, бутылку фирменного бренди, которую, практическим, сам и выпивал, остальное немного пригубливали. Внуки не пили даже и пиво, вели свои малопонятные ему «компьютерные» разговоры. Старика удивляло, что в этом во многом непонятном ему мире у молодежи появилась мода на непитие и некурение. Тут зятья были и понятнее, и ближе.

Когда гости разъезжались, старик пытался думать о своей жизни, о жизни своих детей и внуков и в конце концов понимал, как далеко вперед ушла жизнь и что он остается в самом конце ее… С тем, слегка захмелевший, и засыпал спокойно и крепко.

У него была счастливая черта характера: он не умел таить обиду на людей, а на своих детей тем более, что-то требовать от них. У них была своя жизнь. Он даже с юмором воспринимал тогдашнее столпотворение на перронах электричек. Тогда считалось, что каждый нормальный человек должен иметь «дачу». Он, естественно, не попал в первую волну раздачи. Считалось, что

товарищества должны были решить проблему садово-огородного обеспечения страны. Проблему они не решили, но проблему летнего отдыха детворы в те времена решали успешно. Тогда детьми дачи буквально кишели, звенели детскими голосами и лес, и поле, пока родители копались на огородах.

Старик так и не заметил, как неумолимо начался укорот его жизненного пути. Сначала стали тише женские голоса, убывало на дачах детворы. Люди, наверное, как и деревья в лесу, не замечают, что их становится меньше. Только грибники все чаще и чаще спотыкаются об упавшие стволы.

На природе, когда все живое начинало отходить в зимнее безмолвие, не особенно угнетали долгие вечера, потому что дачники все же объявлялись в погожие дни, особенно если продолжалось грибное время. Исключением были дождливые ветреные дни, когда дожди хлестали по стенам избушки и днем, и ночью, но приятно утешало тепло от натопленной печки.

А вот угнетенность от одиночества в городской квартире, особенно в первой половине зимы, с годами начала переноситься все тяжелей. Старик не находил себе занятия, не утешали и книги. Хотя он заметил, что книги имеют удивительную способность — со временем восприниматься по-другому. Ни с того ни с сего хотелось перечитать Тургенева, особенно его ранние молодые повести, убаюкивала спокойная размеренность «Дворянского гнезда». Он иногда думал: зачем ему, старику, ранний Тургенев? Или зачем набивать голову новыми знаниями, если уже совсем скоро не станет и его самого со всем приобретенным опытом. Однако утешение было: наверное, так Бог сотворил человека, а тот, в свою очередь, придумал загробную жизнь. Получалось, что он накапливает знания для той загробной жизни. Это горько веселило и взбадривало.

А потом старик, в начале зимы, когда начали браться небольшие сухие чистые морозики, нашел неожиданно для себя занятие.

Сколько раз он проходил в Троицком предместье мимо небольшого, словно игрушечного памятника, не особенно обращая на него внимание. На памятнике бодро шагал старичок с котомкой и крепким кием в руке. И старику показалось, что этот человек чем-то похож на него. И главное, что шел он уверенно, зная, куда идет. Была в этом человеке какая-то непонятная и привлекательная ясность.

Потом старика от этого памятника что-то повело — иначе и не скажешь — в Купаловский парк. И не к монументальному поэту, а к девушкам, которые в любую пору года неутомимо отпускали свои венки надежды. Была какая-то магия в этом металле. Дальше — больше, он начал присматриваться к кузнечной работе на решетках балконов старых зданий, редких уже, в глухих закоулках города.

Нового, выросшего на большой площади города он не знал, не мог охватить его.

Теперь старик в сереньком коротковатом пальто, в ушаночке, уши которой были связаны на затылке, с тросточкой, смастеренной самим из можжевельника, ежедневно отправлялся по городу. Он любовался танцующими девочками на былой Парковой магистрали, сидел на лавочке рядом с девушкой в привокзальном скверике, любовался каретой возле восстановленной ратуши. Если бы наблюдать за ним со стороны, могло сложиться впечатление, что человек что-то настойчиво ищет. В своих поисках он чувствовал себя легко и бодро даже в морозные дни. Его неброское пальто было на меховой подкладке, удобные варежки согревали старческие руки.

И чем больше старик блуждал по городу, тем чаще вспоминал места, где не только жил, а и часто бывал когда-то. Вспомнилось ему и старое Слепян-

ское озеро. Оно зарастало, мелело напротив Ботанического сада. С другой стороны вдоль него возвели девятиэтажки. Но озеро продолжало жить, и вдоль ручья, от которого оно начиналось, на болотине раскошествовали высокие тростники. Где-то там стояли здания из красного кирпича, возможно, усадьбы Ваньковичей.

Еще тогда старик вышел на окраину парка Челюскинцев. Туда мало кто добирался — все аттракционы были поближе к проспекту. На краю парка он обнаружил обелиск, который свидетельствовал о том, что во время войны там были расстреляны люди… И с той возвышенности открывалась вся заросшая тростником ложбина, и не было видно самого зеркальца озера.

Старик начал искать это место, хотя знал, что после реконструкции Слепянской водной системы, где каналы ровно выложены плиткой, где все перестроено, уже не будет тростниковых зарослей.

Однако опять что-то вело старика на то место, ему надо было побывать там.

Старик нашел тот бугор. На нем росла старая, в два ствола ива. У комля кора на ней, как у древних воинов, была похожа на латы, которые покрылись мхом.

Возможно, сильным ветром один ствол было сломан и скручен. Поэтому смотрители парка просто отпилили его, и ива осталась жить с одним стволом, мощная, роскошная, она потихоньку зарубцовывала рану, и получилось удобное сиденье... Оно оказалось удобным, и время от времени старик начал приезжать к иве, садился, укладывал руки на тросточку. Зимнее солнце пригревало лицо, и глаза невольно закрывались… И ему начинало казаться, что под ветром волнуется целое тростниковое море и он слышит его шепот, такой приятный и ожидаемый…

Таким старика и нашли случайные лыжники. Он сидел, положа руки на тросточку, спокойный и умиротворенный. Лыжники едва не пошли дальше, и смутило их только то, что следы к иве давно засыпаны снегом и снег нетронуто лежит на человеке…

Лошади детства

Я всегда помнил о них, но к старости они начали вспоминаться и сниться все чаще. Где-то с двенадцати лет мы с нетерпением ожидали в конце весны школьные каникулы. Впереди было лето, и с нами все это время были лошади. Начали мы привыкать к ним еще раньше, когда были поводчиками у старших ребят, когда окучивали картошку. Сидели на лошади и управляли ею, чтобы шла в междурядье. А потом поняли, что лошади быстро усвоили эту науку, в конце поля они сами заворачивали и становились на следующий заход.

На целое лето у каждого из нас была «своя» лошадь. Мне досталась черная кобылица Чайка с белой звездочкой на лбу, довольно спокойного нрава. Более шустрые лошади достались ребятам постарше. Поля нашей деревни были большие и длинные. Работа довольно однообразная, зато перерывы на отдых были занимательными. До чего мы только не додумывались! Теперь не все и упомнишь. Даже заставляли колхозных лошадей прыгать в высоту. Натягивали вожжи, и лошади покорно прыгали. Но главным удовольствием была езда в поле и с поля. Поэтому мы любили, когда картошка была посажена на дальних полях. По концам деревни в поле вели две «стенки» шириной метров в сорок — прогоны, по которым можно было прогнать на пастбище

и стадо коров. Вот тут и начиналось главное — езда наперегонки. Какое это сладкое и счастливое чувство, когда лошадь в полный карьер несет тебя над землей, ты сливаешься с лошадью в одно целое, только слышны копыта, стук собственного сердца и ветер в ушах! И тогда кажется, что ты не на полевой дороге, а летишь над землей и вот-вот взлетишь далеко и высоко. Но за счастье полета приходится платить. Земля не хочет отпускать от себя земного человека. И мы частенько падали с лошадей, а иногда и вместе с ними, на жесткую полевую дорогу.

Начинала уже цвести рожь, мы веселой стайкой ехали с поля домой на обед, и естественно, наперегонки. Возле самой деревни неизвестно откуда вдруг взвился небольшой вихрь, взметнул пыль и откуда-то с обочины бросил коням под ноги кусок старой порыжевшей газеты. И стройный, бело-седой в мелкую крапинку Рысак, который был под Володей Кубанским — наверное, не чистых кровей, но быстрый на бег, — на полном скаку испуганно шарахнулся в сторону. Володя тяжело упал на полевую дорогу. Упал и некоторое время лежал неподвижно. Мы испуганно остановились, подъехали к нему. Остановился и Рысак. Мы помогли Володе встать на ноги, испуганные и притихшие. Володя как-то туманно смотрел на нас, словно свалился с неба и видит впервые. Из ушей у него тоненькими струйками текла кровь. Нам стало страшно, мы подвели Рысака, и тот неожиданно опустился на колени. Дальше ехали медленно... Двое вели Рысака под уздцы.

Позже удивленно вспоминали, как Рысак опустился перед Володей на колени, видно, в его крови была и благородная лошадиная кровь.

Красивого, тонконогого Рысака люди обычно просили у бригадира, чтобы съездить в гости, на свадьбу. При нем празднично смотрелись застланные разноцветными самоткаными постилками телеги и сани, да и сами поезжане.

Сивая кобылица Зебра, с темной шерстью в белых коричневых крапинках, широкая в кости, с коротковатым туловищем, была сильной, могла привезти из леса ладный воз с дровами. Кличку Зебра она получила из-за своего строптивого нрава.

Жаркими летними днями в полдень не только мы отдыхали дома, но и лошади в конюшне с настежь открытыми дверями. Перед тем как ехать опять в поле, лошадей надо было попоить. Для этого в деревне у колодца стояли специальные выдолбленные из толстых бревен длинные корыта. Лошадь пьет только свежую чистую воду, если вода слишком холодная, она медленно тянет ее сквозь зубы.

Зебра напилась воды, но идти работать не хотела. Когда я хлестнул ее по бокам поводьями, начала лягаться, подбрасывая круп вверх, завертелась на одном месте, чтобы сбросить меня. Я еще раз потянул ее поводьями, она начала мотать головой, пытаясь достать меня. Я еле успевал уклоняться от ударов и удерживаться верхом. Хлопцы, которые уже были на лошадях, взяли Зебру с боков и сзади в кнуты. Зебра рванулась вперед, еще раз мотнув головой назад. И все же попала мне в переносицу. В глазах у меня стало звездно, из носа потекла кровь. Зебра несла меня к конюшне, намереваясь с ходу влететь в нее. Ворота в конюшню были низкие, и мне, чтобы не разбить голову, пришлось падать наземь.

Через много лет, когда я был уже взрослым, доктор спросил у меня:

— Вы занимались боксом?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— У вас искривлена переносица. Можем исправить.

Я отказался, эта искривленная переносица не мешала мне жить. И вспомнил Зебру.

Клички коням давались всегда точные. Другая кобылица, темно-каштановой масти, посильнее Зебры, была и туловищем подлиннее, кличка Львица очень подходила ей. А самым приметным в деревенских табунах был Пегий, он имел черно-белый окрас, как корова.

Ну а попасть в ночное было уже признанием взрослости. Кто из мальчишек откажется провести ночь у костра в ночном! Да и назавтра не надо было идти на работу, надлежало высыпаться.

Еще с вечера мы начинали готовиться к ночному, заготавливали дровишки и ветки, собирали на пастбище высохшие коровьи «блины». Дров должно было хватить на уголья, в которых запекалась бульба, а кизяк должен гореть всю ночь и согревать нас. Конюх дядя Федя, искалеченный войной и в немецком плену, с вечера подремывал в своем длинном вылинявшем брезентовом плаще, покуда мы разжигали костер, запекали бульбу. Потом вместе с нами ел бульбу, посыпая ее солью, и отправлял в обход табуна свою остроухую собаку Волчка. Кобылу Львицу и своего Волчка он любил и гордился ими, это была его жизненная радость.

Начинались его рассказы о лошадях, а потом и о волках, которые любят ночью подходить к табуну и могут унести жеребенка, когда его мать с малышом неосмотрительно выйдет из табуна.

Однажды во время такого рассказа Волчок ни с того ни с сего начал жаться к ногам дяди Феди.

— Смотрите! И вправду говорят: о волке помолвка, а он тут как тут.

Дядя Федя поднялся, сел на свою Львицу и поехал вокруг табуна, громко покрикивая на лошадей. Волчок остался с нами у костра.

Под утро сильно клонило ко сну, утренняя роса студила босые ноги. Тогда каждый из нас находил в табуне свою лошадь, влезал на нее, ноги засовывал ей под мышки, ложился на лошадь, и она грела нас своим теплом…

Светлело небо на востоке, этот дальний свет понемногу зеленел, поднимался выше, небо синело, а потом и светло, тонко розовело. Но нам было не до утренних красот.

А потом приходило утро и начинало вставать солнце.

После того как оканчивались наши работы на картошке, оканчивалась и работа веселой гурьбой. Когда мужчины уезжали на дальние сенокосы, мы вместе с женщинами свозили с лугов сено, высушенный клевер. Подростками мы умели косить, пахать, класть возы сена и снопов. Вместе мы собирались только после работы. Еще не все старицы спрямленной реки заросли. Одна из стариц называлась Конской, и в ней, в живой еще реке, купали лошадей.

Мы подрастали, нас уже начинали интересовать девчонки и вечеринки…

Эпоха колхозных лошадей окончилась довольно быстро, когда на полях появились «Белорусы». Они за несколько дней вспахивали, боронили, окучивали, привозили, отвозили грузы, умели делать очень много колхозной работы, да и не только колхозной, а вообще крестьянской. И два табуна лошадей для одной, пускай и большой, колхозной деревни стали лишними. Чья-то голова придумала скармливать лошадей свиньям для увеличения привеса. Свиньи тут ни при чем. Это люди убивали лошадей моего детства.

На другом, высоком берегу когда-то полноводной реки был Большой Курган, вокруг него, на склоне и по полю, маленькие курганы. Все это люди называли Шведскими курганами. На курганище росла небольшая березовая роща. Березы были необычными, не гонкими, а искривленными, кора на них

не тонкая, а корявая, как на старых деревьях. Они больше напоминали карельские березы, встречающиеся и в Беларуси. Привычные нам березовые рощи вдоль реки были вырублены во время Первой мировой войны на военные укрепления. Рощица сохранилась, там соорудили летний лагерь для свиней, чтобы хрюшки во время жары могли отдохнуть в теньке, да и жижа по склону ручейком стекала в реку из этого свиного летнего лагеря.

Тропинкою через эту рощицу мы ходили в школу, которая находилась в соседней деревне. В тот день по дороге из школы я увидел возле навеса нашего колхозного конюха Деда Дужего, невысокого, но крепко сбитого мужичка. Прозвище свое он получил за то, что выпившим, возвращаясь домой, во всю глотку орал: «Я дед дужий!» Он очень ловко навязал на вбитый в стену крюк лошадь, потом замахнулся и изо всей силы ударил лошадь обухом топора между ушей. Лошадь рванулась, взвилась свечкой и замертво рухнула на землю.

Так впервые и единственный раз в жизни я увидел убийство. Оно потрясло меня.

Мне кажется, с тех пор я не люблю людей, люблю детей, собак, зверюшек…

Женщины? А они, возможно, и не люди, а какие-то другие существа, живущие вместе с нами. Мы пытаемся разгадать их испокон веков, не разгадали и не разгадаем. Но мы не можем жить без них, как и они не могут жить без нас.

Давно уже не стало Шведских курганов, и даже Большой Курган разворотливый председатель по фамилии Павлюдь раскопал и отсыпал им дорогу от конторы к небольшому ручейку, в который превратилась бывшая река. Или, может, пытался выкопать из-под того кургана золотую карету?

А березовая рощица уцелела, такая же кряжистая и навечно вросшая в землю…

Многое не сохранилось. Нет журавлиной дороги над полями моего детства. Журавли, лошади, жито, жизнь — все это из одного святого для меня ряда.

В больших, грустных глазах лошади отражался в начале жизни весь мир и ты в этом большом мире. Будь на то моя воля или средства, построил бы памятник Его Величеству Коню — труженику и воину.

И теперь разъединение с этим миром представляется мне дорогой из вечной печали полей в белый, как молоко, туман речной долины, в который ты погружаешься на лошади, как в неизведанное непонятное бытие, которое по сути своей и есть небытие, и туман закрывает, закрывает сперва коня, а потом и тебя самого.

И на этой последней дороге тебе обязательно увидится детство…

Перевод с белорусского автора.

Ирина КАРЕЛИНА

Я собираю себя из обрывков песен

Одесса

В сумерках город становится слишком тесен.
Щупальца улиц бесшумно вползают в окна.
Я собираю себя из обрывков песен,
солнечных песен, набрякших одесским соком.

Северный ветер не станет рассветным бризом,
пыльные камни не станут морской ракушкой.
Знаешь, все дни уместились в одной репризе:
чудный мотив — ты шептал мне его на ушко.

Где ты сейчас? Наверное, там, где горы
каждую ночь окружаются звездным нимбом.
Может, ты видишь, как солнце, прощаясь с морем,
катится в пропасть по горным крутым изгибам.

Сколько тональностей знают морские волны?
Сколько симфоний играет оркестр прибоя?
Ты говоришь мне, что больше не будет больно, —
я тебе верю, но верить едва ли стоит.

Время коварно и хищно, совсем как плесень —
память затянется мутно-зеленой пленкой.
Я постараюсь сберечь лишь одно: Одессу,
точно такой же — янтарной.
Хмельной.
Влюбленной.

Мы встретимся…

Бесшумное животное — туман.
Он высосал из города всю душу.
Без солнца эти улицы — ловушки,
без солнца эти площади — тюрьма.

Раскрыли клены листья-веера,
чернеют вдалеке глазницы окон,

мне даже утром — страшно одиноко,
а что уж говорить про вечера...

Чернилами дождя залит асфальт.
Я жадно пью серебряную влагу
и спешку заменяю тихим шагом,
хотя на остановке ждет трамвай...

Наверное, здесь каждый обречен
искать кого-то грустными глазами.
А я пророчу, кутаясь в тумане:
«Мы встретимся, когда мы совпадем».

* * *

Открыться новому. Смириться с неизбежным.
Найти свое в извечной круговерти.
Теперь я знаю, что такое нежность:
она врастает глубоко и прочно в сердце.

Она пустила в моем теле метастазы,
но я учусь быть сильной и спокойной
и говорить, оттачивая фразы,
когда внутри накатывают волны.

Я все о том же, только слов, боюсь, не хватит.
Перебороть бы эту странную усталость…
Еще чуть-чуть — и я пойду на паперть
просить стихов: во мне их не осталось.

А осень путается кошкой под ногами,
едва ли новое допишется до точки.
Но я клянусь — какими есть богами,
что о тебе не напишу ни строчки.

Промчится дождь с большой малярной кистью,
и желтый город станет грязно-серым.
Проходит все — мудрейшая из истин.
Пройдешь и ты… когда-нибудь, наверное…

Алешка

Переспелый сентябрь склонился к земле,
и повисли дожди вместо штор на карнизе.
По ночам я любила сидеть на окне,
за окошком напротив играли «К Элизе».

Ликовал под руками седой инструмент.
«У Алешки — от Бога», — твердили соседи.
Даровитый мальчишка двенадцати лет —
не по-детски задумчив, серьезен и бледен.

На пюпитре рояля белел нотный лист…
Нотный лист! Злая шутка соседских детишек.
Оборвался аккорд. Молодой пианист
вдруг прижался щекой к полированной крышке.

Он не плакал. Казалось, он просто продрог
и нащупывал свитер дрожащей ладошкой.
В этот вечер со мной разговаривал Бог
через тонкие пальцы слепого Алешки.

* * *

В тот день я заварила чай с малиной.
В саду переливалась флейта Феба...
Два облака, как будто два дельфина,
ныряли в перламутровое небо.

В тот день мне так неистово дышалось!
Звучало лето странною репризой.
«Все это было, было! — мне казалось. —
В неясном сне, а может, в прошлой жизни...»

Тот день взорвался праздничным закатом...
А мне хотелось, сбросив маску взрослой,
за ним вдогонку мчать на самокате,
рискуя и коленками, и носом...

Под вишней за калиткой по соседству
мальчишка делал лодочку для мамы...
В тот день я повстречала свое детство,
и кажется, оно меня узнало.

* * *

Дождь слизал шершавым языком
слой июльской пыли
с желтого каштана.
Я вчера за старым сундуком
отыскала крылья —
крылья! В куче хлама.

Я решила: срочно в небеса!
«Есть один вопросик...»
Бог сказал: «Дружище,
я отвечу прямо: чудеса
прячутся под носом —
там, где их не ищут».

Валентина АБАНИНА

И нет надежды отыскать слова

Ищи меня где хочешь

Теперь ищи меня где хочешь!
В пустых проемах,
Бликах встречных фар,
И в черных силуэтах против света,
И в укоризненном молчании гитар.

Мой запах притаился в глубине
Кофейных чашек,
В шерсти теплых кошек,
На дне флакона маминых духов.
Теперь ищи меня где хочешь:

В неизданных томах моих стихов,
Во взглядах женщин,
Послевкусии муската,
В случайных фразах,
Отражениях зеркал.

И даже там,
Где никогда бы не искал:
В своей постели…
Рядом с Ней, с Другой.
Глаза закрой и слушай в тишине
Мои шаги в твоем запретном сне…

* * *

В словах, не сказанных тебе, — фруктовый лед,
Цвет стрекозиных крыльев, хвост кометы,
Импровизация для флейты и полет
Снежинок — балерин кордебалета.
Еще корица, запах кофе с коньяком.
Слова озвученные — сыплются песком…

Вся в черном…

Вся в черном до запястий — си минор,
Как новобрачная на негативе.
К рассвету прошлогодний разговор
Растаял льдом в аперитиве.

О предопределенность мизансцен!
Через минуту он закроет двери
Без громких обвинений и без сцен,
Не осознав бесценности потери.

Символика узоров на ковре
Пополнится набором тайных смыслов,
И что-то безнадежное извне
Попросится с настойчивостью мысли.

Серебряная пыль при свете окон
Разучит па причудливой кадрили.
И мир вещей сожмется в плотный кокон,
В котором бабочку живьем похоронили.

Вся в черном до запястий, как вдова,
И нет надежды отыскать слова…

Чужая

Когда я, бескрылая, безрукая,
Извивалась между этажами,
Каждая ступенька вслед мяукала
Пыльными, костлявыми котами.

Упиралась в страх и холод стопами,
С новым домом снова порывая.
«Посмотри! Я тоже вся истоптана!» —
Лестница прошамкала хромая.

Шевеля изгибами, изломами,
Штукатурка век свой доживала,
Распускаясь гиблыми и злобными
Пятнами. Я одного желала:

Прутьями перил две тонких линии
Пережать, судьбу опережая,
Где пульсирует невыносимое
Осознание: я для тебя чужая.

Анна МАРТЫНЧИК

Мне обмануться нельзя...

Чувство собственного достоинства?

Ног не вымоем гостю пришлому,
Впустим в дом да не спросим отчества...
Вместо чувства любви ко ближнему —
Чувство собственного достоинства...

И во всякого, кто за грех гоним,
Бросить камешком в грудь не совестно...
Коль не бросим, так звонко выроним,
С чувством собственного достоинства!

Обольстились пороком гордости!
Прежде было о том пророчество...
Восстает вопреки духовности
Чувство собственного достоинства...

С возвращением

Тишь деревни не посмею потревожить.
Каждый двор свои объятья распростер!
«С возвращением!» — хвостом махнула лошадь,
Клубом дыма поприветствовал костер.

Сеть тропинок разрослась во все четыре,
Мне отрадно и тоскливо… не впервой…
Здесь и дышится, и чувствуется шире —
Средь величия раскинувшихся хвой.

Расцвели в запруде желтые кувшинки,
Белым соком светел яблоневый плод…
Деревянный крест встречает на развилке,
А вокруг ветра сроднились в хоровод.

Ближе к дому — и рубаха к телу ближе,
Образ матери сквозь серый омут слез…
«С возвращением…» — встревожило затишье…
Укоризна?..
Ликование?..
Вопрос?..

Не удалось

Не удалось уверовать да не маяться.
«Иже еси?» — не нашедший ответа вопрос.
Просто ли исповедоваться да каяться —
Не усомнившись... искренне и всерьез?

Есть ли оно — всесильное покровительство?
Мне, заплутавшей в трех соснах, позволь постичь!
Разве чураюсь послушного ученичества?
Разве не откровенен душевный клич?

Ты ли даруешь счастье мирским творениям?
Ты ли прощаешь путь, что зовут судьбой?
Я не прошу воскрешения, исцеления...
Просто не дай молиться себе самой...

Мне обмануться нельзя! Оттого — сомнения...
Чувством постичь *Всевышность* не довелось.
«Иже еси?»... — Нет ни голоса, ни явления.
На языке — «Аминь», а в уме — «Авось»...

То ли в надежде... может — в кошмаре смертности,
Ближних своих провожая в последний путь,
Словно не в счет подозрения повседневности:
Ладан на вдохе, при выдохе — крест на грудь.

Трезвость... гордыня... да злая истома ревности
Не позволяют жалиться и взывать.
Все относительно... — следствие эфемерности.
Мать и Земля бесспорны... Земля и мать!

Рене БАРЖАВЕЛЬ,
Оленка де ВЕЕР

*Девушки и единорог**

Роман

Часть 3

Пять сестер и единорог

Ей никак не удавалось справиться с волосами. Она никогда не занималась своей прической одна, ей всегда помогала Молли. А сейчас волосы сопротивлялись, выскальзывали из рук; отдельные пряди устремлялись то правее, то левее от нужного места. Она начала нервничать, уже было слишком поздно, ей стало холодно, она устала. Шаун снял колесо, извлек из покрышки камеру, накачал ее и опустил в ручей, чтобы определить с помощью цепочки воздушных пузырьков место прокола. Он расстелил на траве грязную, всю в масле, тряпку и разложил на ней инструменты. Проверив камеру, он очистил ее, смазал клеем место прокола и наложил на него небольшой кусочек резины.

Потом сказал:

— Нам придется подождать, пока клей не высохнет.

— Подождать? Ты знаешь, сколько сейчас времени?

Он спокойно ответил:

— Знаю… Но я также знаю, что место склейки должно просохнуть.

Она ухитрилась, наконец, укротить волосы и спрятать их под шляпкой и вуалью. Шаун собрал колесо и бесконечно долго накачивал его. Мотор некоторое время капризничал, потом все же чихнул несколько раз и заработал. Шаун взобрался на свое сиденье, натянул перчатки на грязные руки и надел каскетку.

— Мне не нравится эта каскетка! — крикнула Гризельда, стараясь перекричать мотор.

Шаун включил задний ход, развернулся, успокоил все три цилиндра и ответил:

— Мне тоже.

Когда они выехали из леса, он добавил:

— Ты скажешь, что мотор вышел из строя и мне долго не удавалось запустить его… С этими автомобилями никогда не знаешь, что может случиться…

— Я не умею лгать! — сказала Гризельда.

— Разве мы можем сказать что-нибудь другое? — пожал плечами Шаун.

Она взглянула на него, пораженная истиной, о которой до сих пор отказывалась думать.

Длинный летний день еще на закончился, солнце висело над горизонтом, но в Сент-Альбане все должны были уже сидеть за столом.

Машина быстро двигалась к багровому горизонту, и в тот момент, когда они увидели море, правая передняя шина снова испустила дух.

---

* Окончание. Начало в № 1, 2 за 2016 г.

Гризельда едва не вспылила, но, быстро сообразив, насколько абсурдным был бы ее гнев, рассмеялась.

Она сошла с машины, а Шаун снова взялся за колесо.

Гризельда сказала:

— Думаю, мне стоит дальше пойти пешком…

Не оборачиваясь, Шаун бросил:

— Может быть…

Но она не ушла. Стоя за спиной Шауна, смотрела, как он возится с колесом. Вскоре она снова начала нервничать.

— Это надолго? Потом опять придется ждать, пока клей просохнет?

— Да, конечно…

Он накачал проколотую камеру. Но воды поблизости не оказалось. Тогда он плюнул на место предыдущей склейки и размазал слюну пальцем. Гризельду чуть не стошнило, когда она увидела, как надулся и тут же лопнул небольшой пузырек.

Шаун сказал:

— Мы слишком мало ждали, клей не высох, и воздух продолжает выходить.

Сорвав с камеры наклеенный кусочек резины, он принялся за ремонт. Снова та же последовательность операций: почистить камеру, поскоблить ее, намазать клеем, ожидать. Не прекращая работы и не поворачиваясь лицом к Гризельде, он говорил:

— Покрышки сильно изношены. Сэр Лайонель заказал новые, но неизвестно, когда они прибудут. Не знаю, сколько еще можно проехать на старых, и я не представляю, как долго проработает мотор до серьезной поломки. Не знаю, как долго мы сможем скрываться от любопытства окружающих. Мне также не известно, как долго твои родители не будут замечать ничего странного в твоих продолжительных прогулках…

Он выпрямился и повернулся к ней.

— Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что теперешнее положение дел не может продолжаться, оно не должно продолжаться, это невозможно…

— Замолчи!.. Почему ты так говоришь?

— Ты знаешь, что это правда… Единственное, что может соединять нас в этом мире, — это автомобиль… Стоит лопнуть какому-нибудь болту, и мы больше не сможем встречаться…

— Это неправда!

Она была в ужасе, она не хотела ничего слышать. Подавив рыдание, она попыталась обнять его, но Шаун отступил и сказал:

— Осторожней! Здесь нас могут увидеть, мы слишком близко… И у меня грязные руки…

Он склонился над камерой, наложил на прокол новую заплатку и стал собирать колесо. Он продолжал говорить, не глядя на Гризельду:

— Я достаточно долго любил тебя, скрываясь, как вор. Если я ничего не значу для тебя, неважно, пусть продолжается так, как продолжается, тем хуже для меня… — Он повернулся к ней и почти выкрикнул: — Но я хотел бы, чтобы это продолжалось всегда!

— Всегда?

Она была испугана. Произнесенное им слово поразило ее. Она никогда не думала о будущем. Она целиком находилась в настоящем и не хотела знать ничего другого. Была счастлива, когда ждала, была еще больше счастлива, когда встречалась с ним и могла любить его, была счастлива, когда снова начиналось ожидание. Ее счастье находилось вне времени, вне обстоятельств, оно не требовало размышлений о будущем.

— Ты несчастен сейчас? Зачем мучиться напрасно? Если не будет автомобиля, мы придумаем другой способ, чтобы встречаться…

Шаун промолчал. Поставив колесо на место, он запустил двигатель. Они двинулись к морю. Солнце почти касалось горизонта. Внезапно он сказал:

— Думаю, мне нужно уехать…

На несколько секунд она потеряла возможность слышать и видеть. Окружающее ее пространство замерло и пропало. Через некоторое время она все же смогла сделать вдох:

— Что ты сказал?

— Я хочу уехать!

— Уехать?

— Да, уехать!

— Куда?

— В Америку.

— В Америку? Или еще дальше? И что ты будешь делать там?

— Начну новую жизнь…

— Какую жизнь?

Она была в ярости, потому что ей было очень больно. Немного поколебавшись, он сказал осторожно, словно зная, что говорит нечто абсурдное, смертельно опасное:

— Мы можем начать совместную жизнь… Ты и я…

Гнев Гризельды мгновенно угас. Ее сердце охватил смертельный холод, как будто она услышала приговор: «никогда». В то же время, Шаун почувствовал себя более уверенно. Неожиданно он поверил, что его план возможен, и принялся объяснять:

— У меня есть друг в Детройте, он недавно написал мне. Он делает сельскохозяйственные машины, велосипеды и хотел бы заняться производством автомобилей. Он предлагает мне работать у него, говорит, что сначала будет очень трудно, но в этом деле можно хорошо заработать, сделать состояние… В Ирландии надеяться не на что, если Парнелл не изменит свою политику, все пойдет прахом… — Потом он закричал: — Я же не могу привести тебя в комнату для прислуги в доме леди Августы! Или обосноваться в Сент-Альбане как зять, согласный на любую работу!

Она тоже закричала:

— Но кто говорит здесь про зятя? Это же цепи! На всю жизнь! Ты сошел с ума!

Ледяным тоном он произнес:

— Ты просто не любишь меня.

— Ты ничего не понимаешь!.. Я люблю тебя!.. Но я еще не начала жить своей жизнью! Ты не можешь требовать, чтобы связать мне руки и ноги! Сейчас и навсегда!

Они остановились у начала дамбы. Сойдя с машины, он подождал, пока Гризельда спустится на землю. Его взгляд мешал ей, он обвинял и заставлял защищаться. Ей была ясна ее точка зрения, конечно, несколько противоречивая: он дарил ей любовь, которую не мог дать ей никто иной, она не хотела терять его, она любила его, но задыхалась при одной мысли оказаться связанной, лишенной свободы. Она не хотела оказаться взаперти, как возлюбленная Мерлина.

Он сказал:

— Вот ты и дома… Ты привязана к нему сильнее, чем ко мне… Тебе нравится заниматься любовью со мной, но при этом ты не хочешь терять то, к чему привыкла…

Ее охватил приступ бешенства.

— Ты идиот! Безнадежный дурак! Я способна бросить все, и ты знаешь это! Единственное, что я не хочу потерять, это моя свобода! А теперь перестань мучить меня! Оставь меня в покое! Уходи! Я больше не хочу видеть тебя!

Шаун почувствовал необычное спокойствие. Ему показалось, что он очутился где-то в другом месте. Не сказав ни слова, он сел в машину и передвинул рычаги с сухой четкостью, которую придает действиям мужчины гнев или отчаяние. Машина тронулась, развернулась на пятачке перед началом дамбы и быстро удалилась. Он так ни разу и не посмотрел в сторону Гризельды.

Застывшая на месте, оцепеневшая Гризельда с отчаянием поняла, что больше никогда не увидит его. Она хотела броситься за ним, выкрикивая его имя, но гордость не позволила ей сдвинуться с места и произнести хотя бы слово. Всеми силами души она хотела, чтобы он вернулся и обнял ее, но если бы это случилось на самом деле, она кинулась бы на него с кулаками, била бы его ногами, разорвала на кусочки… Потом, конечно, разрыдалась бы и кинулась к нему в объятия…

Пока боль и гнев сражались в ней, машина исчезла из виду. Кричать и догонять было уже бесполезно. Шаун уехал.

Гризельда побежала к дому. Море отступило, и запах водорослей показался ей запахом гнили, а крики чаек звучали так же зловеще, как карканье воронов.

Ардан встретил ее на середине дамбы, извиваясь от радости. Она наклонилась, чтобы приласкать его, и почувствовала, что немного успокаивается.

Леди Гарриэтта ожидала ее в холле, и Гризельде пришлось солгать. Она добавила поломку мотора к двум проколам и отказалась, когда мать предложила ей поужинать.

— Я не хочу есть… Я выпила молока… Мы останавливались на какой-то ферме… Шоферу, — она не смогла произнести имя Шауна, — нужна была вода, чтобы починить камеру…

— Нужна была вода для починки?

— Да, чтобы увидеть пузырьки.

— Чтобы увидеть пузырьки! — с восхищением повторила леди Гарриэтта. — Они совершенно фантастические, эти механические повозки!

Тем не менее, ночью Гризельда не выдержала. Она бесшумно спустилась на кухню и мгновенно уничтожила половину холодной курицы. Избавившись от голода, она почувствовала, что кошмар случившегося рассеивается. Она задумалась, что могло довести ее и Шауна до такой нелепой ссоры. Гризельда сказала ему, что больше не хочет его видеть, но он не мог не знать, что это неправда, что он нужен ей. И она знала, что тоже нужна ему. Все женщины рано или поздно произносят жестокие слова. Но на самом деле они должны восприниматься в противоположном смысле. Можно не сомневаться, все уладится в понедельник, когда он приедет… Разумеется, если не будет дождя… Нет, дождя ни в коем случае не будет!.. И она спокойно заснула.

Утром, когда ей в постель принесли чай, она нашла решение проблемы. Если машина выйдет из строя, она будет совершать прогулки на велосипеде, и они будут встречаться на лужайке у ручья. Она закрыла глаза от счастья, вспоминая случившееся накануне, и потянулась в сладостной истоме. Молли, приготовившая ей ванну, смотрела на нее, не в состоянии избавиться от подозрений. Вечером, причесывая ее на ночь, она обнаружила в странно перепутанных волосах Гризельды несколько травинок и кусочек листа ивы…

После обеда Гризельда отправилась к скале, взобралась на свой каменный трон и несколько часов просидела неподвижно, глядя на колеблюще-

ееся и меняющееся море. Америка… Другой край земли… Она всегда мечтала уехать. А он был прекраснее любого принца… И они были во многом похожи, но с необходимой долей различий, чтобы дополнять друг друга…

Внизу под скалой Ардан принялся скулить и лаять, почувствовав одиночество.

Оставить остров? Да… Хоть сейчас! Она готова к этому!.. Но это должно стать началом, а не концом! Уехать, чтобы расцвести, чтобы жить, а не очутиться в оковах…

Стать мадам Такой-то… Продавать велосипеды в какой-нибудь лавчонке… Она потрясла головой, спустилась со скалы и побежала вместе с Арданом к дому, голодная как волк.

* * *

Свадьба Элен была назначена на третью субботу августа. В конце каждой недели почтальон приносил ей очередное письмо от Амбруаза. Он появлялся поздним утром и заходил на кухню, где Эми наливала ему стакан пива. Элен с нетерпением уже ожидала его. Схватив почту, она бежала к отцу с его газетами, журналами и письмами от ученых, украшенными марками далеких стран. Потом запиралась в своей комнате, читала и перечитывала письмо от жениха. Потом сразу же садилась за ответное письмо.

В эту пятницу письма от Амбруаза в почте не оказалось, и Элен с трудом дождалась утра понедельника. Но в понедельник почтальон в назначенное время не появился. Не было его и через четверть часа, и через полчаса.

Элен, сгорая от нетерпения, выбежала на дамбу. Проторчав там некоторое время, она так и не увидела почтальона. Скоро пошел дождь, ей пришлось вернуться домой. Поднявшись к себе, она принялась снова и снова перечитывать письмо, полученное в прошлую пятницу, пытаясь найти в нем какое-нибудь указание на наступившее в их переписке молчание. Амбруаз писал, что он здоров, что с утра в Лондоне была хорошая погода, но опасался, что после обеда погода могла испортиться, что работа над его книгой успешно продвигается и он написал несколько страниц о девятом варианте интерпретации второй строки шумерской таблички AU-917. Он выражал надежду, что у Элен все хорошо со здоровьем и просил передать наилучшие пожелания ее родителям и чудесные воспоминания о знакомстве ее сестрам.

В письме не было ничего, способного встревожить, ничего, что позволило бы почувствовать надвигающийся кризис. Но почему?.. Может быть, он заболел?.. Как выяснить, что случилось с ним? Что делать теперь? Когда ты любишь кого-нибудь, разлука может стать невыносимой…

Гризельда завершала переодевание к послеполуденной прогулке. Имея в виду полянку у ручья, она выбрала юбку оранжевого цвета с переходом к ржавому; на зеленой лужайке она будет выглядеть ярким цветком. К юбке прилагался корсет того же цвета, но более светлый, с белыми фестонами.

Подойдя к окну, она посмотрела на небо. Она решила, что дождь должен быстро прекратиться. С самого раннего детства она провела снаружи больше времени, чем в помещении, а поэтому хорошо знала приметы, позволявшие предсказать погоду. Но на границе между землей и морем погода меняется так быстро, а примет существует так много, что в каждом отдельном случае всегда можно успешно предсказать именно то, что хочется. Она прислонилась лбом к стеклу, закрыла глаза и с напряжением всех сил пожелала, чтобы погода снова стала солнечной. Но это желание было скорее надеждой услышать шум двигателя автомобиля, замечательный шум мотора счастья, который рождается где-то далеко на просторах полей,

усиливается и с каждой секундой приближается к ней. Даже если будет лить дождь, Шаун приедет, и она, даже если будет идти проливной дождь, уедет с Шауном. Она опять наденет свой зеленый плащ с капюшоном, который уже не раз выручал ее.

Элис, вымокшая до нитки, вернулась из Муллигана незадолго до обеда. Она шла, ведя рядом с собой велосипед, у которого лопнула цепь. Ей пришлось проделать пешком почти всю дорогу, но она с радостью приняла испытание, которому подвергло ее небо.

Она принесла почту. Встретив по дороге почтальона, она забрала у него всю корреспонденцию.

Пришло письмо и от Амбруаза.

Элен вихрем взлетела по лестнице, чтобы как можно скорее закрыться с письмом в своей комнате. Письмо основательно промокло, но ей показалось, что в комнате стало невероятно жарко. Амбруаз писал, что с утра шел дождь, но он надеялся, что после полудня появится солнце. Он выражал надежду, что Элен здорова. Он тоже был вполне здоров и сообщал, что начал анализ первой возможной интерпретации третьей строчки упоминавшейся ранее таблички.

Элен несколько раз перечитала письмо со слезами счастья на глазах. Потом поднесла его к губам и поцеловала. И тут же покраснела. Сложив письмо, она положила его к другим письмам, хранившимся в ее секретере. Ключ от секретера она носила на ленточке, спрятав его под корсаж.

Сэр Джон получил письмо от леди Августы. Во время обеда он пересказал жене его содержимое.

— У Августы появилась странная идея, — сказал он. — Она хочет организовать бал в связи с замужеством Элен. Что вы думаете об этом?

— Бал! Это замечательно! — воскликнула Джейн и захлопала в ладоши.

Посмотрев с укоризной на дочь, леди Гарриэтта повернулась к мужу и, немного поколебавшись, решилась высказать свое мнение.

— Это представляется мне… Вы не думаете, что танцевать… Во время волнений… Потом, эти полицейские в ее сараях… Все это отнюдь…

— Она считает, что полицейские скоро переедут от нее. Они уже получили известие о скором прибытии сборных бараков… Что касается волнений, то уже несколько недель ничего не происходило… В конце концов, бал, посвященный свадьбе, это скорее традиция, а не развлечение.

Внезапно замолчав, он взглянул на Элен с некоторым удивлением и одновременно с печалью. Значит, это правда? Это решено? Девушка порозовела под взглядом отца. Она считала, что отец счастлив, поскольку счастлива она.

Сэр Джон вздохнул. Он сказал:

— Полагаю, что мы должны согласиться… Мы очень давно не посещали Гринхолл. Я с удовольствием побываю в празднично украшенном старом доме…

— Разумеется, — согласилась с мужем леди Гарриэтта. — Боже мой! Ведь нам нужно будет сшить бальные платья! У нас на это не будет времени! Гризельда! Мы должны поговорить с Молли, чтобы она попросила свою мамашу помочь нам!

— Ах, да, Гризельда! — спохватился сэр Джон. — В письме тетки Августы есть несколько слов и для тебя. Она сообщает, что на некоторое время твои прогулки на автомобиле прекращаются, так как ее шофер уехал.

Гризельда почувствовала, что ее сердце остановилось. Потом оно, спотыкаясь, возобновило работу и даже вернулось к прежнему ритму, правда, немного ускоренному. Так всегда было с мотором, когда Шаун подгонял его после очередного каприза…

Когда Шаун…

Шаун! Шаун! ШАУН!

Она хотела вскочить, побежать куда-то, выкрикивая его имя, призывать его, обращаясь ко всем сторонам света, звать его, звать, звать… Но она смогла всего лишь задать вопрос, задать его автоматически, без малейшей надежды…

— Уехал?.. Интересно, куда?..

— Я не знаю... Он покинул Гринхолл и куда-то уехал… Разумеется, тетка ищет другого шофера… Но его не так легко найти…

— Какая жалость! — сказала леди Гарриэтта, обращаясь к Гризельде. — На тебя так благотворно влияли прогулки на автомобиле!..

* * *

Гризельда резко захлопнула за собой дверь и повернула ключ в замочной скважине. Затем, не сходя с места, резко сорвала с себя юбку и корсаж, так старательно выбранные для прогулки, и отшвырнула их в сторону, словно они обжигали руки. После этого бросилась ничком на постель, уткнувшись лицом в подушку. Он уехал! Он поймал ее на слове… «Больше никогда!» Можно подумать, что эти слова что-то значили! Он не попытался снова повидаться с ней, продолжить разговор… Может быть, ему удалось бы переубедить ее, в конце концов! Америка? Почему бы и нет? Действительно… Продавать велосипеды?.. Может быть, в Америке нашлось бы для нее и другое занятие!..

Если бы он действительно любил ее, он бы не уехал так поспешно, даже не попытавшись увидеться с ней.

До этого момента она никогда не сомневалась в искренности Шауна. Она никогда не приставала к нему с вопросами. Видела в нем то же стремление, ту же силу, толкавшую ее к нему. Никто не сомневается в ветре, в приливе, в буре, в силе, заставляющей листву распускаться весной. Она верила его глазам, его рукам, радости, которую он вызывал в ней и в себе, радости, великой и чистой, как небо или море. Была уверена, что в мире нет другой женщины, с которой он мог бы оставаться таким свободным, таким сильным, таким жизнерадостным, как с ней — и она с ним, — в царстве травы, в зеленом мире, убежище любви. Чтобы достичь взаимопонимания, им было достаточно взглянуть друг на друга или взяться за руки. Но они понимали друг друга и в разговоре. Они смеялись по одному и тому же поводу, над одними и теми же словами или ситуациями. Или так, без всякого повода…

Она не могла представить, что может позволить поцеловать кончик своего пальчика любому другому мужчине, кроме него. Одна мысль об этом бросала ее в дрожь… Она съежилась на украшенном кружевами покрывале и спрятала голову под подушку. Какой ужас! Она разделась догола перед ним! Для него! Но это было так просто сделать перед ним, это было так прекрасно… Перед смотревшими на нее серыми глазами… Серыми глазами, голубевшими, когда небо становилось голубым… Обнаженная вместе с ним в обнаженном мире, обнимавшем их…

Уехал… Он прав: это не могло продолжаться. Она не захотела задуматься, ей было слишком хорошо, у нее был Сент-Альбан и у нее был Шаун, она была счастлива и спокойна, надежно устроившись в своем доме, словно в уютном кресле перед камином. Но обжигавшим ее пламенем был Шаун…

Это неправда, что ты не любишь меня! Ты всю жизнь будешь жалеть, что уехал от меня! Но как я? Что будет со мной? Я осталась разорванной на две половинки, и одна половинка меня исчезла! Теперь я умру…

— Какой я стала идиоткой! — громко произнесла Гризельда. Она вскочила и заходила взад и вперед по комнате, стараясь обрести свое обычное хладнокровие. Если он уехал — что ж, значит, он уехал… Это многое упрощает… Теперь она вернется к прежней спокойной жизни…

Подойдя к зеркалу, она остановилась и вгляделась в свое отражение. Из зеркала на нее смотрело чужое лицо с глазами, пустыми, словно распахнутые окна, уставившимися в пустоту. И такая же пустота была и за ними, в голове.

Она бросилась в туалетную комнату, сполоснула лицо лавандовой водой и глубоко вздохнула. Если он уехал, то так будет лучше для него и для нее. С этим покончено. Это все! Велосипеды! Мадам, «Как бишь ее…» Мадам! Супруга господина Икс! О чем он только думал?

Кстати, велосипеды... Она громко позвала Молли, потом крикнула еще громче. Через четверть часа они вдвоем проехали по дамбе на велосипедах Элис и Китти. Они чувствовали себя не очень уверенно, с трудом забрались на ненадежные устройства. К счастью, эти машины были достаточно простыми, как бы там ни было, они все-таки ехали.

— Мы хотим попросить твою мать, чтобы она помогла нам сшить платья для бала, — сказала Гризельда.

Возможно, мать Молли знала, куда исчез Шаун. Конечно, она не могла прямо спросить ее об этом, но можно было незаметно свести разговор на интересующую ее тему… Если она что-то знает, она обязательно скажет. Она знала все, что происходило в этих местах, несмотря на то, что была француженкой…

Мать Молли, Эрнестина, раньше была горничной леди Гарриэтты. Все называли ее просто Эрни. Через год после приезда сэра Джона с семьей на остров Сент-Альбан она встретила, выходя из церкви в Донеголе, которую посещала скорее для развлечения, чем исходя из религиозных убеждений, Фалоона из Росcновлега, здоровяка с кулаками размером с детскую голову, с огненной шевелюрой и глазами цвета незабудки. Он участвовал вместе с другими крестьянами в строительстве дамбы и помог перенести сэра Джонатана на руках, чтобы тот смог умереть у себя дома.

Через три месяца она вышла за него замуж и оставила работу у леди Гарриэтты. Она была счастлива с этим огромным наивным мужчиной, но в то же время сильно переживала расставание с хозяйкой, которую любила, а также с родившимися на ее глазах Гризельдой и Элен.

Фалоон увез ее в Росcновлег. Там у него была небольшая ферма во владениях Гринхолла, находившаяся на берегу озера с тем же названием. Хижина из глины, одна комната с одним окном и дверью, соломенная кровля, стол, скамья, две табуретки и постель из досок с соломой вместо матраса. Фалоон считался зажиточным фермером.

Леди Гарриэтта подарила им настоящую кровать, стулья, шкаф, занавески на окно и тысячу других мелочей. Эрни счастливо прожила пять лет, с наслаждением отдаваясь душой и телом земле и водам Ирландии в объятиях простодушного Фалоона. Вокруг домика она посадила множество цветов, в хижине, в единственной комнате, она создала рай в миниатюре, наполовину простой, как Ирландия, и наполовину изысканный, как Париж, где она родилась. Великан Фалоон не верил своим глазам. Он решил, что женился на фее, приехавшей в Ирландию с континента, удивительной женщине, сделавшей их хижину кусочком рая. Его друзья и соседи — самые близкие находились в часе ходьбы — снимали шапку, когда заходили к нему.

Молли родилась через год после свадьбы, затем родился мальчик, умерший в шестимесячном возрасте. Больше детей у нее не было, потому что великан Фалоон, возвращавшийся зимним вечером из кабака в Росс-

новлеге, где он выпил несколько лишних литров пива, споткнулся и упал головой вперед в небольшую торфяную яму, где и утонул в воде, которой там было меньше, чем выпитого им за вечер пива. Молли тогда было всего четыре года. Благодаря ребенку Эрни справилась с горечью утраты, хотя она никогда не забывала своего великана-мужа с рыжей шевелюрой и глазами, как незабудки. Она могла оставаться в своем домике благодаря леди Гарриэтте, уговорившей леди Августу оставить его Эрни вместе с лугом для коровы и половиной акра земли для выращивания овощей. Ей также разрешалось добывать торф на торфянике к востоку от озера. Участок взял в аренду другой фермер. Он построил хижину на противоположном конце участка; сооружения из глины и соломы возводятся быстро, но и разрушаются еще быстрее, когда за дело принимаются солдаты.

Первое время арендную плату за хижину леди Августе вносила леди Гарриэтта. Потом Эрни ухитрилась выкручиваться самостоятельно благодаря таланту парижской швеи. Заказы к ней поступали отовсюду; иногда она неделями оставалась в каком-нибудь окрестном замке или в буржуазном доме в Донеголе или Баллишанноне. Ей приходилось добираться даже до Слайго.

Она всегда брала с собой Молли, и та постепенно усвоила ее мастерство; вкус у нее тоже был материнский. Во время ее отсутствия жена Бонни Боннигана, нового фермера, заботилась о корове, кормила кур и кота.

Эрни никогда не думала о возвращении в Сент-Альбан. Она ценила свободу и любила свою хижину с низкой соломенной крышей, несмотря на то, что домик наполовину ушел в землю Ирландии между двумя холмами на берегу озера Росновлег. Не забывая великана Фалоона с огромными руками и глазами цвета незабудки, она в то же время думала о своей дочери и понимала, что та должна знать гораздо больше, чем она способна ей дать. Насколько она могла оценить, больше всего знаний Молли могла получить на острове Сент-Альбан, находясь рядом с семьей сэра Джона. Поэтому в четырнадцать лет Молли стала горничной леди Гарриэтты и ее дочерей. Постепенно она стала горничной только Гризельды, которую очень любила. Между ними было всего два года разницы, и они продолжали расти и развиваться вместе. Хотя Молли в быту была несколько более опытной, чем Гризельда, они сильно привязались друг к дружке. Эта взаимная привязанность была, пожалуй, даже сильнее, чем между Гризельдой и ее сестрами. Несмотря на то, что одна из них была хозяйкой, а другая ее горничной, между ними отсутствовали отношения главной и подчиненной. Каждая из них нуждалась в другой, зная, что может полностью рассчитывать на поддержку. Несмотря на то, что их отношения были достаточно интимными, между ними всегда сохранялось взаимное уважение.

Когда они обогнули последний холм и увидели хижину матери Молли, они были удивлены, увидев над входом французский флаг, развевавшийся на ирландском ветру. Хижина и участок вокруг нее играли разными цветами. Дверь и ставни были выкрашены в голубой цвет, стены были белыми; повсюду стояли разнокалиберные горшки и ящики с цветущими растениями, постепенно наступавшие на огород и луг с травой для коровы. Эрни проложила среди цветов тропинки, чтобы иметь возможность добраться до каждого растения, ухаживать за ним, поливать, если три дня не было дождя; при этом обязательно нужно было ласково поговорить с каждым цветком. Она разговаривала с растениями на французском, и они отвечали на заботу, отдавая ей цветки, гораздо более красивые, чем во всей округе. Цветение их также было более продолжительным, потому что они старались дольше оставаться с хозяйкой.

Эрни работала, сидя возле окна за швейной машинкой, подарком леди Гарриэтты, то и дело переводя взгляд с шитья на великолепную панораму

зеленых холмов с синим небом над ними, обрамленным снизу цветами и травой, населенными только ветром и редкими животными, одинокими коровами и овцами, выделявшимися белыми пятнами на зеленом фоне. По петляющей между холмами дороге тащилась телега Меешавла Мак Мэррина, наполовину пустая или наполовину полная, перевозившая неизвестно куда неизвестно что. Несмотря на то, что тащившая телегу большая темно-гнедая кляча лениво ковыляла и останавливалась перед каждым пучком травы, они постепенно пересекли поле зрения Эрни и скрылись из виду. Тем не менее, голос Меешавла продолжал доноситься из-за дальнего холма. Он всегда пел одну и ту же песню, иногда останавливаясь, чтобы обругать лошадь, и затем продолжая с места остановки.

Он пел про Мэри, которая куда-то задевала его инструменты. У него пропал молоток, и он не смог починать развалившуюся кровать. Потом у него пропал нож, и он не смог нарезать хлеб. Так он перебрал множество инструментов и спел, наконец, о пропаже лопаты, с помощью которой он должен был выкопать могилу…

«Ах, Мэри, Мэри, Мэри,
У меня остались только руки,
Чтобы обнимать тебя…»

Громкость и четкость слов песни напрямую зависели от количества пинт пива, которые Меешавл Мак Мэррин влил в себя с утра. Иногда вечерами телега пересекала пейзаж в тишине. Это означало, что мертвецки пьяный хозяин спал в ней.

Мимо хижины Эрни проезжали также патрули, местные констебли на велосипедах, вдвоем или вчетвером. Их все знали, и они никого особенно не беспокоили. А вот свирепые конные полицейские из Белфаста в длинных черных плащах обычно передвигались плотными группами, и их появление всегда предвещало страх и беду. Именно из-за них над дверью хижины был вывешен французский флаг.

Эрни увидела подъезжавших к хижине «своих девочек», как только они появились из-за холма. Она вскочила, радостно всплеснув руками; этот жест не предназначался стороннему наблюдателю, а был всего лишь отражением ее эмоций. Мгновенно оказавшись возле печурки, она подгребла угли, подбросила несколько веток и водрузила на треногу чайник. Потом достала из шкафчика коробку с чаем, три чашки, чайные ложечки, пакетик с бисквитами и баночку с сахаром. Все тут же было расставлено на белой, хорошо выглаженной скатерти. Гостьи за это время проехали не более пятидесяти метров. Не останавливаясь ни на секунду, она не делала лишних движений, всегда оставалась живой, легкой, улыбающейся. Со дня смерти мужа она перестала заботиться о своей внешности, которая никого не интересовала. Она оставалась женщиной с миниатюрной фигуркой в черном платье, и из-под седых волос на вас всегда смотрело спокойное светлое лицо. Она постоянно была чем-то занята, домашним хозяйством, коровой, курами, швейной машинкой, цветами. После короткого сна она быстро вставала, и начавшиеся хлопоты продолжались до темноты. Она любила цветы и домашних животных, а также все, что казалось ей красивым. Она любила работать и помогать людям. К сожалению, у нее не было соседей, которым нужно было бы помогать, — согласно закону, фермеры не могли строить свои хижины поблизости друг от друга.

Расцеловав девушек, она напоила их чаем. Она говорила не переставая, потому что устала молчать в одиночестве, а также потому, что была рада увидеть Молли и Гризельду. Она старалась показать девушкам, как она любит их, болтая без перерыва обо всем, что приходило ей в голову.

Она рассказала им и про французский флаг. Однажды констебли заявились к ней и хотели обыскать хижину, так как подозревали, что она прячет у себя мятежника, но она не разрешила им войти. Она заявила лейтенанту, что является гражданкой Франции и что полицейские не имеют права войти в ее дом. Да, она так и заявила, твердо, но вежливо. Разумеется, она понимала, что грубость в общении с полицией ни к чему хорошему не приведет. Она показала полицейским свои документы и даже предложила им молока. Но только снаружи. Впрочем, они от молока отказались. Лейтенант некоторое время размышлял, нахмурившись, потом приказал своим людям уехать. Больше они здесь не появлялись. Этим же вечером она смастерила французский флаг из трех кусков материи и рукоятки от метлы. Она водрузила его над входом, чтобы полиция знала, что сюда вход ей запрещен. Или она напишет о нарушении своих прав королеве и президенту Франции, что неизбежно приведет к международному скандалу.

Гризельда воспользовалась мгновением, когда хозяйка поднесла чашку к губам и была вынуждена замолчать. Она поспешно сказала, что у нее прекратились прогулки на машине, потому что шофер тетки Августы куда-то уехал.

— Знаю, знаю, — кивнула Эрни. — Бонни Бонниган рассказал мне об этом вчера вечером, когда зашел за яйцами от моих несушек…

Гризельда с тревогой ожидала продолжения. Но его не последовало, и она рискнула развить начатую тему.

— Интересно, где он надеется найти в этих местах работу для шофера… Насколько я знаю, во всей округе других автомобилей нет…

— Ну, — протянула мамаша Молли, — Шаун Арран не только шофер…

Было ясно, что она знает кое-что еще, и она даже хотела сказать это, но остановилась. Помолчав и выпив чаю, она сказала:

— Кроме всего прочего, это страстный путешественник…

Вот и все, что удалось узнать Гризельде. Она вернулась в Сент-Альбан, оставив Молли общаться с матерью. Кроме того, Молли собиралась заглянуть на ферму Боннигана. У Бонни был сын, которого звали Ферган. Он и Молли были знакомы с ним с детства, и они стремились продолжить и укрепить это знакомство.

* * *

Амбруаз прислал Элен свою фотографию по ее просьбе. Небольшой овал глянцевой бумаги, наклеенный на прямоугольник картона, украшенный гирляндой с фамилией фотографа красивым наклонным шрифтом.

Амбруаз был сфотографирован стоя, опирающимся на небольшую колонну. Элен долго рассматривала фотографию, держа ее слегка дрожащими пальцами. Ее сердце таяло от нежности. Потом она помчалась показывать фотографию сестрам и родителям.

— Какой милый! — восхитилась леди Гарриэтта.

— Он походит… — начал сэр Джон.

— Это потому, что он тебе нравится, — фыркнула Китти.

— Красивый мужчина! — оценила Амбруаза Джейн.

— Да благословит вас Господь! — сказала Элис.

— Моя маленькая голубка, — вздохнула Эми.

Гризельда ничего не сказала, но поцеловала Элен и отвернулась, чтобы скрыть слезы. У нее не осталось ничего. Ни фотографии, ни письма, ни одной самой короткой записки, ни волоска — ничего, никаких следов прошлого… Шаун неожиданно появился на фантастической машине, а потом исчез, не оставив после себя никаких свидетельств своей реальности.

А теперь он постепенно исчезал второй раз, потому что Гризельда не всегда могла вспомнить его черты. В памяти остались только глаза, смотрящие на нее из тени, отбрасываемой козырьком его жуткой каскетки… Нет замечательной каскетки!.. Серые, иногда казавшиеся почти зелеными или голубыми глаза, смотревшие на нее с тревогой, с нежностью, с насмешкой, с безмерной радостью. Все остальное казалось ей расплывчатым туманом, в котором таяли когда-то так хорошо знакомые черты. Иногда же она видела его так отчетливо, словно он находился рядом, видела его ироничный взгляд, когда он протягивал ей руку, чтобы помочь забраться на машину, окутанную голубым дымом…

Достаточно было ей лечь в постель, как она ощущала вес его тела, такого легкого и такого тяжелого, отсутствие которого давило на нее невыносимой тяжестью… Она ощупью находила в темноте спички на прикроватном столике, зажигала лампу, откидывала одеяло и принималась шагать по комнате, от большого зеркала к дверям и от дверей к большому зеркалу, негромко и яростно взывая к Шауну:

— Теперь ты доволен? Почему ты уехал? Ты был несчастлив? Теперь, когда ты все испортил, ты доволен? Ах, глупый, глупый! Где ты сейчас? Где ты, отзовись!

Остановившись перед зеркалом, она смотрела на свое отражение, потом сбрасывала ночную рубашку.

— Взгляни на меня! Только посмей сказать, что ты не любишь меня! Я здесь! Но где же ты?

Она надеялась, что он вот-вот появится в зеркале со своей обычной легкой улыбкой, отбросит в сторону каскетку и протянет к ней руки. Она закрывала глаза и ждала, ждала…

Но, открыв глаза, она видела в зеркале за своим отражением только большой желтый глаз лампы, игру теней со слабо поблескивавшими предметами мебели, рога единорогов, возможно, знавших обо всем, приглушенные краски ковра и подушек и темные углы, в которых пряталась пустота.

Потом она бросалась в постель, дрожащая от холода, но успокоившаяся на несколько часов.

Молли и ее мамаша вместе с тремя помогавшими им служанками усердно трудились с утра до вечера над нарядами для бала. Руководство над ними взяла на себя леди Гарриэтта. Она то и дело отправляла горничную за Гризельдой, чтобы узнать ее мнение или обсудить очередную идею. Гризельду немного отвлекали разговоры с матерью, но она быстро уставала и поспешно выскакивала из комнаты, превратившейся в швейное ателье.

Гризельда с трудом переносила заточение в комнате. Убегая из дома, она то забиралась на скалу, то бродила по лесу, надеясь избавиться с помощью ходьбы от нелепой душевной боли. Так змея пытается избавиться от старой кожи, когда трется о ветки кустов и камни. Она десятки раз проходила одними и теми же аллеями, не видя ничего вокруг себя, и только знакомые ароматы зелени и цветов немного успокаивали ее.

Ардан, такой же печальный, как хозяйка, сопровождал ее. Иногда он безуспешно пытался вовлечь Гризельду в игру. Уагу, никогда не показывавшийся на глаза, скользил в кустах рядом с дорожкой и еле слышно повизгивал. Он сильно линял, и его белый хвост стал серым.

Вместе с фотографией Амбруаз прислал Элен вопросы, появившиеся у него во время работы над книгой. Он попросил ее обсудить их с отцом и подготовить возможные ответы к тому моменту, когда он появится на острове для участия в церемонии бракосочетания. Это слово заставило сильно биться сердце Элен. Она знала, что скоро состоится свадьба, она ни о чем другом не думала с утра до вечера, но увидев на бумаге слово

«бракосочетание», написанное рукой Амбруаза, она почувствовала сильнейшее волнение. Она перечитывала письмо, задерживалась на других фразах, но ее взгляд невольно возвращался к этому слову, словно оно было написано огненными буквами. Свадьба, брак… Почему эти слова вызывали у нее тревогу? Однажды дождливым вечером, когда они с матерью сидели в салоне перед камином, в котором, несмотря на лето, горел огонь, леди Гарриэтта вздохнула и сказала, обращаясь в Элен:

— Дорогая, тебе нужно знать кое-что, потому что ты скоро выйдешь замуж…

Помолчав и вздохнув еще раз, словно стараясь набраться мужества, она продолжала:

— Так вот, брак — это… — и замолчала.

— Да, мама? — сказала Элен, ожидая продолжения.

Леди Гарриэтта покраснела. В этот момент в комнату ворвалась Брижит, державшая в руке зажженную лампу. Извинившись, она повесила лампу на стену и выскочила, унося с собой лампу, которую требовалось заправить.

На этом откровенный разговор с дочерью закончился. Элен представляла, что вечером после свадьбы между мужем и женой что-то происходит, но не знала, что именно. Более того, она и не стремилась узнать, надеясь, что это какой-то несущественный момент перед началом совместной жизни с Амбруазом, когда между ними установится полное взаимопонимание, укрепляемое любовью и совместной работой.

Когда однажды утром Гризельда проснулась, на нее снизошло озарение. Как только она не подумала об этом раньше? Как она могла оказаться такой глупой? Боже, только бы не оказалось поздно! Только бы дождь и ветер не унесли его, в то время как ее терзали бесплодные переживания!.. Письмо! Конечно, он оставил ей письмо! Он не мог прислать его по почте на остров, потому что оно могло попасть в другие руки. Но он должен был написать ей!.. И оставить письмо в самом надежном месте! Конечно, этим местом был зеленый храм их любви… Возможно, он долго ждал ее там, в то время как она бессмысленно сидела на острове, где он не мог показаться…

Она поспешно оделась, загнав до полного изнеможения Молли, вскочила на велосипед и помчалась к зеленому убежищу, где он мог все еще ждать ее… Если его там не окажется, она обязательно найдет в дупле старой ивы письмо, несколько слов, что-то такое, что сразу же объяснит ей все…

Оказавшись на перекрестке, где в разные стороны расходились три дороги, она сообразила, что не знает, какую дорогу ей выбрать. С самой первой их совместной прогулки она интересовалась только шофером. Сидя рядом с ним в облаке синего дыма, она смотрела или вдаль, куда машина уносила ее, или на Шауна. Или вообще никуда не смотрела. Ее совершенно не интересовала дорога. Она не представляла, где они находились. Это не имело значения. Важным было только находиться возле него на дымящем и грохочущем железном драконе, уносившем их к новой жизни.

Несколько дней она металась по дорогам, безуспешно пытаясь найти несколько ив, склонившихся над ручьем. Однажды ей показалось, что она узнала осиновую рощу. Но войдя в лесную тень, она оказалась в совершенно незнакомом месте. Здесь не было ни ручья, ни ив, ни усеянной листьями и цветами лужайки. И она поняла, что никогда не найдет то место. Зеленое убежище захлопнулось и исчезло, как было с Мерлином. Но существовало ли это место в действительности? Ее тело еще помнило о пережитой тогда радости, но сознание ни в чем не было уверено. И она перестала искать. Но не переставала думать об этом человеке, появившемся ниоткуда и бесследно исчезнувшем в неизвестности.

* * *

Шестнадцать фениев перевезли из Донегола в Дублин, где они должны были предстать перед военным трибуналом. Среди них находился Брайан О'Маллагин из Баллиманакросса, один из трех раненых повстанцев, задержанных капитаном Макмилланом. Пуля пробила ему легкое; рана была инфицирована, и его жизнь угасала с каждым днем. Врачи считали, что ему осталось жить несколько недель. В зале суда, куда его принесли на носилках, он был приговорен к смертной казни.

С самого начала процесса в Дублине в графстве Донегол возобновились акции террористов. Несмотря на мужество фениев, результативность их нападений была незначительной. Во время засад мятежникам приходилось использовать весьма примитивное вооружение. Бомбы они делали из древесного угля и селитры. Почти все силы королевской полиции графства были брошены на охрану дорог и побережья, чтобы затруднить доставку оружия мятежникам. Лейтенанту Фергюсону присвоили звание капитана.

Малый салон на острове Сент-Альбан превратился в швейное ателье. Если не считать Элен, которая могла появиться на бале в наряде невесты, для каждой девушки требовалось сшить по два платья — одно для свадьбы и другое для бала.

Гризельде пришлось всерьез подключиться к матери и Эрни; еще две служанки занимались множеством мелких деталей — они сшивали, подрубали края, занимались перекидными швами, наметкой и другими вспомогательными операциями. Эми прислала в малый салон дочь кучера Джеймса Мак Кула Кушина двенадцатилетнюю Нессу, последние несколько месяцев помогавшую на кухне. Девочка была тщательно вымыта и причесана. Ее вооружили большим магнитом в виде конской подковы и заставили собирать с ковра потерянные во время работы булавки.

Гризельда делала быстрые наброски на клочках бумаги, на столе и даже на зеркале, Эрни кроила, Молли подгоняла на первой попавшей под руку девушке. Частично готовое изделие примерялось, Гризельда сурово критиковала, Эрни исправляла недоделки, все вместе шили, шили, шили… Леди Гарриэтта вздыхала, оценивала результаты, волновалась.

— Ах, как это красиво!.. О Боже, мы никогда не закончим…

За неделю до великого дня платья Джейн, Китти и леди Гарриэтты были практически готовы. Платье невесты, напяленное на манекен, оставалось центром общего хоровода. К нему постоянно что-то добавлялось, поднималось, опускалось, крепилось булавками, подшивалось, подрезалось. Манекен поворачивали к окну, к зеркалу, к Гризельде, к леди Гарриэтте. Джейн попыталась примерить платье, которое едва не лопнуло на ней по швам, и тут же наступила на кружевную кайму.

Бедняжка Джейн разрыдалась:

— Я слишком маленькая! И слишком толстая!

Успокоилась она только при примерке своих двух платьев, зеленого для свадьбы, в котором она походила на зеленый шарик, и белого для бала, подчеркивавшего ее свежесть и пышность форм. В итоге она заулыбалась и осталась довольна результатом.

— Если бы я была юношей… Кстати, на балу будет много молодых людей? А, все равно они будут замечать только Гризельду…

Она без ревности относилась к сестре, восхищалась Гризельдой и находила ее очень красивой. Но она боялась, что на нее не обратят внимания. Ведь когда он будет, следующий бал?

Джейн хотела снова примерить платье для невесты. Однако эта идея была встречена общим протестом, и она убежала из салона, унося с собой прицепившуюся к ноге белую ленту.

Повсюду валялись куски тканей и клубки ниток, стол превратился в подобие верстака, все свободные кресла были заняты какими-нибудь платьями разной степени готовности, юбками или размотанными рулонами ткани.

Немного облегчила работу швейного ателье Элис, которая заявила, что не собирается пойти на бал, а на бракосочетании будет присутствовать в воскресном черном платье. На протесты матери она мягко возразила, что в этом платье она посещает мессу, а если уж это годится для Бога, то вполне будет годным и для ее сестры.

Гризельда дважды переделывала свое бальное платье. Сначала, пылая яростью на Шауна и желая отомстить ему, она устроила себе такое головокружительное декольте, что у матери глаза стали размером с блюдца. Но она не успела высказать негодование. Стоило Гризельде увидеть себя в зеркале, как она покраснела, правда, не от стыда, а от жгучего укуса сожаления. Нет! Она никому и никогда не покажет этого! Она даже на палец не сдвинет кромку платья, открывая то, что так нравилось и что так любил Шаун. И она сконструировала с помощью китового уса высокий воротник, едва ли не доходивший до ушей. Это уродство было встречено всеобщим возмущенным воплем, и она остановилась на разумном выборе декольте средних размеров.

Иногда при мысли о празднике музыки и света ее охватывало волнение, и она начинала мечтать о встрече с каким-нибудь мужчиной, который позволит отомстить покинувшему ее Шауну. Пусть это будет хотя бы ее кузен Генри. Кстати, как давно она видела его последний раз? Это было… Сколько лет назад? Тогда он гонялся за ней по аллеям на острове. Она нырнула в туннель и на выходе наткнулась на него, ослепленная солнцем. Она оказалась в его объятиях. Генри пыхтел, и от него несло потом. Она быстро поцеловала его — это был ее первый поцелуй с существом мужского пола. А потом больше ничего такого не было… до встречи с Шауном…

Генри тогда покраснел. На кончике его носа багровел вулканический прыщ. Он откашлялся и спросил, не будет ли она… Не согласится ли она когда-нибудь стать его женой… И он туда же!.. Какого дьявола они всегда стараются надеть кандалы на протянутые к ним руки? Она расхохоталась, что выглядело довольно глупо и обидно, сейчас она хорошо понимала это. Потом она помчалась дальше. Он больше не гнался за ней.

Это был очень умный юноша. Он собирался стать дипломатом. А дипломаты много путешествуют… Может быть, сейчас он стал красавцем? Но тогда он очень походил на свою мать, тетку Августу…

Попытка представить чужое мужское лицо привела к материализации из тумана взгляда Шауна, смотревшего на нее с бесконечной печалью. И Гризельда поняла, что никогда не сможет встретить во всем мире другого человека, который заставит ее забыть взгляд Шауна. И у нее сразу пропало желание идти на бал…

Когда юная девушка отправляется на бал, желательно, чтобы она умела танцевать… Ни одна из пяти сестер не знала о танцах больше, чем может инстинктивно знать любая девушка, чувствующая ритм жизни, ветра и музыки, под которую она может колебаться, как стебелек на ветру. Но для бала нужно знать гораздо больше.

На помощь пришла леди Августа, приславшая на остров Симсона, своего метрдотеля, коренного лондонца с изысканными манерами, высокого и тощего, с ухоженной светлой бородкой на круглой луноподобной физиономии. Он обладал качеством, которое могла позволить у своего работника только леди Августа. Не только на севере, но и на юге Ирландии говорили о нем как о человеке, знающем все танцы. И дважды в неделю он появлялся на Сент-Альбане, в большом салоне, превращенном в танцевальный зал.

Сэр Джон теперь спускался на первый этаж только для завтраков и обедов; он даже стал выпивать свой портвейн и курить свои сигары в зале на втором этаже между библиотекой и спальней. Первый этаж превратился в женское царство, веселое, но суматошное; вспышки волнения то и дело охватывали не только оба салона, но и служебные помещения. Сэр Джон, перед тем как спуститься вниз, некоторое время собирался с духом, поглаживая свой брелок, и заранее начинал улыбаться, готовясь к любым случайностям.

Едва он сходил с лестницы, как все сразу начинали интересоваться его мнением, показывали ему образцы тканей, совали под руку куски материи, чтобы он оценил их, требовали выбрать правильное решение из множества возможных. Он всегда ухитрялся уклониться от категорических оценок; если у него и имелось собственное мнение, он всегда оставлял его при себе. Знал, что никоим образом не должен вмешиваться в происходящее. Понимал, что, избавляя женщину от колебаний, нерешительности и необходимости выбора, он лишал ее самого большого удовольствия, и она мстила ему тем, что останавливалась, в конце концов, на самом неудачном варианте. На каждый вопрос он твердил «да, конечно…», «это очень удачно…» и торопился подняться наверх к своим книгам, ни одна из которых никогда бы не осмелилась дурить ему голову разными глупостями. Тем не менее, оставаясь в библиотеке, он чувствовал, как дом вокруг него то и дело вздрагивает, словно чайник, который вот-вот закипит. Он был в восторге.

Симсон, величественный и деликатный, неумолимый и мягкий, делал все, что было в его силах, чтобы передать свои знания дочерям леди Гарриэтты, непрерывно игравшей на рояле кадрили, вальсы и мазурки. Однако Элис, разумеется, не хотела учиться танцевать, Китти частенько пропускала занятия и относилась к ним крайне легкомысленно, голова Элен была занята совсем другими мыслями, а Гризельда с утра обычно так выматывалась, что падала от усталости после нескольких тактов. Единственной прилежной ученицей была Джейн, никогда не пропускавшая занятия, старательно и терпеливо повторявшая показанные маэстро па. Во время танца она не сводила глаз с его лунообразного лица и иногда вздыхала.

Прибывшие, наконец, разборные бараки для полицейских начали монтировать на площадке неподалеку от Тиллибрука, и леди Августа добилась от лейтенанта Фергюсона, к всеобщему облегчению, обещания, что полицейские покинут Гринхолл до дня бала. Во всех окрестных замках и некоторых особняках Донегола, Баллинтры и Баллишаннона женщины трудились над шитьем и занимались примерками, а мужчины делали вид, что их совершенно не интересует приглашение сэра Лайонеля Ферре.

К балу готовились даже в хижинах, потому что леди Августа решила пригласить фермеров. Они должны были танцевать на лужайке перед домом, а если пойдет дождь, им нужно будет перебраться в огромный сарай с соломенной крышей, куда еще не начали свозить новый урожай.

Амбруаз приехал за два дня до торжества. Сэр Джон поинтересовался у него:

— Как дела?

Леди Гарриэтта сказала с приятной улыбкой:

— Надеюсь, что путешествие не слишком утомило вас.

Элен молча смотрела на него огромными глазами, синими, как вечернее небо. Она не знала, что ей сказать, и просто протянула к нему руки, сложенные, словно для молитвы. Он пожал их, слегка похлопал и сказал:

— Счастлив снова увидеть вас… Вы прекрасно выглядите…

Было уговорено, что до свадьбы он остановится у сэра Лайонеля. Жить под крышей дома невесты было бы не совсем прилично. Его пригласили

отобедать вечером в Сент-Альбане, после чего кучер Джеймс Мак Кул Кушин должен был отвезти его в Гринхолл.

Для этого обеда, объединившего жениха и невесту за одним столом в последний раз до того, как они станут мужем и женой, леди Гарриэтта посадила их друг против друга и водрузила между ними большую серебряную вазу в виде лодки с веселящимися в ней нимфами. Джейн заполнила вазу цветами и поставила в виде обрамления семнадцать свечей. Конечно, свечей должно было быть девятнадцать, соответственно возрасту Элен, но Джейн подумала, что если свечей будет семнадцать (это был ее возраст), то они могут повлиять на ее судьбу и привлечь на Сент-Альбан еще одного жениха, теперь уже для нее.

Элен не чувствовала вкуса того, что лежало у нее на тарелке. Она машинально подносила ко рту вилку, иногда пустую, и видела только Амбруаза, серебристая бородка которого расплывчато вырисовывалась в золотом свете свечей, а шевелюра медового цвета сияла в еще довольно ярких лучах вечернего солнца. Какие-то мелкие насекомые влетали в комнату через открытое окно, кружились вокруг свечей и тут же превращались в быстро исчезающие искорки.

Обед приближался к завершению. Лихорадочная суета на кухне успокаивалась. Яблочный пирог с корицей только что был доставлен в столовую. Эми вытерла руки льняным полотенцем, уселась на стул и позвала:

— Несса! Иди сюда!

Девочка оставила большую лохань с горячей водой, заполненную тарелками, вытерла руки о свою юбку и медленно направилась к Эми.

— Ты что-то не торопишься?..

— Иду, иду!..

Она была в ужасе и хорошо знала, что ее ждет. На протяжении нескольких последних дней Эми рассказывала ей историю Дейрдры. Она твердила: «Ты ирландка! Ты должна знать о несчастьях Ирландии!»

— Подойди ближе! Сюда! Выпрямись, не нужно горбиться!

Несса остановилась, почти касаясь острых коленей Эми под черной юбкой. Она с трудом дышала, бессильно опустив вдоль тела руки и широко раскрыв глаза.

— Так вот… — сказала Эми. — Надеюсь, ты ничего не забыла?

Несса в ответ быстро закивала головой.

— Продолжим. Так вот, после трех дней и трех ночей жестокой битвы Нейси, муж Дейрдры, и два его брата были убиты, а Дейрдру кинули на повозку и отвезли к королю Конхобару, который давно хотел заполучить ее… Ты слушаешь меня?

Несса опять несколько раз кивнула.

— Ах, бедняжка Дейрдра, несчастная королева!

Вся работа на кухне к этому времени прекратилась, и служанки постепенно подошли к Эми, образовав вокруг нее молчаливый круг. Они много раз слышали трагическую историю, но никогда не упускали возможности услышать ее еще раз. Эми рассказывала ее точно так, как услышала много лет назад от матери, а та услышала ее от бабки, в свою очередь, слышавшей ее от своих родителей. Таким образом, эта история, пришедшая из глубины времени, достигла ушей дрожащего от страха ребенка.

— Ты меня слушаешь?

Несса утвердительно закивала рыжей головкой с кое-как напяленной белой шапочкой.

— И она стала королевой! Королевой, женой короля Конхобара! Он держал ее рядом с собой, она сидела на троне королевы рядом с троном короля. Он укладывал ее в свою просторную, словно поле, постель,

устланную волчьими шкурами. Бедная Дейрдра, ставшая королевой! На протяжении целого года она находилась рядом с королем, но за это время она ни разу не открыла ни рта, ни глаз. Целый год она не только ничего не говорила и ничего не ела, она вообще не подавала признаков жизни. Только прислушавшись, можно было понять по ее дыханию, что она жива. На троне королевы и в королевской постели она оставалась сидящей, наподобие вопросительного знака, согнувшейся, опустив голову на колени и закрыв глаза.

Через год король Конхобар решил, что с него хватит. Он заорал на нее: «Дейрдра, грязное животное!»

— О-о-о! — застонали служанки.

— Да, так оно и было! Он крикнул: «Дейрдра, грязное животное! Скажи, кого на свете ты ненавидишь больше всего?» Тогда она выпрямилась, открыла глаза и взглянула на короля. Она была прекрасней, чем когда-либо, ее волосы, заплетенные в косы, казались огненными змеями, глаза сверкали, коралловые губы побелели от гнева. Король Конхобар, увидев ее красоту, рассвирепел и повторил свой вопрос. Когда он это сделал в третий раз, Дейрдра крикнула: «Тебя!»

— Правильно! Правильно! — одобрили служанки.

— И затем Дейрдра добавила: «Ты считаешь, что я должна больше всего ненавидеть Эогана Дунрахта, который пробил сердце и отрубил голову моему нежному и отважному мужу, моему Нейси, моей единственной любви». — «Хорошо, — сказал тогда король Конхобар, — тебе придется прожить один год с Эоганом Дунрахтом».

— О-ох! — выдохнула Несси. Глаза ее наполнились слезами.

— На следующий день в столице поднялся большой шум: в город вошло войско в тысячу воинов под предводительством Эогана Дунрахта. Воины отмечали торжество, ударяя мечами по щитам. Король отдал ее Дейрдру Эогану, и тот повез ее на колеснице под грохот, производимый его воинами. Но Дейрдра вырвалась из рук Эогана и бросилась с колесницы головой вперед. Она разбила голову, и ее кровь смешалась с землей Ирландии…

— О, бедная Дейрдра! О, наша несчастная Ирландия! — стонали служанки.

— И тогда воины Эогана внезапно стали сражаться друг с другом. И все враги Конхобара дружно восстали против короля; когда некоторые знатные вожди вступились за короля, началась междоусобная война, в которой король был побежден и убит. Королевский дворец сожгли. Тем не менее, битвы продолжались еще несколько столетий, что стало большим несчастьем для Ирландии. И причиной всех бед была кровь, пролитая Дейрдрой.

Несса сдерживалась изо всех сил, но все же не смогла справиться с горем. Страх и боль вырвались наружу, и ее крик походил на вой волка лунной ночью. Раздавшийся снаружи продолжительный стон был ему ответом.

Эми сразу поняла, в чем дело, и громко закричала:

— Это Фарендорн! Скорее закрывайте окна! Везде! Не позволяйте ему войти в дом!

Это действительно был Фарендорн, неподвижный ветер, приносящий беду…

Служанки разбежались по всему дому, по всем комнатам. Несмотря на мягкую обувь, их топот слышался повсюду. Хлопали створки окон, скрежетали задвижки. Тем временем стенания Фарендорна превратились в рычание. Призрачный ветер носился над островом, словно стая голодных волков. Казалось, ничто не может устоять против него; он мог срывать крыши

с домов и ломать вековые деревья. Время от времени рычание сменялось жалобными стонами; ветер, крутившийся вокруг дома, на мгновение отступал от него, потом с новыми силами бросался на окна.

Во время нападения Фарендорна все разговоры в столовой прекратились. Сидевшие за столом дружно повернулись к окнам; их изо всех сил удерживали служанки, не позволявшие ветру вдавить рамы внутрь помещения. Но даже во время самой свирепой атаки ветра на кронах дубов возле дома не шевельнулся ни один листок.

Потом рев урагана сменился жалобным рыданием, и, когда оно внезапно оборвалось, все деревья в лесу разом затрепетали. Потом их ветви спокойно закачались под легким вечерним бризом. Служанки, защищавшие окна в столовой, перекрестились, распахнули створки и удалились.

Сэр Джон повернулся к Амбруазу, машинально теребя цепочку с фигурками единорогов.

— Мой дорогой Амбруаз, вы сейчас имели возможность наблюдать одно необычное явление, характерное для этой местности… Оно действительно впечатляет, и я не удивлен, что с ним связано множество предрассудков… Я давно пытаюсь найти ему логичное объяснение. Скорее всего, мы имеем дело со звуковым миражом… При определенных условиях мы слышим на Сент-Альбане эхо далекой бури, отразившееся от поверхности моря. Следовательно, мы имеем дело с…

В этот момент в комнату через открытые окна ворвался звон колокола, заставивший замолчать сэра Джона. Когда-то, еще в детстве, он уже слышал этот колокол, и связанные с ним яркие воспоминания навсегда сохранились у него. Это были звуки монастырского колокола, укрепленного сэром Джонатаном на вершине каменного столба высотой в шесть ярдов[1] рядом с полуразрушенной башней. Забраться на гладкий столб было невозможно. Веревки, позволявшей привести в движение язык колокола, не было. Впрочем, сам язык тоже не сохранился…

Удар колокола раздался еще раз. Это был ясный, резкий звук, звук не столько призыва к молитве, а скорее тревоги. Тысячу лет назад часовой на башне принимался звонить в колокол, чтобы предупредить монахов, работавших в поле, что с моря к острову приближаются морские разбойники. И монахи бросали лопаты и брались за мечи.

— Наверное, кто-то нуждается… — пробормотал сэр Джон.

Колокол прозвонил в третий раз. Он звучал так, словно кто-то ударил молотом по чугунному котлу. В это же время с материка ему ответил колокол церкви в Тиллибруке. Потом послышались колокола в Муллантре, Друммитре, Бруклине… Очевидно, звонили колокола и в других городках; их нельзя было услышать, но можно было почувствовать… И все они, близкие и далекие, медленно, подобно текущим слезам, сообщали разными голосами о чьей-то смерти.

В перекличку звенящей бронзы вмешался какой-то другой голос, сначала почти неслышный ропот, постепенно усиливавшийся, наконец, превратившийся в рычание на высоких нотах. Приблизившись, он поднялся по аллее, ведущей от дамбы: шум, производимый самодвижущимся механизмом, металлическим насекомым. Завороженно застывшие у окон зрители увидели пару желтых глаз, приблизившихся к дому и остановившихся у подножья лестницы, и услышали тяжелые шаги. Кто-то поднялся по лестнице, громыхнул дверными створками, прошел через холл, приблизился к столовой…

Словно завороженная, Гризельда вскочила и повернулась к дверям. Двери распахнулись…

[1] Английская мера длины. Один ярд равен примерно 0,91 м.

Это была леди Августа. Воздев к потолку руки, она потрясла сжатыми кулаками и крикнула:

— Они повесили его!

Словно отвечая на повисший в тишине непроизнесенный вопрос пораженных присутствующих, она добавила:

— Повесили Брайана О'Маллагина! Он и так умирал! Но его повесили вместе с тремя другими мятежниками! В Дублине! Англичане! Эти свиньи!

Замолчав на мгновение, она обратилась к Амбруазу более спокойным тоном:

— Господин Онжье, я сама англичанка… Но в то же время я ирландка! И это удваивает мои страдания! Я переживаю за несчастную Ирландию! И мне стыдно за Англию!.. Джон, налейте мне что-нибудь!..

Она рухнула в кресло, затрещавшее под ней, словно под грузом каменной глыбы. Леди Гарриэтта позвонила и приказала прибежавшей служанке подать в столовую бутылку порто.

— Нет!.. Виски!.. — крикнула вдогонку служанке леди Августа. — Вы слышите эти колокола? Их оплакивает вся страна!.. А завтра заговорят ружья… К несчастью — или к счастью, — у них мало оружия… Не знаю, что было бы лучше… Все это ужасно… Но у них есть вилы… Если б эти свиньи подождали хотя бы два-три дня! Нет, они поступили так специально, чтобы сорвать мой бал! Кому теперь захочется танцевать? Но я не могу отменить приглашения! Столько женщин неделями трудилось над туалетами! Они должны показать их, независимо от того, что происходит в стране! Отмени я бал, и они возненавидят меня! Впрочем, уже поздно отменять что-нибудь…

И она залпом выпила виски.

— Короче, мы все равно будем танцевать!.. За наших убитых!.. Чтобы показать, что ничто не сможет погубить Ирландию!.. И Англию тоже!.. Бал состоится! Я приехала, чтобы сказать вам это… Боже, храни королеву и отправь ее министров в ад! — Она резко вскочила. — Так вы едете, Амбруаз? Я отвезу вас!..

Непреодолимая сила подтолкнула Гризельду к окну. Она разглядела в темноте очертания автомобиля, но на сиденье водителя никого не было. Тоска стиснула сердце Гризельды железной рукой, на ее глазах выступили слезы. Милый автомобиль, дорогой дракон, механическое насекомое, машина для путешествий в мечту и любовь… Ах, Шаун, Шаун!.. Где ты? Ухватившись за соломинку невероятной надежды, она спросила у леди Августы, повернувшись вполоборота, чтобы скрыть влажные глаза:

— Но кто привез вас, тетушка Августа? Вернулся ваш шофер?

— Что ты говоришь!.. Я сама вожу машину!.. Шаун, это животное, показал мне, как нужно управлять… Ничего особенного! Раз! И ты едешь налево! Два! И ты едешь направо! Но если что-нибудь испортится, я пропала! Амбруаз, нам придется ночевать в канаве!

Она засмеялась, словно заржала лошадь.

— Интересно, чем сейчас занят Шаун? Взял и уехал! Исчез! Надо признать, эти ирландцы — порядочные свиньи!..

* * *

Шесть полицейских, оставшихся в сарае, наблюдали за праздником в замке, наслаждаясь теплой ночью.

Капитан Фергюсон выполнил обещание и переселил основную часть своего отряда накануне, а остатки — сегодня утром. Но захватить с собой сразу все снаряжение полицейские не смогли, и капитан оставил несколь-

ких человек для охраны оставшегося имущества, которое, как он сказал, будет вывезено на следующий день.

В одном из сараев, находившемся в стороне от остальных, на расстоянии около 200 ярдов от замка, немного в стороне от подходившей к замку дороги, остались фургон, несколько лошадей и ящики с разным скарбом.

Полицейские видели, как гости подъезжали к замку, слышали, как к пению вечерних птиц добавились звуки скрипок; через широко распахнутые окна салона на втором этаже они видели силуэты танцоров, плавно скользящие, кружащиеся, подпрыгивающие, кланяющиеся, сходящиеся и расходящиеся. Поскольку звуки оркестра доносились до полицейских с небольшим запозданием, им казалось, что танцоры двигаются невпопад с музыкой.

На лужайке перед замком танцев не было. Приглашенные на бал фермеры не пришли в знак печали и гнева.

Оркестр заиграл вальс. Один из дежуривших возле сарая полицейских слышал его раньше. Услышав мелодию, он достал изо рта трубку и начал напевать ее. Потом постучал трубкой о пенек, на котором сидел, и эти звуки прозвучали так громко, что совсем заглушили оркестр. Второй полицейский, прислонившийся к стене сарая возле висевшего рядом фонаря, зевнул.

Гризельда разговаривала со своим кузеном Генри возле открытого окна.

— Вы когда-нибудь видели подобное ночное небо? Смотрите!.. Смотрите же!..

Вылетавшая наружу через окно музыка некоторое время кружилась вокруг них, потом уносилась в ночь. Генри не сводил глаз с Гризельды. Встреча с ней взволновала его, и ему не было дела до звездного неба. Гризельда повторила:

— Да смотрите же, Генри!..

Он с сожалением отвел глаза от прекрасного лица, позолоченного светом свечей, и посмотрел на небо. На чистом темном небе без луны сверкали миллионы звезд, походивших на только что вымытые бриллианты.

Полицейский снова зевнул.

— Пойду-ка я лучше спать, — сказал он. — А ты останешься смотреть на эти звезды?

Он поднял голову, чтобы взглянуть на звезды в последний раз. Послышался выстрел, и свинцовая картечина пробила ему шею, тогда как другие картечины разорвали в нескольких местах его тело и разбили фонарь. За первым выстрелом из охотничьего ружья последовали другие.

Симсон нарядился для бала в Гринхолле по-праздничному. На нем были башмаки с блестящей пряжкой, белые чулки, штаны из зеленого шелка, бархатный жилет такого же цвета и золотая цепь на груди. Он распоряжался шестью неопытными слугами, за которыми требовался постоянный присмотр. Его светлая бородка то и дело мелькала среди волнующейся толпы гостей. Салон освещали три большие люстры, каждая из девяти фарфоровых ламп, украшенных хрустальными подвесками.

Яркий и в то же время мягкий свет ласково касался обнаженных женских плеч кружившихся в вальсе красавиц, скромно освещая зарождавшиеся лысины на головах немногочисленных танцоров. Гораздо больше мужчин толпилось возле буфета.

Китти, расположившаяся как можно ближе к подносам с печеньем, устроила лакомствам настоящую Варфоломеевскую ночь. Стоявший рядом

отец расправлялся с куском куриного мяса, держа в руке изящную белую с голубым тарелку. Он опорожнил несколько бокалов шампанского, не пытаясь сопротивляться внезапно возникшей потребности. С их помощью ему удавалось довольно успешно маскировать легкой эйфорией охватившую его печаль.

Он открыл бал, станцевав с Элен; потом уступил ее Амбруазу. После первого же танца жених и невеста незаметно покинули празднество.

Этот вальс… Он хорошо помнил его… Вальс, старый как мир... Интересно, танцевали ли вальс в Шумере? Он улыбнулся с иронией, потом вздохнул, подумав о своей работе, о своей жизни… Чего он добивался, всю жизнь склоняясь над непонятными значками? Какие тайны он хотел раскрыть? Он ничего не добился, нигде не побывал… Его библиотека оказалась судном на мертвом якоре, да и якорь этот давно заржавел… Он опустил тарелку на стол и погладил бороду. Да, время прошло, прошло… Что ему открылось в этой путанице клиновидных значков? Несколько слов? Несколько фраз? Что бы ни утверждал Амбруаз, он ничего не узнал достоверного, ни единого слова… А теперь Элен уезжает… Да, она уже уехала… Может быть, он прожил совсем бесполезную жизнь, словно во сне? А что следует считать полезным? Полезным для кого?.. Эти бесконечно повторяющиеся значки, никому ничего не говорящие, скрывающие какието тайны, которые, возможно, будут раскрыты завтра или когда-нибудь… Скромные дружелюбные спутники, оберегавшие столько лет его покой… И этот вальс… Что, если потанцевать немного? Может, Китти захочет станцевать с ним?

Китти, с набитым ртом, смутилась и помотала головой.

Сэр Джон взял еще один бокал шампанского. Он увидел Китти такой, какой никогда ее не видел. Немного полновата, бедняжка… Но красивые плечи, великолепная кожа… И такая ласковая… Элен уехала… Надеюсь, Амбруаз окажется… Надеюсь, но и тревожусь… Мне кажется, он мог бы быть и поумнее… Мужчина, который хочет сделать женщину счастливой, должен быть достаточно интеллигентным… Одной любви недостаточно… Но она необходима… Счастлива ли Гарриэтта?.. Кстати, где она? А Элен?.. Да, она ведь уехала… Гарриэтта!..

Поставив на стол бокал, он отправился на поиски жены, к которой неожиданно почувствовал большую нежность, испугавшись ее одиночества… Пробиваясь сквозь толпу, он краем глаза замечал кружившиеся в вальсе фигуры в разноцветных платьях — небесно-голубых, соломенно-желтых, бледно-зеленых, розовых, белых... Увидев жену, он остановился.

Леди Гарриэтта сидела в группе дам, энергично работавших веерами и непрерывно болтавших. Заметив приближающегося мужа, она ласково улыбнулась ему. Он помахал ей в ответ рукой, потом машинально нащупал единорогов на цепочке и погладил их. Затем вернулся к буфету.

Джейн танцевала. Она была в восторге и одновременно сильно разочарована. Да, она не пропустила ни одного танца, но ее партнерами при этом были только пожилые мужчины.

Элис, в конце концов согласившаяся побывать на балу, осталась в своем черном платье. Умиротворенная, счастливая, она стояла у окна в небольшой пустой комнате, смотрела на ночь и слышала Бога. Она внимала доносившимся как будто издалека звукам вальса, но они казались ей эхом всемирного круговорота Творения. Каждый звук был для нее гласом Божьим.

Леди Августа решительно направилась через зал к белой бородке Симсона. Ей показалось, что сквозь музыку и разговоры гостей она услышала нечто странное. Ее могучие плечи белели над платьем из зеленой тафты,

издававшей при каждом ее движении шум, похожий на шум ветвей, сотрясаемых ветром. Декольте с трудом сохраняло порядок на ее груди, несмотря на корсет.

— Симсон! Что происходит? Я же сказала: фейерверк будет в полночь!

Но она уже поняла, что дело было не в фейерверке.

Гризельда увидела вспышки выстрелов раньше, чем услышала их. Потом она услышала вопли раненых и крики фениев, устремившихся к сараю.

Она вскрикнула и изо всех сил вцепилась в руку Генри.

— Не стоит оставаться здесь! — И он попытался отвести ее от окна.

Гризельда оттолкнула его:

— Пустите меня!

Она дрожала от возбуждения. У нее на глазах происходило нечто невероятное. Слышались крики, ругательства, удары по дереву, новые выстрелы.

В это время гости, услышавшие стрельбу, перестали танцевать и столпились возле окон. Оркестр, представленный роялем, тремя скрипками и одной виолончелью, продолжал играть. Звуки вальса, вылетавшие из окон над головами и обнаженными плечами, кружились в ночи, смешиваясь с выстрелами и стонами раненых. Только одна пара продолжала танцевать: женщина в белом платье и мужчина в синем фраке. Это были Джейн и сэр Росс Баттерфорд. Ему было пятьдесят девять лет, и он был холостяком. И еще он был глуховат на оба уха. Он все время пялился на Джейн и непрерывно молол языком. Танцевал он так, словно проглотил аршин. Со стороны казалось, что он танцует, держа в руках конфетку. И очень хочет съесть ее.

Троим полицейским удалось укрыться в сарае, но фении атаковали со всех сторон, проникая в сарай через задние ворота, через курятник, через проем для сена. Их было много, и они хорошо знали, что найдут в сарае самое нужное для них — ящики с оружием и боеприпасами.

Они знали потому, что капитан Фергюсон сознательно поделился этой важной информацией сначала с леди Августой, а потом с сэром Лайонелем, постаравшись, чтобы слуги-ирландцы могли услышать его. Он рассчитывал, что среди слуг наверняка найдется кто-нибудь, связанный с фениями, и он обязательно предупредит их.

Фении так нуждались в оружии… А тут столько необходимого для них остается на ночь под охраной нескольких человек… Они просто не могли не воспользоваться такой благоприятной ситуацией.

Капитан рассчитывал, что он сможет захватить лучших бойцов противника, может быть, даже их вождя. Он не сомневался, что руководитель повстанцев обязательно будет сам командовать такой важной операцией.

Фергюсон хорошо представлял, что мало рассказать о находящемся в сарае снаряжении. Он даже постарался показать его, приказав охранникам заниматься чисткой и смазкой новых ружей на открытом воздухе, на глазах всех любопытных. Это действительно были ружья нового образца, снабженные зарядным устройством на три патрона. Но с такими ружьями в сарае имелся только один ящик; остальные ящики были пустые… И капитан надеялся, что мятежники не успеют воспользоваться новым оружием, так как собирался быстро уничтожить их или взять в плен. Таким образом он рассчитывал окончательно покончить с мятежом в графстве Донегол. Подобные расчеты характерны для профессиональных военных, для которых мятежники значат не больше, чем гирьки на чаше весов. И капитан Фергюсон действовал очень решительно, с размахом генерала.

Он искусно настроил свою мышеловку. Едва фении проникли в сарай, как его окружили полицейские большого отряда королевской полиции,

открывшие стрельбу из всех видов оружия. Фергюсон хотел сразу показать мятежникам, что у них нет никаких шансов на спасение, и заставить их сдаться. Приказав прекратить стрельбу, он громко обратился к оказавшимся в окружении мятежникам:

— Именем Королевы, сдавайтесь!

В ответ из сарая раздались выстрелы из охотничьих ружей, револьверов, древних пистолетов, а также из новых многозарядных ружей.

Леди Августа вихрем ворвалась в малую курительную комнату, где дремал сэр Лайонель. Ему пришлось встречать гостей, разговаривать с каждым из них, выпивать с некоторыми. Он мало ел и основательно выпивал на протяжении дня. Он перебросился шутками с Амбруазом, обсудил погоду с сэром Джоном и внезапно почувствовал, что полностью выбился из сил. Сбежав в курительную комнату, чтобы выкурить сигару, он устроился в уютном кресле и мгновенно уснул, даже не взяв сигару в руки.

— Лайонель! — гаркнула леди Августа.

Ничего не понимающий Лайонель в ужасе вскочил на ноги.

— У нас идет бой, а вы дрыхнете здесь!

Она вылетела из комнаты, оставив дверь распахнутой. Сэр Лайонель услышал стрельбу и затряс головой, как вышедший из воды пес. Что происходит? Кто стреляет? Почему?

Леди Августа пронеслась через четыре комнаты и несколько коридоров и вернулась в салон с огромной двустволкой для охоты на кабана. Она рассекла толпу любопытных на балконе, с которого лучше всего был виден сарай, и вскинула к плечу свою аркебузу.

— В кого вы стреляете, Августа? — поинтересовался оказавшийся рядом сэр Джон.

— Не знаю!.. В тех или в других, какая разница!.. Пусть они сражаются в другом месте!.. Только не здесь!..

Она выпалила сразу из обоих стволов. С люстр в салоне посыпались подвески. Женщины дружно испустили вопль. От отдачи в плече леди Августы что-то хрустнуло. Ворота сарая распахнулись, и из сарая вылетела четверка лошадей, запряженных в фургон, из которого стреляли во все стороны. Едва не перевернувшись, фургон заложил крутой вираж, затрещал, выровнялся и исчез в темноте, преследуемый тучей пуль. Все полицейские, окружившие сарай, дружно стреляли ему вслед, отвернувшись от сарая. Находившиеся в сарае фении воспользовались этим и беззвучно растворились в темноте. Перед этим они подожгли сено, и высокие языки огня тут же взвились к черному небу над телами убитых и живых.

Потом пошел дождь.

Гости леди Августы остались спать в Гринхолле, кто в постели, кто в кресле, а некоторые даже на ковре. На рассвете Симсон обнес чаем едва продравших глаза гостей. Бледный сэр Лайонель писал под диктовку Августы письмо королеве Виктории.

Фургон нашли брошенным в миле от Гринхолла. Одна из лошадей пала, три остальных уцелели.

Во дворе Гринхолла, везде, куда не попал дождь, земля была пропитана кровью.

* * *

Бракосочетание состоялось в храме Муллигана в соответствии с протестантским обрядом, с песнопениями и множеством цветов.

Когда пастор объявил их мужем и женой, Элен почувствовала, что становится другим человеком. Она смотрела на цветы, белоснежные цветы,

символ ее счастья. Они были везде, они усеивали ее лучезарный путь к будущей жизни. Всего лишь несколько слов разом оборвали связи, соединявшие ее с прошлым. Теперь она жена Амбруаза, и все начинается с нуля. Это походило на второе рождение.

Ей показалось, что Амбруаз тоже изменился. С каждым прошедшим часом он становился все менее и менее сдержанным. Он перешучивался с сэром Лайонелем, несколько сдержанно и снисходительно, и даже смеялся, опрокидывая один стаканчик виски за другим.

Когда они танцевали вдвоем, он сказал ей нечто не совсем понятное, наверное, из-за громкой музыки, но она догадалась, что это был комплимент. Он слегка сжал ее руку и засмеялся.

Сейчас она лежала в кровати и ждала. Амбруаз раздевался в туалетной комнате. Сейчас он должен был выйти и улечься рядом с ней. В спальне горела всего одна лампа, слабо освещавшая ночной столик. Комната оставалась в темноте, в которой поблескивали рога и стеклянные глаза украшавших стены охотничьих трофеев, привезенных сэром Лайонелем из Европы, Африки и Индии. Леди Августа оставила у них в распоряжении двух слуг и кучера, который на следующий день должен был отвезти их в Белфаст. Оттуда они поплывут в Англию на судне.

Чтобы избавиться от сырости, слуга зажег дрова в камине. Быстрые отблески пламени танцевали на потолке и на служившей ковром тигриной шкуре, пробиваясь сквозь медную защитную решетку. Приятный запах древесины смешивался с ароматами восточных пряностей. Комната выглядела немного по-варварски, но была теплой и уютной. Несмотря на тепло и негромкое потрескивание поленьев в камине, Элен было холодно. Ее то и дело сотрясала дрожь. Она пыталась закутаться в ночную рубашку из тонкого льна с кружевной оторочкой, сшитую для нее матерью Молли. Она ощущала себя легко уязвимой под этой непрочной защитой, не способной уберечь ее ни от холода, ни от неизвестной опасности. Она старательно прижимала к себе ночную рубашку. Ей полагалось чувствовать себя в безопасности, ведь рядом был ее муж, ее Амбруаз.

Наконец появился Амбруаз в длинной белой рубашке и на мгновение застыл возле нее. Внезапно он почудился ей страшно чужим. Ему на лоб свисала прядь волос, и он утратил свой обычно такой корректный вид. Он как-то непонятно смотрел на нее застывшим и мутным взглядом. Такого она никогда не замечала раньше. Потом он улегся. Элен охватила сильная дрожь. Она испытывала одновременно страстное желание тепла, близости, единения, и в то же время ее терзал страх, потому что она находилась в постели с незнакомым мужчиной. В общем, она не представляла, чего она в действительности хотела. Когда он подвинулся к ней, ей мгновенно стало жарко, а как только он положил на нее руку, она напряглась и едва не крикнула, чтобы он не трогал ее.

Он повернулся, чтобы погасить лампу, потом снова придвинулся к ней и, не произнеся ни слова, обнял ее. Она почувствовала сильный запах виски и табака. Внезапно ей показалось, что он сошел с ума… Тяжесть и животное тепло, обрушившиеся на нее, вызвали у нее ужас и ощущение полной беспомощности. Ее охватило чувство унижения и чего-то отвратительного.

Когда он отпустил ее, ей показалось, что она умирает. Ее сердце гулко билось в груди, она с усилием набрала воздуха в легкие. Все внутри превратилось в глыбу льда. Грудь начали сотрясать все более и более сильные сухие рыдания, разрывавшие ее. Уже задремавший Амбруаз с удивлением поинтересовался, что с ней происходит, но она не смогла ответить. Он поднялся, зажег лампу и остановился над ней в растерянности.

Она слабо улыбнулась ему, сдерживая дрожащие губы. Потом поняла, что видит его, и испугалась, что он тоже видит ее при свете лампы, закрыла лицо руками и зарыдала. Амбруаз молча смотрел на нее, не двигаясь с места. Он ничего не понимал. Неужели он вел себя недостаточно благородно?

Элен продолжала плакать. Она казалась себе потерянной, одинокой в жестоком мире, без поддержки, без помощи. Значит, ее увлеченность, ее страстный порыв к Амбруазу, к безоблачному счастью закончились этим отвратительным событием, воспоминание о котором и постоянное повторение будут отравлять ей все дни и ночи неизвестно сколько будущих лет?

Смущенный и озабоченный Амбруаз пригладил волосы, принял сочувственный вид и заговорил, словно с упавшим ребенком.

— Ничего, ничего… Поплачьте, вам полегчает. — И добавил после небольшой паузы: — Но только не слишком долго!

Он уселся на край кровати и задумался. Он с удовольствием ощутил, как его босые ноги погрузились в полосатый мех гималайского тигра. Придя к определенному выводу, он повернулся к Элен и заговорил серьезным тоном:

— Вы не должны вести себя словно ребенок. Теперь вы моя жена.

Он глубже забрался на постель, подобрав ноги. Элен с большим усилием взяла себя в руки. Она, наконец, смогла взглянуть на своего мужа, глазами, все еще полными слез. Он сидел, набросив на ноги одеяло. Прядь волос уже не свисала у него поперек лба. К нему вернулся традиционный респектабельный вид. Может быть, ей удастся снова найти в нем человека, которым она так восхищалась?

К ней вернулось спокойствие. Относительное. Она медленно покачала головой и сказала:

— Вы правы, Амбруаз. Я теперь ваша жена перед Богом, и я обязана сделать вас счастливым…

* * *

Леди Августа решила, что она сама доставит на почту в Донеголе письмо королеве. Чтобы придать своему мероприятию бóльшую торжественность, она отправилась туда на автомобиле. Во время возвращения винт, фиксировавший рычаг управления, уже давно отошедший, окончательно отвернулся, и несмотря на отчаянные усилия водителя, машина сошла с дороги и на скорости в пятнадцать километров в час погрузилась в воды небольшого озера возле Тиллибрука.

Когда вода поднялась до мотора, она громко забулькала, закипев, потом раздался громкий скрежет, и машина остановилась в облаке пара.

Леди Августа выбралась на берег, погрузившись не глубже, чем по грудь, что не представляло особой опасности для ее жизни. Рассвирепев, она не стала заниматься спасением автомобиля, и тот постепенно скрылся на глубине благодаря небольшому наклону дна.

Фениям удалось унести своих раненых, тогда как первая помощь раненым полицейским была оказана в Гринхолле; в больницу их увезли только на следующий день. Капитан Фергюсон начал систематическую очистку всей территории графства Донегол. Полицейские проверяли все возможные убежища, заходили на фермы и заставляли фермеров раздеваться, чтобы проверить их на наличие ранений. Эти меры сильно рассердили местное население; деревенские священники призывали божий гнев на головы неотесанных солдафонов. Тем не менее, мужество и юмор ирландцев одержали верх, и утром в четверг, когда зловещие отряды взялись за работу, полицейские везде наталкивались исключительно на раненых… Не

только все мужчины, но также женщины и дети были с повязками, и под бинтами, запятнанными кровью, действительно были настоящие раны.

Даже коровы, лошади и ослы были украшены повязками. У гнедой лошади Меешавла Мак Мэррина вокруг шеи был повязан большой кусок зеленой материи, а сам Меешавл порезал указательный палец на левой руке и обмотал его бинтом, ставшим сначала красным, а к вечеру — черным.

Тем не менее, дней через десять Фергюсон арестовал двенадцать человек, и проверки фермеров продолжались.

* * *

Этим вечером Молли, занимавшаяся прической Гризельды, заметно нервничала. Природа, создавая Молли, выбрала для нее небольшой рост матери, ее изящные руки, каштановые волосы и карие глаза, а также густые отцовские ресницы, его слегка курносый нос и бледную кожу. А также характерную для обоих родителей жизнерадостность и их мужество.

Вообще-то, с мужеством у Молли дело обстояло неважно. Она расчесывала на ночь волосы сидевшей перед трюмо Гризельды, безразличной и молчаливой.

Через открытые окна в комнату вливались последние трели готовящихся ко сну птиц и шелест листьев, потревоженных легкими порывами вечернего ветерка. Казалось, что за окном время от времени шевелится большой мирный зверь. Розовое закатное небо стало серым. Деревенские жители хорошо знают, что августовские дни в сердце лета уже основательно надкушены близкой осенью. На Сент-Альбане, где летние дни такие долгие, что они почти сливаются, не оставляя времени для ночи, с приходом августа световой день заметно уменьшается.

Гризельда машинально смотрела в зеркало, не испытывая ни малейшего интереса к тому, что видела. Белые руки Молли летали над ее головой, словно две голубки, то появляясь, то пропадая, щетка скользила по волосам с легким шорохом, отчетливо отдававшимся в голове. Гризельде казалось, что у нее в голове установилась абсолютная пустота, словно в гнезде, из которого вылетели подросшие птенцы.

После первых волнующих минут сражения возле Гринхолла ее охватил ужас. В то время как гости вокруг нее волновались, что-то выкрикивали, принимая таким образом участие в схватке, она застыла в молчании, ощущая себя чужой в этом абсурдном мире, в котором не было Шауна. Ей не удавалось снова найти себе место в рутине повседневности. Мир для нее стал театром, и актеры, беспорядочно жестикулируя, произносили невнятные тирады. Она же была их единственной зрительницей, рассеянно следившей за представлением, разыгрываемым для пустого зала.

Молли, поглощенная своими переживаниями, плохо соображала, что делает. Ее руки действовали автоматически, как все предыдущие вечера. Густые тяжелые волосы, превратившиеся в подвижную массу под ее щеткой, перекатывались волнами при малейшем движении Гризельды, и свет лампы зажигал в них медные отблески. Молли положила щетку, разделила массу волос на три потока и принялась сплетать их. Поднимавшийся из ее сердца ужас заставил ее сначала тяжело дышать, а затем перешел в молчаливые рыдания. При этом она не переставала переплетать пряди волос, туго стягивая их, чтобы они не распались за ночь.

— Что с тобой, Молли? В чем дело? — спросила Гризельда.

Она попыталась повернуться, чтобы поговорить с Молли, но та крепко держала ее за волосы и продолжала свою работу, не переставая плакать. И лишь закончив сплетать косу и прочно закрепив ее конец лентой, она опустилась на пуф, закрыла лицо руками и громко зарыдала. Только через

несколько минут она успокоилась настолько, что смогла ответить на вопросы Гризельды. Она не могла дольше хранить в тайне свои страхи.

— Это Ферган, мисс, это все из-за него…

— Кто такой Ферган? Что он сделал?

— Он ничего никому не сделал, храни его Бог! Наоборот, все сделали ему эти свиньи!.. Они ранили его в Гринхолле, когда там было сражение, а теперь они схватят его и повесят!.. Это сын Конана Боннигана, вы должны знать его… Это фермер, который занял участок моего отца… Через год-другой мы собирались пожениться…

— Он один из фениев?

Молли кивнула, всхлипывая.

— И ты знала это?

Молли отрицательно покачала головой и добавила:

— Конечно, ему пришлось уйти с фермы отца… Он прячется у моей матери. Он ранен в плечо, рана легкая, и святой Патрик не позволил ей воспалиться… Он мог бы уехать, у него есть кузен возле Слайго, констебли не станут искать его там… Но он не хочет уезжать! Он чего-то ждет! Но рано или поздно появятся полицейские, они зайдут в дом матери, их не остановит французский флаг! Они схватят его и повесят!

— Почему он не хочет уехать? Из-за тебя? Это неразумно! Если он тебя любит, он должен оставаться ради тебя живым!..

— Но это не из-за меня! Это из-за его друга, который тоже был ранен в тот же вечер, только гораздо серьезнее, и он не в состоянии уехать… Ферган не хочет бросить его, он говорит, что если появятся констебли, они будут драться с ними… У них есть ружья…

— Этот приятель Фергана тоже прячется у твоей матери?

— Да, мисс…

— Если их схватят, они повесят и ее!

Молли застонала. Потом стиснула кулаки и принялась бить себя по коленям.

— Я забросаю их бомбами! Я достану ружье! Я буду кусаться! Я… Ах, мисс, что мне делать? Что мне делать, чтобы спасти Фергана?.. Может, вы поговорите с ним? Он должен послушаться вас! И он согласится уехать к своему кузену… А его друг может спрятаться в торфяниках… — Она вытерла глаза, высморкалась и добавила: — Вы знаете его друга, мисс, это бывший шофер леди Августы, его зовут Шаун Арран…

Гризельда, склонившаяся над Молли, резко выпрямилась. Ее словно оглушила ударившая рядом с ней молния. Она с трудом удержалась на ногах. Ее сотрясала буря, и она не видела, за что можно было уцепиться. На нее нахлынула волна ярости.

— Он сошел с ума! Вы тоже сошли с ума! Вы все сумасшедшие!.. Оставь меня в покое! Убирайся!..

* * *

Он нашелся, но он сейчас в смертельной опасности… Он бросил ее для того, чтобы его убили! Идиот! Мой дорогой безумец!... Но он мог быть вместе с фениями и раньше, когда они только познакомились… Ладно, если ему хочется, чтобы его расстреляли или повесили, это его дело! Но что она может сделать для него?

Она металась в постели, садилась, вскакивала, снова ложилась, находясь между отчаянием, возбуждением и гневом… В конце концов ее охватило единственное чувство, пожалуй, невероятное, если учесть обстоятельства, чувство радости…

Ему грозила смертельная опасность, но он нашелся! Он снова был здесь, да, не рядом с ней, но она знала, где! Она могла в любой момент одеться, вскочить на лошадь или на велосипед и мчаться к нему, несмотря на ночь, ветер и дождь, и увидеть его!

Она должна была увидеть его, она скоро увидит его, она спасет его! Ей нужно было найти выход, и выход должен быть безумным… Да, они все здесь сумасшедшие, и она тоже будет сумасшедшей вместе с ними…

Она едва задремала, когда уже стало светать, и очнулась в кресле возле окна. Она закоченела и не сразу вернулась к действительности… Действительности с Шауном!

Немедленно ухватившись за шнур звонка, она вызвала Молли. Девушка, бледная, с красными глазами, появилась, держа в руках поднос с чаем.

Уже почти одетая, Гризельда сказала:

— Не переживай! Мы займемся твоим Ферганом… А ты уверена, что он уедет к кузену, если его друг будет в безопасности?

— Да, конечно, мисс!..

— Ладно… Хорошо… Так что мы должны спрятать его, этого шофера.

— Мы, мисс? Но где?

— Здесь…

Молли ошеломленно огляделась, пытаясь сообразить, где можно будет спрятать Шауна: может быть, под кроватью? Или в шкафу?

— Не в моей же комнате, глупая! — засмеялась Гризельда. — Здесь — значит, на острове. Для этого есть идеальное место: это старинная часовня…

Молли перекрестилась.

— О, святая Дева! Это место, где можно увидеть процессию монахов!

— Никто никогда действительно не видел их…

— Нет, мисс! В прошлую пятницу Брижит…

— Брижит видит призраков везде, даже в своей тарелке с супом!

— Но она рассказывала, мисс!

— Ладно, пусть болтает ерунду! Тем лучше! И ты тоже можешь рассказывать, что видела их… Никто добровольно не заглянет в это место, никто не может случайно появиться там… Мы спрячем его в небольшой нише в глубине помещения. Констебли никогда не придут с обыском на остров.

— Конечно, мисс! Сэра Джона здесь очень уважают… Но если он когда-нибудь узнает…

— Конечно, он будет недоволен… Но как он может узнать? Шауна Аррана нужно доставить сюда ночью.

Внезапно она сообразила, что даже не побеспокоилась о его ране, так была обрадована новости о его возвращении. Все было прекрасно, с ним не могло случиться ничего плохого, потому что он опять был рядом… Но ей стало страшно, когда Молли сказала:

— Но как он доберется до острова? Он же не может двигаться.

— Он так серьезно ранен? Куда он ранен?

— Мне кажется, в грудь и в бедро… Он совсем не может ходить…

— Совсем?

— Ну, может быть, совсем немного, я не знаю…

— Твоя мать приглашала врача?

— Ах, мисс! Это ведь невозможно! Как только врач направляется по вызову, его обязательно сопровождают двое полицейских на лошадях… Он ругался с ними, даже швырял в них камни, но все было бесполезно… Но моя мать лечила Шауна Аррана. Плохо то, что он потерял много крови.

— О Боже, — простонала Гризельда, но тут же опомнилась, заметив удивленный взгляд Молли.

— Тем хуже для него! Ему больше нечего было делать, как ввязаться в драку… Они все взбесились! Если они хотят, чтобы их всех поубивали, что мы можем сделать?.. Если бы не ты, разве я стала бы заниматься этим болваном?

— Конечно, мисс…

— Вот что мы сделаем… — Она на минуту задумалась. — Кто-нибудь должен перевезти его сюда! Но кто? И как?

Посмотрев в окно, она увидела Китти, направлявшуюся в благотворительное турне. Девушка вела велосипед с грузом пакетов, укрепленных на багажнике с помощью ремешков и веревочек.

Она поспешно открыла окно и позвала:

— Китти! Китти! Зайди ко мне! Сейчас же!

— Но мне некогда… — крикнула в ответ Китти. — Я уезжаю!

— Ты еще успеешь! А сейчас зайди ко мне! Немедленно!

Китти пыталась протестовать, но Гризельда уже захлопнула окно. Сгорая от нетерпения, она выскочила в коридор, хотя еще не оделась полностью.

— Поскорее! Ну, заходи!..

Она втолкнула сестру в комнату, закрыла за ней дверь и сказала, понизив голос:

— Послушай! У Эрни сейчас находятся раненые. Два фения!

— Я знаю, — спокойно ответила Китти.

— Ты знаешь?

— Ну да. Я отвозила для них одеяло и баночку с мазью, которую приготовила Эми.

— Значит, Эми тоже в курсе! Все знают, и никто не подумал рассказать мне!

— Не все. Я сказала Эми, что это для Падрика О'Грэди, который поранил себе ногу лопатой.

— Так она тебе и поверила!

— Конечно, поверила! О'Грэди действительно поранил ногу...

Гризельда взорвалась:

— Мне плевать на вашего О'Грэди! Ты знаешь, что если полиция найдет этих раненых, их повесят?

— Ну, может быть, не обоих…

— Как это не обоих?

— Ферган совсем юный…

— О, и ты думаешь, что так и будет?.. Да они повесят вместе с ранеными и Эрни!

— Они не вешают женщин…

— Тогда они посадят ее в тюрьму до конца ее дней!

— Я не подумала об этом, — растерянно сказала Китти.

Она задумчиво покачала головой. На ней была старая шляпа, пережившая множество дождей, и ее когда-то белый цвет давно превратился в желтый. Под шляпой можно было видеть круглые щеки Китти, розовые, свежие и чистые, как ее сердце. Она вздохнула:

— Бедная Эрни… В какую плохую историю она впуталась!.. Но что она могла сделать? Им требовалась помощь…

— Вот что я думаю, — сказала Гризельда. — Послушай, дружок Молли отправится к родственникам в Слайго, если его товарищ окажется в безопасности. Так вот, мы спрячем его здесь.

— Что?

Китти вытаращила глаза. Она не поверила своим ушам.

— Мы спрячем его в монашеской часовне, — сказала Гризельда. — Там его никто не будет искать… Спрятав его, мы таким образом спасаем

Фергана и Эрни! Хорошо придумано, правда? И раненый останется у нас до тех пор, пока не поправится, чтобы уйти…

Последние слова она произнесла очень медленно, как будто они не хотели вылетать из ее уст. «Уйти? Опять уехать?.. Ладно, поживем — увидим. Не стоит заглядывать так далеко в будущее. Прежде всего, его надо спасти! Я привезу его сюда, он будет рядом со мной…»

Она сказала Китти, что нужно найти человека, который привезет раненого к дамбе. Об остальном позаботится она сама. При условии, что он сможет хоть немного передвигаться на ногах…

— Но сможет ли он?

— Надеюсь, сможет… — задумчиво ответила Китти. — Конечно, ему плохо, но кости у него не повреждены… Он пойдет, потому что должен пойти… Они невероятно живучие, эти фении… А кстати, ты знаешь, кто он? Это бывший шофер тетушки Августы, тот, который…

— Я знаю, — оборвала ее Гризельда. — Но как доставить его к острову?

— Я не вижу другого средства, — сказала Китти, — кроме повозки Меешавла Мак Мэррина. Он продолжает разъезжать по всем дорогам, констебли обыскали его два или три раза, и теперь не обращают на него внимания. Они только посмеиваются, когда он проезжает мимо… Послушай, мне пора, мне сегодня нужно сделать очень многое, но я обдумаю, как все сделать понадежней… Мне кажется, это будет очень трудно... И это довольно безрассудное предприятие… Господи, а если его найдут у нас! Что скажет папа! Это будет ужасно…

— Папа ничего не скажет! Потому что он ничего не узнает! И раненого никогда не найдут! — энергично возразила Гризельда.

Она понимала, что Китти стало страшно. Напротив, себя она чувствовала все более и более уверенно, оказавшись на месте героинь, о подвигах которых прочитала столько книг.

— Только найди способ доставить его к началу дамбы, остальным займусь я сама. Тебе ничего не нужно делать, ты ничего не знаешь, ты даже ничего не слышала об этом! Конечно, его нужно привезти, когда все успокоится… Но и не слишком поздно, чтобы не шуметь, когда все будут спать…

— Хорошо, хорошо, я постараюсь, — сказала Китти. — Наверное, я не вернусь к обеду… Предупреди маму… Вечером я скажу тебе, что мне удалось сделать…

Молли, слушавшая разговор сестер, бросилась к Китти.

— Спасибо вам, мисс Китти, — пробормотала она.

Китти спустилась к своему велосипеду и быстро уехала. Она цеплялась за руль, словно это был якорь спасения. Она была в ужасе. Она не понимала, что и раньше рисковала очень многим. Кроме двух раненых у матери Молли, которым она помогала, были и другие. Ей казалось, что она не делает ничего особенного, что отличалось бы от ее благотворительности. Это и было в ее глазах обычной благотворительностью. Любой христианин мог оказаться на ее месте. Но прятать фения на их острове! Гризельда не понимает, что она собирается сделать. Ее идея казалась Китти более страшной, чем если бы она спрятала бочку с порохом под обеденным столом… Если раненого найдут, все погибнет.

* * *

От старой часовни сохранились только развалины стен, зеленых от покрывшего их мха и разной дикой растительности. Внутри стен, на месте алтаря вырос большой куст боярышника, так буйно цветущего весной, что со стороны он казался вспышкой белого огня.

Еще в детстве, во время исследования острова, Гризельда, пробравшись сквозь колючие кусты и груды развалин, обнаружила в дальней стене часовни узкий проем. Проскользнув в него, она очутилась в небольшом сводчатом помещении почти круглой формы, хорошо сохранившемся, несмотря на прошедшие столетия. Помещение было не больше четырех шагов в поперечнике, и в нем едва мог стоять, выпрямившись, взрослый человек. Заметить со стороны эту каморку, скрытую густыми зарослями, было невозможно. Свет в нее попадал только через небольшую бойницу, тоже почти закрытую ветвями.

Гризельда сделала из этого укромного уголка свое тайное убежище, становившееся для нее то волшебным замком, то царскими палатами. Однажды Эми, почему-то всегда хорошо знавшая, где находится Гризельда, сказала, что девочка не должна играть в часовне, и особенно в келье искупления.

— Что это такое: «келья искупления»?

— Ты хорошо знаешь это место в дальнем конце часовни, куда можно попасть только через узкий проход. Туда помещали тела монахов, умерших грешниками, и оставляли там. Считалось, что только в этом месте они могли дождаться искупления своих грехов. В монастыре, среди монахов, не положено находиться женщине, даже маленькой девочке!.. Тебе не стоит туда забираться… Загляни туда в последний раз и присмотрись внимательно: эта каморка имеет форму опрокинутого кубка, поставленного на землю. Когда кубок перевернется в нормальное положение и откроется, монахи будут освобождены от грехов. Они знают это, а поэтому все еще находятся там. Ты мешаешь им. Играй в другом месте…

Гризельда ничего не поняла из объяснения Эми, но она хорошо запомнила ее слова. Дети часто запоминают сказанное взрослыми, хотя понимание часто приходит к ним гораздо позже, в должное время. Или никогда.

Она вернулась туда в последний раз, по совету Эми, но не стала забираться в каморку в виде кубка. Это было туманным осенним днем, когда все видится в неверном колеблющемся свете, и она увидела — или, возможно, решила, что увидела, — медленную процессию монахов, входящую в часовню через проем в стене, где когда-то находилась дверь. Увидев их, она попятилась, медленно и бесшумно, дрожа и едва осмеливаясь дышать.

Это место должно стать идеальным убежищем для Шауна. В сложившейся ситуации Гризельде было наплевать на свои детские страхи и запреты Эми. Призраки монахов станут дополнительной защитой. И если они существуют на самом деле, то Шаун, как католик, вполне сможет найти с ними общий язык...

Немного волнуясь, она направилась к часовне, но нашла там те же развалины, что и прежде, только еще более заросшие. Куст боярышника тоже вырос, а вход в келью показался ей гораздо уже, чем когда-то, да и сама келья… Как там могла поместиться процессия монахов? Хотя, конечно, призраки занимают мало места… Но такой крупный мужчина, как Шаун? Конечно, это идеальное убежище, но очень уж оно тесное, сырое и неудобное. Может быть, здесь нельзя находиться раненому? Гризельда едва не передумала, но вспомнила, что Шауна могут повесить, и взялась за работу.

Два дня она подметала, убирала мусор, чистила и скоблила стены, стараясь не привлечь внимания прислуги, потому что развалины часовни находились всего метрах в тридцати от служебных помещений. К счастью, часовня была построена согласно традициям, так, чтобы соответствовать положению лежащего головой на восток человека. Поэтому вход в часовню находился со стороны леса, и посещать часовню можно было совершенно незаметно.

Молли сшила из простыней матрас, который Гризельда набила сеном, похищенным у садовника. Оно было сухим и хорошо пахло. Китти сообщила, что Меешавл привезет Шауна на своей повозке поздно вечером в четверг.

— В четверг? Но это же завтра!

— Да… Ты не передумала прятать его здесь?

— Не передумала!

— Ты плохо представляешь, что из этого получится… Можно попытаться найти другое убежище, еще не поздно…

— Но где?

— Не знаю… Может быть, у…

— У кого?

— Не знаю… Если бы…

— Вот видишь! Не волнуйся, не думай об этом, и все будет хорошо!..

— Твои слова да Богу в уши… Ну, помогай нам Бог!

Четверг начался для Гризельды поздним вечером в среду. Ей нужна была темнота, чтобы перенести в убежище самые громоздкие вещи. На чердаке нашлась детская мебель из красного дерева, которой по очереди пользовались Элен и Джейн. Она притащила в часовню два низких стульчика, небольшой столик и даже микроскопический комод высотой не более метра, инкрустированный медными пластинками. Набитый сеном матрас она застелила льняной простыней и двумя одеялами из мохера, желтым и голубым. Куском голубого бархата задрапировала узенькое оконце, чтобы закрывать его ночью, когда потребуется зажечь свечу. На выступе стены прикрепила букетики цветов. Небольшую вазу с цветами поставила на лилипутский комод. Когда все в доме уснули, она отправилась встречать Шауна с розой в руке.

Гризельда выбралась из своей комнаты через окно, держа розу в зубах. На этот раз она не забыла выбросить из окна свой зеленый плащ, а также плащ для Шауна, тот самый, который он заставил ее надеть во время их первой совместной прогулки на автомобиле. Молли пришила к плащу большой капюшон, скрывающий лицо, чтобы в темноте беглеца можно было принять за странствующего монаха.

Гризельда быстро спустилась к дамбе, перебегая от дерева к дереву. Скорее всего, в этом не было особой необходимости, так как затянувшие небо облака почти все время закрывали луну.

Задыхаясь, с сильно бьющимся сердцем и пылающими щеками, она пробежала по дамбе и спряталась в густой тени возле мельницы, чтобы ожидать появления повозки. Оглянувшись, она увидела на верхнем этаже белого здания несколько светящихся окон. Очевидно, леди Гарриэтта и Джейн еще не спали.

На фоне темного неба выделялись немного более темные контуры острова, дома и высоких деревьев. Слышался равномерный шум моря и шелест листвы на ветвях, клонившихся под ветром. Для Гризельды каждый миг был последним в бесконечно тянувшемся ожидании топота лошадиных копыт и скрипа колес повозки, на которой привезут Шауна. Она задерживала дыхание, чтобы лучше слышать, но не слышала ничего, кроме обычных звуков ночной жизни моря и земли. Протекали минуты, за ними тянулись другие, и ничего не происходило.

Окна спальни Джейн погасли. Гризельда уселась на каменную скамью, прислонившись спиной к стене мельницы, и тут же вскочила. Ей послышалось, что… Нет, это ей только показалось… Свет в окнах спальни леди Гарриэтты стал темно-красным — она задернула шторы. Гризельда снова уселась, держа розу в руке. Луна окончательно спряталась за облаками,

небо потемнело. Ночь окутала девушку непроницаемым покрывалом, словно державший ее на ладони великан сжал пальцы в кулак. Посыпался мелкий дождик. Красные окна погасли. Дом и остров исчезли, смешавшись с чернотой неба. Остался сплошной мрак.

Гризельда вскочила, задрожав. Теперь она слышала за шумом дождя странные звуки, заполнявшие пространство вокруг нее: шарканье ног, вздохи, приглушенные рыдания. Она прижала к себе плащ, приготовленный для Шауна, и отошла на несколько шагов от мельницы. Порыв ветра, подхватывший капли дождя, нанес ей мокрую пощечину, и она услышала чей-то стон и почувствовала сильный запах водорослей. Она с трудом распознала в этом стоне жалобу какой-то морской птицы. Но где было море? В какой стороне от нее? Негромко завизжала лиса, жалуясь на пустой живот. Это был Уагу? Или другая лиса с материка? А где находился остров? А материк? Гризельда почувствовала, что дорога у нее под ногами исчезла. Она остановилась, ее охватили страх и отчаяние. Все пропало… Она никогда не увидит Шауна… Наверное, его схватили констебли… И для нее не осталось ничего, кроме мрака, ветра, дождя и ощущения безнадежности…

В глубине ночи появился жалкий колеблющийся огонек. Он исчез, потом появился снова, и порыв ветра, будто ослабевшая волна, набежавшая на песок, донес до нее далекий голос Меешавла Мак Мэррина:

«Мэри, Мэри,
Куда ты подевала мои инструменты?
Ах, Мэри…»

После непродолжительного молчания он снова запел, оказавшись уже ближе:

«У меня остались только пальцы,
Чтобы пригладить твои волосы,
Ах, Мэри…»

Мир мгновенно преобразился. Теперь Гризельда хорошо представляла, где находилась она, где размещались окружавшие ее детали ландшафта, в том числе суша и море. Приехал Шаун! Наконец! Он был здесь!

Она услышала бряканье подков, постукивание колес, скрип осей и совсем близкий голос Меешавла:

«Мэри, Мэри,
Я ищу свои инструменты
И я ищу тебя,
Моя Мэри…»

Она бросилась навстречу, споткнулась о камень, чуть не упала, выронила розу и тут же забыла о ней, побежала дальше и едва не наткнулась на повозку. Висевший на какой-то палке фонарь слабо освещал силуэт Меешавла, покачивавшегося на сиденье в ритме колебаний повозки. Он держался за вожжи и словно цеплялся за дождь…

Когда перед ним в жалком свете фонаря возникла Гризельда, он выпрямился и обругал лошадь. Та сразу поняла хозяина и остановилась.

— Где он? — крикнула Гризельда.

— Тише, тише, — отозвался Меешавл Мак Мэррин, помахав пальцем перед своим носом. — Я пою и разговариваю с лошадью… А на ночной дороге не должны встречаться молодые девушки...

Он подмигнул ей и улыбнулся. Шапка из грубой шерсти съехала ему на лоб, оттопырив уши. Помпон шапки, уши и нос казались одинаково красными; под пышными усами цвета заплесневелой пшеницы прятался рот.

— Где он? — негромко спросила Гризельда, подпрыгивавшая от нетерпения.

Меешавл кивнул в темноту.

— Там, под сеном… Все хорошо… Только он, наверное, порядком промок… Я проеду немного дальше, к началу дамбы… Ему останется пройти сущий пустяк… Эй, старая кляча, пошевеливайся!..

Когда повозка остановилась, Меешавл спрыгнул на землю и подошел к повозке сзади.

— Можешь вылезать, парень, мы приехали.

И ошарашенная, трясущаяся Гризельда увидела, как сено зашевелилось, разлетелось в стороны и в полумраке появилась сначала темная голова, затем грудь. Она шагнула ближе, чтобы помочь, но Меешавл остановил ее.

— Не дергайтесь, мисс, позвольте мне… Я помогу тебе слезть, приятель… Цепляйся за меня… Ну, давай…

Возница, судя по всему, был не так пьян, как старался изобразить. Он легко извлек Шауна из сена и поставил его на землю.

— Можешь держаться на ногах?

— Я должен держаться… Где мой костыль?

Меешавл достал из сена толстую ветку, игравшую роль костыля. Шаун оперся на него и сделал пару шагов с помощью возницы.

Застывшая на месте Гризельда смотрела на Шауна, не решаясь приблизиться к нему. Он тоже не только не подошел к ней, но даже не посмотрел в ее сторону. Возможно, он просто не мог увидеть ее.

Через несколько шагов Шаун остановился, опираясь на Меешавла.

— Я могу идти, — сказал он.

— Теперь дело за вами, — обратился Меешавл к Гризельде. — Чем быстрее я уберусь отсюда, тем лучше будет для вас…

Он оставил Шауна посреди дороги и залез в повозку.

— Ну, шевелись, старая кляча!.. Давай, голубушка, поехали!..

Повозка заскрипела и исчезла в темноте. Меешавл снова запел.

Гризельда и Шаун стояли в темноте, в нескольких шагах друг от друга, и молчали. Шаун смотрел вслед повозке, у Гризельды сжималось сердце от жалости. Она почти ничего не увидела, разве что осунувшееся лицо, заросшее щетиной, всклокоченные волосы, свисавшие мокрыми прядями на лоб, черные дыры вместо глаз… Испугавшись, что его сейчас снова проглотит ночь, она кинулась к нему. Ей хотелось схватить его, обнять и баюкать, но она не знала, куда он ранен, а поэтому боялась причинить ему боль неловким прикосновением.

Потом она негромко сказала:

— Ах, Шаун!.. Наконец-то…

Она схватила его за свободную руку и прижалась к ней сначала щекой, потом губами.

— Вот и ты…

Шаун, повернувшись к ней, всматривался в светившееся в темноте лицо, не произнеся ни слова.

Она отпустила руку, ощупью накинула ему на плечи плащ и натянула на голову капюшон. Потом попыталась говорить непринужденно, без эмоций:

— Нам придется пройти довольно много. К тому же, вверх по склону. Ты сможешь идти?

— Я должен… Левая нога у меня в порядке… Но я должен кое-что сказать тебе… Я не знал, где они хотят спрятать меня… Меешавл, этот старый хрыч, только по дороге сказал мне об этом… Если бы я знал заранее, я отказался бы…

— Конечно!.. Ты предпочел бы, чтобы тебя схватили!..

Она рассвирепела. Он ничуть не изменился! По-прежнему упрямый и безмозглый!..

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Шаун. — Ты не знаешь, на какой риск согласилась…

— Ничего подобного! Я все знаю!

— Нет, ты ничего не знаешь! Но ты должна знать хотя бы то, что ты сумасшедшая!

— Да, это мне тоже известно…

Она засмеялась и поцеловала его руку.

— Идем!

Им потребовался час, чтобы добраться до часовни. Совершенно обессиленный Шаун был вынужден часто останавливаться. В полной темноте они не находили места для отдыха, хотя при переходе через дамбу Шаун пару раз присел на парапет. Потом ему приходилось отдыхать стоя, опираясь на здоровую ногу, костыль и Гризельду. Когда они молча стояли в темноте, с трудом переводя дух, они слышали сквозь шум дождя пение Меешавла, то приближавшегося к ним, то удалявшегося в зависимости от зигзагов дороги. Постепенно его голос затих, и они так и не узнали, чем закончились поиски инструментов и Мэри.

Она провела Шауна стороной от дома; так было дольше, но зато надежнее. Труднее всего им пришлось, когда они перебирались через развалины часовни. Войдя в келью, она стянула с него плащ, отбросила свою накидку, вытерла мокрые руки об юбку, нашла спички и зажгла свечу.

Шаун увидел стены из серого камня, пестроту лент и букетов цветов, детскую мебель, одеяла и понял, с какой любовью готовилось для него это убежище. Он попытался засмеяться, но его душили слезы.

Он сказал:

— Нет, ты на самом деле ненормальная…

Она только кивнула в ответ, потому что ей тоже приходилось сдерживать слезы. Теперь она более отчетливо видела его, и ей стало ясно, что он чувствует себя гораздо хуже, чем можно было догадаться по дороге сюда. На бледном лице остались только скулы и борода, серые глаза в глубоких впадинах казались туманом, который вот-вот рассеется. Он хотел обнять ее и прижать к груди, но не представлял, есть ли у него руки и грудь, он был воплощением слабости и страдания. Последних сил у него хватило только на то, чтобы не упасть, а опуститься на колени на постель. Потом он лег, так и не поняв, засыпает он или теряет сознание.

Гризельде удалось снять с него мокрую одежду, но она не решилась коснуться грязных окровавленных бинтов. Она решила, что поменяет повязки на следующий день, когда он проснется. Закутав его в одеяла, она осторожно и с нежностью вытерла ему лицо, потом задула свечу и растянулась рядом с ним, чтобы отдохнуть несколько минут, прежде чем возвращаться в свою комнату. Раздавленная усталостью, она мгновенно заснула.

Она проснулась, когда уже было светло. Лежавший рядом Шаун не столько дышал, сколько хрипел.

* * *

Перепуганная, дрожащая от страха и утреннего холода, Гризельда решила любой ценой привести на остров доктора из Тиллибрука. Дыхание Шауна то и дело прерывалось, потом возобновлялось со страшным хрипом. Не успела Гризельда пробраться мимо куста боярышника, как натолкнулась на Эми, сидевшую на каменной глыбе. В руке она держала

серебряную ложку, выглядывавшую из куска льняной ткани, а на коленях у нее стоял сильно помятый, но натертый до блеска серебряный чайник.

С годами волосы Эми стали почти такими же белыми, как ее шапочка, а глаза приняли оттенок далекого и слегка затуманившегося горизонта. Серьезно посмотрев на Гризельду, она сказала:

— Не торопись, мой олененок. Он все равно не доживет до прихода врача. Лучше напои его вот этим…

И она протянула девушке чайник.

— Осторожно, он горячий… Это не чай, а отвар, полученный из самых разных трав. Я не могу войти в Искупление, это место не для меня. В общем, оно и не для тебя, но ты должна снова побывать там… Меня не пускают монахи, которые сердятся на меня, потому что я знаю, что они думают о женщинах… Скорее возвращайся туда, его нужно напоить отваром… С помощью вот этой ложки. Он должен выпить пять ложек. Считай как следует! Если он выплюнет жидкость, это не считается! Только то, что он проглотил! Помни: пять ложек! Через час опять столько же, и так каждый час до вечера давай ему по пять ложек… Не волнуйся, дома о тебе не будут беспокоиться… Я скажу, что ты ушла на скалу и я дала тебе с собой еды… Вот, в этой корзинке… Я отправлю туда Ардана вместе с Уагу, и они пробудут там, пока ты будешь оставаться здесь… Потом Ардан вернется домой вместе с тобой… Да, ты должна поить раненого из серебряной ложки, только из нее! Когда закончишь, то не вытирай ложку, а снова заверни в эту ткань. Поторопись…

Гризельда знала, что должна во всем слушаться Эми. С самого раннего детства ей было известно, что Эми никогда не ошибается. Она поспешно вернулась к Шауну, у которого дыхание почти остановилось, приподняла его голову и протолкнула сквозь зубы ложку с жидкостью янтарного цвета с запахом водорослей и смолы. Едва отвар попал Шауну в рот, как его тело свела судорога, и он выплюнул содержимое ложки вместе со слюной. Гризельда упорно продолжала, считая полные ложки, половинки и более мелкие дозы, пока в итоге не получилось пять полных ложек. Только после этого она осторожно опустила его лохматую голову на подушку с кружевной наволочкой и уселась на низкий стульчик. В корзинке, принесенной Эми, она нашла курицу, овсяный хлеб и кусок сладкого пирога, а также чистую ткань для перевязки и свои часики размером с маргаритку, на длинной золотой цепочке.

Эффект от лекарства проявился немедленно. Тело Шауна расслабилось, его стала сотрясать мелкая дрожь, он сильно вспотел и дыхание стало более спокойным. Изо рта у него полились странные звуки, обрывки слов и куски непонятных фраз.

Такое продолжалось минут пятнадцать после каждой очередной порции отвара, и Гризельда уже начала понимать, что говорил Шаун. Он сражался, дрался с констеблями, наносил и получал удары, смерть вырывала из рядов повстанцев его товарищей, он спасался бегством от черных всадников и их собак, скрывался, тонул в море крови и ненависти.

Эми пояснила Гризельде, что Шаун должен освободиться от гноя, накопившегося в его теле и душе.

Три раза за первый день Гризельда меняла повязки и протирала сжигаемое внутренним жаром потное тело. Не приходивший в себя Шаун стал похож на маленького ребенка, и ему нужно было часто менять влажные простыни. В этот день Гризельда, помимо обычной женской любви, приобрела дар другой любви, любви, которую вызывает у матери ее ребенок, — ведь его жизнь и смерть полностью зависят от нее.

Рана на груди была не очень глубокой. Пуля повредила мышцы с правой стороны и скользнула по ребру, нанеся длинную рану, слабо зажи-

вавшую от продолжающегося воспаления. Правое бедро распухло и затвердело. Входное отверстие от пули почернело, тело вокруг раны стало синего цвета.

Гризельде пришлось оставить на время Шауна, чтобы привести себя в порядок перед обедом. Когда она выбралась из развалин часовни, к ней подбежал Ардан. Он с тревогой смотрел на хозяйку, негромко поскуливая и слабо помахивая хвостом.

Погладив его по голове, она негромко сказала:

— Ему становится лучше…

Но она не была в этом уверена, и слезы хлынули из ее глаз. Она опустилась на колени и обняла Ардана, измученная своим горем, тревогой и усталостью. Она плакала, словно маленькая девочка, уткнувшись носом в теплую собачью шерсть.

Молли ожидала ее в спальне. Она заставила Гризельду немного поесть и помогла принять ванну. Она все время порывалась поцеловать Гризельде руку, потому что Ферган смог, наконец, уехать и укрыться у своих родственников.

Вечером Гризельда вернулась к Шауну, чтобы провести ночь возле него. На заре она отправилась, по совету Эми, собирать в лесу паутину, покрытую сверкающими жемчужинками росы. Собрав комок паутины на чистом льняном платке, она вернулась в часовню и наложила влажный платок на рану на бедре.

На шестой день при очередной процедуре с паутиной Шаун застонал, напрягся, и из раскрывшегося отверстия от пули вылился гной вместе с вышедшей пулей. Так они победили смерть.

Шаун пришел в себя. Невероятно похудевший, измотанный страданием, он все еще находился на грани между жизнью и смертью. Но у него появился зверский аппетит, и он стал восстанавливаться с поразительной скоростью. Эми подсказала Гризельде, какие цветы она должна держать у постели раненого, чтобы их аромат ускорил выздоровление. Она добавила, что монахи обязательно помогут Шауну, потому что хотят, чтобы Шаун и Гризельда как можно скорее ушли из кельи избавления.

Гризельда не хотела думать про день, когда Шаун поправится и должен будет уйти. Все, что она делала для него, лечение, еда, ее любовь, приближали день их неизбежного расставания. Шаун не заговаривал с ней об этом. Он целыми днями лежал на своем матрасе и читал приносимые Гризельдой книги или погружался в бездумное ничегонеделание, обычно следующее за превышающим человеческие силы напряжением. Он должен был покинуть ее, но он знал, что на этот раз это будет расставание на какое-то время, а не полный разрыв. Его бессилие перед угрозой смерти и удачная развязка трагедии, преданность Гризельды и ее заботливый уход за ним заставили их забыть о своей гордости. Их чувства стали проще и яснее. Она была счастлива, что вернулась к нему. Шаун был счастлив, что она рядом и он может любить ее.

Как только он смог вставать, он стал с трудом переносить затворничество в каменной раковине. Темными ночами он выбирался наружу, накинув плащ с капюшоном, и устраивал себе непродолжительную прогулку по лесу. Останавливаясь, он с радостью смотрел на небо Ирландии, его вечно бегущие куда-то облака и звезды, то исчезающие за тучами, то появляющиеся вновь. Скоро он смог отложить костыли, заменив их на трость, которую Молли утащила у старика-кучера.

Однажды вечером он сидел на матрасе и наблюдал, как Гризельда, принесшая ему ужин, неловко возилась с перекладыванием бобов из горшка на тарелку. Он сказал:

— Ты трудишься, словно потомственная крестьянка!

— Вот именно! Можешь гордиться, что сделал меня своей рабыней! На, ешь! Бобы давно остыли, и они не слишком съедобны…

Отставив тарелку и став серьезным, он сказал:

— Я не хочу и никогда не захочу, чтобы ты стала рабыней или отказалась от чего-нибудь… Какая угодно ценность станет ничем, если она не отдана добровольно… Я говорю так в данный момент, но хочу, чтобы эту мысль мы помнили всю жизнь…

Она бросила на него взгляд сквозь полуопущенные ресницы, на которых играли блики от пламени свечи. У Шауна выросла бородка, придававшая ему облик юных нагих богов с греческих ваз, изображения которых она видела в книгах из библиотеки отца. Внизу их плоских животов помещалось что-то, напоминавшее небольшую запятую…

Она знала, что он говорит искренне и что он никогда не будет пытаться сделать ее похожей на женщину, соответствующую его представлениям. Он примет ее такой, какая она есть. Это свидетельствовало о его любви, но также и о его уме. Он понимал, что сохранить ее можно было только позволив ей оставаться свободной.

Внезапно почувствовав полный покой, она улыбнулась. Кончиками пальцев пробежала по бровям такого дорогого исхудавшего лица, по виску, по скулам, по уголку рта, по губам…

— Осторожней с бобами! — буркнул он.

Он взял тарелку и поставил ее на пол. Потом обнял Гризельду обеими руками и привлек к себе.

* * *

Сидя за письменным столом, сэр Джон читал письмо от Элен, которое принесла Джейн с остальной почтой. Первое письмо после ее отъезда. Он ждал, что оно придет раньше.

«Дорогой отец!

Мы с Амбруазом здоровы и чувствуем себя хорошо. У нас уютный дом, и из окон второго этажа можно увидеть дерево между двумя крышами. Мне кажется, что здесь дождь идет чаще, чем на Сент-Альбане. Амбруаз очень много работает, но я не могу помогать ему, потому что должна заниматься домом. У нас есть служанка, приходящая каждое утро. Это не очень опрятная женщина, и она все время трещит не умолкая. Ей не нравятся ирландцы. Я думаю, что позже, когда я лучше узнаю людей нашего квартала, я смогу ее уволить и найти другую. Мне немного не хватает нашей библиотеки. У Амбруаза тоже много книг, но вокруг них нет того света, как это было на острове. Мы живем на улице с солидными зажиточными домами, похожими друг на друга. Первое время, когда я выходила в город, мне никогда не удавалось сразу узнать наш дом. Но вообще-то, это очень просто, достаточно посмотреть на занавески на окнах.

Я буду рада узнать новости от всех вас. Может быть, мама соберется написать мне. Или напишете вы, если это не очень помешает вашим занятиям. Амбруаз просит меня передать вам привет. Я присоединяюсь к нему. Я люблю всех вас. Ваша далекая дочь.

Элен».

С каждой фразой сэр Джон чувствовал, как у него все сильнее сжимается сердце, а прочитав последние фразы, он тяжело вздохнул. Письмо было написано на верже, дорогой английской бумаге. Он сложил письмо вдвое и положил его на стол, после чего посмотрел на посетителя, ожидавшего в кресле.

— Прошу извинить меня… Это письмо от моей дочери Элен, она вышла замуж месяц назад, как вам известно…

— Надеюсь, у нее все хорошо, — сказал посетитель.

— Да, у нее все в порядке, благодарю вас… Теперь я готов выслушать вас.

Посетителем был господин Самюэль Колум, нотариус, невысокий мужчина с розовой физиономией, в строгом черном костюме. Лоб с залысинами, гладко выбритые щеки и подбородок. Оставленная вокруг лица бородка вместе с бакенбардами, соединявшимися с шевелюрой, создавали пушистый и как будто светившийся ореол. В самом его центре торчал короткий нос, на котором сидели поблескивавшие очки.

— Так вот, — начал господин Колум, — я попросил вас принять меня потому, что один из моих коллег задал вопрос, показавшийся мне несколько нескромным, и этот вопрос имеет отношение к вам…

— Ко мне?

— Да… Или, если точнее… В общем, он хотел узнать, каковы будут размеры приданого, которое вы собираетесь выделить вашей дочери Джейн…

— Джейн?.. Как?.. Ведь она еще ребенок!

— Возможно, его клиент считает иначе… Что касается меня, то я нахожу вашу дочь чудесной юной девушкой…

— Его клиент?.. Что за клиент?

— Разумеется, он не назвал его мне, но если учесть то, что я увидел во время замечательного бала, устроенного леди Августой, и который так трагически закончился… Я осмелился высказать предположение, и мой коллега не сказал, что я ошибаюсь… Думаю, что лицом, намеревающимся стать вашим зятем, может быть лорд Росс Баттерфорд.

Сэр Джон вытаращил глаза от удивления. Этот дряхлый старик! И такой ребенок, как Джейн?

— Мой дорогой друг, — сказал он, — я несколько шокирован. Это выглядит так, словно вы попросили меня, чтобы я отдал мою дочь на ужин людоеду… Разумеется, не может быть и речи, чтобы…

— Я понимаю вас, сэр Джон. Прекрасно понимаю. Но если считать, что этот вопрос разрешен, вы позволите мне, раз уж я все равно пришел к вам, затронуть другую тему?

Этой темой была проблема денег.

Когда господин Самюэль Колум уехал на своей коляске, в которую была запряжена желтая лошадка, он оставил сэра Джона в полуобморочном состоянии. Хотя то, что сказал ему нотариус, не должно было оказаться для него столь неожиданным.

После приобретения острова на деньги, унаследованные от лорда Арчибальда Барта, сэр Джон не озаботился пустить в оборот то, что у него осталось. Это было время, когда английская промышленность хлынула на берега Ирландии, в Белфаст, Лондондерри и их окрестности. При этом многие семейства вложили в производство льна или в кораблестроение деньги, быстро превратившиеся в богатые состояния. Но сэр Джон отказался поступать таким образом. Хотя он и держался в стороне от экономической деятельности своего времени, он хорошо представлял, каким образом было достигнуто процветание восточного побережья Ирландии. Английские и шотландские «плантаторы»[1] управляли, вкладывали деньги, строили, а местные жители были для них рабочей силой. Мужчины, женщины и дети трудились за ничтожную плату весь день в нечеловече-

[1] В XVII веке на территорию Ольстера, потерявшего значительную часть населения после подавления Англией восстания О’Нейла, были переселены английские и шотландские «колонизаторы», приверженцы англиканской и протестантской церквей. Их потомки, владеющие теперь промышленностью, торговлей и землей, являются в Северной Ирландии противниками католиков, то есть коренного местного населения, практически лишенного прав и имущества.

ских условиях. Чем более тощими становились они, тем больше толстели их английские хозяева.

Сэр Джон не хотел увеличивать свое состояние таким образом. Он сказал это нотариусу, Самюэлю Колуму, отцу нынешнего Самюэля Колума, похожего на своего родителя скорее не как сын, а как близнец. Нотариус согласился с его мнением, но предупредил об опасности жизни на капитал, который «работает» недостаточно.

Сэр Джон, представлявший значительные размеры оставшегося капитала, а также скромную, но надежную прибыль, которую обеспечивали ему принятые господином Колумом меры, произвел несложные вычисления и улыбнулся: опасность можно было ожидать гораздо позже, чем завтра.

Но когда должно было наступить это «завтра»?

Прошли годы, девочки выросли, семейство сэра Джона жило без мотовства, но и без мер экономии, и теперь новый господин Самюэль Колум со своим небольшим носом и светлым ореолом вокруг лица, так походившими на нос и ореол его отца, сидевший в кресле, из которого его отец двадцать лет назад предупреждал сэра Джона, подвел итоги.

Итоги выглядели очень просто: денег больше не было. Ну, скажем, почти не было. Сэр Джон дал за Элен довольно большое приданое и предупредил господина Колума, чтобы тот выделил для каждой из остальных дочерей примерно такое же приданое в виде неотчуждаемого имущества, которым не могли воспользоваться ни сам сэр Джон, ни его жена. Это было сделано даже для Элис, собиравшейся уйти в монастырь, — вполне возможно, если когда-нибудь у нее наступит просветление и она оставит монастырь, то ей не придется бедствовать.

После этой операции капитал сэра Джона выглядел весьма жалко. Если пользоваться им свободно, без ограничений, то его должно было хватить на несколько месяцев. Если же постараться растянуть его на несколько лет, то на каждый день приходились сущие крохи.

Сэр Джон упрекнул нотариуса, что тот не предупредил его, когда получил инструкции о выделении приданого для дочерей.

— И вы тогда поменяли бы свои планы? — спросил господин Колум.

Подумав всего несколько секунд, сэр Джон ответил:

— Нет, конечно.

Теперь, сидя в одиночестве в своей библиотеке, он в смятении думал о будущем. Его привычка не встревать в реальные проблемы заставляла его отнестись к ситуации с недоверием. Такая катастрофа просто не могла произойти с ним. Но его острый ум четко видел факты и делал на их основе выводы, правильно оценивая возможные последствия. Получалось, что он был не в состоянии далее содержать Сент-Альбан, ему нужно было найти работу, распустить слуг, попросить леди Гарриэтту сократить расходы по хозяйству, сведя их на уровень бедной семьи. Одни мысли об этом были для него жестоким испытанием. Да и какую работу он мог найти в таком возрасте?

От ужаса у него закружилась голова. Он закрыл глаза, и привычные рефлексы не позволили ему рухнуть в бездну отчаяния. Он отбросил текущие проблемы и решил отложить на завтра подробный анализ ситуации. Глубоко вздохнув, он открыл глаза и улыбнулся. Эта малышка Джейн! Такая юная, а ее уже хотят взять в жены! Надо сказать ей об этом, она обрадуется…

Когда Джейн пришла к нему, он впервые обратил внимание, что у нее были такие же огромные глаза, как у матери. Только они были не голубыми, а карими, похожими на новенькие каштаны. Она стояла перед столом, раскрасневшаяся, с горящими любопытством глазами и немного задыхаю-

щаяся, потому что поднималась вверх по лестнице бегом, как обычно. Она не догадывалась, зачем ее позвал отец, и была похожа на школьницу перед преподавателем, который то ли похвалит ее, то ли накажет.

Сэр Джон погладил бороду. Да, конечно, она была очаровательна, и можно понять мужчину, который… Но надо же, чтобы им оказался этот заросший мхом Баттер!

— Похоже, что ты боишься очередного внушения? — ласково сказал он. — Что ты натворила на этот раз?

— Ах, нет, ничего! — воскликнула Джейн.

Эти слова были произнесены с таким пылом, что вызвали у них обоих дружный смех.

— Присядь… Надеюсь, у тебя найдется несколько минут? Ты сейчас была с Эми?

— Да, отец. — И Джейн уселась в кресло, которое недавно занимал нотариус.

— И какой вкусный секрет она передала тебе на этот раз?

— Я должна была приготовить суфле и вафли, но получилось суфле твердым, как вафли, а вафли пышные, как суфле!

Она рассмеялась, как ребенок. Торчавшие во все стороны короткие пряди волос выбились из-под лент и блестели на послеполуденном солнце, вливавшемся в кабинет через западное окно. Левое ухо Джейн было выпачкано в муке, она пахла ванилью и корицей. Сэр Джон отдался радости повеселиться вместе с дочерью. Она была счастлива, все вокруг него были счастливы, ничто не изменилось, ничто и не могло измениться. Господин Колум наверняка найдет способ решить все проблемы, существует ипотека, кредит, неважно, что еще, об этом он будет думать завтра…

— У меня есть для тебя удивительная новость, — сказал он. — Думаю, она поразит тебя еще сильнее, чем меня… Представь только, у меня попросили твоей руки!

Джейн подпрыгнула, словно под ней оказались горячие угли, и крикнула:

— Кто?

Сэр Джон с удивлением уставился на дочь. С ее лица исчезли малейшие следы веселья. Его слова стерли с него все приметы детства. На него с тревогой смотрела взрослая женщина.

— Ну… — пробормотал он, — дело в том… Я подумал… В общем, это лорд Баттерфорд, ты знаешь этого пожилого мужчину… Я, разумеется, отказал ему… Но если ты хочешь стать леди…

— Вот так-то! — выкрикнула она тонким голоском. — И это все, на кого я могу здесь рассчитывать как на мужа! Старая развалина! Он даже не способен сделать мне ребенка!

Она зарыдала, закрыла лицо руками и выскочила из кабинета.

«…не способен сделать мне ребенка…» Потрясенный сэр Джон не мог понять, как такое юное создание семнадцати лет от роду может произносить такие чудовищные слова… Конечно, она постоянно находилась на кухне вместе со служанками, а это весьма бесстыжая публика… Значит, она хочет выйти замуж? Уже? Она ведь сама родилась совсем недавно… Неужели все проходит так быстро?

Удивленный и встревоженный, он оглядел свой устоявшийся мирок, пытаясь ухватиться за него и найти опору. Четыре стены, заставленные книгами, большие светлые окна, море, небо и лес за ними… Лес уже загорался осенними красками со своей обычной мудрой неторопливостью. Деревья одной породы загорались похоже, с низко расположенных ветвей. Среди переходов от золотого к красному только могучий тис оставался зеленым и непоколебимым, словно живая скала.

Выстроившиеся ровными рядами и тесно прижавшиеся друг к другу книги, отражавшие мягкие блики света, игравшие на коричневых, белых, зеленых или желтых корешках с похожими названиями и мудрыми текстами внутри, терпеливо ожидали руки, которая прикоснется и откроет их. Тайны Шумеров, остававшиеся неразгаданными вот уже шесть тысяч лет, заполняли комнату, непроницаемые и устойчивые, словно глыбы мрамора. Ничто не менялось… Хотя, нет! Лес все же менялся. Деревья заметно подросли за лето, более жаркое и влажное, чем обычно. Шумела листва, созревали плоды. Вершины самых высоких деревьев уже начали закрывать горизонт и море. Может быть, придется прореживать лес?

* * *

Сэр Джонатан в красном на белой лошади наблюдал, как леди Гарриэтта накрывает стол для чаепития. На ее лице под белоснежными изящно завитыми волосами нельзя было прочесть ничего, кроме обычного старания аккуратно разлить чай. Ее розовые руки, выглядывавшие из рукавов бледно-зеленого с голубоватым оттенком платья с намеком на кружева вокруг запястья, бережно наклоняли чайник китайского фарфора над такими же светло-серыми чашками, настолько тонкими, что можно было видеть, до какого уровня поднялась в них жидкость. Сидевшая возле матери Гризельда в кремовом платье откусывала миниатюрный тост треугольной формы с лепестком копченого лосося сверху. Рыжий с белым Ардан, валявшийся на персидском ковре с рисунком осенней листвы, то и дело тянулся носом к розовому пальчику, едва заметно выглядывавшему из-под края платья хозяйки. Аромат чая, запах тостов и свежих пшеничных лепешек поднимался к сэру Джонатану, и на плоском изображении его лица постепенно проявлялось отображение былых плотских удовольствий. На поверхности картины исчезали кракелюры[1], густой сетью разбившие краски, нарисованная ткань становилась живой и незаметно принимала рельеф его тела.

— Ах, Гризельда, ты могла бы воспользоваться обувью, чтобы прийти на чай!

— Она у меня есть, мама! Вот она…

Пальчики ноги исчезли и на их месте из-под края платья появился носок турецкого башмачка.

Леди Гарриэтта вздохнула. Она не понимала, что происходит с девочками. Она вообще перестала их понимать. Поставив чайник рядом с большим тортом, залитым шоколадом, она принялась разрезать его серебряной лопаточкой с резными изображениями листочков клевера и цветков лилий. Возле торта стояла большая ультрамариновая ваза с чайными розами, нечетко отражавшимися в лакированной поверхности стола из красного дерева. У сэра Джонатана появилось непреодолимое желание полакомиться тортом, насладиться ароматом роз и несравненным вкусом чая. Он узнал чай по его уникальному запаху — это был индийский чай сорта дарджилинг, выращенный в Гималаях на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Но у его желания не хватило силы, чтобы выйти из картины. Он сразу же стал плоским всадником на плоской лошади, снова покрылся кракелюрами и перестал мыслить.

Гризельда думала о Шауне и прикидывала, как ей утащить для него кусочек торта.

«Какой сегодня странный день», — подумала леди Гарриэтта. Они были только втроем за столом. Сэр Джон отказался спускаться. Джейн закрылась в своей комнате, сославшись на мигрень. Элис отправилась на

[1] Появляющиеся со временем трещинки красочного слоя на картинах.

какую-то послеполуденную мессу. И даже Молли, обычно присутствовавшая в зале во время чаепития, куда-то исчезла.

— Гризельда, ты не могла бы позвонить Молли? Она забыла поставить на стол сахарницу…

— Мама, она стоит справа от вас… И вы уже положили в чай сахар...

— Ах, я становлюсь такой рассеянной… Но все же, позвони Молли… Пусть она отнесет кусочек торта твоему отцу. Не понимаю, почему он предпочитает пить чай в одиночестве. Надеюсь, он не заболел… Как он выглядел утром?

— Хорошо, мама…

— Мне так и показалось… Наверное, он озабочен тем, что ему сказал нотариус… А, вот и Молли!.. Отнесите это сэру Джону… А потом принесите сахарницу, вы забыли о ней…

— Простите, мадам, сахарница возле вашей руки…

— Боже, какой я стала рассеянной! Да, и спросите у мисс Джейн, не нужно ли ей чего-нибудь…

— Хорошо, мадам.

Гризельда положила на тарелку огромный кусок торта и подмигнула Молли:

— Это для Джейн…

— Ах, — сказала леди Гарриэтта, — не знаю, хорошо ли это будет при мигрени…

— Если она не захочет, она оставит его, — спокойно сказала Гризельда.

Молли уже исчезла. Ардан вылизывал лапу, на которую упали крошки. Стоявшая возле окна Китти смотрела наружу расширившимися глазами. Неожиданно она поперхнулась тортом, закашлялась, и лицо у нее стало фиолетовым

— Китти, — сказала леди Гарриэтта, — когда ты ешь, тебе стоит оставаться за столом. Иди, сядь с нами.

Китти, продолжая кашлять, с глазами, полными слез, уселась в кресло, обитое шелком фиалкового цвета. На его фоне ее серое платье выглядело весьма уныло. Леди Гарриэтта обратилась к ней с фразой, которую Китти слышала по меньшей мере один раз в неделю:

— Жаль, что ты так мало заботишься, чтобы выглядеть более эффектно, моя дорогая девочка.

Китти мало волновало, могла она выглядеть эффектно или нет. Она настойчиво посмотрела на Гризельду, незаметно кивнув головой в сторону окна.

— Чай сегодня слишком сладкий, — сказала леди Гарриэтта.

— Еще бы, ведь вы два раза сыпали в него сахар, — пожала плечами Гризельда.

Она встала с нарочито небрежным видом и подошла к окну. Взглянув наружу, она перестала слышать, что говорила мать. И вообще перестала слышать что-либо. Четыре констебля, катившие рядом с собой свои велосипеды, короткой цепочкой поднимались к дому. Они обогнули его, направляясь к службам. Впереди шел Эд Лейн, выделявшийся своим гигантским ростом. Когда он проходил мимо дома, солнце заиграло на его каске и его носу.

Гризельда подпрыгнула, схватила со стола почти полную тарелку с тостами и бросила:

— Сбегаю за тостами. Они уже кончились

— Почему ты, Гризельда, — удивилась леди Гарриэтта, — лучше позвони Молли.

У нее сложилась привычка звать служанку даже чтобы поднять упавший на пол платок. Нет, она не понимала своих дочерей. Ах, если бы у нее был хотя бы один сын… Какая жалость…

Сэр Джонатан смотрел застывшими голубыми глазами на два синих башмачка, забытых на ковре с осенними листьями перед стулом, на котором сидела Гризельда. Ардан незаметно выскользнул из комнаты вслед за хозяйкой.

— Еще немного чайку? — обратилась леди Гарриэтта к Китти.

Китти молча кивнула в ответ. В этот момент она поняла, почему в определенных обстоятельствах так хочется хлебнуть виски.

Эд Лейн зашел на кухню, оставив своих товарищей снаружи. Он снял каску, то ли из вежливости, то ли опасаясь задеть потолочную балку. Там сидели Магрит и Молли, занятые чисткой картофеля и болтовней. Там же находилась Эми, помешивавшая укрепляющий отвар на теплом уголке плиты. Магрит первая заметила вошедшего и замерла, словно птица, увидевшая змею. Молли и Эми обернулись. Молли беспомощно произнесла:

— О Господи…

Рука Эми стиснула ручку кастрюли.

— Давненько вас не было видно, — сказала она. — Вы совсем забыли нас, Эд Лейн.

В этот момент вошла Гризельда.

— Добрый день, мисс, — сказал Эд Лейн. — Очень хорошо, что вы здесь. Именно вас мне обязательно нужно было повидать… Дело вот в чем: мы ищем Шауна Аррана.

Гризельда села на табуретку, чтобы не упасть. Ей удалось изобразить улыбку, но она не смогла произнести ни слова.

— Возможно, это имя ничего вам не говорит, — продолжал Эд Лейн. — Это бывший шофер леди Ферре, он водил автомобиль, на котором вы выезжали на прогулку. Теперь вы понимаете, почему… Вы были знакомы с ним…

— Да, конечно, — с трудом выдавила Гризельда.

— Теперь мы установили его настоящее имя, — сказал Эд Лейн. — Это Уг О’Фарран. Он предводитель мятежников. Его работа у леди Ферре была хитрой маскировкой… По ночам, когда он был свободен… Очевидно, он исчез, когда почуял опасность… Мы не знаем, где он скрывался… Мы считаем, что он был ранен в тот вечер, когда у леди Ферре состоялся бал… Наверное, сейчас он скрывается в какой-нибудь дыре… Мы ищем его повсюду…

Молли встала и спокойно направилась к дверям. Эми, подбодрила ее кивком головы, и та вышла. Тут же зашла Брижит с двумя зажженными лампами и поставила их на стол. С удивлением посмотрев на констебля, она тут же исчезла. Ей некогда было проявлять любопытство, день быстро клонился к вечеру, и у нее было много работы.

— Так вот, мисс… В общем, вы были знакомы с ним, и конечно, если когда-нибудь встретите и узнаете, то обязательно…

— Конечно, — вмешалась Эми. — Если мы его встретим, то тут же свяжем и доставим к вам, чтобы вы его повесили.

— Я совсем не это хотел сказать, — улыбнулся с невинным видом Эд Лейн. — Но мы должны предупредить всех, кто был знаком с ним, вот и все… Прошу простить нас за то, что мы заявились к вам целым отрядом. Сейчас нам приказано никогда нигде не появляться в одиночку, даже вдвоем… Это из-за засад… Впрочем, после бала мятежники притихли… Поэтому мы и считаем, что О’Фарран тяжело ранен…

Широко улыбнувшись, он добавил:

— Конечно, если он не убит.

— Говорят, что он стрелял в вас, но промахнулся, — буркнула Эми. — Пуля только поцарапала вам ухо, хотя у вас такая большая башка, трудно было не попасть. Но пуля, должно быть, срикошетила — у вас каменный череп…

— Вы не угостите меня стаканчиком пива? — спросил улыбающийся Лейн.

— Разумеется, нет! Если вам хочется пить, море в двух шагах отсюда…

— Ах, Эми, — промолвила Гризельда, которая начала успокаиваться. — Дайте попить мистеру Лейну.

— Спасибо, мисс… Спасибо, мадам Эми… Мне никогда не приходилось пить такое отличное пиво… Вы сами варите его?

— Чтоб вы подавились этим пивом, — фыркнула Эми.

— И где вы ищете этого… Как вы его назвали? — поинтересовалась Гризельда.

— О'Фарран… Уг О'Фарран… Мы ищем его повсюду… Проверяем каждую дыру на торфяниках… Все фермы… В конце концов, мы его поймаем… Хотя, надо сказать, народ предан ему… Говорят, что он потомок древнего короля этой страны… Теперь, когда мы знаем о нем и можем его узнать, ему трудно будет ускользнуть от нас…

— Что ж, спасибо, что вы нас предупредили, — сказала Гризельда, поднимаясь с табуретки.

Но Эд Лейн, похоже, не собирался уходить. Он внимательно посматривал на дверь, через которую из кухни можно было попасть в другие помещения, поглядывал на окна, за которыми сгустилась темнота. Казалось, он ждет чего-то или кого-то.

— Вы позволите мне поинтересоваться здоровьем сэра Джона, мисс?

— Спасибо, он здоров.

— Надеюсь, он не переутомляется со своими книгами… Чтение сильно утомляет, но если ты ученый, делать нечего, приходится…

— Разумеется, — согласилась Гризельда, — ничего не поделаешь.

Послышался шум за наружной дверью, и Эд Лейн быстро повернулся к ней.

У Гризельды снова сжалось сердце. Она поняла, что полицейский не так прост, как старается казаться. Он явно что-то искал.

— Мадам, ваша мамаша, а также ваши сестры тоже здоровы?

— Да, все они здоровы.

— У вас есть новости от вашей сестры мисс Элен?.. Простите, она уже не «мисс», конечно…

— Да, у нас были новости от нее, — сказала Гризельда.

— И… А еще…

Эд Лейн явно колебался. Гризельда догадалась, что теперь Лейн будет вынужден сказать, что ему нужно, больше он не может говорить банальности. Что же он знал? И что подозревал?

— А мисс… Гм… Мисс Джейн… Я что-то не заметил ее… Надеюсь, она не заболела?

Гризельде показалось, что душившая ее еще мгновение назад тяжесть внезапно исчезла, и ей стало так легко, что она, казалось, могла взлететь к потолку. Так вот в чем дело! Этот увалень появился на острове только потому, что надеялся встретить Джейн! Поиски преступника Шауна были всего лишь предлогом!

— Нет, что вы! — воскликнула она. — Она вполне здорова и чувствует себя прекрасно!

В надежде, что Лейн поскорее уберется, она добавила:

— Она отправилась на прогулку и сейчас бродит где-то на той стороне дамбы… Вы наверняка встретите ее, когда будете возвращаться…

— Хорошо, мисс, позвольте мне откланяться… Прошу прощения, что так долго отвлекал вас…

Когда он направился к двери, держа каску под мышкой, та внезапно распахнулась, и на кухню вошел другой полицейский, держа за руку малышку Нессу. Залитое слезами лицо девочки было искажено гримасой ужаса.

— Боже! Что вы сделали с ребенком! — закричала Эми.

— Ничего! — с возмущением откликнулся полицейский.

Несса бросилась к Эми, обхватила ее обеими руками и уткнулась в платье, громко рыдая.

— В чем дело, мой ягненочек? Что случилось? — ласково ворковала Эми, поглаживая девочку по спине. — Успокойся! Все прошло, все хорошо… А если из-за вас с ее головы упал хоть один волосок, — обратилась она к полицейскому, — то вам сейчас придется познакомиться с этой сковородкой!

— Я не трогал ее, — сказал констебль. — Она выскочила из-за деревьев, вся в слезах, и остановилась возле дома, продолжая реветь. Мне показалось, что она не решается войти, поэтому я взял ее за руку, и вот…

— Я видела его! — неожиданно закричала Несса. И ее рыдания превратились в завывания.

— Кого ты видела? — заинтересованно обратился к ней Эд Лейн.

— Я видела… Ой-ой-ой!.. Я его видела!..

— Кого его?

— Монаха! Привидение из часовни! Он вышел из часовни! И ушел в лес! На нем был плащ с капюшоном, и он был с бородой!.. И он хромал…

Гризельда рухнула на табурет.

Эми отвесила Нессе пару звонких пощечин.

— Это отучит тебя болтаться возле часовни! Я же запрещала тебе! Тебе еще повезло, что он не заметил тебя, а то он забрал бы тебя с собой и утопил в колодце! Вот тебе еще, чтобы освежить память!

Несса рыдала, стонала и лила слезы.

— Нельзя так обращаться с перепуганным ребенком, — сказал Эд Лейн. — Ее нужно успокоить… Как тебя зовут?

— А-а-а…

— Дай мне руку… Ты ведь не боишься меня?

— Ы-ы-ы…

— Мы сейчас пойдем вместе с тобой к часовне, и ты увидишь, что там нет никаких привидений. Наверное, ты увидела садовника…

— Надо же придумать такое — пойти туда! — фыркнула Эми. — Вы что, никогда не слышали о монахах из часовни? Они очень не любят девушек, а что касается протестантов, то… Вот будет праздник для них, когда они увидят эту парочку!

— Вот как? Ну… Ладно, думаю, что сейчас нужно напоить ребенка горячим молоком и уложить в постель… Мы заглянем в часовню в другой раз, когда у меня будет больше времени… До свидания, мисс... До свидания…

Толстушка Магрит все это время не сдвинулась со своей скамьи и не произнесла ни слова. Она слушала, широко открыв глаза и не переставая чистить картофель. Но когда констебли ушли, сказала:

— Хромой монах, это что-то новенькое! Про такого еще никто не рассказывал…

— Есть и другие! — огрызнулась Эми. — Одни хромают, другие танцуют, третьи ползают.

— Бог мой! Дева Мария! Святой Патрик! Защитите нас! — воскликнула Магрит и перекрестилась.

— И избавьте несчастных монахов от мучений! — добавила Эми.

— Да будет так! — заключила Гризельда.

Она отправилась в столовую с тарелкой тостов, остывших и высохших. В столовой она нашла мать, задремавшую в кресле под золотым светом ламп, и Китти, продолжавшую грызть ногти, от которых давно ничего не осталось. Гризельда ободряюще улыбнулась сестре. Леди Гарриэтта проснулась.

— Вообще-то, тостов и так было достаточно, — сообщила ей Гризельда.

— Мне так и показалось, — сказала леди Гарриэтта.

* * *

Констебли зажгли фонарики, укрепленные на их велосипедах, вскочили на седла и двинулись вниз по зигзагообразной аллее. Вес констебля бывает тормозом, когда нужно ехать вверх, но может и ускорять движение, когда нужно спускаться. Они быстро двигались цепочкой, последним в которой был Эд Лейн. Джейн не видела, как они приехали, потому что плакала в своей комнате, но увидела в сумерках четыре удалявшихся светлячка. В это время она стояла у окна, прижавшись лбом к стеклу, и смотрела, как темнеет небосвод, хотя в этом зрелище и не было ничего успокаивающего.

Она узнала Лейна в последнем силуэте, когда тот был на полпути к дамбе, и снова заплакала, вспомнив добродушное лицо, склонившееся над ней в тот раз, когда они впервые увидели друг друга на кухне. Как ужасно, что она не увидела его сегодня, когда он был здесь!

Она срезу перестала плакать, когда заметила, что последний светлячок остановился на середине дамбы, тогда как остальные продолжали двигаться. Было достаточно светло, чтобы понять, что последним констеблем мог быть только Эд Лейн. Сойдя на землю, он прислонил велосипед к парапету и присел на него.

Джейн схватила косынку, набросила ее на голову и за пять секунд оказалась снаружи.

Эд Лейн понимал, что серьезно нарушает правила безопасности, отстав от товарищей. Он также представлял, насколько мал шанс встретить Джейн, так как не знал, пойдет она по дамбе или она уже на острове. Что он должен был делать? Остаться и ждать? Или уехать? Оба варианта решения были по-своему крайне важны для него.

Наклонившись над парапетом, он заметил небольшое белое пятнышко. Вода поднимающегося прилива слегка покачивала заснувшую чайку. Он подумал, что чайка может стать для него инструментом судьбы. Подобрав камешек, он бросил его вниз, решив, что если камешек упадет справа от птицы, он уедет, если же слева, то останется.

Камешек упал точно посередине, то есть прямо на птицу. Чайка проснулась и улетела с возмущенным криком.

Эд Лейн задумался над непонятным предсказанием судьбы, не находя ему объяснения. Тем не менее, требования дисциплины быстро взяли верх, и он взялся за велосипед, собираясь двигаться дальше. В это время его окликнул нежный голосок.

— Добрый вечер, лейтенант! Какой сюрприз! Вы приехали навестить нас?

Сердце Эда Лейна растаяло. Он ничуть не удивился, увидев, что Джейн подошла к нему со стороны острова, тогда как ему сказали, что она гуляет на материке. Его первым побуждением было восстановление истины.

— Добрый вечер, мисс... Я не лейтенант, как я уже имел возможность объяснить вам…

— Но у вас же есть нашивка, — удивилась Джейн.

Она протянула руку и коснулась блестящей полоски кончиком детского пальчика.

— Дело в том, что мне присвоили звание сержанта, — пояснил Эд Лейн.

— Ах, вот как! Но для вас это будет лучше?

Вопрос удивил Лейна и заставил его задуматься. Потом он ответил:

— В любом случае мне хуже от этого не будет.

— Я рада за вас, и я рада, что мы встретились. Я бродила поблизости, и присутствие полицейского окажется весьма кстати, когда начинает смеркаться. С этими мятежниками…

— Кстати, — сказал Лейн, — я приходил к вам, чтобы предупредить о Шауне Арране. Вы знаете его? Это бывший шофер…

И он рассказал все, что ему было известно про шофера леди Августы. Джейн с восхищением слушала рассказ, не особенно вникая в его содержание. Луна в последней четверти освещала большие руки полицейского, лежавшие на руле велосипеда. Джейн предусмотрительно сняла косынку, чтобы он мог лучше видеть ее лицо. Не прекращая говорить, Эд Лейн приподнял велосипед, словно перышко, и поставил его вплотную к парапету. Мощь его движения, высокий рост и глубокий голос создали у Джейн уютное ощущение безопасности. Счастливая и немного смущенная, она опустила голову. Эд Лейн увидел в лунном свете нежный затылок и такую же нежную шею. Он с большим трудом удержался, чтобы не коснуться своей громадной лапой этой хрупкой девичьей шейки, так нуждавшейся в его защите.

Дойдя до конца рассказа о Шауне, он остановился. Несколько минут они молчали, и был слышен только слабый ритмичный шум поднимающейся воды, ласкавшей тысячами своих губ длинное тело дамбы.

— Ах, лейтенант, — восторженно воскликнула Джейн, — какое счастье, что вы здесь и защищаете нас!

— К сожалению, я не могу делать это всегда, мисс…

Он не решился в очередной раз уточнять свое звание. Джейн смотрела на него, и в этом взгляде он чувствовал восхищение и неясный вызов. Он почувствовал, что выглядит героем в ее глазах.

— Вы не должны стесняться, чтобы позвать меня, если вас что-то испугало, мисс.

Джейн представила шофера в больших очках, бродящего в темноте. Она с наслаждением затрепетала, и ей неудержимо захотелось прильнуть к констеблю, но она не решилась.

— Если я буду нужен вам, пришлите мне записку через Пэта Долловея, это мясник из Донегола, — сказал Лейн. — Он привозит вам мясо каждое утро. Это мой друг. Он сразу же передаст мне вашу записку. И я приду, как только смогу.

После этих слов Эд Лейн уехал. Джейн долго смотрела на удаляющийся огонек. Когда он исчез, она закрыла глаза, чтобы продолжать видеть его.

Гризельда при первой же возможности навестила Шауна в укромном месте, предусмотренном на случай тревоги, куда он перебрался, когда его предупредила Молли. По пути туда он до полусмерти перепугал Нессу. Теперь он находился на вершине скалы, куда вскарабкался, несмотря на больную ногу. Укрывшись в пещере, закутанный в серый плащ, он оставался невидимым для всех обитателей острова. Со стороны моря рыбаки тоже не могли разглядеть его.

Гризельда забралась наверх и прижалась к Шауну. Он обнял ее. Она опустила голову на его плечо. Они смотрели, как небо на горизонте, на другом краю океана, меняет цвет от пурпурного к сиреневому, становясь затем темно-фиолетовым. До них со всех сторон доносились дикие ароматы и звуки окружающего мира. После только что испытанного страха Гризельду согревало огромное счастье. Это был момент, когда она решила, что больше никогда и никуда не отпустит Шауна одного.

Ей нужно было успеть на ужин. Она пошевелилась, повернулась к Шауну, коснулась губами его теплой кожи на виске и шепнула:

— Говорят, что ты сын короля?

Он негромко засмеялся и ответил:

— Все ирландцы дети короля…

* * *

Когда все уснули, Гризельда сходила за Шауном, и тот забрался к ней в комнату, держась за побеги плюща. И они оказались вдвоем в просторной постели с единорогами. Разбитые усталостью, они мгновенно уснули, прижавшись друг к другу и держась за руки. То, что Шаун находился в ее доме, в ее комнате и в ее постели, Гризельда не могла расценивать иначе, как освящение их любви. Не было торжественного бракосочетания, не было праздничной церемонии, да и жених с невестой оказались вместе, забравшись в комнату через окно, но эта ночь, целомудренная и пылкая, соединившая их во время сна в постели между четырьмя единорогами, была для нее ночью их свадьбы.

Проснувшись рано утром, она разбудила Шауна, которого ей пришлось немного одернуть, так как он не хотел выпускать ее из объятий, заставила его быстро одеться и провела еще темными коридорами и лестницами до чердака, заваленного мебелью, одеждой и другими предметами, совершенно ненужными, но с которыми невозможно расстаться. Молли немного переставила старые вещи так, что между стеной и забитыми всяким хламом сундуками получилось уютное убежище. Здесь, при золотистом свете наполовину сгоревшей свечи, на роскошной постели из шелковых платьев, кусков бархата и парчи, они совершили таинство бракосочетания с домом на острове Сент-Альбан. Все произошло очень быстро. Гризельда должна была побывать в часовне, чтобы уничтожить все следы пребывания там Шауна на случай, если влюбленному констеблю придет в голову идея снова появиться у них под предлогом успокоить Нессу, для чего требовалось посетить вместе с ней часовню.

Гризельда плохо представляла, что ей делать с матрасом, — скорее всего, нужно было вытряхнуть из него сено где-нибудь в лесу, а чехол перетащить в дом, где им могла заняться Молли. А детскую мебель требовалось перетащить в туннель, где она могла изображать во время игр Гризельды салон взрослой дамы. Такое считалось бы вполне в ее стиле, и никто не стал бы удивляться. А остальное…

В этот момент она проскользнула мимо куста боярышника и увидела в еще тусклом утреннем свете, что стена часовни обрушилась, запечатав вход в келью искупления большими каменными блоками.

Пока она с ужасом представляла, что Шаун мог оказаться замурованным в своем убежище, как в ловушке, послышался сильный грохот, и земля дрогнула у нее под ногами. Вместо купола, скрывавшего под собой келью искупления, образовался провал, так что теперь келья стала походить не на перевернутый кубок, а на кубок, открытый к небу. Образовавшиеся при обрушении клубы пыли продолжали подниматься в темное небо; казалось, они светятся, напоминая процессию теней в белых одеждах…

Дрожащая от страха и потерявшая голову Гризельда, в то же время признательная неизвестно чему или кому, избавившему ее от большого несчастья несчастьем небольшим, медленно вернулась домой, стараясь вернуть себе обычное хладнокровие. Увидев огонек свечи в окне кухни, Гризельда зашла и увидела Эми, молившуюся, стоя на коленях на каменном полу.

Когда она поднялась, Гризельда прошептала:

— Эми! Искупление…

— Я знаю… Они ушли… Для них все кончилось… Может быть, именно благодаря вам. Возможно, чтобы искупить свои грехи, им достаточно было понять, что такое любовь…

Она заварила чай, и они вдвоем посидели за чаем. Все казалось Гризельде нереальным и немного пугающим. Казалось, стены кухни за пределами небольшого круга света от свечи уходят в бесконечную ночь, такой знакомый чай имел вкус приворотного зелья, усталость от страха и утренней любви превращала ее в нечто неосязаемое, готовое раствориться в мире реальном или кажущемся. Она больше не представляла, чему можно верить, к чему можно прикоснуться так, чтобы палец не прошел через предмет, словно через пустоту.

Громкий и естественный голос Эми позволил ей вернуться в реальный мир. Да, Эми была реальна, как дерево, как камень. Она знала то, что знала, и для нее ничто не было менее реальным, чем кастрюля или лохань для стирки. Она сказала:

— Когда ты родилась, я дала тебе гэльское имя, которое ты не знаешь и которое я с той поры никогда не произносила. Оно означает «та, что открывает» или «та, что избавляет». В общем, это одно и то же. Ты пришла в мир чистая, как свет. Но я сейчас не думала о монахах. Еще не все закончилось, ты должна сделать еще кое-что…

— О каком имени ты говоришь? — спросила Гризельда.

— Я не могу назвать его тебе… Если оно действительно подходит тебе, ты когда-нибудь узнаешь его сама… А сейчас подумай о своем отъезде. Тот, кто прячется наверху, должен покинуть Ирландию. Конечно, он не захочет уезжать. Он верит, что какая-то сила удерживает его на этой земле. Но он скоро поймет, что это не так. Только дольше ожидать нельзя. Увези его как можно скорее… В любой момент на него может обрушиться опасность. Достаточно, чтобы он чихнул или чтобы твоей матери пришло в голову покопаться в старых платьях… Да и этот грубиян Лейн может появиться с обыском… Это сильный, но глупый человек. Всегда опасайся дурака, он опаснее голодного волка.

* * *

Гризельда не стала дожидаться ночи, чтобы пойти к Шауну. Она не хотела терять ни часа. Она промелькнула по всему дому, повидала Китти, собиравшуюся в обход, и успокоила ее, не уточняя подробностей, встретила Элис и с удивлением узнала, что та должна перебраться в монастырь на следующей неделе, столкнулась с мечтательно настроенной Джейн, даже не заметившей ее, поздоровалась с отцом, обняла мать и исчезла с корзинкой, которую ей вручила Молли.

Она нашла Шауна, сердитого от безделья и от мыслей об опасности, которой он подвергал Гризельду. Едва она появилась на чердаке, как он заявил:

— Я не могу оставаться здесь! Я должен уйти! Мне нужно побывать в Англии… Потом я вернусь сюда, и мы снова будем вместе…

— Вот именно! Ты приезжаешь, ты исчезаешь и возвращаешься с дырками по всему телу! Если я позволю еще раз тебе уехать одному, то ты, когда вернешься, будешь носить голову под мышкой! Не думай, что ты так легко исчезнешь отсюда! Мы уедем вместе!

— Но…

— И мы поедем не в Англию! Зачем тебе нужно в Англию?

Он с удивлением посмотрел на Гризельду. Она говорила уверенно, категорично. Не замолкая, она достала из корзинки скатерть, кружку, горшочек с молоком, пирог, разрезанный на четыре куска, и яблоки. Все это было разложено на сундуке. Она продолжала:

— Ты хотел взять меня с собой в Америку, чтобы продавать машины для сельского хозяйства… Ты передумал?

Шаун проглотил все, что было во рту, и ответил:

— Все меняется… Я хотел поехать в Штаты, чтобы собрать деньги и отправить их Парнеллу, чтобы он мог продолжать действовать, когда забудется отвратительный процесс, который был навязан ему. Он — единственная надежда Ирландии. Я хорошо понимаю, что наши стычки с полицией ни к чему не приведут. Правильный путь выбрал Парнелл. Но сейчас он болен. Вокруг него скопилось слишком много ненависти, слишком много предательства. Его оставили все бывшие соратники. В него продолжают верить только простые люди. И мы нужны ему. Я не могу оставить его в такое время. Сейчас он лечится в Брайтоне. Я хочу встретиться с ним, попросить у него инструкции и вернуться в Ирландию, чтобы подготовить его приезд сюда.

— И ты думаешь, что в Англии никто не знает твоего имени? А когда ты вернешься в Ирландию, то к тому времени констебли забудут про тебя?

— Я поменяю фамилию, буду скрываться…

— А я? Куда ты денешь меня? И как ты собираешься добраться до Брайтона? Может, вплавь? Или на костылях?

Он грохнул кулаком по сундуку.

— Перестань изображать ирландского мула!

Гризельда спокойно сказала:

— От твоего кулака шум разносится по всему дому.

Она выпрямилась и повернулась к двери. Он встал и, подойдя к ней, взял за руку, готовый к любой неожиданности.

— Прости меня, — сказал он. — Я забылся.

Никто не появился. Гризельда сознательно преувеличила опасность. Шум на чердаке можно было услышать только в комнате этажом ниже, в спальне леди Гарриэтты. Она как раз находилась у себя, переодеваясь к обеду с помощью Молли.

— Вы слышали, Молли? — спросила она, прислушиваясь.

— Вы о чем, мадам? — поинтересовалась Молли с невинным видом.

Леди Гарриэтта не стала продолжать. Она уже как-то слышала ночью шум наверху, словно от чьих-то легких шагов. Это было частью той жизни, которая не должна была существовать. Она решила, что ей показалось.

— Молли должна связаться с Ферганом, — сказал Шаун. — Он займется подготовкой моей поездки. Нужно найти машину и какое-нибудь судно, чтобы добраться до берегов Англии. Дальше я отправлюсь сам.

— Я, я, я! — передразнила его Гризельда. — Всегда это «я»!

— Когда-нибудь, надеюсь, очень скоро, вместо этого будет «мы».

— Может быть, раньше, чем ты думаешь…

Она поговорила с Молли, решив, что сообщит все Шауну в последний момент.

— Он считает, что ему нужно ехать в Брайтон. Если он так поступит, его арестуют, и мы больше никогда его не увидим! Никогда, слышишь, Молли?

— Да, мисс…

— Поэтому ты должна сказать Фергану, чтобы он организовал поездку в Америку. И я поеду с ним.

— Ох, мисс…

Молли от удивления запихнула себе кулачок в рот, чтобы не закричать. Не так давно она была потрясена намерением дочери сэра Джона бежать со слугой. Но теперь прежний слуга стал героем и королем, и она решила, что Шаун и Гризельда прекрасно подходят друг для друга. Тем не менее, она, как рассудительная крестьянка, обратила внимание Гризельды на очевидные недостатки ее плана, на множество опасностей, с которыми она неизбежно столкнется, на все, что она будет вынуждена оставить или потерять. Но Гризельда, с улыбкой отвечая на все ее возражения, оставалась непреклонной. Поэтому Молли, поддавшись романтике приключения, согласилась отправиться в Слайго на велосипеде, чтобы встретиться с Ферганом.

— Только найдите оправдание для меня; ведь Слайго далеко, и я смогу вернуться только завтра.

— Это легко! Я пошлю тебя за синим атласом, который мы не нашли в Донеголе!

— Хорошо! Я отправляюсь немедленно!

— А если ты проколешь колесо? Ты сможешь починить его?

— Нет… А что нужно делать?

— Нужно плюнуть на дырку…

— И этого достаточно?

— Нет… Нужна еще заплатка…

— Ну, я умею шить! А потом, я обязательно найду кого-нибудь, кто едет в ту же сторону…

— Так ты не доберешься и за три дня! А ты должна увидеть Фергана сегодня! Если проколешь колесо, тебе придется украсть лошадь!

— Что вы! — возмущенно воскликнула Молли. — Я обязательно найду человека, у кого смогу одолжить лошадь!

Она вернулась на следующий день вечером. У нее случилось два прокола, и каждый раз находился добровольный помощник: сначала хозяин постоялого двора, потом священник. У нее сверкали глаза и пылали щеки, а также болели ноги и задница, но она не стала признаваться в этом Гризельде. Оставшись с ней наедине, она взволнованно объявила:

— Все в порядке! Ферган занимается этим! Он сказал, что все будет готово на следующей неделе! И я поеду с вами! Мне удалось уговорить Фергана! Мы уедем вчетвером! Я не хочу расставаться с вами…

У Гризельды потеплело на сердце. Она улыбнулась. Они прекрасно понимали друг друга.

— Пока ни слова Шауну, — сказала Гризельда. — Он должен до самого конца думать, что мы едем в Брайтон!

— Молли! — позвала леди Гарриэтта. — Куда ты пропала?

Она требовала Молли за это время раз десять. Каждый раз ей отвечали, что она уехала с поручением в Слайго.

— Я была в Слайго, мадам, — сказала Молли. — Я искала синий атлас для мисс Гризельды.

— Вот как! Покажи мне, что ты купила!

— Его весь раскупили до меня, — ответила Молли.

Гризельда начала обдумывать, что она возьмет с собой. Платья, белье, шляпки, туфли… Нет, об этом не может быть и речи — потребуется несколько чемоданов… Она не представляла, как они будут уезжать, но догадыва-

лась, что отъезд должен быть тайным. Возможно, ей удастся захватить с собой небольшой саквояж, и только. Конечно, она возьмет свои драгоценности. У нее было кольцо с изумрудом и бриллиантами, принадлежавшее матери сэра Джонатана. Отец подарил его в день шестнадцатилетия, когда ей начали делать высокую прическу. Были еще жемчужные серьги, золотая цепочка, часы, серебряный браслет, медальон с единорогом с одной стороны и леопардом с другой… Такие же были у всех ее сестер. Она надеялась, что этих сокровищ хватит, чтобы оплатить плавание на корабле. Никто ведь не повезет их бесплатно… Она знала, что изумруды ценятся очень высоко, но все равно нужно узнать, чтобы их не обманули… Конечно, денег у нее не было, она никогда ни за что не платила, торговцы присылали свои счета сэру Джону, который затем пересылал их нотариусу… Наверное, не было денег и у Шауна. Как только Ферган собирался решить эту проблему?

Теперь ей казалось, что они не смогут уехать, что это несбыточная мечта. Тем не менее, Шаун должен был покинуть Сент-Альбан как можно скорее. Леди Гарриэтта уже начала упоминать про мышей, бегающих на чердаке. Молли постаралась успокоить ее, сказав, что отнесет на чердак рыжего кота Эми.

Вскоре Ферган передал им через Меешавла Мак Мэррина, что все идет как надо и что они должны быть готовы. Гризельда, почувствовавшая облегчение, начала терзаться по другому поводу: как сказать Шауну, что они поедут не в Англию, а в Америку? Вернее, ее мучило не это: в конце концов, достаточно будет одной фразы, а она привыкла открыто говорить то, что хотела сказать. Ее беспокоила возможная реакция Шауна. И она вполне могла предвидеть ее. Шаун был способен встать за руль судна и направить его в Брайтон. Каким бы он ни был упрямцем, но на этот раз ему придется выбирать: она или Парнелл. Она догадывалась, каким будет выбор Шауна, и у нее сжималось сердце.

На следующий день, когда приехал Меешавл, с утра шел дождь. Он появился почему-то без своей повозки, верхом на лошади, которую подгонял ударами каблуков. Впервые не были слышны его песни; с головы у него слетела шапка, дождь и, возможно, слезы стекали по трагической маске, в которую превратилось его лицо.

Гризельда, заметившая его появление, помчалась на кухню, охваченная дурными предчувствиями. Она застала там всех слуг, неподвижно застывших и молча смотревших на Меешавла, с которого струйками стекала дождевая влага. Она крикнула:

— В чем дело? Что случилось?

Эми повернулась к ней; ее лицо было мокрым от слез. Потом она обратилась к Меешавлу:

— Скажи ей… Скажи все, что только что сказал нам… Мне нужно услышать тебя еще раз, чтобы поверить в случившееся… Трудно сразу поверить в несчастье, даже если ты ожидал его…

Меешавл развел в отчаянии руки, потом вытер лицо рукавом, чихнул и произнес хриплым голосом:

— Он умер… Парнелла больше нет! Отец Ирландии мертв! Все ирландцы стали сиротами…

Гризельда оказалась во власти двух противоположных чувств: эта смерть устраняла возможность конфликта с Шауном, и в то же время она так же глубоко потрясла ее, как Меешавла, как Эми… Она любила Ирландию и она была влюблена; Парнелл тоже мог быть убит врагами из-за его любви к женщине.

— Он был лендлордом, как сэр Джонатан, мисс, и протестантом, как вы, — сказал Меешавл. — Среди нас, ирландцев, нет другого такого ирландца, как он… И он умер за Ирландию. Говорят, что причиной смерти

была болезнь… Это очень удобное объяснение для английских свиней… Почему они не позволили ему лечиться в Ирландии? В сорок пять лет никто не умирает просто так, особенно, если у него хорошее здоровье…

— Он умер потому, что ему разбили сердце, — сказала Эми.

Гризельда осторожно, словно ребенку, сообщила новость Шауну. Тот заплакал, ничуть не стыдясь своих слез. Потом сказал:

— Сегодня плачет вся Ирландия…

Дождь с глухим шумом обрушивался на черепичную крышу, потоки воды громко струились по водосточным трубам.

— Теперь мы долго ничего не сможем предпринять… У нас нет вождя… Он должен был победить. Его мать была американкой, и от нее он унаследовал ясность мысли и любовь к свободе. И теперь мы должны отправиться именно туда, чтобы собрать деньги и сторонников. Таким образом, мы получим новую возможность освободить Ирландию. Мы поедем туда вдвоем… Нужно предупредить Фергана, что наши планы изменились. Ты займешься этим, хорошо? Это надо сделать немедленно.

— Да, любовь моя…

* * *

Когда Молли в понедельник отправилась к Меешавлу за новостями, она решила по пути заглянуть к матери, чтобы попрощаться. Если известие об отъезде придет неожиданно, у нее может не остаться времени повидаться с ней. Молли не сказала матери, что уезжает, ограничившись крепким объятием, после которого ей пришлось убежать, пока она не разрыдалась. Эрни, конечно, догадалась, что происходит нечто необычное, но решила, что дочь расстроена переездом Фергана в Слайго. Кстати, ей нравился этот симпатичный парень, и она собиралась выдать за него дочь, когда все успокоится. Нельзя же сражаться всю жизнь.

Гризельда с нетерпением ожидала возвращения Молли с новостями. Ей надоело торчать возле окна в своей комнате, и она вышла в коридор, где прислушалась, опасаясь подозрительного шума с чердака. Потом она медленно спустилась в столовую, хотя до обеда еще оставалось время. В столовой она увидела Ардана, который развалился перед камином, подставив живот ласковому пламени неторопливо горевшего торфа. Разморенный теплом, он слегка приподнял голову и лениво вильнул хвостом, увидев хозяйку. Гризельда устроилась в кресле перед камином и взяла книгу с круглого столика. Осознав через несколько минут, что даже не представляет, что читает, она бросила книгу и встала, решив продолжить ожидание в своей комнате. Ардан, подумавший, что намечается прогулка, вскочил, готовый сопровождать хозяйку. Открыв дверь толчком колена, в комнату вошла Молли, державшая серебряный поднос с приборами для обеда. Она бросила на Гризельду сияющий взгляд:

— Все в порядке!

— Что именно в порядке? — поинтересовалась появившаяся из коридора Джейн.

— Ничего особенного… — промямлила несколько растерявшаяся Гризельда.

— Я говорю про синий атлас, — вмешалась Молли. — Он будет в четверг!

И она повторила, пристально глядя на Гризельду:

— В четверг!

— Отлично!

Гризельда повернулась к камину и снова уселась в кресло.

— Дался вам этот атлас! — пожала плечами Джейн.

— Но он действительно выглядит замечательно, — ответила негромко засмеявшаяся Молли.

Она кружилась вокруг стола, словно в танце, ловко жонглируя извлекаемыми из буфета красного дерева тарелками, которые, словно по мановению волшебной палочки, сами собой прыгали на стол, разбрасывала яркие блики столовым серебром, в один и тот же миг находилась со всех сторон стола. Она была невесома, ее здесь уже не было, она уже уехала…

Джейн подошла к Гризельде. Медленно, мечтательным тоном, она произнесла, словно обращаясь к колеблющимся языкам пламени:

— На этом острове мы совершенно изолированы от всего мира… Если случится что-то непредвиденное…

Гризельда повернулась к сестре.

— Если случится что-то… Ты это о чем?

— Никогда не знаешь, что может произойти… С этими террористами… С этим шофером тетки Августы… А если он бродит поблизости?.. В конце концов, он знает тебя…

От стола послышался серебряный звон. Оцепеневшая Молли выронила вилку.

— Ведь эти люди настоящие убийцы, — продолжала Джейн. — А полиция никогда не посещает остров… Мне кажется, что отец должен пригласить констеблей, чтобы они охраняли нас…

Гризельда вскочила, вспылив.

— Какая чепуха! Я запрещаю тебе беспокоить родителей этими детскими страхами! Слышишь? Запрещаю!

— Ой, ой, ой… Ладно, успокойся!.. Это не повод, чтобы поднимать такой шум!..

Джейн надулась. Она продолжала стоять перед камином, глядя на огонь, тогда как сгоравшей от нетерпения Гризельде хотелось подробнее узнать новости от Молли. Она сухо поинтересовалась, обращаясь к Джейн:

— Тебе что, нечего делать?

Возмущенная и готовая заплакать Джейн порывисто повернулась к сестре:

— Конечно! Все считают, что я гожусь только для грязной работы на кухне! А общаться со мной никто не хочет!

И она выскочила из комнаты, хлопнув дверью.

— В четверг! — пропела Молли, подбросив к потолку салфетку.

Потом она зашептала тоном опытного заговорщика:

— В четверг, с вечерним приливом!.. То есть, часов в одиннадцать… Меешавл подъедет на лодке к Скале, чтобы забрать нас… Фениям удалось договориться, что нас возьмут на судно «Ирландский дельфин» — это американское торговое судно, его капитан ирландец… Оно идет из Белфаста в Нью-Йорк… Меешавл отвезет нас на Белый остров… Там нас будет ждать рыбак, с которым мы выйдем в открытое море, где встретимся с «Дельфином»… Они уже не раз проделывали такую операцию…

И она добавила, затрепетав от ужаса и удовольствия:

— Это очень опасная операция!

— Только ничего не говори Шауну, — сказала Гризельда.

Во вторник Гризельда встретила Китти, собиравшуюся в свое обычное благотворительное турне.

— Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для нас сделала… Но ты еще нужна нам…

Китти остановилась, уцепившись за руль велосипеда.

— Он еще здесь?

— Теперь уже ненадолго. Он уйдет в четверг.

— Не очень-то скоро…
— И я ухожу с ним…
— Как?
— Не падай в обморок!.. Мы поплывем в Америку. Мы уходим с приливом в одиннадцать часов…
— Как это — с приливом?..
— Не волнуйся, я не сошла с ума… Конечно, сначала мы поплывем на одной лодке, потом на другой, побольше, а затем на большом корабле… С нами будет Молли…
Китти уже пришла в себя благодаря своей крепкой физической и психической конституции.
— Надеюсь, вы не забираете с собой Эми… И Джошуа Кромби с его коровой!.. Видно, ты не знаешь и того, что Элис тоже уходит в четверг? Ты подумала о наших родителях?
— У них остаются Джейн и ты…
— Джейн — это сквозняк, который только и думает, чтобы проскользнуть под дверь!
— В любом случае, я все равно должна была когда-нибудь уйти! Я не собираюсь провести всю жизнь отшельником на этом острове… А ты будешь мне нужна в четверг… Шаун может выбраться из дома только во время ужина…
— Что, он сейчас в нашем доме?
— Да, на чердаке, над маминой комнатой…
На этот раз Китти не удержалась на ногах. Она прислонила велосипед к дереву и присела на пенек. Гризельда невозмутимо продолжала:
— Он спустится в мою комнату, откуда слезет на землю, цепляясь за плющ. Но я должна быть с ним, чтобы ничего не случилось. Я придумаю причину, чтобы уйти из столовой. А тебя я попрошу, если меня долго не будет, чтобы ты не позволила посылать кого-нибудь за мной…
Китти наконец удалось успокоить дыхание.
— Ты ненормальная, совершенно ненормальная!..
— Мне уже кто-то говорил это? — ответила Гризельда.

Этим днем она еще не стала предупреждать Шауна. Она хотела подождать некоторое время, чтобы он не удивился так быстро организованной поездке в Америку. Все объяснения откладывались на потом.
В среду Шаун вышел из себя.
— Чем он занимается, этот Ферган? Ему нужно было обратиться прямо к О'Коннеру! И мы уже были бы в дороге!.. Сколько можно ожидать!..
— Ты так считаешь?
— Была бы ты на моем месте…

Стояла прекрасная безветренная погода. Когда солнце зашло, с моря поднялся легкий туман, окутавший призрачной вуалью деревья, дом, аллеи… Бледные сумерки застигли Брижит врасплох. С разукрашенной черными загогулинами сажи физиономией она принялась суматошно метаться по дому, разнося зажженные лампы и оставляя за собой в коридорах и на лестницах шлейф запаха керосина.
Ужин начался в ватной тишине. Все молчали. Туман за окнами задрапировал море и землю. Сэр Джон не произнес ни слова. После визита нотариуса он еще глубже зарылся в свой мирок. Он не отвернулся от домочадцев; наоборот, все сильнее переживал за их дальнейшую судьбу, не представляя, как познакомить их с суровой реальностью. В тех редких случаях, когда сэр Джон молчал, в столовой раздавалось только позвякивание вилок и редкий едва слышный шепот.

В столовую примчалась жизнерадостная Молли, доставившая с кухни бедро ягненка с тушеной репой в мятном соусе. Влетев в столовую, она мгновенно потеряла избыток энергии, превратившись в печальный призрак. Она осторожно водрузила серебряное блюдо на середину стола. Леди Гарриэтта вздохнула.

— Друг мой, позвольте... — печально сказала она, потянувшись за тарелкой сэра Джона.

Она никак не могла привыкнуть к необходимости самой обслуживать мужа и дочерей. Но от слуг-ирландцев можно было потребовать все что угодно, только не прислуживать за столом. Они начинали раскладывать еду как попало, не знали, с какой стороны подойти, обливали сидящих соусом, комментировали происходящее… Это было невыносимо.

В тот момент, когда сэр Джон поставил перед собой тарелку с тонким ломтиком мяса, кусочками репы и зеленым соусом, раздался звук, заставивший всех присутствующих замереть.

В завладевшей миром тишине родился знакомый шум, не имевший права на существование. Это был шум автомобильного мотора.

Он послышался, как это было много раз, сначала на аллее, по которой, чихая и задыхаясь, автомобиль поднимался от дамбы; усилившись, рычание мотора приблизилось к дому и затихло, достигнув крещендо, прямо под окнами столовой.

Сэр Джон первым пришел в себя.

— Подумать только, — сказал он. — Это, должно быть, Августа?.. Мне казалось, что ее машина… Надо полагать, ее… Молли, идите, откройте Августе…

— Да, господин, — отозвалась Молли.

Она поспешно выбежала из столовой, но очень быстро вернулась, стуча зубами и позеленев от ужаса.

— Ах, господин! Там никого нет!.. — и она громко лязгнула зубами.

— Что, что? — не понял ее сэр Джон. — Как это, никого нет?

— Там ничего нет, господин!.. Автомобиля нет!..

Сэр Джон, леди Гарриэтта и их дочери дружно повернулись к окнам. Они отчетливо слышали, как мотор негромко ворчал на одном месте, то постреливая, то почти замолкая. В столовую начал проникать запах отработанного бензина.

— Гм, — сказал сэр Джон. — Молли, вы просто не увидели машину из-за тумана…

Его слова прозвучали несколько неуверенно. Но он был сэром Джоном, главой семьи, и на его плечах лежал груз всех жизненных реалий. Он поступил так, как его обязывала ситуация: он встал, подошел к ближайшему окну и распахнул его.

В столовую тут же ворвались клочья тумана, быстро растаявшие в теплом воздухе. Рокот мотора и запах выхлопных газов заполнили помещение.

— Вот тебе и на… — пробормотал сэр Джон.

Пространство за окном было заполнено бледно-серой ватой. Он прочистил горло, наклонился и крикнул:

— Послушайте, Августа! Что вы там делаете?

Небольшой смерч подхватил полотнище тумана, и теперь можно было видеть очистившийся от ваты перрон, каменные ступени, освещенные двумя фонарями, и пустую аллею…

Двигатель прибавил обороты, стронулся с места и удалился в сопровождении топота лошадиных копыт, легких, радостных копыт, стучавших по каменным плитам. Именно такой топот почти тысячу лет назад услышал Фульк Рыжий из часовни замка после воскресной мессы, на которой

его жена обрела свободу. Механический шум быстро затих, и только стук копыт, уже более мягкий, некоторое время доносился с лужайки или с неба, постепенно ослабевая, пока не умер где-то далеко-далеко за горизонтом.

Гризельда сидела, выпрямившись, и смотрела, не отрываясь, в ночь над миром, вдыхая полной грудью запахи моря, тумана и бензина…

— Послушайте, — сказала леди Гарриэтта, — на чем все же приехала Августа? На своей машине или на лошади?.. Что, она уже уехала?

В четверг утром ушла Элис. Ушла одна. Она не захотела, чтобы ее сопровождали. Вся семья собралась снаружи, у подножья лестницы, чтобы попрощаться с ней. Лица провожавших отображали разную степень печали и непонимания. Только Гризельда думала, что понимает сестру, хотя и не очень хорошо представляла, что творилось у нее в голове.

Коляска подъехала к ступенькам. Старый кучер Джеймс Мак Кул Кушин должен был посадить Элис в Баллишанноне на дилижанс, который доставит ее на железнодорожный вокзал в Слайго, где она сядет на поезд до Дублина. Самого кучера почти не было видно под большим коричневым плащом и позеленевшим от тысячи дождей цилиндром, привезенным леди Гарриэттой из Лондона.

Элис была в той же степени веселой, в какой ее семья была печальной. Вся в черном, с небольшим почти пустым саквояжем в руке, она излучала счастье. Она расцеловала Гризельду в обе щеки и легко, словно птичка, клюнула ее в губы. Она шепнула Гризельде на ухо: «Я буду молиться за тебя». Ловко вскочила в коляску и уехала, сопровождаемая печальными взглядами семьи. На развилке с дорожкой, ведущей к службам, столпились служанки, тоже в черном, молча смотревшие на проезжающую мимо них коляску. Неожиданно Эми громко запела аллилуйю.

Гризельде удалось перед обедом заскочить на несколько минут на чердак и предупредить Шауна, что отъезд состоится этим же вечером. Шаун встретил новость с радостью.

— Должен признать, что Ферган выполнил задание очень быстро…

— Ты тоже должен действовать быстро, — сказала Гризельда. Тебе нельзя будет спуститься с чердака между десятью часами и половиной одиннадцатого, потому что родители еще не будут спать, да и Джейн может повстречаться в коридоре… Я приду за тобой перед ужином. Все будут в столовой, прислуга будет занята. Эми и Молли проследят, чтобы не получилось неувязок. Ты спустишься по плющу и пойдешь к Скале. Если случайно тебе повстречаются кучер или садовник, тебе достаточно будет негромко завыть, расставив руки. Они зажмурятся и начнут креститься, так что ничем не помешают тебе… Кстати, ты слышал шум мотора вчера вечером?

— Какого мотора?

Ужин прошел в еще большем молчании, чем накануне. Всех занимали мысли о загадочном происшествии; кроме того, свежей раной был и отъезд Элис.

Сэр Джон чувствовал, что все вокруг него изменяется, причем гораздо быстрее и основательнее, чем ему хотелось бы. Силы, которые он хотел бы игнорировать, потрясли его мир и могли уничтожить его. Мир его семьи, подобно хрустальному шару, покрылся трещинами, проникавшими вглубь и сходившимися в центре.

Он почувствовал, что задыхается, и, скривившись, положил руку на грудь.

— Что с вами, друг мой? — встревожилась леди Гарриэтта.

Сэр Джон улыбнулся. С ним все в порядке. Все хорошо…

Он не стал задерживаться в салоне и скрылся в библиотеке. Здесь он задумался о своих финансовых проблемах и быстро пришел к выводу, что именно они вызывали у него тревожное состояние. Нужно было срочно найти выход. Немного успокоившись, он задремал в кресле. Проснувшись, он решил написать своему зятю Джеймсу Ханту, который после смерти его жены, леди Арабеллы, сестры сэра Джона, продолжал заниматься торговыми операциями в Дублине. Как говорила Августа, он очень неплохо зарабатывал. Он попросит у Ханта денег, обеспечив заем островом Сент-Альбан.

Погода стояла такая же замечательная, как и накануне. Воздух над Ирландией, обычно постоянно перемещающийся, уже двое суток был непривычно застывшим. Гризельда обошла остров, посетила все любимые уголки, где пережила в детстве столько воображаемых приключений. Она постояла, закрыв глаза и подняв лицо к солнцу, на выходе из туннеля. Потом растянулась на горизонтальной плите и попыталась представить ее легкой, как пушинка, чтобы отправиться на этой ставшей лодкой каменной глыбе в свое будущее, в надежде раскрыть его тайны. Но плита не потеряла вес и не шевельнулась.

В неподвижном воздухе аромат тиса скапливался вокруг дерева и стекал на землю, густой, словно жидкость. Гризельда наклонила к себе одну низкую ветку и зарылась в нее лицом. Она глубоко вдохнула запах смолы, похожий на зеленый фимиам.

Потом она опустилась на колени перед норой и негромко позвала:

— Уагу!.. Эй, Уагу!.. Я уезжаю!.. Навсегда!.. Я пришла попрощаться с тобой… Прощай, Уагу!..

— Уау-у-у, уау-у-у, — еле слышно ответил голос из-под корней. И Гризельде показалось, что сам остров прошептал: «Прощай, прощай…»

Гризельда встала со слезами на глазах и побежала домой. Настало время выбрать, что она возьмет с собой. Она открыла заказанный в Лондоне кожаный саквояж, до сих пор ни разу ей не понадобившийся, распахнула дверцы шкафов и комодов и принялась лихорадочно выбрасывать их содержимое на ковер, время от времени выхватывая из растущей груды рубашку, юбку, платье, ленту, чулки, еще одно платье, туфли, шляпку, разные восхитительные и бесполезные мелочи… Пригодилась ничтожная часть того, что у нее накопилось за многие годы…

Охваченная отчаянием, она прекратила показавшуюся ей бессмысленной возню и подошла к окну. Красный шар солнца опускался к горизонту. Как и накануне, с моря начал подниматься туман.

Она оказалась последней из собравшихся в столовой членов семейства. Появившись в дверях, она поразила присутствующих своим видом, так как надела свое самое красивое платье, белое платье для бала, и нацепила все драгоценности.

— Ах, Гризельда, — удивленно произнесла леди Гарриэтта, — к чему такой наряд? В день, когда нас покинула Элис!

Она поднесла к глазам платочек с кружевной оторочкой.

— Вот именно! — ответила Гризельда. — Этот день не должен быть днем печали… Я кое-что поняла… Я должна сказать вам… Если ваша дочь покидает родной дом, вы не должны печалиться… Она ушла, чтобы прожить свою жизнь так, как она этого хочет… Она счастлива… И вы должны быть счастливы… Сегодня у нас не день скорби, а день радости!..

Она подошла сначала к отцу, затем к матери и поцеловала их. Леди Гарриетта заплакала.

— Ну ладно, Гарриэтта, ладно! — пробормотал сэр Джон.

Он ласково похлопал жену по руке, и та быстро успокоилась. Сэра Джона сильно потряс уход Элис, и поведение Гризельды позволило ему

восстановить душевное равновесие. Ее поступок он отнес к числу тех необычных моментов, которые до самых глубин затрагивают жизнь семьи. Время меняется, мир меняется, они очутились словно в конце затянувшейся весны, когда цветы увядают и наступает новый сезон. Принесет ли он плоды или долгое одиночество зимы?

Когда Гризельда садилась на свое место, она неловко задела тарелку, и все содержимое оказалось у нее на платье. Она вскрикнула, вскочила и побежала переодеваться. Среди сочувственных восклицаний присутствующих молчаливой оставалась только Китти, несколько возмущенная артистическим талантом Гризельды, столь искусно сочетающей естественные эмоции и комедию.

Вернувшаяся в столовую Гризельда выглядела великолепно. Она была в оранжевом платье, а это цвет радости. К тому же, оранжевый цвет более практичный.

Эвакуация Шауна прошла весьма успешно. Возле окна остался затянутый ремнями саквояж, в который Гризельда уложила свои украшения. Она была готова.

* * *

Вечерний туман поднялся не так высоко, как накануне. Он остановился на уровне окон первого этажа, необычно плотный и неподвижный. Сверху он казался волнистой поверхностью молочного моря, затопившего землю. Из него выступали дом и верхушки деревьев, все остальное скрылось под мягким, молчаливым, застывшим покровом. Скоро туман стал серым, и по мере того как убывал дневной свет, приобретал все более и более темный оттенок. В десять часов вечера на потемневшее небо высыпали многочисленные звезды, тогда как окутанная покрывалом тумана земля оставалась необычно светлой. Можно было подумать, что она освещает небо.

Китти зашла к Гризельде, чтобы попрощаться. Молли к этому времени уже исчезла. В доме воцарились тишина и покой. Постепенно затихли обычные вечерние звуки. Эми постаралась пораньше закончить все работы на кухне и позволила служанкам необычно рано отойти ко сну. Она обняла Гризельду и сказала:

— Я видела, как ты родилась, а теперь вижу, как ты уходишь. Если ты когда-нибудь вернешься, я этого уже не увижу. Но ты сделаешь все, что должна сделать. Если захочешь, ты будешь счастливой. Счастье человека не зависит от окружающих. И потом, не так уж важно быть счастливым.

Китти, нервничая, ходила взад и вперед по комнате, то и дело тяжело вздыхая.

Гризельда посмотрела на часы: уже половина одиннадцатого.

— Ну, мне пора, — сказала она.

Она выглянула из окна. Фонарь, всегда горевший ночью возле конюшни, неуверенно освещал туман в промежутке между домом и службами. Все выглядело спокойным и пустынным. Гризельда не решилась появляться в коридоре с саквояжем. Она привязала к его ручке длинную ленту английских кружев и спустила саквояж из окна. Коснувшись поверхности тумана, он исчез и сразу же коснулся земли. Гризельда отпустила ленту, и туман тут же проглотил ее. Потом наступила очередь плаща. Отойдя от окна, Гризельда опустилась на колени, чтобы обнять Ардана, с утра не находившего себе места и ни на шаг не отходившего от нее.

— Будь умницей! Ты просто красавец!... Ты самый красивый пес на свете!.. Ложись здесь… Лежать!.. Я постараюсь вернуться, может быть, не сразу… Но я вернусь…

Она поцеловала у Ардана уши и встала.

— Ты позаботишься о нем?

— Ты же знаешь…

— Ты будешь говорить ему обо мне?

— Если ты не хочешь, чтобы он тебя забыл, можешь остаться!

— Не сердись… Прощай, Китти… Ты не хочешь обнять меня?

— Я провожу тебя до лодки… Поторопись!

— Ты хочешь спуститься по плющу? Ты упадешь!

— Если отсюда выбрался инвалид, то я тоже смогу!

— Что ты говоришь? Почему инвалид?

— Ладно! Ну, вперед!

Пожав плечами, Гризельда выглянула из окна и тут же отшатнулась.

На повороте аллеи появился светлый силуэт констебля, вернее, его верхняя половина. Это был Эд Лейн, державший в руке фонарь, снятый с велосипеда. Верхняя часть его туловища плыла над туманом, как корабль, постепенно увеличиваясь по мере приближения к дому. Когда он остановился, у него появились бедра и колени.

Повинуясь жесту сестры, Китти погасила свет в комнате и подошла к стоявшей у окна Гризельде. Они увидели, как открылась дверь на кухню и появилась Джейн, видимая почти целиком.

— Ах, лейтенант, как хорошо, что вы пришли!

— Я был на дежурстве, когда мне передали ваше письмо. Мне пришлось найти приятеля, который согласился подменить меня. Я очень торопился успокоить вас. Этот террорист никак не может оказаться здесь…

— Уверяю вас, он приезжал вчера на своем автомобиле… Все слышали мотор!

— Ох, — прошептала Гризельда, — ну и дуреха!

— Автомобиль утонул в озере, мисс… Я видел его в прошлый четверг, вокруг него плавали рыбешки…

— У него было время с четверга, чтобы выбраться из воды…

— Это невозможно, мисс, он не работает, он давно заржавел…

— Вы так думаете? — еле слышно пробормотала Джейн. Она замерла, подняв лицо, перед громадной фигурой полицейского и, казалось, чего-то ждала. Лейн не шевелился и молчал. Она откашлялась, пытаясь что-то сказать, но слова застревали у нее в горле.

— Чего они дожидаются, почему не заходят на кухню?

— Нам придется спуститься по лестнице… Нельзя рисковать, они могут увидеть нас…

— А мой саквояж? Мои вещи? Если они сделают несколько шагов в сторону, они наступят на сумку!..

Тем не менее, нужно было уходить, их давно ждали на берегу.

— Мы проскользнем за поворотом аллеи, — сказала Гризельда. — Бежим! Ох уж эта Джейн! Она написала ему!..

— Тебя это удивляет? Она способна и не на такие глупости!

Они бесшумно вышли и выбрались в туман. Китти накинула на голову косынку, Гризельда воспользовалась небольшой соломенной шляпкой, к которой был прикреплен небольшой букетик маргариток. Эту шляпку она получила из Парижа и ни разу еще не надевала. Но она ей очень нравилась.

Они обогнули дом. В небе появилась почти полная луна, заливавшая бледным светом поверхность слоя тумана с множеством небольших возвышений и долин. В понижении у поворота аллеи туман поднялся Гризельде до плеч, потом до подбородка. Китти почти вся утонула в тумане благодаря своему маленькому росту. Она еще могла видеть голову сестры, ее шляпку и ее маргаритки, плывущие по молочному морю. Осторожно продвигаясь, они вышли из-за поворота аллеи и увидели констебля и Джейн на том же месте.

Их голоса звучали немного приглушенно из-за тумана, но все слышалось очень отчетливо.

— Лейтенант, вы еще долго останетесь на службе в полиции? — спросила Джейн.

— Это зависит от многого, мисс, — ответил Лейн. — Если я захочу, я могу уволиться, но могу и подписать новый контракт… У меня в Шотландии осталась небольшая ферма, она перешла мне по наследству от отца…

Что-то большое и мягкое, невидимое в тумане, уткнулась в ноги Китти. Та от неожиданности негромко вскрикнула.

— Кто там? — крикнул констебль и поднял фонарь, посветив в их сторону. Китти и Гризельда присели, спрятавшись в тумане. Китти снова вскрикнула. Вплотную с ее лицом оказалась черная физиономия с блестящими глазами. Это была овца-меринос.

— Стойте здесь, мисс, — сказал Эд Лейн. — Я пойду посмотрю…

— Не оставляйте меня, лейтенант!.. Не бросайте меня!.. Я боюсь!.. Ах…

Джейн стала мягко оседать, наполовину лишившись сознания или изображая, что теряет его. Она проделала это не слишком быстро, чтобы полицейский успел подхватить ее раньше, чем она исчезнет в тумане.

Над поверхностью тумана появились маргаритки на шляпе Гризельды, а затем и ее любопытные глаза. Она успела увидеть, как Эд Лейн поднял Джейн и понес ее на кухню, не выронив при этом фонарь. Войдя на кухню, он ногой захлопнул за собой дверь.

Гризельда метнулась к дому, схватила саквояж, плащ и бросилась в лес. Китти последовала за ней. Сердце Гризельды отплясывало фарандолу[1]. Препятствий на их пути больше не было. Ей неудержимо хотелось танцевать и петь, петь… Спускаясь к морю, они быстро погрузились в туман, закрывший их с головой. Луна ярко светила, и они шли по освещенной неуверенным светом дорожке между двух темных стен деревьев. Гризельда накинула плащ и, хорошо зная дорогу, бросилась бегом. Дружеская ветка сорвала у нее с головы шляпку, другая коснулась волос и извлекла из них все заколки. Волосы рассыпались, их волна опустилась ниже талии. Когда она очутилась возле башни Американского порта и повернулась к Китти, тысячи капелек влаги образовали жемчужную диадему на ее голове, засверкали на бровях и на ресницах. Ее зеленые глаза сияли, огромные, как море.

— Прощай, Китти!.. Прощай!..

Она обняла сестру, прижалась к ней, отпустила и побежала к входу в башню. Весь проем занимал силуэт Шауна. Он протянул к ней руки, и она нырнула в его объятия.

— Гризельда!.. Наконец… — негромко произнес Шаун.

Китти увидела вместо двух теней одну; эта тень медленно растворилась в темноте проема, более густой, чем снаружи. На их месте осталась черная дыра. Китти внезапно почувствовала себя ужасно одинокой, словно перед ней только что зашло солнце, и она не была уверена, что увидит его снова.

Пятнисто-рыжая с белым масса пронеслась мимо и нырнула в башню.

Китти услышала возглас Гризельды:

— Ардан! Это Ардан! Ты сбежал! Дикарь, разбойник! Молодец! Идем, ты поедешь с нами!..

Затем послышались неразборчивые фразы, произнесенные голосами Молли и Меешавла Мак Мэррина. Китти забеспокоилась, как Меешавлу

[1] Народный хороводный танец, зародившийся в Провансе (Франция) в XIV в. Характерен сменой медленного и быстрого ритма.

удастся в таком тумане доставить своих пассажиров к Белому острову, тогда как даже днем при солнце ему нужна была лошадь, чтобы не сбиться с дороги домой. Правда, там был Шаун и, вероятно, Ферган… Она услышала плеск воды и стук весел, постепенно удалившийся в серую мглу и пропавший.

Ее охватила такая тоска, что она не выдержала и закричала:

— Гризельда! Гризельда, вернись!.. Гризельда!..

Но туман хватал ее слова, едва они вылетали изо рта, обволакивал их и проглатывал.

Она услышала доносившийся с другого конца света голос Меешавла, который пел:

«Мэри, Мэри, где ты, Мэри?
Ах, моя Мэри…»

Мэри, как всегда, ничего не ответила…

Китти повернулась спиной к морю и медленно направилась к дому. Густой туман превратился в обычный осенний туман, и деревья по сторонам тропинки были обычными деревьями. Впереди, в конце дорожки, возвышался дом, обычный дом, только он опустел на три четверти…

Китти остановилась. У нее на глазах выступили слезы. Она прошептала:

— Гризельда… Ах, Гризельда, нам будет не хватать тебя…

Авторы о романе

О, Гризельда, нам будет не хватать тебя...

Нам пришлось закончить эту историю. Примерно через год после ночи отъезда мать Молли, превратившаяся за несколько месяцев в маленькую старушку, медленно бродившую среди цветов, получила от дочери короткое письмо, в котором ничего не говорилось о Гризельде и Шауне. Но там было сказано, что все чувствуют себя хорошо. И слово «все» было подчеркнуто. На необычной марке, наклеенной на письмо, был изображен тигр и написано слово «Пенджаб».

Каким образом четверо путешественников — если слово «все» подразумевает также Гризельду и Шауна, — отправившихся в Америку, оказались в Пенджабе? И что они там делают?

Эрни вскоре скончалась, и мы больше ничего не узнали.

О, Гризельда, нам так не хватает тебя... Мы до сих пор не нашли тебя, но мы ищем и будем искать всегда...

Часть этого повествования, написанную мной, я посвящаю Ирландии, ее мужеству, ее юмору, ее красоте.

И я уступаю слово второму автору, написавшему эту книгу вместе со мной, Оленке де Веер. Она правнучка Элен и Амбруаза.

Рене БАРЖАВЕЛЬ

Я посвящаю мою часть этой книги памяти моей матери, Элен до Веер, внучке Элен Грин с острова Сент-Альбан.

От моей матери у меня сохранились семейные традиции, кровь единорога и ностальгия по острову. Она умерла, никогда не повидав Ирландии.

Элен рассталась с Амбруазом через два года после свадьбы, забрав с собой Джона, сына от этого брака. Она перебралась в Париж, где Джон

женился на француженке. История любви Джона странным образом переплетается с приключениями банды Бонно[1]. У него была дочь — это моя мать. Она восстановила историю семьи, основываясь на рассказах своей бабки Элен и переписке с теткой Китти. В этих бумагах постоянно сквозит тоска по острову. Вот что там происходило после бегства Гризельды.

Сэр Джон был потрясен не так сильно, как можно было ожидать. Он получил взаймы нужные ему деньги от Джеймса Ханта, своего зятя. По его совету он вложил деньги в партию хлопка, рассчитывая получить большую прибыль. Однако за то время, которое потребовалось судну, чтобы доплыть из Индии до Англии, мировые цены на хлопок упали в два раза. На следующий год Джеймс Хант потребовал возвращения денег и добился наложения ареста на остров Сент-Альбан. Когда судебный исполнитель прибыл на остров со всеми бумагами, он наткнулся на забитые досками крест-накрест окна и двери, поэтому не смог вручить уведомление. Семейство скрывалось внутри вместе с Эми и Нессой. Сэр Джон уволил всех других слуг, ушедших очень неохотно. Затворники выходили на свободу по ночам, так как арест имущества не может осуществляться между заходом и восходом солнца. Однажды ночью появился Эд Лейн с просьбой отдать ему мисс Джейн в жены. Сэр Джон удивился в очередной раз, но, поколебавшись, уступил настояниям Джейн. Она стала женой фермера в Шотландии. У нее было много детей и овец.

Уход детей поразил леди Гарриэтту сильнее, чем мужа. Она погрузилась в тихое, слегка усталое безразличие. Ей казалось, что дочери по-прежнему дома, и она то и дело спрашивала: «Ну где же Джейн? А что делает Гризельда? Почему Элис не спустилась?» И Китти отвечала ей что-нибудь, потому что она все равно ничего не слышала. Впрочем, благодаря усилиям Китти и Нессы, она оставалась вполне ухоженной.

Китти удалось убедить отца, что такая ночная жизнь не может долго продолжаться, и она недостойна его. Он написал старым знакомым в Лондон, и репутация крупного ученого позволила ему получить место помощника директора Британского музея. Эта должность плохо оплачивалась, но по крайней мере, ему предоставили квартиру.

Поэтому однажды утром Эми с помощью молотка сорвала доски, и судебный исполнитель смог попасть в дом. Но Джеймс Хунт, давно заривившийся на Сент-Альбан, разочаровался в нем, и остров приобрел нотариус, как было и после смерти сэра Джонатана.

Сэр Джон, леди Гарриэтта и Китти уехали в Лондон в июне, в понедельник после полудня, на большой дорожной карете. Они взяли с собой Нессу, уже превратившуюся из девочки в юную девушку. Погода стояла чудесная, море было спокойным, вовсю цвели рододендроны. Эми не захотела покидать Ирландию. Она ушла накануне вечером с небольшим узелком в руке. Китти видела из окна своей комнаты, как ее силуэт постепенно растворялся в сумерках. В тот момент, когда она ступила на дамбу, к ней присоединился небольшой сгусток красного с белым пламени — это был Уагу. Они вместе исчезли в надвигающейся темноте.

Нельзя сказать, что сэр Джон был сильно опечален, так как он спас главное: свою картотеку. Кроме того, он снова получил доступ к табличкам Шумеров. Проведя год затворником, он заметно пополнел и с трудом застегивал жилет. Он страдал астмой в легкой форме.

[1] Бонно Жюль (1876—1912) — французский анархист, руководитель так называемой «банды Бонно», совершившей ряд ограблений и убийств в 1911—1912 годах. Хороший механик и опытный автомобилист, он впервые использовал автомобиль при совершении преступлений.

Леди Гарриэтта лучилась радостью. За несколько дней до отъезда, когда она поднималась к себе, она встретила Даму, впервые не поднимавшуюся вместе с ней, а спускавшуюся. И Дама с улыбкой протянула ей голенького младенца. Это был мальчик… Она решила взять его с собой в Лондон. В дальнейшем он всегда оставался с ней, и он рос. Кроме нее, никто этого мальчика не видел.

Китти, посвятившая всю жизнь служению другим, до самого последнего дня заботилась о своих двух больших детях — отце и матери.

Нотариус заколотил дом и закрыл остров. По его заказу поперек дамбы установили тяжелую решетку, на которой висели три больших замка. Но он не стал вешать запоры на башню, возвышавшуюся над лестницей у Американского порта. В салоне сэр Джонатан остался в одиночестве со своей лошадью. Как и остров, он замер в ожидании.

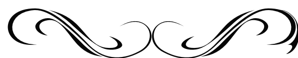
Меня с детства заворожила эта история. Остров, белый дом, сэр Джонатан, Гризельда… Может быть, мне нужно было отправиться в Ирландию на поиски их следов? Но я боялась разрушить мои мечты… Прошли годы, и я все же решилась.

Я повидала нотариуса. Сегодняшнего. Он по-прежнему носит фамилию Колум. И удивительным образом походит на своего предка, портрет которого висит в его конторе. Поменялись только одежда и очки. У нынешнего Колума они из пластмассы. Остров уже не принадлежит ему. Но он показал мне его на карте. Отправившись туда, я нашла дорогу к острову и развалины мельницы. И конечно, дамбу. Пройдя по ней, я нашла остров. Замков на решетке не было…

Оленка де ВЕЕР

Париж, 7 июля 1974 г.

Перевод с французского Игоря НАЙДЕНКОВА.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Пантеон женских сердец

Вместо предисловия

Очень может статься, что кому-то заглавие покажется чересчур выспренним, даже с некоторым налетом кокетливой претенциозности, что, честное слово! — и отдаленно не входило в намерения автора. Никакой сентиментальщины, уверяю вас! Просто, признаюсь, хорошие названия — это мое слабое место, можно сказать, та самая ахиллесова пята, которая наверняка имеется у всех пишущих. А потому название названием, но никаких душещипательных историй о разбитых сердцах и прочих мелодрамах далее не последует.

Ибо цель предполагаемой серии очерков — сугубо практическая. Во-первых, просветительский элемент, направленный, так сказать, на заполнение тех пустот (лакун, выражаясь по-научному), которые наверняка имеются у рядовых читателей по части глубокого и разностороннего знания мировой литературы, это — с одной стороны. А с другой, слабая попытка (если удастся!) побороться за справедливость в такой непростой сфере человеческой деятельности, каковой во все времена выступало искусство. В том числе и изящная словесность.

Судите сами! Недавно попросила одну хорошую знакомую поинтересоваться у себя в Университете культуры, где она преподает, есть ли в фондах их библиотеки роман мадам де Сталь «Корина, или Италия», вышедшей в серии «Литературные памятники» в далеком 1969 году. И если таковой имеется, то взять книгу на пару недель лично для меня. Захотелось снова подержать в руках то старое издание, заново перечитать роман уже глазами пожилого человека и освежить некоторые его подробности в памяти. А заодно и сэкономить кучу времени. Не тащиться же за искомой книгой из своего Сухарево аж на другой конец города, в Национальную библиотеку. Вечером того же дня знакомая отзвонилась мне и сообщила, что роман де Сталь в фондах университетской библиотеки не значится. По словам заведующей, они не держат в своих фондах книги писателей второго ряда.

Бедняжка де Сталь, подумала я, мгновенно проникаясь сочувствием к знаменитости былых времен. Вот так она проходит, эта людская слава! Sictransit… — как говаривали древние. Увы-увы! Ту, которая некогда будоражила самые блистательные европейские умы, общества которой почтительно добивались, а книгами зачитывались, ту, которая даже самого Наполеона могла довести до белого каления своими смелыми и нелицеприятными суждениями, бестрепетной рукой вмиг отодвинули куда-то, на самые дальние задворки литературного сообщества. Впрочем, о чем это я? Разве второй ряд — это уже задворки? Ведь есть же еще и третий ряд, и четвертый, и даже десятый вместе с балконом и стоячими местами, если вспомнить театральную залу, к примеру. А многие ли из пишущей ныне братии могут претендовать на место даже в райке? Вот вопрос так вопрос!

Наверное, думается мне, именно современная доступность информации, мгновенная легкость, с которой мы получаем нужные нам сведения, а потом так же легко и непринужденно скользим глазами по справке, извлеченной за считанные секунды из Википедии или других интернет-ресурсов, сделали всех нас немного снобами. Вот мы и взираем свысока на тех, чьи имена не крутятся в каждодневной обойме новостных и культурных программ. Забыли мы, ой, забыли! — предостережение великого Канта, который много-много лет тому назад справедливо предупреждал своих учеников о том, что знакомое, если оно только знакомо, так и остается непознанным. Мы же сегодня, чего уж там греха таить, предпочитаем именно шапочное знакомство с большинством прославленных некогда персон.

Ну, а уж говорить о женщинах-литераторах, которых с чьей-то легкой руки уже давно стали всех подряд именовать разговорным словом «писательница» (как тут не вспомнить к месту Анну Ахматову, которая на дух не переносила, когда ее называли «поэтессой», предпочитая более короткое и емкое слово «поэт»), так вот, говорить о женщинах-писателях — занятие и вовсе не очень благодарное. Отношение к ним, даже к самым великим, даже к тем, кто вопреки всему и вся все же зацепились за так называемый «первый ряд» (к примеру, та же Жорж Санд,) все равно остается, как бы это поделикатнее выразиться! — слегка покровительственным, с эдаким оттенком мужского превосходства, которое прорывается непроизвольно, в силу устоявшейся традиции, что ли. Дескать, ну что они могут, все эти барышни, дамы и просто писательницы? Да и что с них взять? Кропают свои любовные романы, и пусть себе кропают на здоровье! А уж о серьезном и значимом, ну куда им, в самом деле….

Что ж, самое время доказать обратное (опять же, если получится!) и постараться воздать должное огромному числу потрясающе незаурядных, талантливых и даже гениальных женщин. Как говорится, раздать всем сестрам по серьгам. Но для начала ограничимся всего лишь двенадцатью персонами, строго по числу месяцев в году. Привязка к месяцу (дата рождения) — с этим, думается, все понятно. А вот выбор конкретной личности в качестве героини очерка делался исключительно на основе личных пристрастий и симпатий автора. Творчество некоторых моих будущих героинь я просто обожаю, книгами других восхищаюсь, многих я узнала и полюбила, работая над переводами их произведений на русский язык. Словом, с каждой героиней меня связывают вполне определенные личные отношения.

Но клятвенно заверяю еще раз, что не стану «грузить» своего потенциального читателя излишними биографическими данными, почерпнутыми из того же интернета, не буду с умным видом рассуждать об особенностях творчества того или иного автора и все такое прочее. И вытаскивать на свет всякие жареные подробности земного бытия былых кумиров тоже не буду. Главная моя задача — напомнить читателю о существовании огромного массива еще нечитанных книг (и каких книг, доложу я вам!) и побудить его «рвануть» в ближайшую к его дому библиотеку на поиски нужного фолианта. Или, в духе времени, усесться к компьютеру и покопаться в интернете, где можно легко отыскать любой литературный шедевр. Ведь в интернете, как в той Греции, есть все. Словом, настоятельно рекомендую всем воспользоваться шансом перевести поверхностное знакомство с тем или иным именем в плоскость полноценного и глубокого знания. Читайте первоисточники, обращаюсь я с призывом уже к будущим читателям очерков. Ей же богу, вопреки всем инновациям и модам, чтение по-прежнему остается самым увлекательным и самым благодатным занятием на свете. Приятного чтения!

Мадам де Севинье
(5 февраля 1626 года — 17 апреля 1696 года)

Чем больше я познаю людей, тем больше люблю собак.
Мадам ДЕ СЕВИНЬЕ

Великий остроумец Вольтер однажды прозорливо пошутил, что в бессмертие лучше всего отправляться с небольшим багажом. Что, если задуматься, истинная правда. Но даже гениальный провидец и смутьян, каковым запомнили современники знаменитого философа, едва ли мог предположить, что иногда бессмертие можно обрести взамен за сущие пустяки. Например, получить его в награду всего лишь за собственную частную жизнь. Случаются подобные чудеса, правда, крайне редко, но все же случаются. Достаточно вспомнить колоритную жену Сократа по имени Ксантипа, которая даже спустя почти двадцать четыре столетия, минувшие после смерти философа, умудрилась не затеряться в тени своего прославленного мужа, хотя и не обладала, как известно, никакими философскими талантами.

Вот и наша героиня. Неспешно прожила на белом свете отпущенные ей свыше семьдесят лет, немного и немало, но почти в полном соответствии с заветом Давида *«Дней лет наших — семьдесят лет… ибо проходят быстро, и мы летим»* (Пс. 89, 10). Причем ничем таким особенным не были отмечены все эти годы, ничего примечательного, заметного, яркого… Размеренная жизнь, которая была прожита безо всяких там эпатажных авантюр, скандалов, безумных страстей и роковых любовей, испепеляющих великосветских сплетен и пересудов, жизнь, в которой не нашлось места ни подвигам, ни славе, ни мельтешению на авансцене исторических событий.

Обыкновенная, я бы даже сказала, заурядная частная жизнь одной вполне обыкновенной французской маркизы (вопрос лишь в том, могут ли обладательницы столь сказочно красивого титула быть обыкновенными созданиями), весь вклад которой в мировую историю свелся лишь к одному-единственному усилию. На протяжении без малого тридцати лет маркиза со скрупулезностью вышколенного клерка, словно сошедшего со страниц одного из романов Диккенса, и вдохновением истинного поэта и художника мастерски запечатлевала на страницах бесчисленных писем сугубо частной переписки, вовсе не предназначенной для посторонних глаз, все подробности своей обыкновенной повседневной жизни. А в результате обрела бессмертие и ту самую всемирную славу, о которой так грезят многие начинающие литераторы.

Итак, прошу любить и жаловать! Героиня февральского очерка — маркиза де Севинье, урожденная Мари де Раблютен-Шанталь, известная французская писательница, автор «Писем», одного из самых знаменитых эпистоляриев в истории мировой литературы.

А жизнь нашей героини… Что жизнь? Да такая, как у всех, такая, какая выпала ей по рождению, и не более того. Отец будущей маркизы погиб в сражении с англичанами в 1627 году. Малышке на тот момент было чуть больше года. Мать умерла в 1633 году. Девочка воспитывалась в семье деда, а потом в доме старшего брата отца. Получила прекрасное домашнее образование, среди ее наставников был сам Менаж. В совершенстве владела итальянским языком, легко изъяснялась на испанском, читала на латыни.

В возрасте шестнадцати лет Мари была представлена ко двору Анны Австрийской, а двумя годами позже, в 1644 году, юная девушка вышла замуж за маркиза Анри де Севинье. И уже спустя всего лишь семь лет после свадьбы овдовела. Легкомысленный и драчливый супруг, воспитан-

ный в полном соответствии с нравами галантного века, погибает на дуэли. После смерти мужа молодая женщина всецело посвятила себя воспитанию детей — сына и дочери. Жила то в фамильном замке Роше в Бретани, куда впервые муж привез ее еще во время свадебного путешествия, то в Париже. К слову говоря, фамильный замок маркизов де Севинье сохранился до наших дней, притягивая к себе ныне толпы туристов и почитателей литературного таланта его прежней хозяйки.

В Париже маркиза вела типичную жизнь титулованной аристократки: обязательные появления при дворе, приемы, рауты, неспешное общение с друзьями, среди которых на одном из первых мест значится еще одна героиня наших будущих очерков, кстати, тоже маркиза, мадам де Лафайет, и другие не менее известные персоны тех лет. Например, родная племянница Людовика XIII, герцогиня де Монпансье, вошедшая в историю Франции как «великая мадемуазель», герцог Ларошфуко, автор знаменитых «Мемуаров» и не менее популярных «Максим», кардинал де Рец, архиепископ Парижский, один из выдающихся деятелей эпохи Фронды, тоже оставивший после себя пространные мемуары (в полном соответствии с бытующими тогда традициями). В которых, впрочем, по мнению историков, кардинал все же изрядно приукрасил собственную роль в борьбе против кардинала Мазарини, первого министра Франции и всесильного королевского фаворита, пользовавшегося безоговорочной поддержкой вдовствующей королевы Анны Австрийской.

Поставила точку и невольно вздохнула. Мазарини, Фронда, Анна Австрийская… Вдруг пахнуло далеким детством, приключениями любимых героев. Так и хочется продолжить цепочку знакомых имен и событий: д'Артаньян, Атос, Портос, Арамис. Увы, увы! В реальной жизни бравым мушкетерам, сошедшим со страниц гениального романа Александра Дюма, не нашлось места. Во всяком случае, не нашлось при дворе тогдашнего французского монарха, «короля-солнце», как именовали современники Людовика XIV, или в великосветских гостиных тех лет.

А что же письма? Те самые, которые обессмертили уже имя нашей героини. Смотрю на портрет маркизы работы Клода Лефевра, одного из ведущих художников-портретистов тех лет, запечатлевшего и королевских особ (того же Людовика XIV), и всю высшую французскую знать, в том числе и ближайшего родственника маркизы, графа Роже Бюсси-де-Рабутена, с которым мадам де Севинье состояла в переписке вплоть до самой смерти. Между прочим, граф позднее включил несколько писем своей родственницы в собственные мемуары. Итак, портрет. Ныне он хранится в музее Карнавале в Париже. А когда-то на месте музея был отель Карнавале, в котором постоянно останавливалась маркиза, наезжая в Париж. Вот так порой закольцовываются события в своем многовековом развитии.

Но вернемся к портрету. Жемчужно-серое платье, нитка крупного жемчуга, туго обвившая красивую полную шею, изящная поза в пол-оборота со слегка оттопыренными пальчиками простертой вперед правой руки, легкая улыбка, порхающая на чувственных румяных губках бантиком, отрешенный взгляд, обращенный куда-то вдаль. А в общем, ничего особенного. Не красавица, хотя, бесспорно, очень мила. И все же что-то цепляет, что-то заставляет вглядываться снова и снова в этот старинный портрет, что-то такое, что невольно вызывает в памяти строки Николая Заболоцкого. Помните?

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души заветные приметы
Переносить на полотно.
Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,

С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?
Ее глаза — как два обмана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два тумана,
Покрытых мглою неудач.
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.
Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.

Вот и с портретом маркизы та же история. Нет, все же есть какая-то волшебная магия в этих старинных портретах. Не отпускают они от себя, держат в плену собственного безмолвия, словно подначивая того, кто разглядывает изображенную на них модель: «А ты попробуй, разгадай тайну моей души, догадайся, о чем я сейчас думаю, мечтаю или грущу». Так, может быть, об этом?

«Что касается моей жизни, то вам она хорошо известна. Ведь проводишь ее с пятью-шестью друзьями, общество которых приятно, и при этом вынужденно выполняя тысячу других обязанностей, а это совсем непросто. Меня особенно злит то, что дел никаких особых нет, а дни проходят, мы стареем и умираем. Я считаю это несправедливым. Жизнь слишком коротка».

Итак, первая цитата из переписки мадам де Севинье (она, кстати, взята из письма графу де Бюсси, кузену маркизы, о котором уже упоминалось выше) снова возвращают нас к главному, к тому, что принято считать основополагающим вкладом маркизы в копилку мировой культуры — к ее письмам.

В некоторых критических опусах мадам де Севинье зачастую именуют родоначальницей эпистолярной литературы нового времени. Что лично мне, при всей моей любви к великой француженке, все же представляется некоторым преувеличением. Начнем с того, что в мировой литературе и до переписки маркизы имелось множество выдающихся образчиков эпистолярного стиля. Ведь до наших дней дошли нетленными письма таких гениев эпохи античности, как Эпикур, Цицерон, Сенека, Плиний Младший и прочие. Становление христианства тоже отмечено множеством писем, в том числе и такими шедеврами, как послания апостолов (Новый Завет), а также многих известных «отцов церкви», например, Святого Августина. Письма активно писались всегда, во все времена.

Другое дело, что почти всегда такая частная, на первый взгляд, переписка, уже изначально задумывалась как некая публицистическая манифестация, предполагающая самый широкий круг читателей. Порой переписка и вовсе приобретала весьма условный характер, то есть, автор письма обращался к некоему вымышленному персонажу или к номинальному адресату только затем, чтобы получить возможность выговориться, так сказать, публично по некоторым злободневным вопросам, будоражащим общественное мнение. Отсюда стилистическое своеобразие подобных посланий. Все они, несмотря на искусную имитацию приближения к разговорному языку, отличаются виртуозно отточенным стилем, обилием тропов, многочисленными аллюзиями и прочими литературными красотами. Некоторые авторы идут еще дальше. Например, прославленный римский поэт Гораций многие свои эпистолы писал стихотворным языком, так что его письма лишь с большой натяжкой можно отнести к эпистолярному жанру.

Иное дело наша героиня. Ведь маркиза никогда не помышляла о том, чтобы предать свою сугубо частную переписку гласности. Более того, на протяжении почти тридцати лет, пока длилась ее переписка с очень узким кругом адресатов (историки насчитывают таковых тринадцать человек), мадам де Севинье была абсолютно уверена в том, что все ее письма будут, согласно ее же последней воле, уничтожены после того, как она уйдет в мир иной. Кстати, родственники выполнили это условие усопшей: переписка маркизы с дочерью (с самой главной и самой важной в ее жизни корреспонденткой) была предана огню. Правда, перед актом сожжения письма аккуратно перекопировали, но все же сегодня мы не имеем возможности лицезреть оригиналы писем мадам де Севинье даже за стеклом музейных витрин.

Первое дошедшее до наших дней письмо маркизы датировано первым июня 1669 года, и оно, как уже нетрудно догадаться, адресовано именно дочери: юная девушка только что вышла замуж за графа де Гриньяна и отправилась вместе с мужем на новое местожительство, в далекий Прованс, где находился фамильный замок графа. Маркиза очень тяжело переживала разлуку с дочерью.

«Если обыскать весь двор и всю Францию, то выходит, дитя мое, что только я одна, имея столь безраздельно любимую дочь, должна быть лишена радости ее видеть и постоянно жить с ней. Такова — увы! — воля Провидения, которой я могу повиноваться лишь с бесконечной скорбью. Вот потому-то мы должны писать друг другу, ведь это единственное, что нам остается».

И действительно, многолетняя, не прерывающаяся ни на неделю (разве что за исключением тех месяцев, которые маркиза проводила в Провансе, гостя в родовом замке де Гриньянов) переписка с горячо обожаемой дочерью помогала мадам де Севинье скрашивать собственное одиночество, от которого не спасало даже присутствие рядом сына, отношения с которым были далеко не столь сердечными и близкими.

Что, впрочем, не мешало маркизе пристально следить за личной жизнью наследника. Между прочим, сохранилась любовная переписка Нинон де Ланкло, знаменитой парижской куртизанки, прославившейся не только своей необыкновенной красотой, но и острым умом, с молодым маркизом де Севинье, который влюбился в красавицу, когда той было уже пятьдесят шесть лет. И хотя, по словам современников, де Ланкло сохранила свою красоту вплоть до очень преклонных лет (это ей приписывают знаменитую фразу, обращенную к зеркалу: «Ты лжешь!», которую якобы выкрикнула куртизанка уже в возрасте далеко за семьдесят, когда увидела на своем лице первые следы увядания), маркизу де Севинье встревожил роман сына.

Нинон де Ланкло весьма иронично, хотя и в высшей степени уважительно по отношению к матери возлюбленного, прокомментировала страхи мадам де Севинье, попутно надавала любовнику целую кучу весьма полезных и практичных советов, разразившись на прощание просто блестящим афоризмом. А как же иначе? Без них в семнадцатом веке было — ну, никуда! Любила в те годы пишущая публика лаконично выражать свои мысли. *«Чем лучше вы будете знать женщин, тем менее они заставят вас страдать».* Вот вам и привет Александру Сергеевичу Пушкину с его знаменитым *«Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей».*

Однако вернемся к письмам самой маркизы. Ее последнее письмо от 20 декабря 1695 года тоже адресовано дочери. Так сказать, финальный аккорд трогательной истории о всепоглощающей материнской любви, навеки запечатленной на страницах более чем тысячи писем. Но с учетом интенсивности переписки (как сообщает сама мадам де Севинье в одном из своих писем, ее обычная норма — это три-четыре письма в неделю, а иногда и более) эта цифра совсем не выглядит такой уж неправдоподобно огромной.

«Мне всегда кажется, дочь моя, что я не смогла бы без вас жить... Я сгораю от желания увидеть вас, меня снедает грусть после года разлуки — все это, вместе взятое, кажется мне невыносимым. Каждое утро я провожу в том саду, который вам известен. Я ищу вас повсюду, и все те уголки, в которых я вас видела когда-то, доставляют мне страдания. Теперь вы понимаете, что любая мелочь, напоминающая мне о вас, тут же запечатлевается в моем бедном мозгу».

Дивный пассаж, не правда ли? И как говаривал когда-то лихой капитан Жеглов: *«А вот с этого места попрошу поподробнее».* Потому что мой выбор мадам де Севинье в качестве героини февральского очерка совсем даже не случаен и требует некоторого пояснения. Все дело в том, что я с ранней юности просто обожаю романы, написанные в эпистолярном жанре. Впрочем, как и эпистолярную литературу в целом. Когда-то «Персидские письма» Монтескье были моей настольной книгой. Я взахлеб читала «Письма русского путешественника» Николая Михайловича Карамзина и сатирическую переписку нашего великого баснописца Ивана Андреевича Крылова под названием «Почта духов». Разумеется, в этом списке на почетном месте значились и «Юлия, или Новая Элоиза» Руссо, и «Страдания молодого Вертера», и душещипательные романы Ричардсона, того самого, которым зачитывалась пушкинская Татьяна. Я штудировала «Письма к сыну» известного английского дипломата и политика Филиппа Честерфилда, сокрушаясь лишь о том, что назидательные сентенции почтенного лорда не пошли юному отпрыску впрок и сын его вырос самым настоящим вертопрахом, мотом и картежником. А еще я зачитывалась «Опасными связями» Шодерло де Лакло и вполне искренне горевала о том, что «Роман в письмах» Александра Сергеевича Пушкина так и остался незаконченным, дойдя до современного читателя лишь в виде отдельных фрагментов.

Но положа руку на сердце, скажу так. Лишь только после прочтения «Писем» мадам де Севинье я сумела в полной мере оценить тот вклад, который, вольно или невольно, внесла маркиза в мировую литературу своей перепиской. Воистину, вклад этот бесценен и по-своему уникален, потому что во многом определил дальнейшее развитие эпистолярного жанра, особенно в эпоху сентиментализма и последовавшего за ним романтизма.

А все предельно просто. Никаких особых усилий или секретов. Перефразируя знаменитого Дантона, скажем так: искренность, искренность и еще раз искренность. Ведь даже самые искусные лирические пассажи, самые изощренные рассуждения и милая светская болтовня, создающая эффект твоей собственной сопричастности к описываемым событиям, все эти мастерские литературные приемы, которыми в совершенстве владели перечисленные выше авторы, пошедшие по стопам мадам де Севинье, все это, как ни крути, всего лишь сознательная имитация, талантливый вымысел реальных человеческих документов. А читая переписку маркизы, мы соприкасаемся с подлинниками в полном смысле этого слова (и это даже вопреки тому, что, повторюсь, сами оригиналы подавляющего большинства писем мадам де Севинье были уничтожены согласно ее последней воле).

Задушевная сердечность, исповедальная интонациия, тихая грусть, незлобивый юмор, даже некоторая корявость стиля... По отзывам исследователей творчества мадам де Севинье, большинство своих писем она писала сразу же набело, обходясь безо всяких черновиков. Невиданное дело! Ведь вплоть до самого конца девятнадцатого века, да и много позже, черновики были обязательным атрибутом любого письма. Словом, полнейшая раскрепощенность в выражении своих мыслей и чувств. Нет, такое нельзя сымитировать! Всеми этими качествами можно лишь восхищаться (недаром среди самых восторженных почитателей маркизы был такой виртуоз слова, как Марсель Пруст). А еще им можно подражать, что и бросились

делать впоследствии многие и многие авторы. Кому-то это удалось в полной мере, кому-то — лишь отчасти, но в любом случае все они, знаменитые и менее знаменитые авторы бесчисленного множества эпистолярных романов, — только эпигоны, пусть и в хорошем смысле этого слова, следующие в кильватере того наследия, которое оставила всем нам мадам де Севинье.

Кстати, что такое «аромат живого, непридуманного письма», если так можно выразиться, написанного реальным человеком реальному адресату, я прочувствовала совсем недавно на собственном опыте. Мне передали на хранение (с тем, чтобы впоследствии распорядиться ценным документом по собственному усмотрению) оригинал письма, написанного юной девушкой в январе 1966 года. Со временем девушка стала крупным ученым-физиком, доктором наук, лауреатом всяких премий и прочее. Но не об этом сейчас речь. А речь о том, что когда я читала фантастически искренний многостраничный монолог, буквально льющийся под пером той, которой — увы! — уже давно нет на этом свете, когда сопереживала размышлениям молодой выпускницы БГУ о таких непростых коллизиях бытия, всегда непростых, особенно для человека с благородным сердцем, так вот, когда я проникалась настроениями давно ушедших событий и дней, то вдруг невольно вспомнила мадам де Севинье.

Да, такое не сочинишь просто так, подумала я, бережно укладывая прочитанное письмо в конверт, не смоделируешь искусственно, даже если ты гений из гениев. Подобные письма действительно пишутся всегда набело и всегда от чистого сердца. Вот такая своеобразная перекличка времен состоялась у меня некоторое время тому назад, и именно тогда я и решила, что обязательно напишу о мадам де Севинье, чтобы напомнить широкому кругу читателей о ее поистине бессмертном существовании.

«...Мое настроение в основе своей всегда зависит от погоды; потому, чтобы узнать, как я себя чувствую, вам не стоит вопрошать звезды. Но ваш солнечный Прованс обязательно нашепчет вам сплошные чудеса. Прекрасная погода для вас ничего не значит, вы к ней слишком привыкли. А мы у себя на Севере видим так мало солнца, и оно доставляет нам особую радость. Из таких сопоставлений можно извлечь немало ценных моральных суждений, но хватит болтать о дожде и о хорошей погоде».

Это цитата из еще одного письма, адресованного дочери. К сожалению, ответные письма мадам де Гриньян бесследно исчезли. Скорее всего, тоже были уничтожены.

В своих письмах к дочери мадам де Севинье постоянно возвращается к теме окружающей ее природы. По всему чувствуется, что роскошный Прованс с его несравненной небесной лазурью, обилием солнца и завораживающей яркостью южных красок, где маркиза не раз и не два гостила у дочери и зятя, чужд ей (*«Бретани с Провансом не сойтись никак»*). Неброские северные пейзажи вокруг замка Роше гораздо милее ее сердцу и дают гораздо больше пищи для ума.

«Наши леса всегда прекрасны: зелень их в сто раз красивее, чем в Ливри. Не знаю, зависит это от самих деревьев или от свежести дождей, но они несравненны. Сегодня все так же зелено, как в мае: опавшие листья, правда, уже мертвы, но те, что еще на деревьях, по-прежнему зелены. Вы никогда не видели подобной красоты!»

И далее:

«Имей мы побольше терпения, и навсегда избавились бы от тоски. Ведь природа не только нагоняет тоску, но и отгоняет ее прочь. Вы же хорошо помните, какие у нас здесь туманы. Настоящий туман — наступающий, отступающий, обволакивающий, отходящий, сгущающийся, рассеивающийся, приближающийся, удаляющийся и делающий все вокруг то прекрасным, то безобразным, то неузнаваемым».

Прекрасный пассаж! И сколько точных и емких определений. Чувствуется рука настоящего мастера стиля, не так ли? Недаром позднее все тот же Вольтер так охарактеризовал роль и значение мадам де Севинье для французской культуры: *«Мадам де Севинье, несомненно, занимает первое место в ряду всех авторов своего столетия по качеству эпистолярного стиля».*

Вот она, простая поэтика частной жизни, добавим мы уже от себя, во всех ее мелких подробностях, со всеми мелкими и крупными радостями повседневного существования. Причем запечатленная не просто глазами женщины, а представительницы высших слоев французской аристократии, внутренне не скованной обстоятельствами и условностями окружающего мира. Что, конечно же, сильно влияет на весь ракурс обозрения событий. Взять хотя бы вот этот фрагмент из одного из «версальских отчетов» дочери.

«Я поздоровалась с королем так, как вы меня учили. И он ответил на мое приветствие с такой любезностью, будто я молода и красива. А королева столь долго беседовала со мной о моей болезни, словно речь шла о родах».

Легкая ирония, проскальзывающая между строк, тем не менее, не скрывает главного: маркизу тронуло и участие королевы (мадам де Севинье последние годы своей жизни мучилась жесточайшей подагрой), и галантность короля ее не только позабавила, она была ей лестна. Впрочем, все современники Короля-Солнце в один голос утверждают, что более галантного кавалера, чем Людовик XIV, при французском дворе просто не было. Более того, перед простой камеристкой или горничной король расшаркивался с удвоенной и даже с утроенной учтивостью, всем своим видом демонстрируя прислуге, что в его монарших глазах все женщины равны. Вот уж воистину, вежливость королей — это не только точность, воскликнем мы, слегка перефразируя известное высказывание Короля-Солнце.

Итак, письма мадам де Севинье — это настоящий кладезь информации для тех, кто хочет с головой погрузиться в галантную атмосферу семнадцатого столетия. А потому неудивительно, что наследники все же решились нарушить волю усопшей и вынести этот своеобразный лирический дневник, каковым воспринимается переписка маркизы, когда читаешь ее целиком, на всеобщее обозрение, сделав письма маркизы достоянием читающей публики.

Стараниями госпожи де Симиан, внучки маркизы и дочери графини де Гриньян, первое издание «Писем» мадам де Севинье увидело свет в 1726 году и мгновенно стало, выражаясь современным языком, бестселлером тех лет. В 1754 году появилась новая, уже более расширенная, подборка (целых четыре тома), состоявшая из 772 писем, и публика снова пришла в восторг.

Сегодня литературоведы сходятся во мнении, что существует, по меньшей мере, 1120 писем, авторство которых точно принадлежит мадам де Севинье. Последние письма из опубликованных уже в наши дни были обнаружены в Дижоне в 1872 году. Вполне возможно, что в архивах все еще продолжают пылиться и другие, доселе неизвестные читателю, послания мадам де Севинье. А потому поиски продолжаются и сегодня.

Среди, повторюсь, немногочисленных адресатов маркизы есть личности поистине уникальные, и уж точно! — несколько весьма колоритных фигур своего времени, из числа тех, кого англичане обычно называют очень емким словом *acharacter*, то есть человек, ставший притчей во языцех. Например, Арно де Помпонн, исполнявший какое-то время обязанности министра иностранных дел при дворе Людовика XIV, или известный ученый-филолог Менаж (в прошлом один из наставников юной Мари), прославившийся не только своими научными трактатами, но и крайне неуживчивым характером. Резкий и насмешливый по натуре, Менаж уму-

дрился перессориться со всем современным ему научным сообществом, от академиков до придворных поэтов, что, однако, не помешало всеобщему возмутителю спокойствия состоять в самой близкой и сердечной дружбе с двумя, пожалуй, самыми выдающимися женщинами эпохи. Я имею в виду мадам де Севинье и мадам де Лафайет.

А вообще-то, когда читаешь письма мадам де Севинье, то в глазах рябит от обилия имен и событий, которые она торопится запечатлеть на бумаге, не забывая при этом дать и свою собственную оценку происходящему. И этот легкий, шутливый тон с оттенком самоиронии, он так пленяет своей неподдельной искренностью, будто слышишь живую человеческую речь.

«На этом месте прерываю свое письмо… Пойду пройдусь по городу, чтобы узнать, не пропустила ли я чего-нибудь такого, что могло бы вас развлечь».

Или вот еще один симпатичный пассаж:

«Прощайте! Чувствую, что меня охватывает желание поболтать, но не хочу ему предаваться. Повествование должно быть кратким».

Все без исключения письма маркизы — это красноречивое свидетельство ее блестящего ума и поистине потрясающей эрудиции. Стоит ли удивляться тому, что дружбы с ней домогались самые яркие личности из числа ее современников? На страницах писем то и дело мелькают имена Рабле, Монтеня, Паскаля, Корнеля, Расина, Ларошфуко и много-много других, не менее славных имен, уже из прошлого. Те же Тацит, Ариосто, Тассо.

Кто знает, быть может, именно вот эти вдохновенные строки великого итальянского поэта Торквато Тассо из его поэмы «Освобожденный Иерусалим»

…Порой лишь за день успевает
Цвет нашей бурной жизни облететь.
И как в году двух не бывает маев,
Так ей вторично не зазеленеть.
Итак, любить должны мы,
Пока еще мы можем быть любимы…

побудили маркизу погрузиться в пространные размышления о смысле жизни и о превратностях человеческих переживаний и чувств, которые закончились совершенно потрясающей сентенцией с отсылкой к Паскалю.

«Ах, как же прав господин Паскаль, утверждавший, что все наши беды происходят оттого, что человек не умеет всегда оставаться в собственной комнате».

Право же, порой мне кажется, что в этих строках прослеживается явная аллюзия на некоторые печальные обстоятельства биографии самого Тассо, связанные с его длительным пребыванием в замкнутых пространствах лечебниц для душевнобольных.

Много-много лет спустя эту же мысль Паскаля, правда, в несколько иной интерпретации, я встретила, работая над переводом дневников Жоржа Сименона. Знаменитый писатель, создавший образ легендарного комиссара Мегрэ, на тот момент владелец роскошной виллы на берегу швейцарского озера, вдруг в порыве откровенности признается, что всю свою жизнь мечтал об уюте простого деревенского дома (скорее даже избы), в котором есть всего лишь одно жилое помещение (одна большая комната), что не мешает всем обитателям такого дома чувствовать себя вполне свободно и комфортно. Пожалуй, очень своевременная информация для размышления тем, кто нынче хочет удивить мир огромностью своих владений во всем.

Разумеется, дружеское общение с герцогом Ларошфуко тоже не прошло для маркизы бесследно. В своих письмах она не раз и не два вспоминает

герцога, цитирует его знаменитые афоризмы, даже оспаривает некоторые положения его теорий, но главное — ее собственные послания тоже полны остроумных и точных сентенций, ничуть не уступающих по своей отточенности и емкости знаменитым максимам самого Ларошфуко. Более того, мадам де Севинье на вполне законных основаниях разделила славу тройки великих французских афористов — Монтеня, Паскаля и Ларошфуко, став, как и положено даме, первой из первых.

Помнится, когда я впервые читала письма маркизы, то была искренне поражена тому, что, как оказалось, автором известного афоризма «Чем больше я познаю людей, тем больше люблю собак» является отнюдь не прославленный мастер каламбуров Бернард Шоу, в чем я была абсолютно уверена, и даже не Генрих Гейне, как утверждают иные, а именно утонченная французская аристократка, оставившая на память потомкам массу очень тонких и метких острот. Впрочем, абсолютно прав прославленный римский комедиограф Публий Теренций: *«Нет ничего сказанного, что было бы сказано впервые».*

И все же, как вам, дорогой читатель, вот такие, к примеру, мысли мадам де Севинье?

«Неверность могут простить, но не забыть».

Кстати, почти полная перекличка с фразой, которую приписывают Людовику XIII, отличавшемуся, по словам тех, кто его близко знал, просто потрясающей злопамятностью: «Простить — не значит забыть».

Или вот еще прелестное в своей ироничности высказывание.

«Мы всегда готовы стоически переносить несчастья ближнего».

Или вот эта замечательная мысль, быть может, немного корявая, с точки зрения перевода, но удивительно глубокая по своей сути.

«Долгие надежды ослабляют радость подобно тому, как длительная болезнь притупляет боль».

Или еще одно, очень точное наблюдение.

«Наслаждения и радости, которые достаются нам легко и во множестве, уже не воспринимаются нами как наслаждения и радости».

Действительно так! Когда всего много и чересчур, то неизбежно наступает пресыщение. Бойтесь пресытиться удовольствиями, словно говорит всем нам мадам де Севинье. И как своевременно звучит сегодня это предупреждение французской аристократки, сделанное почти три с половиной века тому назад. Ну, французская аристократия, она-то как никакая другая знала толк в наслаждениях и пресытилась радостями жизни сполна. Правда, и заплатила за безудержный гедонизм тоже сполна, умывшись своей голубой (и ведь действительно, самой голубой в тогдашней Европе) кровью на гильотине, которая почти подчистую срезала этот тонкий слой французского общества, будто его и не было вовсе. Хорошее напоминание всем тем, кто и сегодня продолжает непрестанно пропагандировать наслаждение как самый важный и главный жизненный ориентир, не правда ли?

Или вот шутливый перл.

«Я заметила, что человеку крайне редко хватает учтивости умереть именно тогда, когда все этого ждут от него».

Не откажу себе в удовольствии процитировать и чисто гендерный пассаж:

«Самое страшное — это мужчина, днями напролет демонстрирующий свой ум».

Но эта насмешливая реплика отнюдь не помешала маркизе отдать дань справедливости сильному полу в одном из писем: *«Мужчин я все-таки ценю больше, чем женщин».*

Что же до описываемых событий, то большинство из них уже давно превратились в полузабытые исторические факты, представляющие инте-

рес разве что для узких специалистов, занимающихся историей Франции. Так, к примеру, маркиза многократно и пространно возвращается в своих письмах к перипетиям судебного процесса над Николя Фуке, бывшим суперинтендантом финансов, которого заключили по приказу короля в Бастилию, вменив зарвавшемуся госчиновнику многочисленные растраты и прочее. Ну, это как водится. Знакомая песенка, не правда ли?

Борьба с коррупцией — это, судя по всему, такой же вечный сюжет, как и любовь. Актуальный, так сказать, во все времена и эпохи. Разумеется, мадам де Севинье воспринимает и сам процесс, и предварительные результаты следствия, которое продлилось ни много ни мало целых три года, с горячей заинтересованностью человека, активно вовлеченного в придворную жизнь и имеющего свои четкие представления обо всех персонах, которые оказались причастными к ходу судебного разбирательства. Ее явные симпатии на стороне Фуке и явная неприязнь по отношению к его главному политическому противнику, всесильному Кольберу. Чего стоит хотя бы вот это эмоциональное восклицание!

«Все, что происходит, — противозаконно и свидетельствует о большой озлобленности против несчастного страдальца. Признаться, спокойствие оставило меня».

Но нам, сегодняшним читателям «Писем», в своем большинстве страшно далеким от досконального знания всех хитросплетений придворной жизни французских королей, все эти политические страсти и баталии не представляются такими уж судьбоносными с точки зрения глобальной истории.

Лично меня, пожалуй, зацепила за живое лишь одна мелкая подробность. Оказывается, арест Фуке в Нанте осуществил некий лейтенант королевских мушкетеров по имени д'Артаньян, и он же лично этапировал арестованного в Бастилию. Значит, великий фантазер Дюма все же опирался и на кое-какие реальные факты, когда писал свои прославленные романы про мушкетеров.

«Я была в маске и видела его (Фуке) *издали. Господин д'Артаньян был возле него; пятьдесят мушкетеров — сзади, в тридцати или сорока шагах. Он выглядел довольно рассеянным. Когда я заметила его, у меня подкосились ноги, и сердце забилось так сильно, что я едва не лишилась чувств. Он приблизился к нам и приготовился нырнуть в свою дыру, но господин д'Артаньян тронул его за плечо и указал на нас. Он кивнул нам с той милой улыбкой, которая вам хорошо известна».*

В этом же ряду находится и история, связанная с самоубийством известного, можно сказать, даже выдающегося французского кулинара Франсуа Вателя. Кстати, в начале 2000-х на экраны вышел французский кинофильм «Ватель» с Жераром Депардье в главной роли, роскошная костюмированная мелодрама, во всех подробностях рассказывающая о метрдотеле принца Конде. Правды ради стоит сказать, что слащаво-слезливая версия французских кинематографистов вольно или невольно вступает в противоречие с тем, как эти события описаны маркизой. Ватель, имя которого в наши дни стало символом бескорыстной преданности кулинарному искусству, как известно, решился на самоубийство, снедаемый страхом и отчаянием из-за того, что к пятничному «рыбному» столу ему не удастся приготовить свежую рыбу (на море разразился шторм, и поставщики задерживались со своим грузом), а ведь на тот момент в замке принца гостил сам король.

Но маркиза повествует об этих драматичных событиях с некоторой светской рассеянностью, почти полушутливо. Ведь по иронии судьбы сразу же после самоубийства несчастного Вателя в замок прибыло сразу несколько обозов со свежей рыбой, и уже преемнику великого повара пришлось

потчевать короля и всех остальных именитых гостей роскошным ужином, который, по словам маркизы, удался на славу. Вот такая вот житейская коллизия, увиденная и глазами современников, и несколько столетий спустя, изрядно приукрашенная всякими побочными любовными терзаниями.

Пожалуй, пора ставить точку, отсылая читателя уже непосредственно к самим письмам маркизы де Севинье. Страстная любовь к дочери, которую маркиза пронесла через всю свою жизнь, в какой-то степени предопределила и финал этой незаурядной жизни. Маркиза скончалась 17 апреля 1696 года в замке своей дочери мадам де Гриньян и была похоронена в местном храме. Спустя почти сто лет, во время Великой французской революции, могила была вскрыта и осквернена, а останки уничтожены. Вполне в духе того смутного времени. К слову говоря, так же варварски обошлись парижане с останками одного из самых ярких почитателей творчества мадам де Севинье. Я имею в виду Вольтера, можно сказать, яростного и знаменитого предтечи французской революции. Но это — так, в напоминание тем, кто любит нынче порассуждать о всех дикостях и мерзостях уже Великой Октябрьской революции в России 1917 года. Революции, они везде и всюду одинаковы, дорогие мои! Кровь, смерть и разрушения… А потому надо просто беспристрастным оком исследователя изучать прошлое и докапываться до причин, которые приводят время от времени к подобным кровавым катаклизмам.

И последнее. Быть может, кому-то из читателей покажется чрезмерно душещипательным основной посыл, воодушевлявший маркизу на беспрерывное эпистолярное творчество. Уж слишком экзальтированной, с точки зрения прагматики XXI века, представляется столь пылкая и всепоглощающая любовь матери к дочери, особенно в наши дни, когда отношения между родителями и детьми складываются далеко не так идиллически, как это следует из писем мадам де Севинье. Однако смею уверить читающую публику, что и времена, и нравы не меняются настолько кардинально, чтобы при желании невозможно было найти пару-тройку примеров, вполне сопоставимых с тем проявлением нежных чувств, которые некогда питали друг к другу маркиза и ее дочь.

Вот и у меня, к примеру, в длинном списке хороших знакомых и друзей есть вполне подходящая кандидатура для сравнения. Елена Анатольевна Красулина, многие годы проработавшая в бывшей Ленинке. Эта женщина даже некоторыми подробностями своей биографии во многом схожа с маркизой. Судите сами! Тоже осталась вдовой в совсем еще молодом возрасте, с двумя маленькими детьми на руках, и тоже сын и дочь. Поднимала их одна, учила, растила, ставила на ноги и выправляла во взрослую жизнь. В положенный срок дочь вышла замуж и уехала вместе с мужем на ПМЖ в Америку. Уже более пятнадцати лет ненаглядная Аня, которую моя Елена Анатольевна обожает больше всего и всех на свете, живет в Нью-Йорке. И вот что поразительно! Вопреки всем интернетам, скайпам, факсам и прочим прогрессивным штуковинам, которые ныне принято именовать маловразумительным словом «гаджет», мать и дочь продолжают и по сей день обмениваться именно архаичными посланиями-письмами, написанными от руки и пересылаемыми обычной почтой в обычных конвертах с марками. Хотя, разумеется, поддерживают постоянную связь и по скайпу, и по телефону. Более того, моя Лена бережно хранит все письма своей дорогой Анечки и время от времени с наслаждением перечитывает их. Говорит, они сообщают ее уму и сердцу много более, чем все культурно-познавательные передачи про Америку. Кто знает, быть может, когда-нибудь сокровищница мировой культуры пополнится еще одной коллекцией частной переписки. А почему бы и нет? Ведь, как справедливо заметил поэт, *«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется…»*.

Мадам де Лафайет
18 марта 1634 года — 25 мая 1693 года

…В конце концов, красота не вечна, не в пример похвалам в ее адрес.
(Из письма мадам де Лафайет Менажу от 15 ноября 1657 года)

Наверное, само Провидение, как пишут во всяких душещипательных любовных романах, поспособствовало тому, чтобы расположить имена этих двух блистательных представительниц французской словесности рядом. Я имею в виду мадам де Севинье и мадам де Лафайет. Воистину, первые среди равных.

Впрочем, быть может, кто-то из читателей и не согласится с таким умозаключением. Почему именно эти двое должны быть первыми? — воскликнут они со знанием дела. Мало ли во французской литературе достойных женских имен, составляющих ее славу и гордость? Взять хотя бы ту же Маргариту Наваррскую, знаменитую королеву Наварры из династии Валуа, с ее бессмертным «Гептамероном». Прожив всего ничего (1527—1549) — каких-то двадцать два года! — эта прекрасная королева оставила поистине неизгладимый след в мировой культуре. А если к месту вспомнить, что на седьмой день повествования герои «Гептамерона» рассуждают на тему *«о тех, кто поступил так, как ему (или ей) не следовало поступать»*, то можно с полной уверенностью утверждать, что венценосная представительница слабого пола на целых двести с лишним лет опередила в постановке проблематики прославленного философа Жан Жака Руссо с его достаточно занудливыми нравоучительными романами, особенно если смотреть на них глазами современного читателя. Который, как известно, на дух не переносит напыщенности слога и откровенной назидательности в рассуждениях. Между тем как новеллы «Гептамерона» до сих пор читаются легко, что говорится, на одном дыхании, не вызывая никакого отторжения в наших сердцах и умах.

Но продолжим медитации по теме. А Мадлен де Скюдери, которую современники именовали не иначе, как «наша Сафо»? Слава Мадлен де Скюдери была столь велика, что «король-солнце» Людовик XIV еще при жизни писательницы в 1695 году (а она умерла в 1701 году) повелел выбить медаль с ее изображением. Согласитесь, не так-то много авторов в мировой литературе могут похвастаться таким поистине триумфальным прижизненным признанием.

Или возьмем экстравагантнейшую из экстравагантных мадам де Сталь. Разве эта умнейшая женщина (и многодетная мать, к тому же!), острого язычка которой побаивался сам Наполеон, не составила славу французской, да и всей мировой, многовековой литературы? А кумир всех, без преувеличения сказать, советских женщин семидесятых годов прошлого века? Я имею в виду Франсуазу Саган с ее, в общем-то, незатейливыми повестями и романами, будившими в наших душах смутную тоску по чему-то неуловимому, недосягаемому, необъяснимому, чего в нашей жизни никогда не было. Да и вряд ли будет когда-нибудь. Потому как Франция! Потому что, опять же, Париж! Который в те годы воспринимался всеми нами почти как Эдем, куда попадают лишь самые редкие из редких счастливчики. Словом, здравствуй грусть!

Я уже не говорю о великой Жорж Санд. Как-то даже неловко начинать убеждать читателя в величии той, кто не нуждается ни в каких дополнительных восхвалениях. Кстати, замечу попутно, что именно благодаря несравненной Жорж Санд я где-то в возрасте тринадцати лет и приплыла к мадам де Лафайет. Тогда, в далеком (страшно подумать!) 1960 году все

девчонки нашего класса запоем читали «Консуэло», передавая изрядно потрепанный двухтомник буквально из рук в руки. Помнится, самой большой нашей трагедией тех лет стала информация о том, что продолжение романа под названием «Графиня Рудольштадт» еще не переведено на русский язык. Вот то было горе и беда одновременно! Горе — знать, что где-то на белом свете есть книга, в которой описано во всех подробностях, чем заканчиваются все жизненные перипетии героев романа Жорж Санд, и не иметь возможности прочитать ее. Меня поймут лишь те книгочеи, кому довелось пережить сходные страдания в детстве или в отрочестве. Спустя много-много лет, где-то уже на излете семидесятых, одна из моих бывших одноклассниц, ставшая счастливой обладательницей только что увидевшего свет многотомного собрания сочинений Жорж Санд (такие нарядные темно-лиловые томики, обильно украшенные позолотой), не без гордости сообщила мне, что в собрании присутствует и предмет наших былых воздыханий — роман «Графиня Рудольштадт».

— Если хочешь, могу дать почитать! — любезно предложила она мне.

Но я твердо, хотя и вежливо, отказалась. Ибо, разменяв четвертый десяток, начинаешь понимать, что в жизни есть вещи и поважнее, чем детские переживания о судьбах любимых книжных героев, которые — увы и ах! — уже давно не будоражат душу. Своих собственных переживаний с лихвой хватает. Вот уж действительно, каждой книге, как тому овощу, свое время! Впрочем, есть ведь и книги на все времена. Их немного, но они есть!

Вот одну из таких книг я и «надыбала», выражаясь молодежным сленгом, когда отправилась в очередной раз в свою любимую библиотеку тех лет, библиотеку имени Л. Н. Толстого, что на улице Московской. Кстати, библиотека №1, и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Уныло переходя от одного стеллажа к другому (Боже! Какие же богатства стояли на полках тех лет! Причем, в открытом доступе для читателей. Достаточно вспомнить трехтомник «Воспоминаний» С. Ю. Витте или четырехтомник «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари), я равнодушно скользила глазами по корешкам книг. Потому как «Графини Рудольштадт» среди них нет (я это точно знала!), а что до всего остального…

И вдруг взор мой сам собой уперся в аккуратный томик изысканного терракотового цвета, стоявший на полке среди других книг худлита. Совсем еще новенький! Что и неудивительно. Ведь книга увидела свет всего лишь годом ранее, в 1959 году. Я сняла томик с полки и прочитала на обложке название, написанное крупными черными буквами: «Принцесса Клевская». Возьму! Тут же решила я. Коль скоро нет графини, так почитаю хотя бы про принцессу. Скорее всего, именно такими соображениями руководствовалась тринадцатилетняя девочка, ничего не знавшая на тот момент ни о самом романе, ни о его авторе. Некая мадам де Лафайет, глянула я на имя писателя и смутно припомнила, что на уроках истории нам что-то там рассказывали про какого-то графа де Лафайета, отправившегося вроде как воевать за независимость Соединенных Штатов. Но ведь слово «мадам» однозначно свидетельствует, что роман написан женщиной! Словом, интрига налицо. Надо разбираться! Вот так в мою жизнь вошла несравненная мадам де Лафайет. Вошла, чтобы остаться в ней навсегда.

Итак, госпожа де Лафайет, как принято говорить по-русски. Или если уж совсем точно, то графиня Мари-Мадлен де Лафайет. Кстати, ближайшая подруга и почти родственница своей более старшей современницы (восемь лет разницы!), маркизы де Севинье. Биографии у обеих во многом схожи, хотя хватает и различий.

Начнем с того, что, в отличие от маркизы, мадам де Лафайет (урожденная де Лавернь) не принадлежала к знатному роду. Ее отец носил всего

лишь титул конюшенного, самый мелкий из дворянских чинов при королевском дворе. Мать, родом из провансальской семьи, тоже не могла похвастаться особой знатностью. Зато с крестными крошке Мари-Мадлен очень повезло. Вот здесь уже можно с полным основанием говорить об истинной голубой крови. Крестный отец, маркиз де Брезе — ближайший родственник самого кардинала Ришелье. Крестная мать — тоже родственница могущественного кардинала, его любимая племянница герцогиня д'Эгийон. Стоит ли удивляться, что при таких блестящих связях юная Мари-Мадлен уже с восемнадцати лет стала появляться в самом знаменитом литературном салоне тех лет в доме мадам Рамбуйе? И очень скоро стала не только желанной гостьей маркизы, но и бесспорной звездой ее салона.

Детство и юность будущей писательницы прошли в тогдашнем предместье Парижа, в квартале Сен-Жермен, неподалеку от Люксембургского сада, где мадам де Лафайет, большая домоседка по образу жизни, до конца своей жизни любила совершать ежедневные прогулки, невзирая на погоду. А вот и еще один, достойный некоторой зависти, факт биографии знаменитой писательницы. В квартале парижского предместья Сен-Жермен Мари-Мадлен родилась и в этом же квартале она и закончила свои дни. Ее крестины и похороны прошли в одном и том же готическом храме Сен-Сюльпис неподалеку от монастыря бенедиктинок.

Отец будущей знаменитости умер, когда Мари-Мадлен исполнилось всего лишь пятнадцать лет. А через год мать вторично вышла замуж за шевалье Рене-Рено де Севинье, родственника маркизы де Севинье. И хотя юная Мари-Мадлен встретила повторное замужество матери без особого восторга, именно благодаря этому союзу и состоялось знакомство двух великих француженок, очень скоро переросшее в самую пылкую и нежную дружбу, продлившуюся вплоть до самой смерти мадам де Лафайет. А познакомились обе женщины в 1652 году. Согласитесь, почти сорок лет дружбы — это что-то да значит! Маркиза де Севинье, на момент знакомства уже вдова, с самой первой встречи очаровала Мари-Мадлен своей красотой и обаянием. Ни разница в возрасте, весьма значительная по тем времена, ни различия в семейном положении и степени знатности не помешали их стремительному сближению. И даже несходство темпераментов двух подруг не стало препоной в их многолетней дружбе. Жизнерадостная, сильная духом и большая оптимистка по натуре, маркиза де Севинье как нельзя лучше дополняла меланхоличную, физически хрупкую и склонную к самоедству Мари-Мадлен. Недаром близкие друзья девушки в шутку именовали ее «Туманом» (le Brouillard). Впрочем, это не мешало современникам в один голос отмечать несомненную авторитарность характера последней. Вот и в дружеском тандеме Севинье—Лафайет тон задавала и даже, до известной степени, диктовала именно младшенькая из двух.

Впрочем, мадам де Лафайет умела быть благодарной. И совсем даже неслучайно первой пробой пера будущей прославленной романистки стал именно словесный портрет маркизы де Севинье, совсем небольшой по объему, но написанный от самого чистого сердца. Он был опубликован в 1659 году в коллективном сборнике под названием «Различные портреты» за подписью «Неизвестный».

Вы только вчитайтесь в эти вдохновенные строки! А заодно и вспомните, что это пишет женщина о женщине.

«...Вы восхитительно сложены, а цвет вашего лица настолько хорош и свеж, что дать вам более двадцати лет просто невозможно. Природа наделила вас дивными губами, зубами и волосами. Я вовсе не собираюсь говорить вам обо всем этом, ведь в вашем распоряжении имеется зеркало. Но поскольку вам не нравится вести с ним беседы, оно не в состоянии сказать вам, какой любезной и очаровательной вы становитесь, когда начинаете говорить».

И далее.

«Ваше присутствие умножает веселье, а веселье, окружая вас, умножает вашу красоту. Радость — вот подлинное состояние вашей души, печаль же противна вам, как никому другому на свете».

«А ваше сердце, сударыня, несомненно, бесценное сокровище. Никогда ранее не существовало столь благородного, столь прекрасного и столь верного сердца».

Согласитесь, немногие из женщин способны на подобную щедрость оценок при описании своих подруг.

Однако менее всего мне хочется, чтобы очерк, посвященный мадам де Лафайет, смахивал на скучное изложение фактов ее биографии. В конце концов, сегодня любой, при желании, может отыскать биографические подробности жизни писательницы в интернете. А потому из жизненно важных фактов упомяну еще лишь несколько.

В 1655 году Мари-Мадлен выходит замуж за графа де Лафайета. По отзывам современников, особой любви между супругами не было, что и неудивительно: муж, на тот момент уже вдовец, был старше своей жены на целых восемнадцать лет. Зато были взаимная привязанность и уважение, и этого оказалось вполне достаточно для спокойной семейной жизни. После свадьбы молодожены переехали в родовой замок графа в Оверни, но молодая графиня, парижанка по рождению и, как сегодня любят говорить, по своему менталитету, конечно же, не была создана для жизни в провинции. И уже в 1657 году, несмотря на беременность и ухудшающееся состояние здоровья (с двадцати трех лет графиня мучилась жесточайшими приступами подагры), мадам де Лафайет снова возвращается в Париж и с головой уходит в светскую и литературную жизнь, бурлившую в аристократических салонах тех лет. Чему не помешало почти одновременное рождение двух сыновей (старший сын Луи родился в 1658 году, а годом позже на свет появился младший сын Арман). Итак, семейная жизнь состоялась в полном объеме, и теперь можно было со спокойной совестью заняться и другими вещами. Ведь на свете столько всего интересного!

И приятные события в жизни молодой графини не заставили себя долго ждать. Уже в 1660 году мадам де Лафайет была принята при дворе. Произошло это, в первую очередь, благодаря стараниям Генриетты Английской, дочери казненного английского короля Карла I, недавно ставшей женой младшего брата французского короля. Дофина пылко покровительствовала графине де Лафайет и сделала все возможное, чтобы познакомить короля со своей фавориткой. Перед Мари-Мадлен распахнулся совершенно новый для нее мир под названием Версаль. Вот уже где можно было при желании почерпнуть бездну самой разнообразной информации и о временах, и о нравах, царивших в самых верхах французского общества. Не говоря уже о полезных связях, нужных знакомствах и прочее. Словом, обо всем том, что и непосредственно, и опосредствованно работало на упрочение семейного благополучия графской четы. Ведь если раньше жизненный опыт Мари-Мадлен ограничивался, главным образом, общением с завсегдатаями парижских литературных салонов, а важные знакомства не простирались далее необременительной болтовни в великосветских гостиных, то теперь сам Людовик XIV демонстрировал ей свое расположение и самолично, в коляске, показывал ей сады Версаля. К тому же, Версаль в те годы был действительно самым приятным местом на земле. Ведь все обитатели версальских дворцов были еще так молоды (королю — двадцать четыре года, его брату — двадцать два), так жизнерадостны, так полны энтузиазма и самых благих порывов. На фоне всей этой молодежи двадцатисемилетняя мадам де Лафайет выгля-

дела умудренной жизнью матроной, готовой, по своему обыкновению, с грустной меланхолией наблюдать за тем безудержным весельем, которое царило при тогдашнем французском дворе.

Впрочем, интенсивная светская жизнь не помешала графине очень скоро снискать себе репутацию одного из самых светлых умов своего времени. В Париже графиня слыла законодательницей литературных вкусов и покровительницей изящной словесности. В ее доме постоянно бывали Расин, Буало, Лафонтен, Менаж. Сам Корнель читал на одном из вечеров у графини свою новую пьесу «Пульхерия». А Мольер познакомил собравшихся со своей комедией «Ученые женщины». Впрочем, читка пьесы едва не закончилась конфузом. Гости графини встретили комедию весьма прохладно, если не сказать враждебно. Ведь в ней Мольер недвусмысленно высмеивал как раз круг тех самых интеллектуалок, которые были вхожи в дом мадам де Лафайет. К тому же, в одном из героев комедии современники безо всякого труда узнали одного из ближайших друзей графини, профессора Менажа.

Намеренно опускаю многочисленные сплетни о романтических отношениях, якобы связующих графиню с завзятым сердцеедом былых времен герцогом де Ларошфуко. Во-первых, даже если это и так, то следует помнить, что французская аристократка тех лет, не имеющая при себе любовника, это почти что нонсенс, выражаясь современным языком. А во-вторых, на момент знакомства с графиней герцогу уже стукнуло сорок пять лет, и для него многочисленные любовные похождения, скорее всего, остались в прошлом. Герцог стремительно терял зрение, к тому же, страдал ярко выраженной неврастенией. До любовных ли тут было утех? Да и сама мадам де Лафайет, несмотря на разгуливающие по Парижу фривольные куплеты, высмеивающие некую «госпожу недотрогу» и герцога, с негодованием отвергала всяческую возможность любовной связи между ними и неоднократно повторяла, что ее дружба с Ларошфуко носит исключительно платонический характер. Что не помешало ей чрезвычайно болезненно воспринять его кончину в 1680 году. Как заметила в одном из своих писем маркиза де Севинье, *«все утешатся, но только не она»*. Как бы то ни было, а дружба, глубокая и обоюдная, была. Недаром при жизни мадам де Лафайет (опять же!) ходили упорные слухи (и будущие историки французской литературы не взялись их опровергать), что графиня лично участвовала в редактировании знаменитых «Максим» герцога де Ларошфуко.

Разумеется, постоянное многолетнее общение мадам де Лафайет с самыми выдающимися деятелями французской культуры своего времени не могло пройти бесследно. Яркая, одаренная от природы острым и наблюдательным умом, прекрасно образованная и одновременно натура тонкая, чувствительная, склонная к некоторой меланхолии и сентиментальным переживаниям, графиня была просто обречена стать писательницей. Ею она и стала, составив со временем славу и гордость французской литературы и заняв достойное место в мировом литературном пантеоне.

В 2007 году в издательстве «Наука» (Москва), в знаменитой серии «Литературные памятники», вышел увесистый том «Сочинений» Мари-Мадлен де Лафайет, включающий практически все основные произведения писательницы. Кстати, их не так уж и много! Не стану перечислять или, тем более, давать им свои оценки. Любой читатель при желании может проделать это и самостоятельно. Как и положено в «Литературных памятниках», издание сопровождается обширным справочно-информационным разделом: развернутые комментарии к текстам выдержаны в самой строгой и безупречно академической манере. При вдумчивом чтении этих

комментариев можно получить бездну самой интересной и занимательной информации, которую не перекроют и десятки очерков, посвященных непосредственно самой мадам де Лафайет. А потому я наконец-то перехожу непосредственно к тому произведению, которое обессмертило имя автора, — к роману, так потрясшему в годы оны воображение тринадцатилетней девочки, мало что смыслящей в жанровых особенностях прочитанной книги.

Конечно же, я имею в виду ту самую «Принцессу Клевскую», которую, повторюсь, впервые я прочитала в 1960 году, а повторно перечитала лишь в 2008 году, когда купила означенный выше том «Литературных памятников».

Перечитала и снова впечатлилась! И восхитилась, как и более полувека тому назад. Так в чем же неувядаемая магия этой поистине вечной книги о любви? Наверное, в исповедальной прозрачности стиля, в той глубокой задушевности и сердечности описываемых переживаний, которые сделались понятными и совсем неискушенной девочке-подростку, вознамерившейся прочитать всего лишь какую-то книжку в стиле авантюрных романов Александра Дюма. Вот я открываю наугад страницу «Принцессы Клевской» и читаю:

«...Искренность для меня так важна, что я думаю, если моя возлюбленная или даже моя жена мне признается, что ей нравится кто-то другой, я огорчусь, но не рассержусь. Я откажусь от роли любовника или мужа, чтобы стать ей советчиком и утешителем».

И это говорит муж главной героини! Совершенно невероятное признание, не так ли?

Однако прежде чем начать разбираться с чувствами, несколько слов об истории самого романа. Итак, роман «Принцесса Клевская» вышел в свет анонимно в марте 1678 года. Под именем госпожи де Лафайет он был напечатан лишь спустя сто с лишним лет — в 1780 году. Много позже Анатоль Франс так объяснил сей необычный феномен. Времена к моменту выхода в свет романа в очередной раз изменились, а вместе с ними поменялись и нравы при французском дворе. Они стали гораздо строже и даже аскетичнее. Блистательные дамы, хозяйки литературных салонов и законодательницы литературных вкусов, такие, каковой в прошлом была маркиза де Рамбуйе, уже более не вызывали всеобщего восхищения. Напротив! Они стали объектом порицания и даже насмешек. В сложившихся условиях графиня решила не рисковать добрым именем своего мужа.

Нельзя сказать, что публика и критика встретили роман восторженными отзывами и похвалами. Отнюдь! Несмотря на то, что роман ходил в списках по парижским гостиным еще до его выхода в свет, несмотря на то, что многие, если не все, догадывались об истинном авторстве романа, реакция на саму публикацию оказалась весьма неоднозначной и довольно сдержанной. Ведь все в этом романе уже изначально противоречило устоявшимся традициям и канонам, в том числе и литературным. Да, в основе сюжета лежали подлинные исторические факты, но их интерпретация была весьма и весьма свободной.

Автора тут же поспешили упрекнуть в искажении и чересчур вольном толковании многих исторических событий, связанных с правлением короля Генриха II, когда разворачивается действие романа. Ведь наряду с реальными историческими персонажами, такими, как Екатерина Медичи, герцог де Гиз, Мария Стюарт, в романе полно и вымышленных героев. Каковой является и главная героиня мадемуазель де Шартр, будущая принцесса Клевская. Которой, как выразился один из критиков, «на свете никогда не существовало». Равно как и ее матери, госпожи де Шартр.

Что же до самого принца Клевского, то по словам все тех же критиков, он никогда не был женат. А на момент описываемых в романе событий реальному Жану Клевскому было всего лишь четырнадцать лет. Словом, ни читатель, ни критика не были готовы к такому своеобразному беллетристическому миксу правды и вымысла, которые обрушила на их головы мадам де Лафайет. Приговор был неумолим. Дескать, если берешься за исторический роман, то изволь писать правду, только правду и ничего, кроме правды! И невдомек было всем порицателям и хулителям «Принцессы Клевской», что роман ведь совсем даже не об истории. Он о чувствах, о тех вечных переживаниях и сердечных муках, которые остаются неизменными, независимо от того, облачена главная героиня в кринолин или щеголяет в потертых джинсах.

И недаром много-много лет спустя сам великий Стендаль в своем эссе «Вальтер Скотт и “Принцесса Клевская”» утверждал, что не такая уж это и большая заслуга — написать правдивый исторический роман. По его словам, гораздо важнее и гораздо труднее описать движения человеческого сердца, чем костюмы или обстановку той или иной эпохи. И с этой своей задачей мадам де Лафайет справилась, по мнению Стендаля, просто блистательно.

Впрочем, и по части чувств, критики нашли к чему придраться. Взять хотя бы совершенно немыслимые, с точки зрения романистов семнадцатого века, сюжетные повороты романа. Ведь там, где хорошему писателю полагалось ставить жирную точку под названием «хеппи-энд», в «Принцессе Клевской» все только начинается! Невероятно, но факт: все отношения между главными героями романа начинают складываться и развиваться уже после вступления героини в брак. Любовные переживания замужней женщины! *Sic!* — воскликнули бы древние, что вполне соответствует современному «Вау!».

Да и традиционный «любовный треугольник» тоже не совсем традиционен, с точки зрения нравов легкомысленно-куртуазного века «короля-солнца». Подумайте только! Муж великодушно готов уступить свои права на сердце жены возлюбленному, довольствуясь скромной ролью «советчика и утешителя» при ней. Возлюбленный, герцог Жак Немур, двоюродный брат короля Франциска I, снедаем нетипичными для любовников той эпохи нравственными муками и угрызениями совести, а сама героиня, раздираемая страстью к возлюбленному и супружеским долгом, делает свой непростой выбор именно в пользу долга, в духе пушкинской Татьяны, опередив оную почти на два века. *«Но я другому отдана и буду век ему верна».*

Разумеется, принцесса изъясняется более витиевато, более цветисто, что ли. Но суть и смысл ее слов именно таковы. И в подтверждение сказанному еще одна цитата, почти полная перекличка с финальной сценой объяснения Татьяны и Онегина.

«Коль скоро вы хотите, чтобы я объяснилась с вами и я на это решилась, — отвечала принцесса Клевская, садясь, — я буду говорить с такой откровенностью, какая не свойственна обыкновенно особам моего пола. Не стану вам говорить, что я не замечала ваших чувств ко мне; быть может, вы мне и не поверили бы, если б я это сказала. И вот я признаюсь вам не только в том, что их видела, но и что я видела их такими, какими вы желали бы мне их представить».

Да и по части сюжетных коллизий полнейшее недоумение. Ни тебе героических подвигов, ни леденящих душу приключений. Обычная частная жизнь вполне обычных людей. И число персонажей крайне невелико: всего три героя и несколько второстепенных персонажей.

И уж полной неожиданностью для всех современников мадам де Лафайет стал открытый финал романа, как бы финал без финала, когда,

казалось бы, сняты все препятствия на пути к счастливой развязке в судьбах героев. Принц Клевский умирает, влюбленные могут устроить свою будущую жизнь так, как диктуют им собственные пылкие чувства друг к другу. Ан нет! Главная героиня предпочитает иной выбор. Она удаляется от двора и коротает оставшиеся годы жизни либо при одном из монастырей, либо в своем родовом замке. Герцог Немур, утративший, по словам писательницы, *«всякую надежду когда-либо снова увидеть женщину, к которой питал самую пылкую и самую искреннюю страсть и которая была более всех такой страсти достойна»,* тоже покидает Париж, готовый умереть от горя.

И вот прекрасная финальная фраза, почти венчающая всю книгу:

«Наконец, когда прошли целые годы, время и разлука умерили его скорбь и загасили страсть».

Вот уж воистину, все проходит. Но как! Переворачиваешь последнюю страницу романа и невольно поражаешься тому, как же спрессованы в нем время и чувства. Столько самых разных событий, столько всяких переживаний вместили в себя лишь полтора года, на протяжении которых развивается сюжет. Всего лишь полтора года! Впрочем, из истории мировой литературы нам известны примеры, когда и один день может по своей событийной насыщенности перекрыть всю оставшуюся жизнь героя или героини.

Вот такой он, первый по-настоящему реалистический и глубоко психологический роман в современной европейской литературе. Трудно быть новатором! Трудно быть первым или уж тем более первой. Неудивительно, что мадам де Лафайет категорически отказывалась от своего авторства, хотя и подчеркивала, что ей льстит сам факт подобной атрибуции. В одном из писем она и вовсе дает самую лестную оценку «Принцессе Клевской».

«...Я нахожу ее очень приятной, хорошо написанной, полной вещей замечательных по своей деликатности, так что надлежит даже не раз перечитывать ее».

Ей вторит и ее верная подруга мадам де Севинье.

«Я читаю «принцессу Клевскую» священникам, и она приводит их в восторг».

Но шли годы, поколения сменяли поколения, утихли споры, забылись имена хулителей и порицателей, а роман «Принцесса Клевская», ныне входящий в почетный список шедевров французской литературы, продолжали и продолжают читать и перечитывать, почти в полном соответствии с пророчеством одного из друзей графини де Лафайет Пьера-Даниэля Юэ, который в своем трактате о происхождении романа сказал так:

«Потомки будут теряться в догадках: история это или роман?»

Впрочем, далеким потомкам уже XXI века совсем даже неважна жанровая классификация романа «Принцесса Клевская». Просто на фоне бесконечных триллеров, незатейливых фэнтези, поднадоевших женских романов с их наспех состряпанными любовными страданиями или заумных интеллектуальных метаний любителей потоков собственного сознания обращение к незатейливой истории, рассказанной одной француженкой без малого четыре века тому назад, — это как глоток чистой родниковой воды, испитый где-нибудь на лоне природы. Вот ведь, оказывается, даже самый банальный сюжет можно расцветить такими красками, которые не выцветают от времени. Но это при условии, что автор умеет смотреть на мир открытыми глазами и замечает в нем все тона и оттенки.

А если кто-то станет возражать, говорить, что роман, дескать, устарел, утратил свою актуальность, что так сейчас не пишут, не думают,

не говорят и, конечно, не чувствуют, то вот вам, глубокоуважаемый читатель, любопытный и весьма поучительный пример из недавнего прошлого.

В 2009 году тогдашний президент Франции Николя Саркози, выступая перед Национальным собранием, обрушился с рядом критических замечаний в адрес французской системы образования. В качестве примера оторванности этой системы от живой действительности и от практической жизни он привел такой факт. Оказывается, французские чиновники, участвующие в конкурсе на замещение государственных должностей, сдают экзамены на профпригодность. Так вот, в перечне экзаменационных вопросов есть и вопросы по содержанию «Принцессы Клевской», которые, по мнению Саркози, уже давно следовало бы убрать из программы. В ответ разгневанные почитатели таланта мадам де Лафайет устроили публичные читки романа по всей стране, что поспособствовало резкому увеличению спроса на саму книгу и, соответственно, росту тиражей «Принцессы Клевской».

А слабо устроить нечто подобное и для наших чиновников, а? Мало ли в нашей литературе есть книг, достойных быть включенными в такие списки? То-то бы порадовались отечественные книгоиздатели! Да и с общей культурой, думаю, стало бы гораздо лучше.

И наконец, уже не точку, а самый настоящий восклицательный знак в спорах вокруг мадам де Лафайет, разгоревшихся между властью и обществом, поставили французские кинематографисты. «Принцессу Клевскую» экранизировали множество раз. Пожалуй, самая известная экранизация от 1961 года с Мариной Влади и Жаном Маре в главных ролях. И тем не менее, после нашумевшей полемики вокруг принцессы Каннский кинофестиваль 2010 года был намеренно открыт показом новой экранизации бессмертного романа. Ее осуществил Бертран Тавернье, сняв в заглавной роли восходящую звезду французского кино Мелани Тьерри. А значит, жизнь романа «Принцесса Клевская» продолжается и сегодня.

Иван ЧАРОТА

С позиции совести: Валентин Распутин и славянство

Не претендуя на то, чтобы заявленную тему осветить с надлежащей полнотой, заранее извиняюсь за вынужденную беглость и поверхностность изложения, а также прошу принять оправдательное уточнение: это попытка хоть как-то подступиться к важному и весьма непростому для осмысления вопросу, во всяком случае — обратить на него внимание.

Как славяне мы не смеем быть равнодушными к исторической судьбе славянства в прошлом, настоящем и будущем. Вот и мне, в меру моих скромных возможностей, неоднократно доводилось писать о ней. О чем прежде всего размышлял, позволю себе повторить: о судьбе славянства как «феномене поразительном и провиденциально-поучительном в разных отношениях», о «внутреннем состоянии и самосознании нашем как славян», «о том, что должно бы называться «расславяниванием» или «деславянизацией», о «межславянских спорах и раздорах», о тех результатах, которые вследствие отмеченного уже проявляются в филологической науке, литературе и духовной культуре славянских народов, и о том, что при всем таком нас еще ожидает.

А продолжить раздумья помогает приснопамятный Валентин Григорьевич Распутин (1937—2015), с которым я был знаком лично и имел честь выступать с пленарным докладом на посвященной его 75-летию конференции в Иркутском университете. И сейчас, когда его уже нет в живых, как бы само о себе напоминает исключительно интересное и значимое, однако не оцененное по реальной значимости (как историософское, а не ситуативно-публицистическое) произведение, с которым он двадцать три года назад выступил, — «Что дальше, братья-славяне?»[1]. Оно является стимулятивным фактором в разных планах: временная дистанция не только позволяет, но и побуждает разобраться, насколько высказанные тогда опасения подтвердились действительностью; к тому же это обращение так или иначе касалось и меня, белоруса, представителя народа славянского, братского, причем по отношению к русскому «единоутробного», как определял сам Валентин Григорьевич.

Вынесенный в заголовок распутинской публикации вопрос ставился, как известно, в особых условиях, вынуждавших констатировать, что «никогда еще славянство не было так далеко друг от друга, так друг к другу нетерпимо, и никогда еще, за исключением кратковременного послереволюционного периода, сама Россия не падала так в своем политическом и нравственном значении», — в прямом смысле «на пепелище» бывших СССР, ЧССР и СФРЮ, неизменно декларировавших братство и единство родственных народов. Причем Валентин Григорьевич на полную громкость озвучивал его «не для упреков и предъявления счета, а только для того, чтобы проследить, как это происходило, и прикинуть,

---

[1] Распутин, В. Г. Что дальше, братья-славяне? // Встреча. 1992. № 9. С. 5—7. Все цитаты приводятся по публикации: Распутин В. Г. Собр. соч. в 3 т. — М.: М.гв. Т.3. С. 388—410.

пойдем ли куда-нибудь дальше». Всем нам, думается, понятно, что вопрос этот и в наши дни отнюдь не риторический. Более того, очевидно, что опасения подтвердились со всей определенностью, а намечавшиеся тогда противоречия не сгладились, наоборот, усугубились во всех планах. Особенно вот в этом: «В сущности, российские славяне — это один народ, народ русский, разлученный историческими обстоятельствами в старые времена на три части и в разлуке наживший различия, давшие основание называться Малой, Белой и Великой Русью. Но — Русь, с единым телом, единой душой и сердцем, сращенность которой могли взяться проверять только враги ее». Нам остается лишь засвидетельствовать, что до последнего времени это единство жестоко проверяется и результаты проверки утешительными назвать нельзя.

О складывавшейся именно так ситуации Распутин говорил с болью и горечью, с тревогой за судьбу современного мира и славян в нем, а что для нас в данном случае важно — хотя и не без обиды на тех «братьев-славян», которые способствовали разломам и раздорам, но все же так или иначе принимая давно сложившееся и историческим опытом подтвержденное мнение, что «русский вопрос есть вопрос славянский, а славянский есть вопрос русский», поскольку «Создатель высеял нас единой горстью».

Само собой разумеется, что к «славянскому вопросу» у Валентина Григорьевича подход «русскоцентричный», а это значит, что и в историческом, и в актуализированном аспектах его содержание русский писатель воспринимает объективно иначе, нежели представители других, особенно западных, славянских народов. Но, опираясь в этой своей публикации на мудрые и пророческие суждения Ф. М. Достоевского, В. Г. Распутин, подобно своему великому предшественнику, постоянно учитывает — как непременный и определяющий фактор — «всемирную отзывчивость» русского человека, о которой вслед за Достоевским он тоже много размышлял и неоднократно высказывался. Вот и на этот раз, последовательно трезво оценивая и «славянские грезы», и «славянское самоедство», Распутин принял в качестве свыше предначертанного следующее: «Это не воля наша — быть или не быть славянином? Это наша доля, врученный нам в рассветные времена человечества духовный надел».

Собственно, есть все основания считать, что как раз ответственность за этот «духовный надел» предопределяет многое из свойственного позициям В. Г. Распутина-писателя и гражданина. Причем то, что в его мировоззрении и художественном мироотражении концентрируется именно русское самосознание, по большому счету, противоречий не создает. Ведь бесспорно, что русская составляющая до сих пор является основой и опорой славянства. Более того, как верно утверждал Валентин Григорьевич, ею объективно обусловливается и будущее: «Это будет зависеть от того, спасется ли Россия. Не устоит она — поминай как звали славян всех вместе и каждого по отдельности».

Не секрет, что публичные рассуждения об особой исторической роли русского народа зачастую вызывают настороженность, а то и подозрения в шовинизме, гегемонизме и т. п. Но меня-то, как этногенетически не принадлежащего к племени великорусскому, подозревать в подобном вряд ли стоит. Хотя и я, должен признаться, не смущаюсь, а скорее горжусь тем, что представляю ветвь (пусть и не так уж цветущую) от общерусского ствола и славянского корня. И мне, белорусу — не белофинну, не белоевропейцу, не белоамериканцу, и даже не белополяку — великоросс Распутин, естественно, близок. Это, что называется, по определению.

К тому же для меня, родившегося и воспитанного изначально в крестьянской среде, как и для выдающегося русского писателя В. Г. Распутина, уже вследствие происхождения бытийно значима и неизбывна проблема деревни... А вместе с тем она и по-особому сложна, по-настоящему болезненна. (Осознаю, что подобным же образом на нее реагируют многие коллеги моего и более старшего возраста, но поскольку не смею претендовать на роль высказывающегося «от имени», то

придерживаюсь формы первого лица единственного числа.) В общем, даже если бы очень хотел, я никак не способен подходить к этой проблеме отвлеченно, а тем более отчужденно. Все происходившее и происходящее, так или иначе, я должен оценивать с учетом опыта не только своего, но и своих предков. И только этот совокупный опыт позволяет как-то находить разрешения противоречий, особенно нравственных. Скажем, как только я настраиваюсь на лирическо-ностальгическую волну и начинаю говорить о благоприятных условиях жизни в той деревне, которая все еще до боли дорога, сразу же (во мне самом!) отзывается скептический оппонент: «Да зачем распускать нюни?! Бросай город и возвращайся в деревню!..» Однако и при самой что ни есть критической настроенности, опять-таки, я не чувствую за собой права осуждать нынешних жителей деревни, которые эту среду обитания делают далекой не только от идиллии, но и от всяческих идеалов. Ведь любой из оставшихся сельчан, а заодно и тот же (само)критичный alter ego, с полным правом отбреет меня: «А чего же ты, на идеалы настроенный, не остался в деревне, чтобы сохранять идиллию, делать родную деревню идеальной?» Одним словом, дает о себе знать не только отвлеченная коллизийность, но и — пусть тоже в известной степени отвлеченная, поскольку не реализована должным образом, однако не дающая все же покоя — ответственность как остаточная совесть.

Понятно, что сейчас реакции на поднятые В. Г. Распутиным и волнующие меня вопросы о деревне как основе традиционного жизнеустроения так или иначе предопределяются происхождением и возрастом тех, кто их обсуждает. Поэтому, увы, столь широко распространилась, а для молодого поколения стала доминирующей, самая что ни есть примитивная трактовка истории XX века, в свою очередь вызвавшая игнорирование положительного опыта поколений отцов и дедов: мол, советский тоталитаризм страшнее германского фашизма, жертвы борьбы с которым были бессмысленными, а спасительным будет скорейшее установление демократии по образцу той же Германии либо Америки и т. д. Разумеется, были и есть основания для серьезной критики многого из продолжительной истории построения социализма и коммунизма. В частности, того, что «прорабы» этого строительства руководствовались идеологией пролетарской, а «гегемон» воспитывался так, чтобы на дух не переносил «мироедов», безжалостно ликвидируя их, уничтожая частнособственнический уклад в целом, а затем «неперспективные деревни» и т. д. Да, таковы идеологические предпосылки почти тотального «раскрестьянивания», а в придачу и «слияния» с городом, которое стало бедствием, отнюдь не стихийным по своей природе... Но принимать во внимание только это — значит упрощать коллизии как общественно-политической, так и духовно-культурной истории.

А глубинную суть всех этих коллизий отразила русская «деревенская проза», одним из самых ярких представителей которой является В. Г. Распутин. Это ведь не просто одно из тематических направлений, а феномен мощного духовного движения. Те, кого пренебрежительно назвали «писателями-деревенщиками» — «нравственники» народные! — отразили величие народа в цепи бедственных испытаний, не скрывая правды, опровергая закрепившиеся идеологические стереотипы относительно «идиотизма сельской жизни», а утверждая вековыми традициями установленный «лад». И тогда, когда уже новый «процесс пошел», «талдычили о душе, о совести». Вообще-то, неслучайно, что в русском языке (одном лишь) понятие «крестьянин» связано с «крестом» и «Христом». Ведь именно русский селянин особый крест несет и по-особому Христа почитает, благодаря своей природной укорененности-постоянности является хранителем полученных в наследие ценностей . Но поскольку не все считают столь важным вероисповедное начало, то воспользуемся более общим подходом, внимание сосредоточив на том, что пафос лучших произведений «деревенщиков» кратко можно передать словами сербской писательницы Исидоры Секулич: «Селянин — человек, озабоченный больше всех в мире». Впрочем, сейчас, как и в советские времена, право-

мерность, а тем более мудрость, такого суждения бесспорна далеко не для всех. Нынешние «властители дум» сами не помнят и другим не позволяют вспоминать о том, что именно селянам — по причине их укорененности и наименьшей социальной защищенности — особые испытания принесли войны, революции, коллективизации, индустриализации, урбанизации, фермеризации… Потому все меньше остается тех, кто имеет способности (не только врожденные) воспринимать мир деревни как универсальный и самодостаточный, как оптимальный микрокосмос бытия вообще и для себя лично, как средоточие традиционных ценностей, а сельский люд — как самого ответственного хранителя и самого последовательного носителя этих ценностей. Ведь наивно полагать, что таким хранилищем может быть музей, «скансен», а хранителями его — отторгнутые от реального сельского мира музейные сотрудники.

Сказанное, понятно, более всего касается современной нашей молодежи, не исключая писательскую и журналистскую. У нее, в основной массе, просто нет **своей родной** деревни, т. е. своего дома и двора, со своей околицей и своим кладбищем, своей окружающей и постоянно волнующей природой, нет своей среды родством связанных людей и обусловленного всем этим уклада жизни, да и содержания всего ряда таких понятий, как «мать», «матёра»... Что поделать, нынешняя молодежь воспитывалась, образовывалась, просвещалась уже иначе — в реальности, сложившейся не только после «прощания» дедов с дорогим для них миром, но и после пережитого отцами глобального «пожара». Увы, для большинства этих молодых людей понятия «деревня» и все производные от него несут уже разве что негативную коннотацию. И быть как-то причастными ко всему «деревенскому», тем паче «колхозному», для них просто неприятно, стыдно даже. Намного приятнее — выискивать (как это повально делается у белорусов) «шляхетные» родословные. Трезвомыслящие соотечественники мои реагируют на такое увлечение снисходительно: ну и пускай потешатся; это не более чем проявления возрастной закомплексованности детей сельчан!.. Но такого объяснения вряд ли достаточно. Как-никак, по-своему опасны и эти симптомы сами по себе, а еще более то, что наши преемники, наследники не знают и города в положительном смысле. Так что здесь уже дает о себе знать склонность быть вполне довольными обычным средоточием бараков и общежитий, лишь бы имелись неподалеку дискотеки и бары, удовлетворяющие их определенные запросы... Пожалуй, иначе и не могли проявляться результаты прежнего состояния «ни к селу, ни к городу», давшего специфические предпосылки для нынешней «постистории».

А это означает, что «время и бремя тревог» не в прошлом. И уже потому творчество русского писателя и мыслителя Распутина важно как для его соотечественников, так и для других народов, имеющих подобный социально-исторический опыт. В их числе, разумеется, все народы бывшего СССР и все славяне, также прошедшие испытание строительством коммунистического рая на земле. Тем паче, что Валентин Григорьевич неоднократно привлекал внимание именно к общим для славян бедам, опасностям и угрозам.

С другой стороны, практически все произведения В. Г. Распутина столь значимы оттого, что являются результатом глубоко личного и незаурядно личностного отношения к тому, о чем он писал. В любом случае, пытаясь определить опознавательные знаки его как писателя, мы прежде всего выделяем то, что именно он отразил через свою собственную душу, столь отзывчивую на боль и печаль других, на неправду по отношению к народу. Следует, конечно же, должное воздать ему как личности, обладающей не только исключительно ярким даром, своеобразной художнической экстрасенсорностью и нравственной прочностью, но и непоколебимой верой в идеалы добра, а также гражданским мужеством, благодаря которым он показал, что и в условиях советского строя общественное мнение по большому счету формируется не идеологами-функционерами, не партийной элитой, не послушными проводниками официоза, не псевдоинтеллектуалами от

«образованщины», а тем более — не бульварной прессой, как сейчас. Он показал и доказал, что русский писатель может, если вынужден, поправлять и цекистов, и министров. Это в значительной степени его заслуга, что русская литература во времена и «застоя», и «перестройки» продолжала оставаться «центральной миросозерцательной силой» (В. В. Кожинов), а также что «литературоцентризм» русской культуры оказался самым серьезным оружием сопротивления»[1].

В. Г. Распутин, своим творчеством и всей своей жизнью убедительно доказывая, что «литература — это нравственное служение», выявляя и утверждая лучшие свойства русского человека, способствовал сохранению нравственности, духовности, здорового национально-исторического сознания не только у русских, но и у всех славян. Соответственно, есть основания говорить об универсальной распутинской системе оценок того, что со всеми нами было, что есть, что может и должно быть.

В былом Валентин Григорьевич совершенно правомерно выделял лучшее, важное и для настоящего, и для будущего. В настоящем он бескомпромиссно осуждал стирание различий между красотой и безобразием, добром и злом, правдой и обманом. О будущем размышлял всегда с тревогой, а в последние годы своей жизни — и с заметным пессимизмом. Но неизменно честно выполнял важнейшую функцию писателя-гражданина: напоминал о том, что необходимо восстановить нарушенную систему ценностей, вернуть в действие законы Божьи и по-настоящему человеческие, без которых будущее невозможно. Все оценки у него последовательно строгие, а установки высокие — на то, что должно быть спасительным для каждого человека, любого народа и человечества в целом. Взять хотя бы, к примеру, вот эти, призванные вразумить околпачиваемых и дезориентируемых, суждения: «Память — само по себе понятие скрепляющее и охранительное»[2]; «Искусство — это праведный и чистый голос человечества в целом и каждого народа в отдельности, духовная и эстетическая побудительная высота, осуществленная мечта человека, ухваченное перо жар-птицы и прометеев огонь человеческих исканий и побед»[3]; «И как для экологии природы вредны грязные производства, так и экологию языка загрязняют «фабрики» чужесловия, дурно- и тупословия, против которых вместе с охранительными законами нужна и постоянная расчистка родных истоков»[4]; «Потрясения рождают растерянность, а растерянный человек и Отечество, и судьбу потерять может»[5].

В. Г. Распутин не принадлежит к числу писателей, творчество которых воспринимается и осваивается легко. И это в известной степени влияет на особенности его восприятия зарубежными славянами. Тем более что миру славянскому свойственны многовековые противоречия, а в последнее время они усугубляются безоглядным стремлением едва ли не всех «братьев-славян» по отдельности как можно выгоднее обосноваться в «общем европейском доме», который издали выглядит привлекательнее социалистического «лагеря». А это, соответственно, стимулирует подключение к механизмам рецепции определенных стереотипов. Так, замечалась тенденция особыми акцентами выделить, что Распутин — писатель все же советский, а при этом последовательный в консервативно-националь-

---

[1] Цветова, Н. С. Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX века. — СПб., 2008. С. 45.

[2] Распутин, В. Г. Жертвовать собою для правды: против беспамятства // Наш современник. 1988. № 1. С. 169.

[3] Распутин, В. Г. «Правая, левая где сторона?» // Наш современник. 1989. № 11. С. 140.

[4] Распутин, В. Г. Русь Сибирская, сторона Байкальская // Наш современник. 2009. № 11. С. 128.

[5] Распутин, В. Г. Потрясения рождают растерянность… // Российская газета. 18.10.1997. С. 2.

ных убеждениях… Что ж, он действительно был противником «перестроек» и эсэсэровской, и евросоюзовской, и глобализационно-мировой. Хотя такого рода акценты существенно влияющими на восприятие распутинского творчества в целом стать не могут как на пространстве постсоветском, так и на постсоциалистическом. Они корректируются временем, а точнее — текущими процессами глобализации, которые вынуждают трезво разобраться, что на самом деле со всеми нами было и что стало, каковы наши реальные потери и каковы приобретения в плане материальном и духовном, какие ценности на поверку оказываются истинными, а какие ложными. И осмыслить все это нам помогает В. Г. Распутин. Вот конкретный пример из практики филологическо-педагогической. Мне приходится искать-обсуждать со студентами наименее спорные показатели значимости литературных произведений. И обсуждение, как правило, сводится к тому, что мы условно определяем художественные тексты, годящиеся на воображаемый случай, когда представителям иной цивилизации нужно дать максимально полное представление о сути жизни того или иного времени. Так вот, в качестве универсальной метафоры всего бытия русского народа (и восточных славян в целом) конца XX века лично я называю неизменно «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина. Правда, если прежде, еще даже лет десять назад, студенты воспринимали это с нужным разумением, то сейчас — и с недоумением. Как я уже отмечал, в результате воздействия новой реальности у них наблюдается все меньше «чувств к отцовскому краю» и способностей адекватно реагировать на изменение традиционных устоев бытия, особенно сельской жизни. И упоминавшееся «время и бремя тревог» они, как правило, брать на себя не готовы, оставляя это Распутину да ему подобным. А молодежи инославянских стран, ищущей себе места в глобалистском мире, такое свойственно еще больше, чем молодым людям Беларуси и России.

Весьма интересно и важно было бы обсудить, как проблемно-тематическое, философское содержание произведений Валентина Григорьевича соотносится с опытом иностранных писателей. Хотя это аспект сложный и требующий отдельного серьезного исследования, остановимся на некоторых моментах. В частности, нельзя не учитывать, что его творчество — своеобразная полемика с западноевропейским экзистенциализмом. Причем распутинская концепция экзистенциального, бытийного, явно более содержательна и созидательна, чем та, которая распространилась и у нас благодаря писателям-экзистенциалистам Запада. Здесь, конечно же, есть о чем подумать. Кроме того, вряд ли по большому счету убедительны проводившиеся сравнения В. Распутина с У. Фолкнером и Г. Гарсиа Маркесом. Так или иначе, они все же связаны с известными тенденциями «моды» на определенных писателей в поздний период существования СССР. Значительно больше оснований имеется для сравнения, например, с украинцами Михайлом Стельмахом и Евгеном Гуцало, болгарами Йорданом Йовковым и Йорданом Радичковым, сербами Велько Петровичем и Добрицей Чосичем, поляками Владиславом Реймонтом и Юлианом Ковальцем, словаками Мило Урбаном и Винцентом Шикулой, а также, конечно, белорусами — Иваном Мележем, Василём Быковым, Иваном Пташниковым, Виктором Козько…

В связи с избранной темой для нас особый интерес представляет восприятие творчества В. Г. Распутина в разных инославянских странах. И мы попытались собрать побольше сведений об этом. Информация наша, конечно, исчерпывающей не является, но может существенно дополнить ту, которая содержится в изданном к 75-летнему юбилею указателе[1]. Отнюдь не ради критики — понятно, что наличествующий в этом издании объем сведений зависел от (не)доступности зарубежных источников, — все-таки следует отметить, что на основе этого указателя невозможно составить адекватное представление о том, как воспринимает

[1] Валентин Григорьевич Распутин. Биобиблиографический указатель... — Иркутск, 2007.

произведения В. Г. Распутина и славянский мир вообще, и каждый славянский народ в отдельности.

Особенно не повезло сербам: в указателе отмечается всего одна публикация на сербскохорватском языке, да и та — перевод рассказа, опубликованный в Черногории. На самом же деле и объем переведенного, и интенсивность освоения распутинского творчества весьма значительны. Вообще, у В. Г. Распутина к Сербии особое отношение. И у сербов к Распутину — тоже.

Это имеет объективную обусловленность: сербы, как православные славяне, прошли поистине голгофский путь испытаний, утрат и жертв, принесенных ради сохранения своей славянскости и православности. Заслуженной славой овеяна история сербского народа эпохи Средневековья: в XII—XIV вв. сербы имели мощное государство; еще в 1219 году Сербская Православная Церковь стала автокефальной; исключительно высокого уровня достигла тогда сербская культура, прежде всего — зодчество-храмостроительство, фресковая живопись, словесность… Однако не только развитие их, но и сохранение оказалось под угрозой из-за турецкого нашествия. Сербы сдержали прорыв турецких войск в Центральную и Западную Европу, а сами на пять веков оказались под османским игом. На протяжении всего этого периода они сопротивлялись, как могли, поработителям, а в начале XIX века самостоятельно подняли мощные восстания, в самоотверженной борьбе за независимость добившись-таки своего. Сербия стала значимым фактором освобождения Балкан от турецкого владычества в 1860—1870-е и в начале 1910-х годов. Неслучайно именно с Сербией связаны были причины (точнее — повод) Первой мировой войны, в которой она потеряла треть населения. Несмотря на все это, Сербия взяла на себя роль объединителя родственных народов, югославян, став опорным столпом в итоге Первой мировой (Великой) войны образованного Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (впоследствии переименованного в Королевство Югославия). Исключительный, по сравнению с остальными южными и западными славянами, героизм именно сербы проявили в период Второй мировой войны, оказывая мощное сопротивление фашизму, вследствие чего им довелось понести огромные жертвы, пострадав при этом не только от германских и итальянских агрессоров, но и от бывших сограждан — хорватских усташей. И особо трагичной для сербов оказалась «перестройка» мира в конце XX — начале XXI веков, когда по ходу развала СФРЮ были спровоцированы религиозно-этнические конфликты, переросшие в почти четырехлетнюю гражданскую войну на территории Боснии и Герцеговины, когда осуществлено массовое изгнание сербов из Краины в Хорватии, а затем произведено отторжение Косова и Метохии, ради чего в 1999 году страны НАТО провели открытую войну против так называемой «третьей Югославии», т. е. против Сербии и Черногории.

Как уже сказано, сербы во все времена проявляли беспримерный героизм в борьбе за свою независимость и честь, за право оставаться «своими на своем». Однако результаты борьбы, даже явные победы, почти всегда оказывались не на пользу им. Чтобы уточнить это, обратим внимание: у большинства народов национальная идея, а прежде всего — ее фольклорное и литературное отражение, основывается и держится на осознании и восславлении собственных побед. Примеров этого можно привести сколько угодно. В частности, если сравивать сербский народ с русским (а это сравнение, между прочим, часто навязывается «извне» — для того, чтобы проще было обвинять сербов в гегемонизме и подобном), то бесспорно, что русскую идею нельзя себе представить без тех основ самосознания, которые заложены результатами и последствиями битв на поле Куликовом и поле Бородинском, на Чудском озере и на Неве, под Полтавой и под Сталинградом, без побед над татаромонголами, германскими крестоносцами, шведами, французами, немецкими фашистами. А у сербов иначе: всемирно известные сербские эпические песни практически сплошь насыщены трагизмом; и вообще, в памяти народной более всего запечатлелись утраты, связанные с

Солунским фронтом, Кордуном, Крагуевацким расстрелом… и особенно — поражением на Косовом поле в 1389 году, после чего настала пятисотлетняя зависимость от Османской империи… Причем, в соответствии с народными представлениями, освобождением от турок трагедия не закончилась, и Косовская битва с XIV столетия продолжается по нынешний день.

Объяснить особенности истории и самосознания сербов в принципе невозможно без учета Косовской трагедии. Чтобы не быть голословными, обратимся к сербскому эпосу (который, подчеркнем, исходно делится на докосовский, косовский, послекосовский циклы), и в песне «Царь Лазарь выбирает Царство Небесное» найдем ключ для объяснения. Главный герой Косовской битвы получает от Богородицы предложение выбрать: либо земное царство — при этом ему будет обеспечена в битве победа, а все турецкое войско погибнет, либо Царство Небесное — при этом погибнет его войско и он сам тоже. Излагаемую в песне мотивацию судьбоносного выбора, который был сделан святым князем-мучеником (он причислен к лику святых, и мощи его пребывают в им построенном недалеко от Косова монастыре Раваница), процитируем без перевода: «Земаљско је за малено царство, / А небеско увек и довека».

Истины ради отметим, что по поводу такого выбора сейчас доводится слышать и раздраженные оценки тех сербов, для которых «европейский выбор» представляется более значимым… Однако независимо от временных настроений и ориентаций гордостью всего народа остается то, что и ныне на территории (вновь оккупированного!) края Косово и Метохия в диаметре ста километров находится более тысячи двухсот сербских православных храмов. В самосознании сербов неизменно воздействующими, знаковыми стали понятия «гробље и робље», т. е. «кладбище и рабы». Но также неизменным на многие времена остается девиз: «Боље гроб, него роб», т. е. «Лучше могила, чем рабство».

Сербский национальный характер нельзя оценивать и без такой категории, как «инат» (слово это адекватному переводу не поддается, а то, что оно означает, допустимо переводить словами «вопреки, наперакор, назло, по-своему»). В качестве иллюстрации возьмем также фольклорный сюжет: достославному Королевичу Марку турецкий властелин задает вопрос, мог бы ли тот стать потурченцем, дважды получает отрицательный ответ, а когда в третьем вопросе пытается выяснить крайние, исключительные условия для этого, то слышит, что «само из ината», т. е. «только вопреки, наперекор условиям».

Но вернемся к осмыслению особого удела, предназначенного сербам в конце XX века. Стереотипы, внедренные за последнее время в массовое сознание граждан как СФРЮ, так и СССР, да и всех зарубежных стран, истинную роль Сербии в судьбоносных событиях новейшей эпохи затушевывали, а по сути — искажали. Как искажали и объективно-исторические условия сопряженности судьбы Сербии с Россией.

А в связи с последствиями такой тотальной деформации сознания нельзя не отметить, что В. Г. Распутин все это не упускал из виду, когда публично-печатно излагал свои тревоги за судьбу славянства, совершенно правомерно ее сопрягая с судьбой России, в упоминавшейся уже историософской статье «Что дальше, братья-славяне?». И «сербский фактор» он при этом постоянно держал в поле основного внимания. Напомним:

«…И меч после убийства в Сараеве пришлось обнажать — и слишком дорого стоил России этот вынутый меч» *(Т. 3. С. 390);*

«Если снова вернулось средневековье с варфоломеевскими ночами и феодальной чересполосицей, а чрезмерное и силовое деление национального, народного ядра приводит к тем же результатам, что и ядра атомного; если, как никогда, славянство раздирается межрелигиозными, межнациональными, межрегиональными и прочими межами, каких немало, и если Югославия с одного конца, а Россия с другого, стали образом воюющего самого с собой славянства!» *(Т. 3. С. 390—391);*

«С началом освобождения балканских славян возник вопрос, вполне естественный, сам собою напрашивающийся, какова должна быть роль России и быть ли ей в последующем их мирном устроении <…> Волей-неволей она чувствовала ответственность: или не вмешивайся вовсе, или водительствуй дальше» *(Т. 3. С. 397);*

«Сербия с оружием в руках защищает православие против папской Хорватии» *(Т. 3. С. 402—403);*

«Сотни тысяч сербов во Вторую мировую войну были уничтожены за православную душу, на оставленных жить, как на евреях, нашивалась или выводилась краской буква «П» (православный), что должно было отпугивать от них, как от прокаженных. Отрекитесь! — требовали, ведя на пытки и казни. Не отреклись. Это свыше нас» *(Т. 3. С. 408);*

«После гражданской войны при исходе побежденной России Сербия принимала отряды русских беженцев под печальный и торжественный звон православных колоколов: входите, братья, наш хлеб — ваш хлеб и наш кров — ваш кров» *(Т. 3. С. 409).*

А для усиления содержательности всех наших рефлексий в связи с заявленной темой, и особенно для оценок, насколько выверенными были мнения В. Г. Распутина по сербскому вопросу, очень существенна вот какая констатация: навязываемые стереотипы о «великосербском гегемонизме» не имеют под собой никаких оснований, поскольку, на самом деле, сербы сами себя считают малым народом. Это, кстати, убедительно подтверждается уже тем, что в среде всего сербского народа, независимо от внутренних разделов и внешних конфронтаций, издавна получила широкое распространение и нашла многоплановое употребление изначально использовавшаяся черногорцами квантитативная самооценка: «Нас и русских двести миллионов!»

И еще один посыл весьма важен в нашем разговоре: для всех желающих иметь адекватные представления о ходе переустройства мира в конце XX — начале XXI веков проекция на Сербию, на судьбу сербского народа, дает возможность более четко обозначить реальное место и реальную значимость России в общем геополитическом контексте. В. Г. Распутин, надо признать, осознавал это в должной мере.

Соответственно, отнюдь не случайное «происшествие», не просто «казус» — посещение Валентином Григорьевичем в боях рождавшейся Республики Сербской (ныне — субъекта признаваемой «мировым сообществом» Боснии и Герцеговины), т. е. стана сербов, которые упорно сражались за свое право оставаться сербами, православными. Такая поездка иностранца (в условиях войны, без элементарного обеспечения безопасности и даже надежного транспорта) уже сама по себе является мужественным поступком. И очень много пищи для размышлений — как неосведомленным о положении дел в том уголке мира, так и весьма осведомленным, — дает его интервью, на основе непосредственных впечатлений с места событий, из «горячей точки»[1].

Существеннее всего, пожалуй, та позиция, которую Распутин неизменно занимает, оценивая все происходящее. А она предопределяется совестью — не как отвлеченной категорией, а как условием жизни в соответствии с установлениями Божьими и высокими идеалами человеческими. Здесь по-своему, предельно жестко, выверяются честность и прочность того, что Валентин Григорьевич прежде формулировал в качестве некоей общей декларации: «Так что жить по совести — это прежде всего найти свое место в нравственном миропорядке…»[2]. А оказалось, что это не декларативное заявление, что автор данной формулиров-

---

[1] Распутин, В. Г. Там, на Балканах: интервью вел К. Житов // Правда. 17—18.08.1995. С. 1—3.

[2] Распутин, В. Г. Если по совести // Если по совести. Сборник статей / составление В. Канунниковой. М., 1988. С. 224.

ки действительно следует законам совести и как индивидуум, и как русский человек, старающийся «понять меру <…> отклонения», требовательно и критично относящийся прежде всего к себе самому. Согласимся, дороги уже эти признания русского писателя-патриота: «В Пале нам пели народную песню из прошлого века: «Идут русские через горы». Мы слышали ее не один раз. И опять, и снова приходилось стыдливо опускать глаза. Куда теперь идут новые поколения русских?»; «Россия не просто бросила своих братьев в беде, она помогла ввергнуть их в беду…»[1].

В. Г. Распутин не уклоняется от самокритики, говоря о своей нации, о политике своей родной страны. Он определяет положение Российской Федерации на тот момент безо всяких обиняков и без эвфемизмов: «А поскольку российская политика раболепствует у западных держав, невольно мы ощущали себя товарищами по отверженности. Сербам трудно, очень трудно, но им в тысячу раз легче морально, потому что они свой выбор сделали и честь свою и достоинство спасли. Для народа, как и для человека, это не последнее дело»; «Еще раньше Россия (если можно называть Россией водворившийся в ней режим) предала собственный народ, окунув его в срам и грязь чужеземных порядков, обобрав его до нитки и унизив пресмыкательством перед Западом».

И такие именно заключения закономерны, поскольку В. Г. Распутин имел возможность — «изнутри» и «снизу» — увидеть и убедиться, как далеко зашло дело утверждения новой «справедливости» на сербских землях, а также понять, как это близко типологически и для его Отечества: «В судьбах наших государств и наших народов много общего, гораздо больше, чем видно на первый взгляд. Поэтому события готовились по одному сценарию. Думаю, что они готовились не последовательно, а одновременно». А также сделать вывод: «Мы говорим: родная, близкая нам Сербия! Но и далекая... Ибо в своем национальном сознании, в своих самоохранительных свойствах и действиях она ушла далеко вперед. У нас главная фигура в обществе — коммерсант, спекулянт; там — воин, защитник народа.

Мы, одна из самых богатых в мире стран, впали в бедность, растерянность, самоуничтожение… В Сербии — трудности, и огромные, но там народ единого духа. Его победить нельзя».

В связи с «сербским вопросом», для того, чтобы восстановить историческую память и адекватное самосознание, Распутин обращается к формулировке мудрого предшественника:

«Помните у Тютчева в стихотворении «Славянам»: “Но все же братья мы родные: / Вот, вот что ненавидят в нас! / Вам не прощается Россия, / России — не прощают вас!”».

И сам убедительно аргументирует суть тютчевского вывода: «Сербия в средневековье защитила Европу от вторжения азиатских орд с юга, Россия — с востока. Нас и за это ненавидят в Европе. Русский народ, как и сербский, попал в неволю, а с ней — в разные исторические условия, распался на несколько ветвей, которые частью изменили православию и возненавидели его».

А проницательность наблюдений и суждений Валентина Григорьевича с нынешней дистанции подтверждается развитием событий на пространстве не только бывшей СФРЮ, но и бывшего СССР. Между прочим, если описываемые им картины происходившего в Боснии, где вынужденно создана была Республика Сербская, неимоверно похожи на те, которые в последние месяцы по ТВ передают из Восточной (бывшей?) Украины… В Боснии и Герцеговине сербы отстояли свое право жить не по указке из Вашингтона, Брюсселя и мусульманского Сараева. Но какой ценой!? И ведь расчет с ними еще продолжается. Хотя большинство тех героев борьбы, с которыми встречался Распутин, в частности,

[1] Распутин, В. Г. Там, на Балканах: интервью вел К. Житов // Правда. 17—18.08.1995. С. 1.

лидеры сопротивления и основатели Республики Сербской — ее президент Радован Караджич, председатель парламента Момчило Краишник, генерал Ратко Младич и другие — уже попали под обвинение Гаагского трибунала как преступники. Такова судьба сербов сейчас, хотя и прежде, как справедливо заметил В. Распутин, «чуть-чуть недоставало до того, чтобы виновниками землетрясений объявить также сербов...».

Короче говоря, отталкиваясь от написанного В. Распутиным о сербах, следует признать, что у него выявилось вполне основательное знание истории сербского народа и его положения на то время как в метрополии, так и в соседних (бывших союзных) республиках, и в мире.

Вообще-то, В. Распутин среди русских писателей и журналистов не одинок в своей озабоченности судьбой сербов. Достаточно вспомнить публикации Ю. Лощица, Т. Глушковой, Е. Бондаревой, Э. Сафонова, В. Смирнова, В. Хайрюзова, В. Юнака, В. Бушина, Н. Масленниковой, К. Мяло, Е. Пономаревой, Ю. Юшкина и др.

Если же заниматься скрупулезным анализом всего высказанного Валентином Григорьевичем о славянстве, то можно обнаружить, что по поводу общности истории, антропологии, этнопсихологии, духовно-культурного опыта славян он допускает частные суждения, которые вроде бы недостаточно выверены, на что не без причин обратил внимание П. П. Каминский, оценивавший содержание его статьи «Что дальше, братья-славяне?»[1]. Отдавая должное внимательности и педантичности исследователя, нельзя не учитывать другое. А именно: ведь В. Г. Распутин вовсе не претендовал на то, чтобы с помощью этой публикации напитать как можно больше читателей требующимся объемом строго научного знания; да и ученой дискуссии по конкретным вопросам истории славян он ни с кем тогда не вел; даже не собирался… У него, судя по всему, иная задача. И на историю, как таковую, соответственно, взгляд иной — обобщенный, пропускающий некоторые детали (в том числе и значимые при каких-то других подходах), с сознательной установкой на определенные упрощения — для того, чтобы общие контуры четче видеть самому и показать остальным.

Как нам представляется, в данном случае — используя все преимущества читателя статьи через два с лишним десятилетия после ее публикации — более адекватно и конструктивно реагировать на суждения Валентина Григорьевича в целом (т. е. учитывая все его высказывания по славянской проблематике) и ставить простой вопрос: в чем же ошибался автор той резонансной статьи? И тогда, на наше разумение, не останется ничего другого, как признать, что не ошибался-таки В. Распутин, что подтвердились не только его непосредственные оценки всего происходившего, но также и прогнозы относительно последующего развития событий, вызвавших отнюдь не шуточные межславянские распри. Как бы то ни было, а В. Г. Распутин смог проницательно объяснить и причины, и следствия того, что происходило двадцать два года назад (кстати, подобно Ф. М. Достоевскому, на историософский опыт которого он опирался).

Что ж, дела по «перестройке» мира и далее шли своим чередом. «Перестройщики» не принимали всерьез предостережений ни Федора Михайловича, ни Федора Ивановича, ни Валентина Григорьевича. Однако уже само по себе важно, что их голоса прозвучали и были-таки «имеющими уши» услышаны. А в голосах тех звучали боль, скорбь и тревога, но также зов соборно преодолевать опаснейший синдром безответственности по отношению и к прошлому, и к настоящему.

А главное, пожалуй, в том, что В. Г. Распутин, вслед за Ф. М. Достоевским и Ф. И. Тютчевым, неустанно побуждал избавляться от навязываемого комплекса неполноценности, служить Слову-Спасителю, а не Искусителю. Потому особую

---

[1] Каминский, П.П. «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина. — М., 2012. С. 180—185.

важность имеют его суждения о роли русского народа. Потому, впрочем, простительны и некоторые преувеличения достоинств братьев-славян.

На первый взгляд, парадоксально, однако так уж получилось, что долгое время заслуги В. Г. Распутина как отечественному, так и зарубежному читателю представлялись как относящиеся к проблемам частного характера — социальным (деревня), временным (противоречия советского общества 1960—1990), а то и вовсе локальным (борьба за Байкал…). Понятно, для граждан России, СССР определенного исторического периода это были проблемы отнюдь не частные. Однако при таком подходе, особенно — для взгляда «внешнего», за отдельными деревьями не видно было леса.

Увы, творчество В. Г. Распутина выводилось за «внешние рубежи» с маркировками вышеупомянутыми. Хотя за это вряд ли стоит упрекать как искренних поклонников, популяризаторов его, так и недоброжелателей. Остается только сожалеть, что он не был по достоинству представлен как писатель, более многих современников сосредоточенный на глобальной проблематике, на узловых вопросах истории человечества, на универсальных законах бытия.

А отмеченное в определенной мере отразилось и на восприятии творчества В. Г. Распутина в Сербии. Общие сведения о присутствии произведений его в литературном контексте Сербии, как было уже сказано, просто впечатляют. Назовем только книги: *Последњи тренуци / Превод Гордана Јовановић; поговор Петар Буњак. — Београд: Jugoslavijapublik, Москва: Внешторгиздат, 1981; Опроштај с Матјором / Превод Даница Јакшић. — Београд: Вук Караџић; Москва: Радуга, 1985 Опроштај с Матјором / Превео с руског Петар Буњак. — Београд: Нолит, 2000; Привиђање / Превео с руског Милош Добрић [и др.].. — Београд: Нолит, 2000; Шта да кажем врани: приповетке / Превела Злата Коцић. — Београд: Нолит, 1996; Шта да кажем врани: приповетке / Превела Злата Коцић. — Београд: Завод за наставна средства, 2006; Живи и памти / Превод с руског Борислав Милошевић. — Београд: Просвета, 1979; Живи и памти / Превод с руског Милош Добрић. — Београд: Нолит, 2002; Живи и памти / Превод с руског Милош Добрић. — Београд: Глобосино, 2010 ; Кћи Иванова, мати Иванова / Превод с руског Милица Добрић. — Београд: Глобосино, 2011.*

Немаловажно, что к популяризации произведений Валентина Распутина в Сербии приобщились известные писатели — Злата Коцич, Славко Лебедински, Мирослав Тохоль, Данило Ёканович, а также авторитетный общественный деятель Борислав Милошевич (впоследствии — посол Югославии в Российской Федерации), высшей квалификации переводчики — Даница Якшич, Милош Добрич, Владимир Ягличич, Мира Спасич, именитые филологи-слависты — Радмило Мароевич, Петр Буняк. И неслучайно выполненный П. Буняком перевод романа «Прощание с Матёрой» был оценен как лучший перевод 2000 года, за что переводчик удостоен престижной премии «НОЛИТ».

Стоит также обратить внимание на то, что одни и те же произведения Распутина выходили там отдельными изданиями, причем в разных переводах, что рассказы его включены также в серьезного уровня антологии, что статьи, речи, интервью публиковались в самых солидных журналах. Интерес сербов к Распутину проявляется и сейчас: так, издательство «Глобосино-Александрия», возглавляемое известной писательницей Лиляной Хабьянович-Джурович, в 2010—2012 годах выпустило по книге. Кстати, Л. Хабьянович-Джурович посещала В. Г. Распутина в России, причем на ее личном сайте помещена фотография, сопровождаемая подписью: «С самым величайшим живым писателем России Валентином Григорьевичем Распутиным в его доме».

Пытаясь разобраться в причинах именно такого отношения к русскому писателю, прежде всего следует иметь в виду трагизм исторической судьбы сербского народа и его традиционно искреннее русофильство. Безусловно, особое значение имеет то, что Валентин Григорьевич посещал Сербию, а также Боснию и Герце-

говину, вникал в проблемы сербов как этнической общности, раздробленной и подавленной вследствие нового передела мира. И чтобы русскому граду и миру донести правду о его трагедии, сделал несколько выступлений в печати сам (*Распутин, В. Г. Там, на Балканах: интервью вел К. Житов // Рус. Восток. 1995. № 17. С. 1,4; Распутин, В. Г. Балканский узел // Диалог. 1995. № 10. С. 64—69)* и пригласил выступить на страницах «Литературного Иркутска» неординарного сербского публициста Драгоша Калаича. Короче говоря, имеется очень богатый материал для серьезного исследования «В. Распутин и Сербия».

Естественно, по вопросу «Распутин и Беларусь» я тоже не смею ограничиться всего лишь утверждением: «Валентина Григорьевича у нас вполне основательно знают и ценят». А такую констатацию, в принципе верную, должен уточнить, что ранее белорусы знали его и по российским изданиям, и сами издавали как на русском (*Распутин В. Повести. Минск: Беларусь, 1983; Распутин В. Повести. Минск.: Юнацтва, 1990)*, так и на белорусском *(Распуцін В. Жывi i помнi. Аповесць / Пераклад М. Дубянецкага. — Мінск: Мастацкая літаратура, 1982; Валянцін Распуцін. Рудольфіо / Пераклала Таццяна Мартыненка // Рускае савецкае апавяданне. У 2 т. / Укладанне Б. Сачанкі. Т. 2. Мінск: Мастацкая літаратура, 1988. С.354—367)* языках. К тому же для белорусских читателей и исследователей он неизменно был субъектом единого литературного процесса. (*См., например: Адамович А. Война и деревня в современной литературе. — Минск, 1982; Гаранин Л. Поиск духовного единства: Характер ценностных ориентаций в современной советской литературе. — Минск, 1990. С. 201—202, 219; Тычына М. Патрэбы літаратуры // Полымя. 1982. № 12. С. 209—211).* Спектакли по его произведениям ставил ряд белорусских театров. Ныне же ситуация изменилась: русские издания до нас доходят, мягко говоря, не всегда; переводы с русского языка тоже, можно сказать, почти свернуты; а единое литературное пространство никак не восстанавливается… При всем этом однако часть творческой и научно-филологической интеллигенции сохранила к Валентину Григорьевичу и внимание, и почтение. (*См. например*: *Нефагина Г. Категория свободы в творчестве В. Быкова и В. Распутина // Нефагина Г. Штрихи и пунктиры русской литературы XX века. Мн.: Белпринт, 2008. С. 193—204.)* В Беларуси о нем написан ряд кандидатских и магистерских диссертаций (*Соколовска Я. Природа и человек в современной советской прозе. МГПИ, 1983; Крамарска Д. Характер и обстоятельства в «деревенской» повести 60—80-х годов. МГПИ, 1991; Шпаковский И. И. Сюжетно-композиционная структура современного рассказа (на материале белорусской и русской прозы). ИЛ АНБ, 1996; Капшай Н. П. Нравственные искания в прозе В. Козько и В. Распутина. ГГУ, 1996; Селина А. А. Образ деревни в творчестве Й. Радичкова, В. Распутина, В. Козько. БГУ, 2009.*)

О сохраняющемся авторитете В. Г. Распутина в нашей среде свидетельствует то, что его попросили войти в Международный общественный совет на пороге XX века учреждавшегося русскоязычного журнала «Всемирная литература», который, кстати, не так давно публиковал о нем статью российской исследовательницы Н. Цветовой *(см.: Всемирная литература. 2008, № 6)*. Такую же почетную функцию Распутин выполнял и в журнале «Белая вежа».

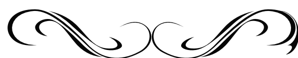
В белорусской литературе, закономерно, имеется ряд произведений, типологически близких распутинским. К примеру, неслучайно под одной обложкой издавались повести «Живи и помни» В. Распутина и «Знак беды» В. Быкова; не без оснований также критики сопоставляли роман В. Козько «Колесом дорога» и «Прощание с Матёрой» *(см.: Горловский А. С. Проза — 1982 (По страницам литературно-художественных журналов). — М., 1983. С. 27—28)*. Тем более, что Виктор Козько впоследствии, выступая в печати с анализом творчества В. Распутина, оценивал его высоко (*Козько В. Не боковым ходом // Дружба народов. 1986. № 2. С. 26—-264*).

Однако творческие и человеческие взаимоотношения писателей-белорусов с В. Г. Распутиным — тема особая, деликатная. Практически все видные белорусские литераторы в свое время о творчестве русского коллеги отзывались неизменно положительно. Между тем, в условиях, которыми был вызван затронутый нами вопрос Валентина Григорьевича: «Что дальше, братья-славяне?», — отношение к нему существенно изменилось. Ибо по важнейшим актуально-политическим вопросам, в числе которых и упомянутый, у некоторых белорусов, декларировавших иные взгляды на историю былого единого государства, славянства и мира, явно обозначились расхождения с ним. Между тем, Валентин Григорьевич не был равнодушным и к судьбе нашей страны — посещал ее в составе группы российских писателей, считавших нужным поддержать курс Беларуси на союз с Россией. Но это, опять же, тема отдельного разговора.

А обобщая то, о чем удалось поразмышлять, считаю допустимым сделать некоторые заключения.

Во-первых, верное представление о русской литературе и общественной мысли в эпоху второй половины XX — начала XXI веков без учета вклада В. Г. Распутина составить просто невозможно. И этим объективно задается уровень интереса к его творчеству в любой стране мира, а у славян особенно. И пик его, пожалуй, еще впереди.

Во-вторых, Россия по праву может гордиться тем, что в XIX и в начале XX веков посвятила себя возрождению славянства; а вот чуть ли не весь XX век власти РСФСР безоглядно осуществляли деславянизацию, как внутреннюю, так и внешнюю. Да, на первый взгляд, российская история XX века — не более чем результаты деяний безумцев. Однако и провиденциальное в ней игнорировать не стоит. И оно со всей очевидностью может проявиться. В том случае, если XXI век станет концентрацией русскости ради нового возрождения славянства. А для этого, спору нет, исключительно много сделано Валентином Григорьевичем Распутиным. Честь ему и слава! Вечная память!

Ни дня без музыки

Сразу несколько примечательных творческих акций нынешнего января — в том числе музыкальных фестивалей, премьер, вернисажей — претендовало на роль «стартового события», определившего начало Года культуры в нашей стране. Разумеется, нелепо было бы отстаивать некое условное первенство, пытаясь выяснить, кто же раньше других приобщился к новому и важному государственному проекту. Ведь внимание общества направлено не на организацию актуальной кампании в строгих рамках регламента, а на сущность того постоянного и сложного, всеобъемлющего процесса, который влияет на воспитание человека, формирование личности, на менталитет грядущих поколений, на развитие страны и ее судьбу.

А впрочем...

Нестоличные столицы?

Впрочем, в череде нынешних арт-событий обозначился особый момент, который можно считать официальным открытием Года культуры. Это было торжественное собрание общественности, творческой интеллигенции, представителей власти, где состоялась символическая передача эстафеты культурной столицы Беларуси: удостоенный столь ответственного статуса город Молодечно (там и происходила церемония) принял ее от Бреста, находившегося в эпицентре художественной жизни на протяжении года минувшего.

Замечу, что оба эти города, Брест и Молодечно, независимо от их статуса, всегда на виду у наших музыкантов.

Молодечно славится и музыкальным колледжем. И давними фестивальными традициями. (Кстати, в рамках популярнейшего праздника Национальной песни и поэзии «Маладзечна», этим летом он будет посвящен 75-й годовщине со дня рождения Владимира Мулявина, осуществляется и региональный просветительский проект, основанный на белорусской классике разных времен, — благодаря энтузиазму маэстро Михаила Финберга, артистам возглавляемого им оркестра и сподвижнице по Союзу музыкальных деятелей, доктору искусствоведения Ольге Дадиомовой, комментатору и популяризатору серьезных концертных программ.) Здесь же зарождалась и на протяжении без малого десятка лет складывалась история «фирменного», поистине всенародного республиканского фестиваля Ассоциации белорусских цимбалистов БСМД «Сярэбраны звон цымбалаў».

А еще в этом городе живет и творит маэстро, радеющий за национальное искусство, преданный идеалам классического наследия, обеспокоенный сегодняшним уровнем эстетического воспитания большинства наших сограждан, — директор Молодечненского музыкального колледжа имени М. К. Огинского, председатель Минского областного отделения БСМД, заслуженный деятель культуры Беларуси Рыгор Сорока. Он создал и симфонический оркестр колледжа

(теперь уже заслуженный любительский коллектив республики), и единственный в стране молодежный музыкальный народный театр, осуществляющий постановки мировой классики, приобщивший земляков-молодечненцев к оперному жанру. Именно этому инициативному организатору принадлежит идея создания и сценического воплощения оперы об удивительном герое нашей истории — «Міхал Клеафас Агінскі. Невядомы партрэт». С легкой руки дирижера это уникальное романтическое произведение, написанное композитором Олегом Залётневым на либретто Сергея Макарея, вошло в гастрольный актив молодечненских музыкантов, продолжает уже и в новом сезоне завоевывать симпатии слушателей даже за пределами страны...

Неутомимая подвижница трудится в Бресте: Лилия Батырева. Однажды мне довелось услышать от Лилии Григорьевны трогательную историю, в которой, несомненно, был знак судьбы. Почти полвека назад ей, молодой пианистке, преподавателю музыкального училища, выпал шанс познакомиться со Святославом Рихтером. Когда гениальный артист, возвращаясь после зарубежных гастролей в Москву, впервые решил задержаться в незнакомом приграничном областном центре, чтобы дать концерт для здешних любителей фортепианного искусства, кого-то из брестских педагогов-музыкантов обязали встречать его на железнодорожном вокзале и сопровождать до гостиницы. Перед прибытием гостя план встречи внезапно изменился, и ответственное поручение доверили персонально Батыревой. Пришлось перебороть излишнее волнение, чтобы стать не просто «сопровождающим лицом», а и гидом, и помощницей Рихтера, пусть и на совсем короткий период неожиданных гастролей. Спустя некоторое время он снова выступил в Бресте. Потом еще, еще и еще... Рихтер приезжал в приветливый, радушный и очень чуткий к музыке западный белорусский город восемнадцать раз. Его жена, певица и педагог, профессор Нина Дорлиак охотно выступала перед публикой, а также проводила мастер-классы по вокалу для молодежи Брестского музучилища. На протяжении тридцати лет Лилия Григорьевна подружески близко общалась с этой необычной семьей. И пока был жив Святослав Теофилович, получала от него коротенькие и остроумные почтовые приветы из разных стран.

Она каждый год посещала концерты знаменитого фестиваля «Декабрьские вечера», организованного Рихтером в Москве. И этот великий человек, можно сказать, личным примером подвигнул Батыреву на осуществление ее собственного, в то время казавшегося иллюзорным, замысла.

В середине 1980-х она мечтала подарить своему городу ежегодный музыкальный праздник международного уровня — и сделала это! Участниками брестских «Январских музыкальных вечеров» — фестиваля классического искусства, организованного Лилией Батыревой, — в разное время были Святослав Рихтер, Эмиль Гилельс, Артур Эйзен, Мария Биешу, Тамара Милашкина, Елена Образцова, Виктор Третьяков, Саулюс Сондецкис, Владимир Спиваков с «Виртуозами Москвы», прославленный хор под управлением Владимира Минина и еще многие, многие именитые исполнители, а также молодые звезды, ярко вспыхнувшие на международных академических конкурсах. Концерты фестиваля, состоявшегося три года назад, вел незабвенный Святослав Бэлза.

Невероятно! На календаре ее юбилейных дат уже перевернут листок с пометкой «80». А она готова побеждать даже в нескончаемом противоборстве с ветряными мельницами, действовать наперекор хронически прогрессирующим финансовым трудностям, решать самые крутые головоломки, продумывая будущую афишу, — только бы не пострадал престиж звездных брестских вечеров, не снизился художественный уровень их концертных программ. Только бы не угас в людях интерес к живой классике!

Легендарная «мама фестиваля», возглавляющая Брестское музыкальное общество, активно участвующая в работе правления БСМД, отмеченная премией

«За духовное возрождение» и с достоинством несущая звание заслуженного деятеля искусств Беларуси, полна неукротимого оптимизма и энергии. Так что начало года, знаменательного нынче для отечественной культуры, вновь украсили осененные рождественским настроением «Январские музыкальные вечера». Благодаря солидной поддержке единомышленников-организаторов (Брестские областной и городской исполнительные комитеты, Белорусский союз музыкальных деятелей, Брестское областное музыкальное общество), арт-директор Лилия Батырева, как всегда, сумела найти, пригласить в свой проект весьма достойных зарубежных гостей и собрать замечательных белорусских музыкантов — непременных участников фестиваля. Традиционный и неповторимый праздник, ставший уже частью нашего культурного пространства, прошел двадцать восьмой раз подряд! А выступили в Бресте, помимо отечественных артистов, их коллеги из Грузии, Дании, Италии, Китая, Литвы, Нидерландов, Польши, России, США, Украины, Чехии.

Лилия Батырева.

Таковы лишь некоторые, но, согласитесь, исторические эпизоды жизни двух «некоронованных» музыкальных столиц …

И даже Бах в метро!

Наша музыкальная реальность складывается из самых разных повседневных событий: обыденных, как рутинная черновая работа, насущных и необходимых, как хлеб, радостных, великолепных, незабываемых, как праздничное волшебство доброй сказки. Белорусский союз музыкальных деятелей причастен ко многим из них. Но насколько сопряжена сегодняшняя жизнь уникального сообщества музыкантов с Годом культуры? Вопрос, казалось бы, не риторический, вполне конкретный, однако вряд ли удастся ответить на него без оговорок и рассуждений.

На неоднозначность вопроса обратила внимание и моя собеседница — первый заместитель председателя правления БСМД Наталья Витченко:

«Действительно, трудно себе представить, какими особенными делами могут ознаменовать этот год люди, чья деятельность постоянно и напрямую связана с художественной культурой, да и с культурой в более широком, общем смысле. Из года в год, можно сказать — круглосуточно, они просто живут музыкой, творчеством, обогащая эту сферу по мере своих сил, профессионального опыта и таланта. Они всегда неравнодушны, горят идеей воспитания грамотного, просвещенного слушателя, стремятся противостоять индустрии бездумных массовых развлечений, пробуждать вкус к высокому искусству. Находят возможности пропагандировать в обществе — в первую очередь, среди моло-

Хор «Каравелла» под управлением Анатолия Варлахина.

дежи, а также в детской аудитории, — непреходящие духовные и эстетические ценности, традиции национальной культуры, музыкальную классику, лучшие образцы современного композиторского творчества и отечественного исполнительства. Словом, наши музыканты, как и прежде, работают с невероятной самоотдачей, продолжают воплощать задуманное ранее, предлагают новые творческие проекты. Наверное, их ближайшие достижения и новые инициативы можно считать посвящением нынешнему Году, а успешные дела — очередным вкладом в отечественную культуру.

С января список таких дел заметно пополнился. Помимо яркого и резонансного 28-го международного фестиваля классической музыки, состоявшегося в Бресте, наш союз принял участие и оказал поддержку в организации нескольких столичных мероприятий. Два из них подготовлены Ассоциацией руководителей хоров мальчиков и юношей БСМД. Это ставший уже традиционным концерт в Большом зале филармонии «Рождество Христово — на душе светло!» (проводится с 2011 года по инициативе и при непосредственном участии Светланы Савельевой — руководителя образцового хора мальчиков и юношей «Парус» Детской музыкальной школы искусств №2 имени Николая Аладова). И — очередная программа популярного филармонического абонемента «Поют мальчишки», в которой выступили хор мальчиков «Credo» СШ № 183 (руководитель Татьяна Сильченко), вокальный ансамбль мальчиков «Соллерс» ДМШИ № 8 имени Рыгора Ширмы (руководитель Елизавета Попова), хор мальчиков и юношей «Каравелла» Минского государственного Дворца детей и молодежи (руководитель Анатолий Варлахин), образцовый хор мальчиков и юношей «Соловушка» СШ № 33 (руководитель Андрей Кунцевич) и другие коллективы. Состоялось два концерта филармонического цикла «Поют православные детские хоры», способствующего не только пропаганде церковной хоровой музыки, но и повышению профессионального исполнительского уровня приходских певческих коллективов. Участвовали детско-юношеские и детские хоры прихода в честь иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радосте» (руководители Людмила Литошик и Алла Суханова), «Ладья» Свято-Андреевского прихода (руководитель Любовь Шпаковская), Всесвятского прихода (руководители иерей Андрей /Саврицкий/ и Мария Клочко), а также хор храма иконы Божьей Матери «Всецарица» (регенты Ольга Шолкова и Дарья Светченкова), вокальный ансамбль древнерусского певческого искусства «Сретение» прихода в честь Рождества Иоанна Предтечи (регент Ольга Суарес), мужской хор «Источник» Свято-Петро-Павловского собора (регент Людмила Куцелай).

Заботясь о музыкальной перспективе, союз поддерживает как самых маленьких, начинающих исполнителей, так и молодых профессионалов, заявивших о себе уже, как говорится, «по-взрослому». Помогли, например, организовать

в Красном костеле февральский концерт струнного оркестра «Метаморфоза». Коллективу нет еще и года, его собрал и возглавил молодой дирижер Павел Любомудров, пригласив к сотрудничеству лучших минских музыкантов — лауреатов международных конкурсов, стипендиатов специального фонда Президента Беларуси по поддержке талантливой молодежи. Всегда с интересом встречаем и принимаем креативные идеи, которые предлагает наша Ассоциация молодых композиторов, возглавляемая увлеченным, инициативным Константином Яськовым. В прошлом сезоне это творческое подразделение БСМД приобщилось к сенсационному для Минска, но приемлемому для европейского контекста международному проекту «Бах в метро» — устроило на площадке многолюдного подземного перехода выступления музыкантов. Такой непосредственный контакт с живой классикой словно открыл для многих случайных прохожих окно в новый удивительный мир и получил восторженный общественный резонанс. В офис БСМД тоже неоднократно поступали звонки от благодарных слушателей».

И вот недавно, как рассказала Наталья Васильевна, состоялось новое необычное культурно-просветительское мероприятие. Ассоциация молодых композиторов провела его при содействии Польского института в Минске. Место выбрали также весьма людное, популярное и доступное для всех: торговый центр «Столица». Акция посвящалась дню рождения Фридерика Шопена, который отмечают в первый весенний день. Цель? Приобщение и привлечение внимания минчан к мировому, общечеловеческому культурному наследию — музыке великого композитора, пропаганда высокохудожественного музыкального искусства среди широких масс населения. (Кстати, рассуждая о том, насколько понятен, близок нашим соотечественникам Шопен, можно вспомнить, что его творческий путь хранит и очень тонкий, но выразительный белорусский след: формирование определенных музыкальных пристрастий под влиянием полонезов Михала Клеофаса Огинского, парижское общение с Наполеоном Ордой и прочие примеры, приводимые исследователями.)

Что же было в «Столице»? Двухчасовой концерт камерно-инструментальной музыки, сопровождавшийся разнообразным тематическим видеорядом и познавательным конферансом ведущего. Ни с чем не сравнимые, гениальные произведения звучали в исполнении учащихся минской ДМШИ № 3 имени Фридерика Шопена, их преподавателей, а также в трактовке известных профессионалов. Вечно снующие покупатели то и дело превращались в неторопливую публику и входили в эту роль с особым удовольствием, если удавалось выискать удобное местечко в расположенных рядом кафе с кондитерскими лакомствами.

Кто-то, наверное, не найдет никакого смысла в инновациях, опровергающих «правила хорошего тона», сформировавшиеся в сфере академической культуры. Кто-то увидит в этом одну из возможных форм ее выживания в непреодолимом потоке «культурного суррогата». На стыке споров и размышлений ищут неравнодушные люди, единоверцы и оппоненты, способ сохранить непреходящие художественные ценности, обратить на них внимание общества, расширить круг приобщенных к музыкальной классике и посвященных в большое искусство. Ищут — стремясь не предать великие и мудрые традиции, не потерять родные корни, позаботиться о духовном наследии…

«Молодежи, пришедшей в союз, может недоставать определенных знаний и навыков, жизненного и профессионального опыта, но у нее есть то, что далеко не всем удается сохранить с течением лет: свежий взгляд на современный музыкальный мир, — убеждена моя собеседница. — *Талантливые и самые активные молодые коллеги четко понимают задачи нашего сообщества, чувствуют вызовы времени. Поэтому каждый на своем месте — выступая с концертами, занимаясь музыкальным просветительством, исследовательской или педагоги-*

Михась Дриневский, Наталья Витченко, Томас Курило после регистрации союза в Министерстве юстиции БССР. 1987 г.

ческой работой, придумывая коллективный творческий проект, организуя встречу со слушателями, — так или иначе ратует за высокое творчество, стремится противостоять рыночной агрессии в искусстве, защитить «музыкальный неформат», поспособствовать развитию глубоких традиций и многообразных направлений национальной музыкальной культуры.

Нетрудно заметить, что молодежь и дети участвуют практически во всех проектах, которые организует или поддерживает БСМД. В апреле наш некоммерческий продюсерский центр «Классика» в лице его арт-директора Валерия Уколова готовится, как мы между собой пошучиваем, стать «многодетным папой». Запланировано три мероприятия. В начале месяца — концерт в зале Полоцкого Софийского собора с участием певческих коллективов Ассоциации руководителей хоров мальчиков и юношей БСМД и солистов — лауреатов республиканских конкурсов юных вокалистов имени Шаляпина. Затем в Малом зале Белгосфилармонии — концерт юных пианистов, учащихся Республиканского колледжа при Белорусской государственной академии музыки класса Элеоноры Ахремчик. Элеонора Ивановна — известный педагог, одна из ведущих наставников этого уважаемого учебного заведения, 80-летию которого и посвящен концерт. А 24 апреля свою программу представят молодые вокалисты, студенты БГАМ класса Нины Шарубиной — именитой солистки Национальной оперы, народной артистки Беларуси, лауреата Государственной премии.

Кстати, об именах и традициях. Мы всегда откликаемся на душевные запросы поколения, умудренного жизненным опытом, не оставляем без внимания искреннее творчество наших коллег, хранящих верность добрым песенным традициям времен своей юности. Так, в январе при поддержке БСМД в концертном зале «Минск» состоялся концерт памяти Муслима Магомаева «Свет негаснущей Звезды», и золотые шлягеры из репертуара великого артиста прозвучали в исполнении Алексея Исаева — заслуженного артиста Беларуси».

Конкурс — тоже праздник

Для сохранения и развития культуры очень важна преемственность. Это свойство присуще всем постоянным и наиболее масштабным мероприятиям БСМД. О каждом из них стоило бы поведать отдельно: рассказы будут эмоциональные, долгие, со множеством красочных подробностей… Но мы с Натальей Витченко не рискуем объять необъятное и договариваемся так. Она в общих чертах повествует о недавнем и ближайшем, а уж читатель, обладающий даже скромным воображением, представит себе атмосферу некоторых важных музыкальных событий, оценит их воспитательное и общекультурное значение.

«В преддверии весны Ассоциация белорусских баянистов и аккордеонистов провела в Гомеле международный конкурс «Мой сябра — баян». Для многочисленных поклонников популярного в народе инструмента это давно знакомый и ожидаемый праздник. Гомельчане принимали его у себя уже восьмой раз, но впервые — в новом статусе. Учредителем стало Министерство культуры Беларуси, наряду с Гомельским облисполкомом и нашим союзом, конкурс теперь включен в государственный реестр. И таким образом, в Год культуры «Мой

сябра — баян» прошел под номером «1», собрав на творческий турнир представителей Беларуси, Китая, Латвии, Литвы, России, Украины. Он, как и раньше, будет способствовать выявлению и поддержке творчески одаренных детей, развитию их способностей и повышению уровня исполнительского мастерства, популяризации баянного искусства в нашей стране, стимулированию творческой инициативы педагогических работников, развитию и укреплению международных культурных связей. А сама Ассоциация во главе с нашим замечательным баянистом, профессором Николаем Севрюковым продолжит радовать публику разных белорусских городов феерическими концертами с участием ведущих мастеров и новых юных лауреатов.

Совсем недавно Ассоциация руководителей хоров мальчиков и юношей БСМД, продюсерский центр «Классика» вместе с нашей Академией музыки и Шаляпинским обществом Беларуси провели четвертый открытый Республиканский конкурс юных вокалистов имени Федора Шаляпина. Это соревнование всегда проходит как праздник. А организовано оно в целях сохранения и развития традиций вокального исполнительства мальчиков и юношей, выявления среди них новых талантов, оказания им продюсерских услуг и поддержки в повышении профессионального мастерства. Не секрет, что сегодня, в условиях массового увлечения эстрадным вокалом и распространения всевозможных студий, специалисты отмечают определенные проблемы в подготовке певцов академического направления, выявляют плачевные результаты ошибок педагогов в работе с начинающими вокалистами и так называемого «переучивания». Уже ощутим дефицит хороших мужских голосов в профессиональных певческих коллективах. Нынче был значительно расширен возрастной ценз участников конкурса, они распределились по пяти группам — от 10 до 20 лет.

А вот и совсем новый проект: Белорусский конкурс исполнителей на ксилофоне и маримбе имени Михаэля Гузикова. Не только эрудитам в области ударных инструментов, но и многим краеведам-любителям, и знатокам белорусской истории хорошо знакомо это имя. Уроженец Шклова, Гузиков был известным в Европе XIX века музыкантом-виртуозом, создателем принятой ныне конструкции ксилофона. Конкурс, о котором давно мечтали музыканты, мы организовали совместно со своим структурным подразделением — Белорусской перкуссионной ассоциацией. Определили основные задачи: увековечить имя знаменитого соотечественника, оказывать содействие дальнейшему совершенствованию и развитию белорусской исполнительской школы игры на ударных инструментах, открывать и поддерживать музыкальные таланты. В рамках мероприятия состоялись открытые уроки ведущих белорусских преподавателей. Все происходило в стенах Детской музыкальной школы искусств № 10 имени Евгения Глебова.

Известнейшая в столице, да и в стране, ДМШИ № 10 празднует свое 45-летие. Начиная с января коллектив отмечает знаменательную дату яркими концертными выступлениями в лучших залах Минска. К слову, ее директор Тамара Куницкая активно участвует в работе правления союза, благодаря Тамаре Артемовне у нас сложилось надежное партнерство с творческими коллективами школы, учениками и педагогами, среди которых — признанные таланты, лауреаты различных конкурсов. Отрадно, что школа приобщается ко многим мероприятиям БСМД.

И — о ближайших, апрельских проектах.

«Сярэбраны звон цымбалаў» теперь зазвучит на Брестчине. Прославленный фестиваль-конкурс переезжает нынче из Молодечно в Барановичи. Проводится он уже восьмой раз. Но поскольку в открытом формате будет по счету только второй, то и обозначен как Второй открытый Форум цимбалистов. В числе учредителей — Министерство культуры Беларуси, Главное управление идеологической работы, культуры и по делам молодежи Брестского облиспол-

Участницы
Образцового старшего хора
ДМШИ № 10 имени Е. А. Глебова.

кома, Барановичский городской исполнительный комитет, местные музыкальные учреждения — колледж и школа, наш союз и Ассоциация белорусских цимбалистов. Форум посвящается Году культуры.

Его работа направлена на подведение итогов творческой работы цимбалистов за 2013—2015 годы, на пропаганду белорусской цимбальной школы, обмен опытом в исполнительском мастерстве и, разумеется, — на выявление молодых талантов. Трехдневная программа будет насыщена событиями. Ассоциация белорусских цимбалистов, где основной груз организационных забот приняли на себя Евгений Гладков, ее лидер, и Римма Подойницына, планирует проведение отчетно-выборной конференции. На торжественном открытии форума готовятся выступить народный оркестр белорусских народных инструментов под руководством Елены Хачковской и учащиеся цикловой комиссии струнных народных инструментов Барановичского государственного музыкального колледжа. А потом начнется конкурсный марафон — многочасовые прослушивания солистов и коллективов. Он завершится на третий день подведением итогов, награждением лучших в своих возрастных группах, концертом победителей. Сколько проникновенной и жизнерадостной музыки будет вокруг!

Отзвуки «Сярэбранага звону цымбалаў» подхватит минское «Рэха». Это уже третий по счету Открытый белорусский фестиваль-конкурс национальной музыки. Организатором является Творческий центр «Belartsound» БСМД. Проект (его директор — Галина Казимировская, художественный руководитель — Юрий Казакевич) нацелен на популяризацию национальной музыки, показ достижений творческих коллективов, сольных исполнителей. Причем сюда приглашают исключительно артистов-любителей. Предыдущий фестиваль-конкурс проходил в ноябре 2013 года. Теперь его формат расширен, в гости собираются друзья из ближнего и дальнего зарубежья, так что наше «Рэха» озвучит музыку не только композиторов Беларуси, но и других стран. Кроме того, для участия в конкурсе приглашаются танцевальные коллективы.

«Рэха» привлечет внимание многих, ведь в нем столько разнообразия! Концертные программы, конкурсные выступления в различных номинациях, жанрах, возрастных группах (от малолетних деток до пожилых людей), мастер-классы, форумы, «круглые столы» (в том числе для дирижеров и руководителей творческих коллективов). В числе участников будут народные и академические, однородные и смешанные по составу хоры, вокальные группы, танцевальные ансамбли, солисты. Жюри предстоит сделать выводы о профессиональном уровне творчества национальных композиторов и оценить конкурсные выступления исполнителей».

* * *

Тем временем продолжается и своеобычная внутренняя жизнь союза. Здесь так же, как принято, наверное, в любом коллективе, чествуют своих юбиляров. В нынешнем списке БСМД немало знаменательных дат. Чье же имя открыло этот юбилейный календарь?

Так уж сошлись звезды: первым принимал поздравления бессменный «Старшыня», председатель правления союза, выдающийся музыкант, педагог, лауреат

Государственной премии БССР и премии «За духовное возрождение» Михась Дриневский. 12 февраля ему исполнилось семьдесят пять. В тот вечер у именинника было как никогда много гостей. Друзья, коллеги, официальные лица и ученики; самые близкие и родные люди; давние поклонники уникального таланта и просто зрители пришли к Михасю Павловичу на юбилей в Большой зал филармонии. Концерт Национального академического народного хора под управлением маэстро Дриневского — феноменального артиста, мудрейшего хранителя живых песенных сокровищ непостижимо самобытной белорусской души — прошел с аншлагом, в окружении теплых чувств, хороших слов, добрых пожеланий и под пристальным взглядом телекамер.

«По всей Беларуси, в странах-соседях и в дальнем зарубежье Дриневского знают, уважают и почитают как Народного Артиста, Рыцаря национальной песни, Мастера хора. Пожалуй, только в нашей «корпоративной» среде его имя, его личность связывают еще и с деятельностью творческого союза, — говорит Наталья Витченко. — *Михась Павлович — первый и незаменимый! Любим его, желаем здоровья, бережем как наше неоценимое сокровище. Рыцарь народной песни, он так же самоотверженно, по-рыцарски обороняет всю белорусскую музыкальную культуру, возглавляя наш союз, отстаивая интересы и творческой элиты, и рядовых артистов-исполнителей, и педагогов из глубинки, и юных любителей, только-только переступивших порог храма искусства».*

Благодаря Дриневскому история БСМД, длящаяся уже без малого 30 лет, сложилась на сегодняшний день вполне гармонично, хотя вместе со страной музыканты переживали разные периоды, и ситуации бывали проблемные и даже трагические, когда на повестке дня стоял вопрос о самороспуске организации… В общем, надо ли объяснять, что значат для БСМД имя и личность Михася Павловича Дриневского, его искренность, мудрость, порядочность, великодушие и доброта, окутанная теплым юмором? Без него это был бы совсем другой союз. Не с такой внутренней атмосферой и не с такими достижениями.

«Приятно отметить, что именно Михась Павлович благословил наше творческое сотрудничество с журналом «Нёман». Активисты союза с энтузиазмом поддержали необычное начинание, стали проявлять интерес к музыкально-публицистическому проекту. Они ощутили эмоциональную, интеллектуальную, духовную отдачу от сопричастности к литературному контексту современного уважаемого издания, от новых возможностей напомнить о музыке, о людях искусства, поговорить о жизни союза. «Виртуальное» знакомство музыкантов с читательской аудиторией оказалось делом хорошим и важным. Они сами стали читателями, начали выписывать «Нёман», охотиться за ним в киосках. И, конечно, будут рады каждому появлению рубрики «Collegium musicum» на страницах журнала. Мы признательны редакции — нашим чутким, надежным, настоящим творческим партнерам».

Год культуры только набирает силу, а уважаемому общественному объединению уже есть что сказать о результатах своей многогранной и насыщенной деятельности, в которой отражаются самые привлекательные и благородные черты сегодняшнего музыкального облика страны.

Светлана БЕРЕСТЕНЬ
Фото автора и из архива БСМД.

Искусство суждения

Современная белорусская проза

Ни для кого не секрет, что основная задача толстых журналов — отражение современного литературного процесса. Именно они зачастую являются первым шагом на пути произведения к читателю и во многом определяют его дальнейшую судьбу. Что-то прочтется и забудется, а что-то еще долго будет будоражить литературную общественность. Проза, о которой пойдет речь в этих статьях, когда-то была опубликована в «Нёмане», а потом вошла в сборник «И нет пути чужого».

Инесса МОРОЗОВА

Неосуществленность мечты как непрожитость жизни

В современной белорусской литературе есть три произведения, вызвавшие в свое время широкий резонанс, принадлежащие перу писателей, талант которых уже давно не подлежит никакому сомнению. Разноплановые в тематическом отношении повести «Гений», «Дикий луг» и «Прощение», неоднократно подвергшиеся рассмотрению в исследовательской практике и литературной критике, содержат в себе художественную реализацию мотива неосуществленности мечты, специфику функционирования которого следует проанализировать подробнее.

В повести О. Ждана «Гений» представлен образ достаточно сложного и противоречивого молодого человека Трифона, Тришки, как он себя называет, неказистой внешности, амбициозного художника-самоучки, одаренного от природы и уверенного в собственной гениальности, но непризнанного и непонятого, одержимого мечтой создать гениальный шедевр в живописи. Невостребованность в профессии, материальные трудности, насмешки со стороны окружающих вызывают ответную агрессивную реакцию у Тришки, доминирующими составляющими сознания которого являются мизантропия и моральный нигилизм. В первую очередь объектом его агрессии становится мать, образованная доброжелательная женщина, живущая по нравственным принципам честности и личной ответственности, но неудачница во всем: подкидыш, невзрачная внешность, неудавшаяся

карьера (так и не защитила диссертацию), отсутствие личной жизни, скромное жилище, вечная нехватка денег и т. п. У Тришки вызывает серьезное внутреннее беспокойство отсутствие того «статуса» семьи, который позволил бы заслужить «уважение» в обывательской среде, экзистенциальная обездоленность, приводящая к насмешкам и издевательствам со стороны одноклассников, сослуживцев в армейской среде, коллег по работе, на которой он долго нигде не задерживается, демонстрируя позицию социального бунтарства и индифферентности. С одной стороны, Тришка осознает безнравственность и цинизм фальшивого общества, живущего по двойным стандартам, а с другой стороны, он демонстрирует зависимость от этого же общества, от мнения окружающих, от устоявшихся штампов усредненности и плоского мещанства.

У героя не хватает ни внутренней силы, ни мужества противостоять такому положению вещей (это, действительно, очень сложно), но хватает храбрости предъявлять претензии матери, морально уничтожая ее «убийственной» мыслью: «Он не просился на свет. Она его родила и потому не имеет права жаловаться на судьбу. Вместе с ним она должна принимать эту муку… А вы думали — на радость? Христос — на муку, а вы — на удовольствие? Все на муку, кроме глупцов и тиранов». А она, решив родить ребенка в возрасте сорока лет, прекрасно осознавая перспективу судьбы матери-одиночки, руководствовалась не эгоистическими установками и узким прагматизмом, а принципами христианской метафизики: «Да и не могла не родить. Он жил во мне давно, лет уже… не знаю, всегда. Знала, какой он, как ест, пьет, на горшке сидит… Все знала. Оставалось выпустить на Божий свет. Это ведь я преступление совершила б, если бы… Не перед людьми, нет, им все равно, перед Богом». Мать для Тришки является человеком, главная функция которого заключается в обслуживании его эгоцентричной персоны. Морально-психологический прессинг со стороны сына — это банальная и примитивная месть за нереализованность задуманного, за несчастливую собственную жизнь и своеобразный компенсаторный выход негативной энергии, которую он не способен в полной мере обрушить на тех, кто причиняет ему зло. Внешнее отсутствие душевной теплоты и сострадания, эмоциональная черствость доминируют в поведении Тришки. Он совершает моральное предательство, уничтожая мать своим презрительным сарказмом, не считаясь с ее интересами.

Ничего, фактически, не создав в этом мире и не стремясь что-либо кардинально изменить в личной судьбе и жизни матери, он перечеркивает метафизическую и онтологическую значимость самого святого человека в мире, глубинную сущность которого понимал В. Розанов, утверждая: «Есть ли жалость в мире? Красота — да, смысл — да. Но жалость? Звезды жалеют ли? Мать — жалеет; и да будет она выше звезд». Наказание за разрушительное бездушие, моральную безответственность и всепоглощающий эгоцентризм — внезапная смерть матери. Смерть, которую он не может принять, пытаясь спрятаться в неверие, в сон, а раскаяние, как всегда, слишком запоздалое. Эта потеря обнаружила скрытую зависимость от матери и, как это ни странно, глубокую привязанность к ней, экзистенциальную потребность в ее физическом и духовном присутствии, осознание пустоты и одиночества, оставленности в этом мире, лишний раз подтверждая мысль Э. Фромма о том, что «жестокость разрушает душу и тело и саму жизнь; она сокрушает не только жертву, но и самого мучителя».

Взаимоотношения с Леной, испытывающей к Тришке искренние чувства, выстраиваются по той же деструктивной схеме. Жертвенность и простодушие девушки воспринимаются как нечто должное, само собой разумеющееся. Безответственность Тришки в сексуальных взаимоотношениях с ней, цинизм и примитивность свидетельствуют о психологической и физиологической неразвитости. Моральная деструктивность во взаимоотношениях с приятелями, с коллегами по работе обусловлена у Тришки не

только осознанием существующей социальной несправедливости, сложных экзистенциальных противоречий, но и наличием деформированной психики (попытки суицида, желание перерезать горло родному дяде за грубость в его адрес), определенной генетическим кодом, изменить который невозможно. С этой точки зрения, с человека как бы снимается ответственность за существующее в его природе зло (своеобразная антроподицея), то есть Тришка достоин сострадания и прощения в границах христианской этики (он тоже мученик по жизни). Но вот с точки зрения этики общечеловеческой? Поэтому вполне понятна позиция автора повести понять и простить героя: «Я і сам толькі ў канцы аповесці зразумеў майго героя і дараваў яму».

Художественно моделируя в повести тип антигероя с доминирующим нигилистическим мироощущением и моральной агрессивностью, направленной на личную внутреннюю и внешнюю разрушительность, автор произведения продолжает ряд литературных образов, восходящих к типу подпольного человека Ф. Достоевского, героев-идеологов с ярко выраженным кризисом индивидуализма, в которых персонифицирован социальный пессимизм, декларация одиночества как враждебности социальным установкам. Но стремясь осуществить заветную мечту создать гениальное живописное полотно, способное явить миру новый эстетический взгляд на мир, Тришка оказывается в плену этой же социальной зависимости, поскольку ему необходимо признание авторитетных представителей общества, он стремится к определенному социальному статусу. Осознав собственную слабость, позволившую ему пойти на компромисс, на сделку с собственными мировоззренческими и эстетическими установками, подстраиваясь под общество, законы и принципы которого он отрицал, Тришка выбрасывает в урну собственную картину, расставаясь тем самым с ложной идеей гениальности, в плену которой он находился: «И еще понял: не было никакой гениальности. Был маленький невезучий человечек, мечтавший выцарапаться из нищеты и безвестности, спасти свою ничтожную, но единственную жизнь». Неосуществленность мечты, к которой он так стремился, искажая собственную жизнь, нарушая ее нравственные и онтологические законы, подчиняясь экзистенциальной разрушительности, приводит к печальному финалу, усиливая болезненное ощущение ее непрожитости, поскольку «разрушительность — это продукт непрожитой жизни».

Не менее трагически мотив неосуществленности мечты художественно воплощен в повести А. Федаренко «Дикий луг», отражающей осмысление судеб двух сельских семей. Один из братьев, Петро Цветок (как его прозвали в деревне за внешнюю привлекательность), изначально словно бы запрограммирован на жизненную, экзистенциальную неудачу. Не реализовав юношескую мечту стать машинистом электропоезда, поспешно женившись не по любви на женщине старше своих лет, Цветок не столько живет, сколько проживает жизнь почти механически, безрадостно, монотонно, растворяясь в однообразии обыденности. Это жизнь по схеме «работа — приятели — алкоголь — дом», причем дом и семья не являются доминирующим звеном в системе его жизненных координат. Цветка не радуют ни жена, ни трое дочерей, а важным компенсаторным элементом в жизни выступает алкоголь: «Петро понемногу превратился в тихого, пропащего пьяницу. Это просто был какой-то эксперимент с предопределенным финалом: кто кого — я водку или она меня?.. Он давно оставил мечту стать машинистом, уже не провожал с завистью глазами скорые поезда; теперь его интересуют только «медведи» — товарняки с вином из Молдавии».

Требовательность жены, ее сугубо потребительское отношение к Петру как добытчику, постоянные упреки в нехватке материальных средств вынуждают его искать понимания и сочувствия у односельчан, еще более затягиваясь в сети алкогольной зависимости. Отсутствие нежности и теплоты со стороны дочерей и супруги (вполне понятная и объяснимая реакция на мужа и отца-алкоголика) усу-

губляет ситуацию и кардинально ничего не меняет. Девиантное поведение Цветка, в сознании которого доминируют пессимизм и безразличие, разрушительным образом воздействует как на самого носителя таких жизненных установок, так и на домочадцев. Цветок не способен (да и не стремится) преодолеть «не достигнутое равновесие между мечтой и действительностью» (Н. Бердяев), не способен принять как должное тот факт, что жизнь всего мира, жизнь человека и есть эта самая обыденность, вот только наполненность этой обыденности зависит исключительно от него самого. Финал такой жизненной истории трагичен — преждевременная смерть Цветка от алкогольного отравления.

Второй брат Кулинич живет, на первый взгляд, более счастливой жизнью. Это основательный, хозяйственный, работящий человек, любящий муж и отец. Его молодая жена Махновочка стремится не отстать от мужа, являя собой образ заботливой и трудолюбивой хозяйки дома, прекрасной и нежной матери. Мечта всей жизни супругов — вырастить сына Василька, красивого, приветливого и доверчивого мальчика, дать ему хорошее образование, обеспечить его будущее. Чрезмерность сосредоточенности на ребенке, чрезмерность материнской любви (а разве она поддается какому-либо измерению?) приводят к неожиданному трагическому результату — ребенок погибает, упав в кипяток, приготовленный самой Махновочкой для купания Василька. Смерть малолетнего сына приводит к качественному перерождению супругов: Кулинич становится замкнут и угрюм, а у эмоциональной Махновочки происходит болезненное изменение психики. Неосуществленность главной мечты фактически обрывает настоящую жизнь супругов, разделяя ее на *до* и *после*, она приобретает иной вектор, приводящий к обычной функции простого выживания в необычайно сложной и болезненной ситуации, подчеркивая глубокий трагизм жизни, богооставленность мира и человека. Неслучайно в тексте представлено это авторское отступление: «Вот так оно сработало, это подлое, безжалостное, отвратительно-жестокое правило: а не забывай, кто ты в этом мире, не люби сильно, не привязывайся к кому бы то ни было, не привыкай, будь всегда наготове, чтобы не застигло врасплох, умей защищаться, держи про запас все варианты — вплоть до самого худшего… А позабудешь, расслабишься, захочешь посмотреть на этот мир широко раскрытыми васильковыми глазами — так мы напомним!..» [1, с. 46].

Стремление безутешных супругов найти поддержку у односельчан, порой навязчиво предлагающих им свою помощь, вызывает лишь отторжение и даже циничный смех над просьбой душевнобольной Махновочки отдать ей ребенка на воспитание. Бездушие и жестокость окружающих продиктованы банальной эгоистической самозащитой от возможных бед и несчастий, которые может привлечь в их семьи убитая горем чета, выявляя тем самым наличие дефицита добра как в онтологическом, так и метафизическом планах. Поэтому неудивительно, что Н. Бердяев, осознавая драматическое существование человека в мире, утверждал: «Радость для меня всегда была отравлена мыслью о смерти, о страдании людей, о несправедливости жизни в этом мире, о кратковременности и непрочности всего».

В повести А. Браво «Прощение» художественная реализация мотива неосуществленности мечты имеет не менее усложненную схему. Судьба сводит белоруску Ларису с немецким стариком Гансом, страдающим болезнью Альцгеймера (она вышла замуж за его сына Ральфа и уехала жить в Германию), за которым ей приходится ухаживать. Складывающиеся поначалу вполне доброжелательные взаимоотношения между невесткой и свекром постепенно начинают вызывать негативную реакцию у Ларисы, когда неожиданно выясняется, что Ганс в молодости воевал на территории Беларуси. Безусловно, это всегда достаточно болезненная тема для человека, у которого, к тому же, бабушка в годы войны пережила смерть совсем маленького сына, скрываясь от фашистов в болоте: «…когда ее бабушка с тремя детьми пряталась в болоте, по пояс в ледяной жиже, а полицаи

из айнзацгруппы и немецкие солдаты, предварительно пустив в деревню красного петуха, прочесывали лес, метр за метром… самый младший из детей вдруг начал плакать, и она сунула ему грудь; но ребенок продолжал пищать, а она все пихала и пихала ему в рот грудь, пока тот не замолчал окончательно, как оказалось — задохнулся». Испытывая противоречивые чувства к старику, Лариса все же добросовестно выполняет свои обязанности, но состояние Ганса настолько ухудшается, что его приходится определить в дом престарелых.

Случайно обнаружив дневник Ганса и узнав его драматическую историю, Лариса испытывает эмоционально-психологический шок. Ее появление в доме напомнило Гансу о молодой белорусской девушке Зосе, трагически погибшей от рук фашистов, трепетную любовь к которой он пронес через всю жизнь. Вот отрывок из его дневника: «Мой сын Ральф наконец женился. Привез женщину из той самой страны. Когда я увидел ее, остолбенел: она невероятно похожа на Зосю! Теперь воспоминания посещают меня почти каждую ночь. Спазмы стискивают горло, не дают дышать. Зося, первая и единственная моя любовь…» Неосуществленность мечты, неосуществленность любви, первой, искренней и светлой, экзистенциально меняет перспективу судьбы Ганса, последующая жизнь которого проходит под знаком доброжелательного равнодушия. Он не испытывал любви к жене, давно утонувшей в озере; дочери, словно чувствуя это безразличие, прекращают с ним общение, проявив душевную черствость, прагматизм и меркантильность.

Память Ганса бережно хранила образ Зоси, а появление похожей на нее Ларисы всколыхнуло воспоминания и обострило болезненность чувств, те внутренние мучения, которые он длительно скрывал, лишний раз подтверждая проницательные констатации В. Розанова: «Мы рождаемся для любви. И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете…» Эмоциональная память Ганса начинает работать с удвоенной силой, прошлое для него ближе и реальнее настоящего, он вновь переживает смерть любимой девушки, путаясь в болезненном бреду, все настойчивее пытаясь отыскать предателя. Очень точно Н. Бердяев определил подобное состояние: «Есть откровение любви в смерти. Только в смерти есть предельное обострение любви. Любовь делается особенно жгучей и обращенной к вечности. Духовное общение не только продолжается, но оно делается особенно сильным и напряженным, оно даже сильнее, чем при жизни».

Лариса взволнована и восхищена этой потрясающей многолетней верностью, благородством чувств и аристократизмом души. Читая дневник, она переосмысливает все услышанное от Ганса, настраиваясь на его гамму чувств и ощущений, включаясь в границы эмпатического общения с другой личностью. Трансформация сознания, произошедшая за короткий промежуток времени, еще более обострила чувствительную и ранимую душу Ларисы, способную действенно сострадать человеку, а «душа — это дар моего духа другому», как утверждал М. Бахтин. Лариса стремится щедро поделиться этим даром с Гансом, стараясь как можно быстрее забрать его из дома престарелых, окружить его заботой и лаской. Для нее в одночасье рухнули национальные, языковые и мировоззренческие барьеры, она осознала значимость вещей высшего нравственного порядка, включенных в систему общечеловеческих ценностей, позволяющих осуществить онтологическое прощение престарелого больного Ганса, неосуществленность мечты которого не позволила ему прожить жизнь в гармонии со своим внутренним миром, в очередной раз обнаруживая противоречивое существование человека в мире, скрытый или явный трагизм жизни.

Неосуществленность мечты, нереализованность желаний и устремлений, приводящих к экзистенциальному нарушению жизненной перспективы, обостряя драматическое существование человека в мире, все же должны оставлять надежду на реализацию человечности и любви ради гармонизации жизни.

Юлия АЛЕЙЧЕНКО

Я не боюсь

Почти век назад Евгений Замятин в статье «Я боюсь» рассуждал о будущем литературы следующим образом: «Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос, как на ребенка, невинность которого надо оберегать». Разумеется, лакировка действительности, чрезмерная боязнь натурализма, сознательный уход от реалий социально-политической жизни, невнимание к глубинному наполнению человеческой психики перекрывают живительные соки полнокровной литературы. Сейчас, казалось бы, имеем диаметрально противоположную ситуацию. Интерес к запретному, запредельному захлестнул умы современных литераторов, зачастую описывающих самое безобразное и животное в человеке. Так где же та тонкая грань, отделяющая «не закрывающую глаза» литературу от литературы «смотрящей не туда, куда следует»? И есть ли вообще некие ограничения в том, о чем говорить в серьезном произведении можно, а о чем нельзя (если брать во внимание, к примеру, моральный и эстетический аспекты проблемы)? Порой кажется, что именно эти вопросы являются наиболее актуальными для белорусской литературы XXI века. Настроения смены столетий и культурных парадигм, настроения эпохи «великого ожидания нового гения» еще довольно остро ощущаются и на сегодняшний день. «В такой период очень важно не суетиться, настигая упущенное и бесполезно надеясь на счастливую случайность, а по возможности спокойно и усердно осмотреть то, что есть. Жизнь была жизнью и тысячу, и две тысячи лет назад. Эта особенность хорошо видна на историческом повороте, когда есть возможность подытожить приобретенное и заглянуть в будущее, ощутить себя между прошлым и грядущим», — так мудро подметил Михась Тычина о «поворотном времени» в литературе. И, вероятнее всего, в таком по-гениальному простом напутствии легко можно отыскать формулу успеха тех современных белорусских писателей, что, неторопливо и усердно переосмысливая опыт прошлого, облекают его в абсолютно новые, характерные для дня сегодняшнего, формы.

Так, произведения Андрея Федаренко, за которым закрепилось определение «традиционалист», неизменно вызывают фурор и резонанс в литературной среде. Потому что, существуя в рамках традиции (в лучшем смысле этого слова), автор умудряется говорить о вечных проблемах по-новому, предельно искренне, рассматривая обычные для нас вещи как бы под другим углом, как бы выделяя светом в кадре нечто особенное, важное и значительное. Заслуживает особого внимания его уникальная манера повествования, о которой Людмила Корень писала еще в далеком 1991 году: «Писатель показывает относительно автономное, асинхронное к проявлениям внешнего мира течение внутренней жизни человека, с обязательным в то же время показом этого самого объективного начала — внешней жизни». Повесть Андрея Федаренко «Дикий луг» — яркий тому пример. В первую очередь мы видим красочные, почти ощутимые зримо, тактильные бытовые образы реальности, будь то описание сельскохозяйственных работ: «…мужчины клепали косы, вставляли зубья в грабли, вырезали из сырых осин менташки, запасались новенькими зернистыми брусками» либо описание природы: «Ивы тут такие старые и толстые, что в обхвате не уступят дубам! В трещинах их шероховатой коры легко прячется ладонь <…> Вода у этого берега глубокая, темная, холодная, если опустишь руку, и чистая — ни травинки, даже ряски нет» (*здесь и далее — перевод с белорусского Натальи Казаполянской*). Очевидно, что автор пишет лишь о том, что близко и знакомо ему лично. Кто, если не заядлый рыбак, припомнит столько разновидностей рыболовных снастей: донка, топтуха, кобыла, крига! И это при том, что как бы невзначай, между

делом, Андрей Федаренко дает своим героям предельно лаконичные и меткие характеристики: «Она сама вся как солнце» (о Махновочке), «Это местный красавчик, который по ошибке родился в крестьянском доме» (Петр), «Все у него как-то не по-взрослому, не по-хозяйски, несерьезно» (Григорий Игнатов). Чрезвычайно органично входят в канву повествования прозвища героев, которые претерпевают изменения в процессе эволюции их характеров и внешнего облика: Цветок — Носор, Махновочка — Махновка, Добрячий — Скалозуб. Однако не только контурные портреты дает персонажам автор. Тонкие нюансы внутренних переживаний исподволь входят в картину мироустройства, созданную Андреем Федаренко: «…как облачко на солнце, набегает на лицо виноватость за то, что ей повезло, и даже легкий испуг: а вдруг возьмет и случится что-нибудь, и исчезнет так внезапно свалившееся на нее счастье» (о Махновочке). Причем не боится автор обнажать и далеко не самые благородные движения человеческой души. Что и вызвало в свое время крайне негативные отзывы о повести «Дикий луг». Например, Ирина Шатыренок возмущалась по поводу авторской ремарки Андрея Федаренко: «— Ты посмотри — соли пожалела! — Махновочке, как и любой женщине, приятно было слышать, что есть хуже, чем она». Однако разве отсутствует в человеческой психологии радость чужим неудачам, подмеченная народом в выражениях типа: «У соседа корова сдохла — мелочь, а приятно»? То же касается и очень точного жизненного наблюдения Андрея Федаренко об отношении народа к счастью: «Деревня все прячет, здесь не принято показывать, что ты что-то или кого-то сильно любишь…» и «Нельзя хвалиться счастьем, оно не любит публичности, его надо прятать, даже стесняться его; счастливые должны отгородиться от остальных дубовыми дверями…» Это никак не искажение реального положения вещей, даже наоборот — свидетельство того, что писатель просто не умеет лгать. Недаром в одном из интервью Андрей Федаренко утверждал: «Лгать можно в политике, в бизнесе, в любви, в медицине, в религии, но когда будешь лгать в литературе, она, как лакмусовая бумажка, мгновенно изменит цвет и таким образом выставит твою ложь на всеобщее обозрение». Вновь комментируя нападки на Федаренко по поводу очернения образа деревни, показа лишь явлений деградации и застоя, можно справедливо отметить в повести явно позитивные проявления народной психологии, психологии наивной («в космос слетали, а Бога не нашли»), но тем не менее глубоко сопереживающей (деревенцы жалеют старуху, что заночевала в поле с больной коровой, жалеют поляка Масловского, ведь «любому человеку, наверное, стыдно жить не на родине»). Казалось бы, просто и незатейливо, приводит Андрей Федаренко своих героев к рассуждению о бессмертии души, вкладывая главные слова в уста самого младшего участника похорон Петра Цветка — мальчика Василька, которого в скором времени также ожидает трагическая смерть: «Он не в земле лежит, а висит на небе. Видит нас и все слышит». И несмотря на явную демонстрацию безжалостных жизненных законов и жестких правил человеческого общежития, «Дикий луг» — это все-таки, как парадоксально бы ни звучало, произведение о полноте жизни, ведь из песни слова не выкинешь… Произведение глубоко ностальгическое для тех, кто застал еще белорусскую деревню «задолго до Чернобыля и перестройки». Даже если судьба неизбежно опускает человека «ниже, ниже, ниже» (как повторяет в забытьи потерявший самое дорогое Кулинич), нельзя не заметить, как разливается вокруг необъятная красота, что не допускает мысли о смерти («не бывает ее! не может ее быть в этой звездной бесконечности, среди вечной гармонии, где всему свое место, где ни одна космическая пылинка не возникает и не исчезает сама по себе, без чьей-то на то воли!..»).

Своеобразным преодолением описательных установок прежнего периода в литературе, выявлением архетипического в человеческом сознании является проза еще одного талантливого писателя — Олега Ждана. Казалось бы, высказать нечто новое и оригинальное в извечном споре о природе и проявлениях гениаль-

ности крайне сложно. Были «Фауст», «Моцарт и Сальери», «Мастер и Маргарита»… Но Олег Ждан смог раскрыть одаренность с совершенно неожиданной стороны. Его повесть «Гений», с которой смогли познакомиться белорусские и русские читатели, — своеобразное исследование психологии внутренне противоречивого героя, непрестанно мучимого бременем собственной гениальности (надуманной ли, истинной ли?). «Каждого интересует одно только его одиночество», — говорила героиня рассказа Югаси Каляды, Маленькая Писательница. Сродни ей и мысли главного героя повести Олега Ждана — Тришки. Однако если у Югаси Каляды подобные рассуждения проходят довольно пунктирно, вплетаясь в короткие истории Писательницы, то экзистенциальные рассуждения Тришки составляют важную часть повествования. «Опыт человечества говорит, что спасенья нет», «Племя, семья или государство — объединения слабых. <…> Потому в конце концов и образовалось человечество и не образовался человек», «Доброта — выражение тайной корысти, слабости, неспособности противостоять другим…» — вот лишь некоторые постулаты личной идеологии Тришки-гения. Он, помнящий свои прошлые жизни и уважающий лишь собственные чувства и переживания, старается прочной стеной отгородиться от проявлений всего бытового, обыденного. Ненавидит суетливость матери — единственного человека, который что-то значит в его узком мирке, ненавидит ухаживания навязчивой влюбленной в него Леночки, ненавидит необходимость тратить время и силы на сон и прием пищи. Герой однозначно отрицательный, эгоизм, возведенный в степень, неприкрытая гордыня — скажет, возможно, опытный школьный учитель литературы, прививая детям гуманистические ценности. И будет в чем-то прав. Однако не все так просто и прозрачно в произведении Олега Ждана. Наличие двойного дна, недосказанность, если хотите, — признак авторского стиля писателя, который успешно сыграл на обогащение повести новыми смыслами, актуализацию диалога с читателем. Если вдуматься, разве за нечто злое и дурное гнобит Тришку его повседневное окружение? Отнюдь нет. Скорее за «малый рост, узкие плечи, за вечный насморк, кривые зубы, прыщи на носу, за то, что уши оттопырены больше, чем у других». Да и на фоне Тришки, желающего показать своими портретами людям, какими они являются на самом деле, просвечивают пороки общества и отдельных личностей. Как показала художественная практика главного героя, люди не желают знать правды о себе, не терпят публичного обнародования их тайных страстей, они «хотят казаться моложе, красивее, удачливее, веселее, глупее», чем есть на самом деле. А еще они живут только одним мгновением, каждодневным сомнительным удовольствием, не желая узреть путь к новой, а возможно, и вечной жизни. Даже мелкие трудовые подвиги совершаются не из-за ответственности и любви к собственному делу, а из жадности, стремления угодить вышестоящему… И это не банальная констатация разрушения основ, которая становится общим местом современной литературы, не избитый мотив усталости как образ-топос литературы «эпохи Пост». Это искренняя тревожная исповедь человека, который способен тонко подметить, что «мир уже давным-давно идет не туда и не так». Олегу Ждану удалось удивительно вжиться в роль своего бунтующего художника, посмотреть его цепким взглядом на предметы и людей. Он отмечает малейшие нюансы характера через черты лица, жесты: «с остреньким носиком ничего поделать нельзя — замерзающая синичка притаилась в окне», «куриный взгляд и наклон головы: разрешите, я постою на одной ноге, посмотрю одним глазом, лизну кончиком языка, присяду на одну ягодицу, понюхаю одной ноздрей» (о Леночке), «улыбалась, ни на кого ни обращая внимания, будто улыбка постоянно блуждала под толстой розовой кожей, как самописец, показывая благополучие и покой в организме» (об Уле). Гениальность как несчастье, «вывих» — явление, распространенное в творческой среде. Олег Ждан признался, что поступок главного героя — плевок в лицо матери, — он «списал» со своего знакомого… Богатый материал, основанный

на опыте и тонком восприятии в жизни прекрасного и безобразного, позволил писателю создать предельно точную, искреннюю трагическую историю человека, ощущающегося себя гением и не имеющего силы и терпения достучаться до умов и сердец современников. Историю тысяч творцов до и после нашей эры… Писать о разрущающем себя и свое окружение герое — сложно и в то же время интересно, это словно экзамен на творческую зрелость. «Я и сам только в конце повести понял моего героя и простил его. Надеюсь, что и читатели почувствуют его определенное обаяние, или, как сейчас часто говорят, — харизму», — говорит Олег Ждан. И харизму этого так дивно умеющего передать дух эпохи писателя также сложно не оценить…

Как сложно не оценить и появление в Беларуси в последнее время ярких и запоминающихся произведений писателей-женщин. В 50-е годы прошлого столетия в Европе выпуск сборников «женской прозы» был очень удачным коммерческим продуктом. В XXI веке и мы имеем уже несколько подобных сборников, а также прекрасные выступления белорусских писательниц соло. Некоторых критиков и писателей смущает разделение литературы по гендерному признаку и не устраивают критерии выделения данного жанра. Однако самым правомерным, думается, будет определение женской литературы как произведений о жизни женщин в социуме, их важнейших проблемах, глубоко интимных переживаниях. Может ли написать убедительно обо всем этом мужчина? Как знать. Пока же традиционно считаем авторами «женской литературы» преимущественно женщин. Среди тех писательниц, кто завоевал неизменную популярность и узнаваемость, выделяется, несомненно, Алена Браво. Равнодушным к ее интеллектуальной, философской прозе остаться практически невозможно. Кто-то обвиняет ее в чрезмерном натурализме, предельной демонстрации проявлений телесности, слишком субъективно-отрицательном взгляде на белорусскую (и не только) реальность, кто-то восторгается ее объемными обобщениями, необычно широким писательским кругозором… Практически клинический анализ психологии собственных героинь, обращение к широкому контексту мифологии и культуры народов мира, ирония, гротеск — вот те основные черты, что помогают безошибочно узнать творчество Алены Браво. Иногда ее прозу за аллюзии, цитирование называют постмодернистской, однако сама писательница считает себя реалистом, а постмодернистские приемы — второстепенными по значению. Женщины думающие, сопротивляющиеся обыденности, гнету обстоятельств и в то же время эмоциональные, ранимые — героини ее повестей и рассказов «Комендантский час для ласточек», «Рай давно перенаселен», «Змея, покрытая перьями птицы солнца», «Сон пионерки» и др. Такой же выступает и Лариса Ващенко, героиня повести «Прощение», которая символично вышла в юбилейный год 70-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Тема проживания на чужбине, в непривычной, а временами и агрессивной обстановке не нова для писательницы. Белоруска Лариса, как и героиня повести «Комендантский час для ласточек», отправляется на родину мужа. Алена Браво и сама провела некоторое время на Кубе с семьей, не понаслышке знает о столкновении культур, образцов воспитания, характеров… Однако, вероятнее всего, не только это влияет на выбор данной темы писательницей. Обостренное чувство свободы, понимание неотъемлемого права на собственную территорию для творчества, необходимость уединения — вот что сподвигает Алену Браво на написание историй жен-иностранок, которых пытаются научить новым правилам и законам жизни, научить думать и чувствовать по-другому. «Ухоженное (вот только счастливое ли?) дерево» на поле в немецком пригороде воплощает в себе представление Ларисы об обществе, куда она волей судьбы попала. Экономия, чистота и порядок, внешнее благополучие… Однако все это «не излучает свет». Как предотвратить историческое беспамятство? Как сделать так, чтобы каждый человек черпал из коллективной памяти прошлых поколений? Подоб-

ными, совершенно не женскими, как зачастую принято считать, вопросами задается Лариса Ващенко-Крауз, белоруска в Германии. Женщина, обостренно чувствующая несовершенство окружающей действительности (что характерно практически для всех героинь Алены Браво) и расплачивающаяся за это утратой зрения (как защитной реакцией от внешнего несовершенства). Однако жизнь периодически «оголяет сетчатку», подрезает веки, и Лариса смотрит на мир, как буддистский мистик… Неудивительно, что ее переживаний искренне не понимает соотечественница Лада… Актуализируя тему отголосков прошлой войны, Алена Браво сталкивает белоруску с воевавшим в ее краях свекром-немцем. Крайне тяжело Лариса переносит «военные маневры» страдающего болезнью Альцгеймера бывшего солдата Третьего рейха. «Они наступают! Русские! Их много! Нужно спрятаться…» *(здесь и далее перевод с белорусского Алены Браво)*, — то и дело слышится в стенах дома Крауз. И вновь же практически клиническое исследование болезни находим у категоричной к деталям Алены Браво. С помощью причудливых метафор создает писательница пугающий мир больного сознания: «…время от времени погибающие нейроны Ганса, толчками прорывающие плотную пленку беспамятства — как рыба выбрасывается на берег из отравленного водоема, выносят на поверхность те или иные небьющиеся осколки», «Гансов маразм уже цвел пышным цветом, хищно расправляя свои лепестки цвета сумерек, цвета волчьей ягоды» и т. д. Поистине, сон разума рождает чудовищ… Как и сон памяти. Ведь в немецком журнале, издаваемом бывшими «аутохтонами» СССР, в связи с датой 9 Мая упоминают лишь триумф песни Луи Армстронга и избавление от «душевного гетто» представителей нетрадиционной сексуальной ориентации… «Утратив память, неизбежно теряешь истину», — к такой простой и понятной формуле приходит Алена Браво в итоге тягостных философских исканий. Повесть «Прощение» — сложное, противоречивое и вместе с тем трогательное и искреннее произведение. Возможно, еще и потому, что писательница вложила в нее часть своей семейной истории: ее отец прожил всю жизнь под именем своего младшего брата, который задохнулся, когда бабушка, прячась с детьми в лесу, старалась накормить его грудным молоком…

«Как важно писателю иметь свое лицо, свой голос, свою боль и свой взгляд. Чтобы быть личностью», — писал Ян Скрыган в своем дневнике. С полной уверенностью можно говорить, что трое писателей, о которых шла речь выше, имеют все из перечисленного писательского «багажа». Они не разрушают основы старого, а умело производят качественные «надстройки», они пишут о вечном интересно и понятно современникам. Они на все имеют свой взгляд и бескомпромиссны перед художественной правдой. Они не боятся описывать ужасное и порочное, но стремятся к красоте и гармонии. Пока у нас так пишут, за будущее литературы я не боюсь…

С точки зрения рецензента

Филокартическое повествование

В Минске издана удивительная филокартическая книга Владимира Лиходедова и Владимира Пефтиева. Ее главный герой — святой равноапостольный князь Владимир.

Во многом концепцию издания выражает эпиграф к историко-документальному повествованию: «Есть мера государственного служения народу, за которой оно само по себе переходит в подвиг святости». Слова эти принадлежат российскому писателю, обер-секретарю Священного Синода Стефану Григорьевичу Рункевичу (1867—1924), родившемуся, кстати, в семье протоиерея Минской епархии. Да, равноапостольным князя считали уже книжники Древней Руси. Именно они приравняли Крещение Руси Владимиром к подвигу апостолов, утвердивших Христову веру в жизни многих народов. Авторы не ставят перед собой задачу разбираться во всех деталях или спорных местах биографии князя. Исследователи с помощью богатого иллюстрационного материала делают попытку «обозначить основные вехи жизненного пути крестителя Руси в соответствии со сложившимся в современной историографии взглядом».

Содержание, структуру книги «Святой равноапостольный князь Владимир» передают уже сами названия разделов: «Святой равноапостольный князь Владимир», «Церковное почитание Святого Владимира», «Храмы во имя святого Владимира», «Орден Святого Владимира», «Памятники», «Храмы на почтовых открытках и фотографиях конца XIX — начала XX веков», «В памяти потомков».

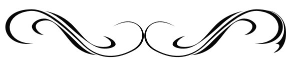
«Владимиру была дана настоящая героическая душа, — говорит белорусский историк и коллекционер, лауреат премии Президента Республики Беларусь «За духовное возрождение» Владимир Лиходедов. — Святой князь поразил народное воображение не только тем, что он, как и его предшественники, ублажал пирами своих дружинников и заслуженных сотрудников, но и заботился о праздничных трапезах всего бедного населения государства. Он реализовал Христианский идеал разрешить вопрос социальной и материальной правды путем общения имуществ, пример которого мы видим

лишь в первохристианской общине. Как широкая русская натура, святой князь Владимир не только в деле внешнего крещения всей страны, но и внутреннего радикального изменения и обновления его социальной жизни воспылал желанием повторить опыт первоапостольной церкви — употребить всю силу государственной власти, все средства государственной казны на то, чтобы крещеные люди почувствовали, что у них "одно сердце и одна душа", что у них "все общее". До Владимира ни один глава христианского народа не решался на такое. Он хотел сохранить и расширить всеобщий пир и всеобщую радость братолюбивой христианской жизни».

«География» обращения к образу Владимира Святославовича самая широкая. Листая страницы альбома, можно путешествовать по «местам Святого Владимира» в России, Польше, Украине, Беларуси, Латвии, Литве… Конечно же, самыми интересными и впечатляющими являются московская и санкт-петербургская филокартические экскурсии. А открытки, что возвращают читателя, зрителя в Херсонес, напоминают об удивительной истории. В 1827 году при обследовании развалин Херсонеса были обнаружены остатки церкви, в которой, согласно летописи, крестили князя Владимира. На этом месте в 1850 году был основан мужской монастырь во имя святого Владимира, а спустя три года здесь появился первый скромный храм. Вскоре, во время Крымской войны, Херсонес был занят противником, а монастырь разрушен. Восстановили обитель после ухода неприятеля. В начале XX века в монастыре кроме главного храма были еще две скромные церкви. Монастырь закрыли в 1915 году. Часть его помещений сохранились и заняты отделами Херсонесского музея.

Филокартическое, историко-документальное повествование о Святом Владимире — продолжение творческого проекта «В поисках утраченного», начало которому положили публикации репродукций старых почтовых открыток на страницах газеты «СБ. Беларусь сегодня» («Советская Белоруссия»). Следом за страницами «энциклопедии открыток» к читателю пришло уже больше десяти книг. Многие из них выпущены в Издательском доме «Звязда». Альбом «Святой равноапостольный князь Владимир» — достойное продолжение проекта «В поисках утраченного». За свои старания в области филокартии Владимир Лиходедов отмечен медалью «За вклад в коллекционное дело России». Среди исторических персонажей, о которых белорусский исследователь попытался рассказать с помощью открытки, — и великий Александр Невский.

Кирилл ЛАДУТЬКО

С точки зрения рецензента

Сказка о мироздании

У книги, подзаголовком к названию которой служит следующее жанровое уточнение: «Сказка для театра и семейного прочтения по ролям» (Давыдько Геннадий. Звезды седьмого неба // Г. Давыдько. — Мн.: Книжный дом, 2015), — по нашему глубокому убеждению, большое будущее, долгая жизнь. Возможно, она не будет связана с количеством переизданий или тиражами. Может быть, лукавые критики ее и вовсе не заметят. Возможно, никто не включит это мудрое драматическое произведение в какие-то библиотечные или же книготорговые рейтинги. Но у сказки-пьесы «Звезды седьмого неба, или Волшебный полет куклы Эли и кота Мурмота к звездам» — будет своя, особенная жизнь, которая только еще начинается. По ней, по явленному в ней осмыслению действительности и нравов будут изучать время, из которого вышли герои, придуманные талантом Геннадия Давыдько.

Она не просто хороша…
В ней еще живет душа.

Никого не удивит,
Если кукла говорит,
И танцует, и хохочет,
Наряжается, как хочет…

А вот если кукла вдруг
Знает, что такое друг,
Если хочет не играться,
А за слабых заступаться,

Если кукла мыслить может
И в любой беде поможет,
Значит, это кукла наша,
С нею в путь идти не страшно, —

начинает автор знакомство с действующими лицами пьесы-сказки. Давайте познакомимся и с остальными персонажами. Мурмот — кот («грозится он всех разорвать за сосиску… // На самом же деле он — добрая киска // И только мечтает из всех своих сил, // Чтоб кто-нибудь просто его полюбил»). Фея — добрая волшебница («Она нас учит доброте // И звезды зажигает, // А звезды светят в высоте, // Но душу согревают»). Звезды — только на седьмом небе («И даже в минуты ненастья // Дают нам надежду на счастье»). Разлюляй — хозяин первого неба («Не может он думать, мечтать, // Любить, созда-

вать и трудиться. // Он хочет всю жизнь хохотать, // Играть, танцевать, веселиться»). Щекоталы — его помощники («У них ноги, чтобы топать, // Руки, чтобы громко хлопать»). Великарл — глава второго неба («Любит только похваляться, // Сам собою любоваться»). Лизуны — его прислужники («Для них тот самый славный, // Кто нынче самый главный»). Баюшка — хозяюшка третьего неба («И коварно поджидает // Тех, кто спать готов весь день. // А зовут старушку — лень»). Перинки — ее служанки («Хотят, чтоб все зевали // И постоянно спали»). Страх — властелин четвертого неба («Мог работать пылесосом, // Но командует парадом // Из доносчиков и гадов»). Шепталы — его слуги («Они нашепчут, оболгут, // Подслушают и переврут. // А сами, между прочим, // Боятся правды очень»). Наглюк — главарь пятого неба («Гадкий он, как таракан, // Примитивный хулиган»). Глюки — его сотоварищи («Обижают всех подряд, // Курят, пьют, дерутся…»). Сытуха — хозяйка шестого неба («Она бы съела всю планету, // Как аппетитную котлету. // Но если так она поступит, // То ей самой конец наступит»).

Знакомство с действующими лицами во многом проясняет сюжет, содержание сказки. На шести небесах, что образовались среди густых туч, поселились коварные, порочные существа. Они называют себя «звездами» и пытаются всех «наградить» своими пороками. Люди стали забывать о настоящих звездах, которые остались на седьмом небе, тогда звезды начали умирать. Ведь на них никто не смотрит. Никто не радуется их свету. Кукла Эля и кот Мурмот отправляются в путь, стремясь преодолеть все шесть препятствий — поднебесий. Со временем, попав в разные передряги, они понимают, что бороться надо с недостатками внутри себя, тогда и внешние враги будут повержены.

Читая «Звезды седьмого неба», както не задумываешься, кому должны быть адресованы сказки — детям или взрослым. Главное, к чему приковано внимание, — это вопрос о том, кто победит. Смогут ли Эля и Мурмот выиграть схватку с темными силами. Это как при чтении «Краденого солнца» или «Тараканища» Корнея Ивановича Чуковского:

> Подошел Медведь тихонько,
> Толканул его легонько:
> Говорю тебе, злодей,
> Выплюнь солнышко скорей!
> А не то, гляди, поймаю,
> Пополам переломаю, —
> Будешь ты, невежа, знать
> Наше солнце воровать!

Равновесие в привычном мире нарушено злыми силами. Значит — надо бороться. Добро — единственное оружие противодействия. Но оно не может быть властелином там, где у темных сил столько приспешников-прислужников. Щекоталы — помощники Разлюляя с первого неба, это еще «цветочки». Но и они вместе со своим господином — хозяином первого неба, представляют немалую опасность.

«…Эля. Когда смотришь на звезды, хочется любить…

Разлюляй (*очень сильно испугался*). Ой! Она сказала еще одно очень непонятное слово: «любить»… Зачем любить? Надо играть! Щекоталы! (*Щекоталы щекочут Разлюляя. Постепенно он приходит в себя.*) Я снова предлагаю вам вытянуть удачу — остаться на моем небе, небе развлечений. И жить играючи!

Мурмот. Знаешь, Эля, тут так весело!.. Понимаешь, всю кошачью жизнь я мечтал играть! Для нас, котов, это почти что самое главное, после еды, конечно!.. Так что ты не обижайся, я, наверное, здесь останусь…

Эля (*посмотрела на свечи и увидела, что свеча Мурмота стала тускнеть*). Мурмот, пожалуйста, не делай этого! Все на самом деле не так! Мне здесь не весело, а страшно… Я чувствую, что с каждой секундой глупею…

Разлюляй. Правильно! Да, да! Молодец, догадалась! Глупеть — как прекрасно! Гасите свечи, оставайтесь здесь!..»

Впереди у Эли и Мурмота будут и более трудные испытания. Иногда кажется, что автор своих главных (и неглавных) персонажей списал, срисовал с настоящих людей. И даже совсем не добавлял фантазии, вымысла. Наверное, это тот случай, когда в отношении художественного произведения можно сказать: в искусстве больше правды о жизни, чем в самой жизни.

На обложке «Звезд седьмого неба…» — обращение Геннадия Давыдько к читателям: «В каждом человеке живет актер. И где еще можно попробовать проявить свой талант, как не в семейном кругу? И ваши дети — самый благодарный на свете зритель — будут вместе с вами смеяться и грустить, восхищаться и аплодировать. Попробуйте, пригласив друзей с детьми на чаепитие с мороженым, прочитать по ролям эту сказку. Обещаю вам пару часов очень интересного и веселого времяпрепровождения. Возродим семейные театральные вечера, так популярные в былые времена в просвещенных домах нашего Отечества».

А я бы еще добавил: попробуем взглянуть на жизнь по-новому, научим детей различать Добро и Зло в том числе и с помощью театра и хорошей, умной книги. Каковой и является пьеса-сказка «Звезды седьмого неба», написанная на все времена.

Микола БЕРЛЕЖ

Литературное содружество

Большая тень может быть только от большой горы

Салих Гуртуев — поэт и переводчик, почетный президент «Клуба писателей Кавказа». Им переведены на балкарский язык поэмы Важи Пшавелы «Гость и хозяин», Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», Акакия Церетели «Воспитатель». Поэтом создана антология кабардинской поэзии. Опубликованы также в его переводах на балкарский язык стихи многих народов мира. Сегодня уважаемый гость с Кавказа вспоминает о былом тесном литературном сотрудничестве, которое благоприятствовало взаимопроникновению культур, дружбе и согласию между народами. Он представляет творческий потенциал современного литературного Кавказа, знакомит с работой «Клуба писателей Кавказа», цель которого посредством литературы укрепить мосты дружбы.

— Салих, прежде всего хочется вспомнить тот добрый советский лозунг, который объединял наши народы: «Дружба писателей — дружба литератур — дружба народов». Ведь это было даже больше, чем лозунг…

— Когда-то на слуху у всех народов Советского Союза были имена балкарца Кайсына Кулиева, кабардинца Алима Кешокова, чеченца Магомеда Мамакаева, аварца Расула Гамзатова, даргинца Ахмедхана Абубакара, кумыка Аткая Аджаматова, ингуша Джемалдина Яндиева, осетина Георгия Кайтукова, карачаевки Халимат Байрамуковой, адыгейца Юнуса Чуяко, грузина Григола Абашидзе, армянки Сильвы Капутикян, азербайджанца Вургуна Самедоглу…

Наши предшественники выражали озабоченность судьбой человека в контексте миропорядка того времени. Литература была в фарватере патриотического, интернационального воспитания людей на примерах героев Великой Отечественной войны, передовиков производства, лучших персоналий во всех отраслях человеческой жизнедеятельности. Нерушимая дружба народов являлась заглавной в художественной литературе. Ходили легенды о братских

взаимоотношениях отдельных представителей национальных литератур. А через такие образцовые отношения писателей скреплялась дружба между народами. Это возвышало наши народы в глазах всего мира. Неслучайно лозунг «Дружба писателей — дружба литератур — дружба народов» был самым популярным призывом тех времен и содействовал становлению нашей большой страны как оплота мира и стабильности на Земле.

— Салих, знаю, Вы человек творческий. Вы давно в литературных кругах. Знаете об известных людях немало интересного. Что их роднило?

— Я представляю балкарскую литературу, поэтому приведу примеры из жизни балкарского писателя, лауреата Государственной премии имени Горького в области литературы, лауреата Государственной премии СССР и Ленинской премии Кайсына Кулиева.

Братская дружба между балкарцем Кайсыном Кулиевым и кабардинцем Алимом Кешоковым — пример для подражания на все времена. Будучи секретарем правления Союза писателей СССР, председателем Литературного фонда Союза писателей СССР, кабардинский писатель Алим Кешоков долгие годы находился в центре внимания писателей всего Союза.

Кайсын Кулиев — это образец умения дружить, объединять вокруг себя единомышленников. Он был очень близок с украинцами Миколой Бажаном, Олесем Гончаром, узбеками Шукрулло, Аскадом Мухтаром, Зульфией, грузинами Георгием Леонидзе, Симоном Чиковани, Григолом Абашидзе, Ревазом Маргиани, туркменами Берды Кербабаевым, Беки Сейтаковым, калмыком Давидом Кугультиновым, киргизами Аалы Токомбаевым, Чингизом Айтматовым.

Отдельная история — взаимоотношения Кайсына Кулиева и Чингиза Айтматова. Отец Чингиза Торекул был репрессирован. Поэтому произведения Чингиза не печатали ни в журналах, ни в газетах.

Как известно, балкарский народ в 1944 году был депортирован. Кайсын получил разрешение от самого Сталина жить где хочет, кроме Москвы и Ленинграда. Но Кайсын не был бы Кайсыном, прими он эту поблажку, отличную от судьбы своего народа. Так он оказался в столице Киргизии городе Фрунзе. Здесь он возглавил русскую секцию Союза писателей Киргизии, стал членом редколлегии литературного журнала «Киргизстан», выходившего на русском языке. И вот молодой талантливый, но гонимый Чингиз Айтматов пришел к Кайсыну с рассказом «Почтальон Дзуйдо», рассказал о себе. И Кайсын не мог не проникнуться уважением к молодому человеку одной с ним судьбы. Кайсын напечатал его рассказ. Оттуда его писательская судьба пошла, как и полагалось такому таланту, вверх. Об этом рассказал мне сам Чингиз Айтматов в 1962 году на своей пресс-конференции в Литературном институте в Москве. Так писатели жили в те времена. Писательский труд влиял на жизнь каждого человека, потому что и Человек, и его судьба были в центре внимания литераторов, основой их произведений.

— Многогранность личности Кайсына Кулиева оставила добрую память о нем и в Беларуси. Расскажите о его дружбе с моими земляками.

— Особенно трогательна дружба между Кайсыном Кулиевым и Аркадием Кулешовым и Василем Быковым. Их взаимоотношения вызывали у нас восхищение и удивление, стремление быть хотя бы чуточку похожими на них. Писатели живо интересовались жизнью и творчеством друг друга, активно переводили произведения на свои языки. Созванивались, приезжали в гости, как к себе домой. Нас потряс тот факт, что на вечер, посвященный 60-летию Кайсына Кулиева, который проходил в зале им. Чайковского в Москве, Аркадий Кулешов приехал после третьего инфаркта. Хотя ему был прописан строгий постельный режим.

Впечатлил и такой момент. В один и тот же год Кайсын Кулиев и Василь Быков были выдвинуты на соискание

Государственной премии СССР в области литературы. Новости первыми из телетайпных лент узнавали мы, газетчики. Я в то время работал ответственным секретарем республиканской газеты. Когда начали передавать информацию о результатах голосования в Комитете по Ленинским и Государственным премиям, Кайсын Кулиев звонил мне с просьбой узнать прежде всего о Василе Быкове. Списки передавались по алфавиту, хотя раньше они были по отраслям и жанрам. Меня это немного обескуражило, ибо меня прежде всего интересовал список, в котором был мой земляк — Кайсын. Фамилия Быкова, согласно алфавиту, естественно, появилась первой. Я тут же позвонил Кайсыну. Он ответил: «Спасибо за такое приятное сообщение!» Не сказав при этом и слова о себе. Но, слава Богу, на букву «К» появился и Кайсын. Позвонил ему, но не застал на месте. Главную для себя информацию он уже получил…

С давних пор я поддерживаю братские отношения с Алесем Кожедубом. Он сейчас живет в Москве, но я считаю его белорусским писателем. Созваниваемся. Интересуемся делами друг друга. Иногда встречаемся и обсуждаем с глазу на глаз дела, волнующие нас обоих. У нас с ним много общего, я дорожу этой дружбой.

— Что характерно для современного литературного процесса на Кавказе? В чем выражается преемственность литератур?

— Можно еще много говорить о роли писателя, о взаимовлиянии литератур, но, думаю, достаточно этих примеров. Они очень показательны. Мы должны заниматься тем же, чем занимались и чем были озабочены наши литературные аксакалы, но уже в совершенно других условиях. Сейчас мы разобщены. Мало, а порой и вообще ничего, не знаем друг о друге. Нам неизвестны отношения властей к писателям и их судьбам на местах. Переводческое дело из государственного переродилось в частный бизнес.

Но тем не менее, писатели Кавказа работают активно, пишут талантливо. Их произведения достойны внимания других литератур.

Чингиз Айтматов в середине 90-х годов прошлого века в газете «Известия» напоминал о том, что литераторы не могут работать разобщенно, горизонтальные связи культур, литератур, несмотря ни на какие политические ситуации, должны сохраняться и укрепляться, ибо людям важно общаться. Литература — лучшее тому подспорье. Нам необходимо, говорил он, научиться сожительствовать с новыми реалиями, чтобы не растерять своей национальной идентичности. Важно переводить произведения друг друга. Как и раньше, не превращая свое святое дело в политику, не подчиняться политической конъюнктуре, славить Человека и его труд во благо общества. Наше святое дело — сохранить дружбу и братство между писателями, не терять с ними связей. Вот смысл гуманистического завещания Чингиза Айтматова. Все мы сегодня: и кавказцы, и белорусы, и другие народы — должны придерживаться главного тезиса этого великого писателя!

— Назовите новые успешные имена литераторов, которые звучат на Кавказе.

— Произведения балкарцев Танзили Зумакуловой, Магомета Мокаева, Мурадина Ольмезова, кабардинцев Зубера Тхагазитова, Мадины Хакуашевой, Хасана Тхазеплова, лачки Миясат Муслимовой, чеченца Мусы Ахмадова, ингушки Раисы Дидиговой, осетина Бориса Гусалова, калмыка Эрдни Эльдышева, кумыка Бадрутдина Магомедова, аварца Магомеда Насрулаева, даргинки Аминат Абдулманаповой, аварского публициста Керимхана Умаханова (кстати, он свой человек в Беларуси), карачаевца Биляла Аппаева и очень многих других членов нашего Клуба писателей Кавказа могли бы украсить и обогатить литературу любого народа. Возможности не те, но мы, нынешние писатели, должны следовать пожеланиям наших старших наставников, укреплять братские взаимосвязи, используя для этого универсальное средство — литературу. Это уж точно нам по силам!

— «Клуб писателей Кавказа» — это веление времени объединиться творческим людям в новом формате? Как возник клуб?

— Межрегиональная общественная организация «Клуб писателей Кавказа» создана именно исходя из задач, которые во всей остроте поставило перед писателями время.

Редакционная коллегия литературно-художественного журнала «Дружба народов» периодически проводит зональные совещания с приглашением писателей, редакторов литературно-художественных журналов. Такое совещание по региону Северного Кавказа в мае 2008 года проходило в столице Чеченской Республики городе Грозном.

У участников встречи — представителей кавказской литературы — невольно возник вопрос: как так получилось, что мы, известные в своих регионах кавказские писатели, знакомимся на совещании только благодаря москвичам. И они искренне удивились тому, что мы ничего не знаем о творчестве друг друга, ничего не можем сказать о художественном уровне наших произведений.

Народный писатель Чеченской Республики, член редакционной коллегии журнала «Дружба народов» Муса Ахмадов высказал вслух эту озабоченность всех кавказских писателей.

Тогда же мы с Мусой Ахмадовым решили создать организацию (потом она получила название «Клуб писателей Кавказа»), где бы могли встречаться писатели всего кавказского региона. «Клуб писателей Кавказа» должен был стать местом, где можно говорить о своем творчестве, о своих народах, переводить произведения друг друга на родные языки, презентовать книги, ездить друг к другу в гости, рассказывать потом о поездках на страницах изданий на национальных языках. Планировали организовать и Дни литературы, как это было раньше, лет двадцать пять назад…

Таким образом, в феврале 2009 года была создана Межрегиональная общественная организация «Клуб писателей Кавказа». Президентом Клуба был избран я, балкарский поэт, переводчик Салих Гуртуев, вице-президентом — народный писатель Чеченской Республики Муса Ахмадов.

— Чем определяется членство в Клубе?

— Членом Клуба может стать любой писатель, придерживающийся наших уставных требований. Клуб называется кавказским. Но двери, как сказал председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев, открыты для всех писателей, где бы эти писатели ни находились. Связь литератур и культур, литераторов и деятелей культуры (хотя литература, как я считаю, есть самая материализованная — книгу можно держать в руках, носить с собой — часть культуры) не должна прерываться. Она, эта связь, должна пульсировать, как живой организм.

Сегодня в нашем Клубе состоят представители азербайджанской, армянской литератур. В Армении есть даже отделение. Тесно сотрудничаем с Союзом писателей Грузии.

У нас есть своя газета «Литературный Кавказ», свой сайт «Писатели Кавказа». В последнее время из-за материальных трудностей газету выпускаем в электронном варианте. Организация существует только за счет членских взносов. Некоторые члены Клуба помимо взносов выделяют средства для издания газеты, содержания сайта. Особая благодарность за это члену Клуба из Азербайджана Гафару Гусейнову. Писатели из регионов России тоже интересуются нашей работой, выражают желание примкнуть к ней.

— А какие творческие успехи участников Клуба Вас особенно радуют? Что удается сделать сообща?

— В балкарском журнале «Минги-тау» осуществляем проект «Братские литературы — наши гости». Публикуем переводы с других кавказских языков. Уже опубликованы подборки прозы и поэзии чеченской, ингушской, калмыцкой, аварской, кумыкской, лакской литератур. Причем все эти публикации предваряются сопроводительными письмами, где выражается одобрение

такой важной для сближения народов литературной миссии, руководителей субъектов Юга России — Рамзана Кадырова (Чеченская Республика), Мурата Зязикова (Республика Ингушетия), Кирсана Илюмжинова (Республика Калмыкия).

В каждом номере чеченского журнала «Вайнах» (журнал выходит на русском языке, возглавляет его упоминавшийся выше Муса Ахмадов) публикуются переводы с языков кавказских и закавказских народов.

В Калмыкии изданы отдельным сборником произведения балкарских поэтов в переводах на калмыцкий язык народного поэта Калмыкии Эрдни Эльдышева. Он же издал большой том своих переводов поэтов всего мира. Члены Клуба кумык Бадрутдин Магомедов, даргинка Аминат Абдулманапова, аварец Абдулла Даганов, калмык Эрдни Эльдышев и я по просьбе председателя Союза писателей Грузии Маквалы Гонашвили перевели на свои языки поэму Важи Пшавелы «Гость и хозяин» и опубликовали ее в периодике. Эта поэма очень востребована сегодня, хотя и написана в конце XIX века. Все эти поэты были приглашены грузинскими коллегами на празднование юбилея Важи Пшавелы.

Отдельным литературам и литераторам посвящаем целые номера «Литературного Кавказа» и выкладываем их на наш сайт. В этом году издали большой том произведений членов Клуба под названием «В тени чинары». Презентовали его во всех республиках Северного Кавказа, в университетах, на телевидении, радио. Резонанс получился огромный.

— Салих, Вы очень мудрый человек. Что Вас волнует в общечеловеческом плане?

— Тут надо прежде всего сказать о душевном состоянии, чаяниях народов. Вся боль человеческая, все радости, повседневные заботы людей лежат в основе общечеловеческой культуры, а каждый из народов своими национальными традициями ее дополняет. Сегодня, к сожалению, разобщенность уменьшает наши возможности ежедневно соприкасаться с нашими культурами, которые в совокупности и составляют общечеловеческую культуру. Наше бездействие все больше удаляет нас от глубинного понимания друг друга. Большая тень может быть только от большой горы. Большая гора — это общечеловеческая культура, вобравшая и бережно сохраняющая культуры разных народов, составив из них единый букет.

— И каким Вы видите белорусский вектор работы «Клуба писателей Кавказа»?

— К Беларуси у нас всегда был особый интерес. В советские времена практически в лицо знали всех крупных деятелей белорусской культуры и литературы. Я прочитал и перечитываю сейчас всего Василя Быкова, Аркадия Кулешова, в моих переводах у нас есть Янка Купала… Все без исключения кавказские литературы заинтересованы в познании современной Беларуси. Писатели хотят знать, что нового в литературе. Новые белорусские писатели — кто они? Какие у них есть возможности издаваться, переводиться? Без этих знаний не может быть взаимовлияний литератур и их взаимообогащения, а стало быть, нет достоверного знания о народе Беларуси. Нам, писателям, надо думать, как наладить эту творческую связь.

Беседовала Елена СТЕЛЬМАХ.

Коллекция

Он был человеком мира

Давайте сядем рядом с ним,
возможно, пыль от этой звезды упадет и на нас.
Жан КОКТО о Серже ЛИФАРЕ

В Париже на стене отеля «Лотти» прикреплена мраморная плита, на французском языке на ней выбито: «Здесь жил с 1955-го по1985 год Серж Лифарь (1904—1986), выдающийся хореограф XX века, главный балетмейстер «Гранд-опера». Кроме того Серж Лифарь — самый известный собиратель Пушкинианы XX века, обладатель превосходной коллекции, посвященной великому русскому литератору, первый танцовщик французского балета, удостоенный звания «Этуаль — Звезда», до него «звездами» становились только балерины, постановщик свыше 200 балетных спектаклей.

В 1937 году во всем мире отмечалась печальная дата — 100 лет со дня смерти выдающегося русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Во многих странах эта дата отмечалась как своеобразное единение всех любителей русской поэзии, особенно активна была русская эмиграция.

Самые крупные мероприятия прошли во Франции. В Париже 16 марта 1937 года в фойе зала «Плейель» открылась Пушкинская выставка. В течение месяца ее посетило свыше 10 000 человек. Инициатором и организатором выставки был Серж Лифарь, украинец по происхождению, ведущий танцовщик «Русских сезонов» Сергея Дягилева и его протеже. Основой выставки послужила пушкинская коллекция, собранная Дягилевым и перешедшая к Лифарю, в дальнейшем им дополненная. В состав коллекции входили: прижизненные издания Пушкина и книги известных авторов его времени, автографы поэта, в том числе десять писем к невесте, одно к ее матери, изобразительная «Пушкиниана», личные вещи поэта и т. д. Здесь необходимо отметить, что много экспонатов для выставки представили коллекционеры и любители старины из числа русских эмигрантов, проживавших во Франции и в других странах. Выставленные фарфор, столовое серебро, картины, гравюры с пейзажами и видами городов пушкинской эпохи, предметы домашнего обихода, галерея портретов современников А. С. Пушкина воссоздали атмосферу быта, в которой жил поэт и его современники. На выставке были представлены картины художников той эпохи: О. Кипренского, В. Тропинина, К. Брюллова,

В. Соколова, В. Боровиковского и др., ранее неизвестные рукописи поэта, его личные вещи. А также показаны все прижизненные издания А. С. Пушкина в идеальном состоянии, включая экземпляры с редчайшими дополнениями, например, томик «Евгения Онегина» с титульным листом, извещающим, что он вышел в издательстве Глазунова. Кроме того, впервые выставлены два дуэльных пистолета, принадлежавших Дантесу, из одного из них был произведен роковой выстрел, оригинальное письмо Дантеса к князю Гагарину.

Отдельную витрину занимал Музей А. Мицкевича в Париже. Посетителям продемонстрировали два неопубликованных автографа Пушкина, портреты общих друзей и знакомых Пушкина и Мицкевича.

Выставка широко освещалась в прессе, как во Франции, так и в других странах, но лучше всех о ней написали в «Vogue»: «Трудно представить себе более разнообразный ансамбль, более пленяющий и более воскрешающий эпоху, чем тот, который был предложен восхищенному любопытству многочисленных посетителей… Короче, воскресив Пушкина, Сергей Лифарь, при доброжелательном участии многочисленных коллекционеров, сделал для нас ощутимой всю его эпоху». Заслуги Лифаря в организации выставки были отмечены специальным адресом к нему Пушкинского комитета Франции, в котором, в частности, было сказано: «В этом пушкинском служении здесь, вне русской земли, перед лицом иностранцев, Вы сумели добиться поразительных результатов, побудив многошумный, живущий иными помыслами Париж заинтересоваться великим творчеством Пушкина среди тревог и забот, обуревающих сейчас мир... Выставка “Пушкин и его эпоха” явилась совершенно исключительным и блестящим завершением всемирного прославления Пушкинского гения». Кроме почетного адреса за организационные хлопоты Сергею Михайловичу Лифарю Пушкинским комитетом Франции была вручена памятная Золотая Пушкинская медаль, специально выпущенная Парижским монетным двором к юбилею поэта.

Путь к этой выставке занял 15 лет. Сергей Михайлович Лифарь родился в Киеве 2 апреля 1904 года в семье состоятельных родителей, детство его было счастливым. В 1913 году пошел в гимназию, одновременно брал уроки игры на фортепиано, мечтая стать великим музыкантом. Первая мировая война, затем Гражданская война, смены правительств, случайное ранение в руку — и прощай планы стать пианистом. Когда Сергею было 14 лет, он попал в балетную студию Б. Нижинской и увлекся миром танца. Однако Б. Нижинская считала его неперспективным. Вскоре она эмигрировала во Францию и оттуда прислала приглашение пяти своим ученикам, которые срочно потребовались в балетной антрепризе Дягилева. Один из приглашенных танцовщиков отказался уезжать, и вместо него решился поехать Сергей. Он не сразу понравился Дягилеву из-за почти полного отсутствия балетной техники, но упорство, с каким Лифарь работал над собой, стремление к совершенству вывели со временем его в число лучших балетных танцовщиков Франции. Он брал уроки лучших хореографов и танцмейстеров Европы, таких как Энрико Чеккети, Николай Легат и др. Дягилев знакомил Лифаря с историей мировой культуры, давал читать книги, которые, как он считал, необходимо прочесть для художественного и общего развития, устраивал экскурсии по лучшим музеям Европы.

В 1926 году, сопровождая Дягилева в поездке по городам Италии, Сергей Лифарь обратил внимание, что тот увлекся собиранием книг, имеющих как библиофильскую, так и мемориальную ценность. В первую очередь Дягилева увлекли «Пушкиниана» и старая русская книга. Он стремился приобретать все, что имело отношение к памяти великого поэта, будь то книги, какие-либо документы или предметы обихода и быта пушкинской эпохи. Ему удалось приобрести прижизненные издания Пушкина, альманахи и сборники той эпохи, некоторые рукописи поэта, в

частности, автограф стихотворения «К морю» и несколько других. Вершиной его собирательства стало приобретение писем А. С. Пушкина к невесте Наталье Гончаровой (10 писем) и одно письмо к ее матери у семьи внучки поэта Софьи Николаевны графини Меренберг (1868—1927) — дочери Натальи Александровны Пушкиной от ее брака с принцем Николаем Нассауским. Софья Николаевна в 1891 году вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича Романова. Разгневанный император Александр III не только отказался признать брак, но и запретил супругам проживание на территории Российской империи, приказав немедленно выслать их из страны. Супруги решили выехать на жительство в Англию. Королева Великобритании Виктория даровала Софье Николаевне титул графини Торби, она была представлена королеве в изумительном платье работы русских мастериц, которое сохранилось и ныне выставлено в собрании семьи ее потомков в поместье Лутон Ху около Лондона. Графиня Торби, оскорбленная запретом Александра III въезжать на территорию Российской империи, в ответ на обращение Российской Императорской Академии Наук передать пушкинские письма в Пушкинский дом после его создания, категорически отказала не только в передаче писем в Россию, но и не показывала и не разрешала публиковать их. Графиня Торби поклялась, что письма А. С. Пушкина никогда не будут переданы в Россию или проданы туда. Правда, в благодарность за уникальный балетный спектакль, который с помощью Дягилева Софья Николаевна устроила в Ницце 30 марта 1927 года, она пообещала последнему подарить одно письмо поэта. После ее смерти Дягилеву удалось уговорить великого князя Михаила Михайловича Романова, который был весьма стеснен в средствах и очень нуждался, продать письма. Лифарь уверял, что Дягилев купил их очень дешево, заплачено было около 30 000 франков. Кстати, в это же время пушкинская рукопись, найденная в Белграде (у Миодрага Обрадовича), была продана Пушкинскому дому через Советское полпредство в Югославии за 38 000 франков. Но смерть Дягилева в 1929 году в Венеции вызвала жесткую схватку за его собрание между коллекционерами. Дягилев не оставил завещание, у него не было наследников, поэтому все имущество, а это были его личный архив, коллекция театральной живописи и декораций, а также библиотека (около 1000 наименований), перешло к Правительству Франции, которое выставило все на торги. Лифарь в очень тяжелой борьбе приобрел собрание целиком, договорившись об оплате в рассрочку в течение года, и год он танцевал, практически ногами отрабатывая оплату наследства Дягилева, ведь невыплата очередного взноса могла привести к потере всего имущества. Здесь надо отметить, что два автографа Пушкина: рукопись «К морю» плюс одно неопубликованное письмо поэта, а также 135 книг, включая несколько прижизненных изданий Пушкина, были переданы по договоренности Б. Е. Кохно (1904—1990) — личному секретарю покойного. Позже тот продал почти все в библиотеку Гарвардского университета в США, где до сих пор находятся драгоценные автографы.

Став владельцем пушкинских сокровищ Дягилева, Сергей Лифарь продолжал их пополнять и расширять. Он купил у внучки Пушкина Елены Александровны Розенмайер печатку поэта, его гусиное перо, портрет ее бабушки Натальи Николаевны. Впоследствии Лифарь приобрел рукопись предисловия к «Путешествию в Арзрум», печатку Натальи Николаевны, портреты ее родителей и документы, имеющие отношение к Пушкину или его родне.

В это же время Лифарь начинает издавать собственную «Пушкиниану». Последовательно выходят как книги самого Лифаря «Пушкин» (1935 г., тираж 20 экземпляров), «Третий праздник Пушкина» (1937), так и книги А. С. Пушкина: «Путешествие в Арзрум» (1934), «Египетские ночи» (1935), два издания «Письма А. С. Пушкина к Н. Н. Гончаровой» (1936, 1937),

«Евгений Онегин» (1937). В процессе подготовки изданий предисловия к некоторым из них писал либо сам Лифарь, либо он привлекал крупнейших специалистов-пушкинистов. Собирание пушкинских документов продолжалось. Он приобретает автограф двух строф шестой главы «Евгения Онегина», «Подорожную», выданную Пушкину при отъезде поэта в ссылку на юг; разрешение на право работы в архиве МИДа России над документами Петровской эпохи. Итогом изысканий стала книга «Моя зарубежная Пушкиниана», изданная в Париже в 1966 году. Откровением звучит в ней признание в любви к поэту — «Пушкин был и навсегда останется моей радостью, солнечным лучом в моей жизни. Как теплота материнской ласки, он дорог и близок моему сердцу. Он согревал меня, утоляя мою духовную жажду».

Со временем у Сергея Лифаря появилось желание ряд пушкинских материалов передать в хранилище Пушкинского дома в Ленинграде. Первым его шагом в возвращении пушкинских документов на Родину стала передача рукописи Пушкина — «Предисловие» к «Путешествию в Арзрум». Это произошло на выставке советской книги в Парижском университете Сорбонна в 1956 году. Рукопись была публично вручена министру культуры СССР Н. А. Михайлову и послу СССР во Франции С. А. Виноградову, при этом Лифарь отмечал, что он так поступил, «желая принять участие в великом деле сосредоточения реликвий Пушкина». Следующая передача должна была состояться в 1958 году, во время намеченных гастролей Парижского театра «Гранд-опера» в Москве. Но посол Виноградов в последний момент отказал в визе С. М. Лифарю. А ведь Лифарь в этот приезд собирался передать ряд бесценных реликвий: рукопись двух строф VI главы «Евгения Онегина», «Подорожную», выданную Пушкину при отъезде в ссылку на юг, «Разрешение на право работы в архиве МИДа России», печатку Пушкина, миниатюру художника Тропинина с портретом поэта и ряд других материалов. Сергей Михайлович был взбешен произошедшим, мало того, что из тринадцати представленных балетов в одиннадцати он был постановщиком, и это не было указано на театральных афишах, его задела и та бесцеремонность, с какой все было сделано. Перед ним не извинились, не объяснились. Он на какое-то время ушел из театра «Гранд-опера», но продолжал поиски реликвий русской культуры. В частности, нашел в Финляндии картину М. Ю. Лермонтова «Вид Крестовой горы», ряд ценных изданий, но

мысли о судьбе пушкинского собрания не покидали Сергея Михайловича. Тем более что пушкинисты и музейные работники в Советском Союзе весьма опасались за судьбу 11 пушкинских писем. В 1961 году Лифарь, впервые после бегства из Киева, приезжает в Советский Союз простым туристом. Его приезд освещался прессой, он встречался с работниками культуры, литературоведами, искусствоведами и т. д. Весьма продуктивной была встреча в Москве с известным исследователем и одним из создателей серии книг «Литературные памятники», И. С. Зильберштейном, именно в долгой беседе с ним впервые появилась идея создания Центра культуры русской эмиграции, и в частности, поднят вопрос об условиях передачи писем Пушкина. В 1968 году Лифарь приезжает по приглашению Главного архивного управления при СМ СССР. Он привозит с собой картину Лермонтова «Вид Крестовой горы», которую тут же реставрируют, и после долгих уговоров Сергей Михайлович дарит ее музею М. Ю. Лермонтова в Пятигорске. Выступает перед специалистами с рассказом о своих поисках и находках памятников русской культуры за рубежом. Заключается договоренность с Министерством культуры СССР о том, что С. М. Лифарю будет дана возможность поставить в Большом театре СССР несколько одноактных балетов, взамен чего он бесплатно передаст все письма Пушкина в Пушкинский дом в Ленинграде. К сожалению, все это не сбылось. Здесь свою роль сыграло много факторов — это и недопонимание ценности пушкинских реликвий отдельными руководителями учреждений культуры, и распространившиеся в то время в Советском Союзе слухи о том, что Лифарь якобы лично сопровождал Гитлера во время его посещения театра «Гранд-опера» в Париже, и неодобрительные высказывания коллекционера об отдельных шагах Советского правительства и ЦК КПСС. В это же время резко осложнилось финансовое положение Лифаря. Он всегда жил в гостиницах, а хранение собрания на платных складах требовало больших средств, которых у собирателя уже не хватало, из-за чего Сергей Михайлович был вынужден в 1975 году выставить на продажу свою библиотеку. В газетах всего мира, включая СССР, появились заголовки-аншлаги: «Дягилев—Лифарь распродается». В Монте-Карло, где с 28 ноября по 1 декабря 1975 года лондонский аукционный дом «Сотбис» проводил торги, по поручению Министерства культуры СССР, срочно вылетел И. С. Зильберштейн, чтобы не допустить продажи писем Пушкина. Письма с аукциона были сняты по просьбе жены Лифаря баронессы Лилиан Алефельд, которая, поддержав И. С. Зильберштейна, заявила, что письма Пушкина должны принадлежать России. Было принято решение продлить переговоры об условиях их возвращения на Родину. Некоторая часть книг с аукциона была куплена известным коллекционером из Лихтенштейна бароном Фальц-Фейном и затем подарена советским книгохранилищам. Острая нехватка денег требовала срочной продажи части коллекции, чтобы на эти деньги в Швейцарии можно было создать музей на основе оставшейся коллекции. 9 мая 1984 года аукционный дом «Сотбис» в Лондоне провел торги «Балетные материалы и рукописи из собрания Сергея Лифаря». Было выставлено 228 лотов. На аукционе продали тридцать процентов лотов на сумму 1 141 500 долларов. Среди покупателей присутствовали представители Гарвардского театрального собрания и библиотеки Конгресса в Вашингтоне. Распродажа собраний на этом закончилась, так как 26 февраля 1986 года Сергей Лифарь передал «Собрание театральных костюмов и декораций», а также все архивные материалы в дар городу Лозанне с целью создания музея или центра под его патронажем. Он уже тяжело болел раком, и к нему в Лозанну прилетели из Москвы И. С. Зильберштейн и работники Министерства культуры СССР с целью договориться о продаже писем Пушкина, но переговоры закончились ничем. Здесь уместно вспом-

нить инцидент в Лондоне в 1956 году, который произошел, когда балет Большого театра СССР впервые гастролировал в Англии, с примой советского балета Галиной Улановой. Тогда в антракте балетного спектакля, который проходил в театре «Ковент-Гарден», к С. М. Лифарю, специально приехавшему в Лондон увидеть советский балет, подошла правнучка Пушкина Надежда Михайловна (жена принца Джорджа Маунбеттена — дяди принца Филиппа Эдинбургского, мужа английской королевы Елизаветы II), присутствовавшая с сестрой на спектакле. Надежда Михайловна в категорической форме потребовала вернуть письма поэта, но в ответ получила решительный отказ Лифаря. В 1980-х годах внук Анастасии Михайловны, графини Торби (сестры Надежды Михайловны), сэр Николас Филипс предложил Лифарю продать письма или по завещанию передать в имение Лутон Ху, в собрание семьи внучки поэта, но опять последовал резкий отказ, а предложенная цена была очень высокой для Н. Филипса.

Состояние здоровья Лифаря резко ухудшалось, и он переехал с Лилиан Алефельд в Лозанну, где они поселились в отеле Beau Rivage. Сергей Михайлович Лифарь закончил свой жизненный путь в ночь с 15 на 16 декабря 1986 года. 18 декабря 1986 года гроб с телом С. М. Лифаря провезли через весь Париж, это было сделано по личному указанию Президента Франции Франсуа Миттерана. По завещанию Лифарь был похоронен на православном кладбище в Сен-Женевьев де Буа. На памятнике, установленном женой С. М. Лифаря баронессой Лилиан Алефельд, скромная надпись: «Serge Lifar de Kiev 1904—1986 Сергей Лифарь». Она же довела до логического конца идею организации музея Сержа Лифаря в Лозанне и вскоре открыла его.

Впоследствии Л. Алефельд передала Публичной библиотеке им. Леси Украинки в Киеве 817 книг из личной библиотеки Лифаря. В 2000 году баронесса Лилиан Алефельд приехала в Киев, где передала «Золотую туфельку», врученную Лифарю в 1955 году за 25 лет деятельности в качестве руководителя парижского театра «Гранд-опера», как дар Музею исторических ценностей Украины. Украина сохранила благодарную память о своем гениальном земляке, и в 2004 году, отмечая 100-летие со дня рождения Сергея Михайловича Лифаря, Национальный банк Украины выпустил памятную монету в 2 гривны. На аверсе монеты профиль Лифаря и даты жизни 1904—1986, на реверсе — Лифарь-танцовщик в прыжке в образе Икара в одноименном балете, музыку к которому написал опять-таки эмигрант — киевлянин И. Б. Маркевич (1912—1983). Выбор медальера был неслучаен, один из критиков написал о Лифаре-танцовщике в этом балете: «Икар — это эпоха, это синтез всего его творчества, это как будто предельная черта». Также к 100-летию со дня рождения в 2004 году в Украине была выпущена почтовая марка с портретом С. М. Лифаря.

Благополучно закончилась и история с письмами Пушкина. Баронесса, очень обиженная на то, что российское правительство, как, впрочем, ранее и советское руководство, не выполнило свои обязательства, выставила письма А. С. Пушкина на аукционе «Сотбис» в Лондоне, оценив их на сумму свыше 1 200 000 долларов США. В Пушкинском доме срочно развернулся поиск спонсоров, способных оплатить письма Пушкина, и их нашли. По договоренности без торгов после оплаты письма поступили в Пушкинский дом в Санкт-Петербурге. Лилиан Алефельд на полученные от продажи писем деньги основала в Париже «Фонд помощи молодым артистам балета». Так закончилась история, которая длилась почти 75 лет.

Долгие годы Лифарь был одним из самых известных общественных деятелей Франции. Не будучи гражданином Франции, он был удостоен высших орденов Франции: ордена Почетного легиона и ордена Искусства и Литературы. Держась крайне независимо, он, например, будучи главным балетмейстером и одновре-

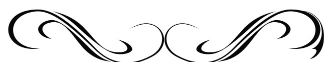

менно ведущим танцовщиком театра «Гранд-опера» в Париже, отказался танцевать в спектакле, на котором присутствовал Президент Франции и весь дипломатический корпус, из-за того, что не были смонтированы необходимые декорации. Приглашенный на следующий день в Елисейский дворец для объяснений, Лифарь заявил Президенту Франции: «Я слишком люблю и ценю свое искусство, чтобы унижать его такими халтурными выступлениями, на которые меня толкали». — «Но Ваше выступление стояло в программе. На спектакле присутствовал весь дипломатический корпус. В какое положение Вы поставили дирекцию театра?» — возразил Президент. «Я готов понести любое наказание», — ответил Лифарь и протянул Президенту Франции прошение об отставке. Прошение не было принято.

Всю жизнь Лифарь прожил с желтым международным нансеновским паспортом, который до Второй мировой войны выдавался Лигой Наций апатридам. Он отказался принять французское гражданство, которое ему предлагал Президент Франции генерал де Голль, никогда не имел собственной квартиры, прожив жизнь в гостиницах или в съемном жилье. Лифарь всегда придерживался своих принципов. В 1940 году, будучи директором «Гранд-опера», он отказал Геббельсу передать в подарок Гитлеру портрет композитора Рихарда Вагнера кисти Огюста Ренуара, украшавший стены театра, мотивируя это тем, что портрет — инвентарь театра, и следовательно, принадлежит Франции. В 1947 году он отказал Пикассо, с которым был дружен, на его предложение вступить в компартию Франции. В 1958 году, когда Советское посольство отказало ему в визе в Советский Союз и труппа театра «Гранд-опера» вылетела на гастроли без руководителя театра, он в знак протеста ушел со всех постов, которые занимал в театре. Несколько позже он скажет: «Я прощаю всё и всем. Но, к сожалению, никогда не забываю… Никогда не мщу, потому что моя честь — это мои достижения».

Сергей Михайлович Лифарь умер человеком мира, и его жизнь также принадлежала человечеству. Его жизнь — яркий пример полной отдачи всех сил служению искусству. Балет, которому артист посвятил всю жизнь. Любовь и восхищение А. С. Пушкиным, которому коллекционер отдал свои чувства. Он навсегда остался верен Киеву: «Даже прекрасный блестящий Париж не смог заставить меня, киевлянина, забыть мой широкий, величавый Днепр», — эти слова очень хорошо характеризуют Сергея Михайловича Лифаря, человека, прожившего вне Родины всю сознательную жизнь, но всегда помнившего ее, не забывшего, где его корни, где остались могилы родных и близких ему людей. Ну а Пушкин олицетворял для него все, что связано с Россией: ее историю, культуру, литературу. Именно поэтому он всю свою жизнь посвятил поискам того, что связано с именем Пушкина и его эпохой.

Олег СУДЛЕНКОВ

Имена

Свидетельство дружбы

Сергей Баруздин — хорошо известное в литературе имя. Свой след он оставил и как поэт, и как прозаик, и как многолетний главный редактор знаменитого журнала «Дружба народов» (1966—1991 годы, был главным до самой своей смерти). Больше писал для детей. Юному читателю адресованы его книги: «Кто построит этот дом», «Про Светлану», «Кто сегодня учится», «О разных разностях», «От семи до десяти»… А взрослому — роман «Повторение пройденного», «Повесть о женщинах», сборник рассказов и повестей «Я люблю нашу улицу»…

Работа Сергея Баруздина в «Дружбе народов», несомненно, обусловила его интерес к литературам народов Советского Союза. Это заметно и по книге литературных заметок «Люди и книги» (Москва, «Советский писатель», 1978), которую я совсем недавно «откопал» в букинистическом отделе одного из минских книжных магазинов. «Книга С. Баруздина о тех литераторах, с которыми ему доводилось встречаться, творчество которых не оставило его равнодушным», — читаем в издательской аннотации, предваряющей знакомство с книгой. Николай Рыленков, Валентин Катаев, Александр Прокофьев, Юрий Смолич, Сергей Бородин, Агния Барто, Каюм Тангрыкулиев, Константин Симонов, Сергей Смирнов, Имант Зиедонис… Я назвал только некоторую часть писателей, с жизнью и творчеством которых можно встретиться в книге Сергея Баруздина «Люди и книги».

Отдельная глава посвящена замечательной белорусской поэтессе Евдокии Лось. Приведу начало этого небольшого, но очень емкого, содержательного эссе: «Иногда вспоминаешь что-то и невольно думаешь, как давно это было. Вот уже и Евдокии Лось нет…

Сейчас я дружу с Петром Устиновичем Бровкой. Могу сказать, что это так. И объяснения этому есть: частые встречи на всех весях земли. Ведь писатели любят, чтобы их отрывали от письменного стола. Вот и придумывают совещания, заседания, недели, декады, форумы, наконец.

А тогда Петрусь Бровка для меня, почти юного, уже был классик, и я стеснялся его…

Был юбилей А. А. Фадеева. Пятьдесят лет исполнилось Александру Александровичу…

В Центральном Доме литератора после торжества мы говорим с Петром Устиновичем. О чем? Все не припомню, но одно — хорошо.

— Молодые у нас в Беларуси есть сильные. Они еще заявят о себе, — говорил Петр Устинович. — И в поэзии, и в прозе ох какие ребята!

Он называл разные имена, и среди них одно необычное — Лось…

— Лось? — спросил я.

— А что? — сказал Петр Устинович. — Нормальное имя. А Евдокия Лось — поэт. Бывшая партизанка. Интересно пишет. И активна! Чувствую, она нам еще покажет». И далее: «Так впервые я услышал имя Евдокии Лось. Потом и читал ее книги. Потом познакомился».

Евдокия Лось, которая родилась в 1929 году, печататься в белорусской периодике начала в 1948 году. В 1960 году окончила Высшие литературные курсы в Москве. Первая белорусская книга — «Сакавік» («Март») — вышла в свет в 1958 году. А буквально через два года увидел свет сборник стихотворений на русском языке — «Если помнить о солнце». В «Молодой гвардии». Наряду с проникновенной работой в области лирики Евдокия Лось много писала для детей. В эссе Сергея Баруздина как раз рассуждения о творчестве белорусской поэтессы и начинаются от детской книги «Синие дни» в переводе

Эльмиры Котляр. Сборник увидел свет в издательстве «Детская литература» в 1973 году. Этой работе предшествовала еще одна московская книга для детей на русском языке — «Обутая елочка» (Москва, «Малыш», 1972 год). Тоже — в переводе Эльмиры Котляр.

А Сергей Баруздин обратился именно к «Синим дням»… Но прежде чем передать его суждения, несколько слов о переводчице Евдокии Лось Эльмире Петровне Котляр (1925—2006) — русской поэтессе. И хотя ее оригинальная книга — «Ветка» — вышла в свет 1958 году, печаталась она и не так много со своими «взрослыми» стихами. Видно, причиной стало ее участие в самиздатовском альманахе «Синтаксис». Из белорусских детских писателей Эльмира Котляр переводила еще Ивана Муравейку (в 1968 году вышел в Москве его сборник «Бежит дорожка»). Кстати, это именно переводчице Евдокии Лось принадлежит известное нам по фильму «Гараж» двустишие: «У верблюда два горба, / Потому что жизнь — борьба!» Оно — из книги Эльмиры Котляр «Остров зверей».

Но вернемся к эссе Сергея Баруздина. «…Не только мысль, не только сюжет, но и музыка стиха, ритмика, непосредственность словесного выражения — путь к сердцу маленького читателя. В этом сложность и хитрость лучших стихов для детей...» — пишет о белорусской поэтессе русский поэт, известный мастер детской литературы. И дальше: «Детская» Евдокия Лось и с «Синими днями» очень интересна. Она — поэт!

Знаю ее «серьезную», «взрослую», начиная с первых изданных на белорусском языке книг, которые вышли в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, и конечно, знаю по многим переводам, публиковавшимся в периодике, в том числе и журнале «Дружба народов» (…) Евдокия Лось, какой я ее знал, поэт мужественный, сильный. Не поэтесса, а именно поэт. Женственность, свойственная ей по первородству, сочетается в лучших ее стихах с тем подлинно зрелым отношением к пережитому и настоящему, которое характерно для белорусов — людей партизанского края. Для этого стоит вспомнить некоторые из первых ее книг на русском языке: «Если помнить о солнце» и «Купалка», позже — «Венок».

Строгие, по-хорошему нежные стихи…

За ними — судьба поколения чуть более молодого, чем старшее, но опаленного войной. И потому тема войны и тема мира и счастья так тесно переплетены в творчестве Евдокии Лось, что немыслимо представить себе ее стихи иными, чем они есть…»

В эссе Сергея Баруздина есть и замечания к сборнику «Синие дни». Правда, они, наверное, больше относятся к переводчику, чем к автору. «Кого тут винить, сказать трудно! — пишет Сергей Баруздин. — Может, в оригинале было так, а может, оказалось в переводе. Но если в оригинале, то где требовательность переводчика? Ведь у переводчика всегда есть право не переводить стихи, которые не нравятся».

Рядом с книгой Сергея Баруздина «Люди и книги» на моем письменном столе лежит другая книга: сборник поэм и стихотворений Евдокии Лось «Лірыка ліпеня» («Лирика июля»), изданная в Минске в 1977 году. На белорусском языке. Поэзия Евдокии Лось в оригинале. Пометка моей рукой, что купил эту книгу в 1980 году. А подписан сборник «Лирика июля» в печать 24 декабря 1976 года. Евдокия Лось умерла 3 июля 1977 года. Умерла от рака… Листаю «Лірыку ліпеня» и нахожу немало «страниц дружбы», стихотворений, адресованных разным поэтам. «Музыкальные ёлки» адресовано Олжасу Сулейменову. Есть стихотворение «Букет от Кайсына Кулиева». «Хорошей погоды!» — в эпиграфе: письмо чувашского поэта. Нельзя без волнения читать стихотворение «Памяти Ярослава Смелякова». Все эти произведения — свидетельство дружбы. Между поэтами. Между литературами. Между народами. Как и эссе Сергея Баруздина о Евдокии Лось — тоже яркое, волнительное свидетельство дружбы, проявление чуткого, искреннего отношения к тому, что сделано, открыто кем-то другим, твоим коллегой по художественным, творческим исканиям.

Вот почему мне захотелось обратиться к «Людям и книгам» Сергея Баруздина… Такого отношения, такого проявления чуткости, внимания к трудам друг друга сегодня просто не хватает. И сам опыт жизни и творчества Сергея Баруздина — добрый нам всем урок.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Из почты журнала

Родная речь держит оборону

Мировые события последнего времени убедительно показывают, что языковые проблемы в обществе при определенных условиях могут негативно влиять на состояние умов и оказывать дестабилизирующее влияние на взаимоотношения различных групп населения той или иной страны. Поэтому любые явления в языке имеет смысл постоянно и тщательно отслеживать, анализировать и принимать при необходимости соответствующие действия.

На тему, к примеру, двуязычия в Республике Беларусь много сказано и написано, дискутируется и публикуется с целью выработки оптимальных путей соотношения и развития двух основных языков страны.

Свое отношение к проблеме двуязычия я высказал в монографии «Язык мой — друг мой», которая покинула типографские помещения в 2011 году, поэтому эту тему в данной статье затрагивать не буду.

В нашем обществе имеется другая языковая проблема, которая усугубляется и, на мой взгляд, вообще не рассматривается в качестве проблемы. Имею в виду состояние чистоты «беларускай мовы», равно как и русского языка.

Естественно, что язык развивается одновременно с развитием общества. В процессе такого развития происходят события, появляются новые предметы и явления, которые обозначаются тем или иным словом, получают свое название. Многие слова становятся международными, то есть используются в ряде стран (часто пишутся и звучат в этих странах похоже).

К примеру, народы Российской империи в XVII веке познакомились с искусством балета, и настолько удачно, что с течением времени заняли в этой области место «впереди планеты всей». Поскольку балетное искусство прибыло на славянские земли прямиком из Франции, немудрено, что немало французских «балетных слов» со временем укрепилось в словарях народов, населявших Российскую империю. Лексика эта и ныне здравствует в Беларуси, равно как и в других государствах мира. Мы привыкли к выражениям «па-де-де» (танец двух), «па-де-катр» (танец четырех), «кордебалет» (танец с участием всей балетной труппы) и не видим нужды их как-то заменять.

С началом эры компьютеров в языки народов мира вошло немало специфических терминов: ноутбук,монитор, дисплей, смартфон, файл, сервер, онлайн и многие десятки других. В этой связи интересно то, что далеко не все английские термины из области информатики, телекоммуникаций и других достижений науки и техники новейшего времени однозначно перешли в славянские языки в неизменном (по звучанию) виде. Так, например, наша электронная мышь не пустила в свои владения американский «маус» (mause), папка тоже не уступила английскому «folder», не прижилось и замысловатое в произношении «мазеборд», ставшее просто материнской платой.

То есть, в ряде случаев «заморские» слова приживаются в других языках, а нередко им находятся более удобные для восприятия и употребления языковые соответствия родной речи.

Какое решение вопроса является лучшим? Ответ ясен — оптимальное решение. А что означает оно касательно рассматриваемой проблемы?

От иностранных заимствований не застрахован ни один язык. Мировые производительные силы развиваются все более быстрыми темпами, и количе-

ство слов, обозначающих ранее неведомые предметы и явления, также будет ускоренно возрастать. Поэтому процесс заимствований является одним из естественных источников расширения словарного запаса конкретно взятого языка, а значит, его обогащения. Проблема в том, чтобы расширение лексического словаря языка не приводило к сужению в нем сегмента родной речи. То есть, чтобы слова белорусского или русского языка не заменялись бездумно словами «импортными».

Что можно в этой связи предпринять?

Владимир Иванович Даль, работая в середине девятнадцатого века над созданием объемного словаря русского языка, который включал 230 000 слов, поговорок, загадок и пословиц, всеми силами старался избегать заимствованной лексики. Не находя подходящей замены иностранным словам в русском языке, Даль придумывал «славянские» соответствия им. В ряде случаев они звучали комично. Так, слову *автомат* писатель создал замену «живуля», гимнастику назвал «ловкосилием», слово *гармония* заменил придуманным «сглас».

Очевидно, подобный путь есть не что иное, как борьба с ветряными мельницами.

Вообще-то, любое иностранное заимствование можно заменить словом из родной речи. Так, широко известное английское слово *футбол* не стало транскрибироваться в ряде стран, в том числе и славянских, а приобрело звучание в соответствии с лексико-грамматическими реалиями национальных языков. По-польски футбол — «пилка ножна», на чешском — «копана» (с ударением на первый слог), на хорватском — «ногомет». Италия, где футбол — спорт номер один, также не приняла английское «football», назвав любимую игру чисто по-своему: «calcio» (кальчио). Список «неприятия» можно было бы продолжить, он довольно длинный.

Однако, заменять волевым решением прочно вошедшие в обиход в ходе развития нашего общества иностранные слова — дело неблагородное и неблагодарное.

Думаю, что прежде всего есть смысл проанализировать причины попадания и распространения иностранных слов в белорусский и русский языки.

Что заставляет граждан нашей республики (в том числе в средствах массовой информации) говорить «контент», а не «змест» или «содержание»? Почему столь легко в нашу жизнь настырно пролезают лексические заимствования, вытесняя точные слова, термины, определения родной речи? И это явление нарастает. Вот лишь примеры характеризующие данный процесс за короткий отрезок времени. Это часто употребляемые иностранные слова, появившиеся в обиходе буквально за последние несколько лет:

волонтер — доброволец;
кастинг — отбор, смотр;
опция — возможность;
дайвер — водолаз;
дилер — продавец;
тренд — направление развития, тенденция;
дистрибьютор — распространитель;
бонус — поощрение;
овертайм — дополнительное время;
дивайс — устройство.

Список можно было бы продолжить, но в этом нет смысла, поскольку совершенно очевиден факт: заимствования в основном из английского языка) теснят белорусский и русский языки.

Что способствует такой ситуации? То, что, во-первых, это явление прогрессирует в средствах массовой информации, а они сегодня оказывают огромное влияние на все стороны жизни общества.

Взять, к примеру, спортивных комментаторов белорусских телевизионных каналов. В этой связи можно вспомнить, как ответил великолепный Остап Бендер Шуре Балаганову на его обращение: «Мосье Бендер…». Ответ был емким: «Шура, уж если вы окончательно перешли на французский язык, то называйте меня ситуайен, что означает — гражданин». Наши спортивные комментаторы, на мой взгляд, до сих пор окончательно не определились, на каком языке вести репортажи. Встречаются, к примеру, на футбольном поле две команды. В ходе репортажа вратари обеих команд по причине, известной

только самому комментатору, называются голкиперами, нападающие — форвардами, то есть, по-английски. Однако переход на данный язык, как выясняется в ходе репортажа, вовсе не окончательный. Полузащитник — уже не хавбэк, защитник — не бэк, а просто защитник, и судья назначает угловой, а не корнер. Впрочем, тот же судья «…посматривает на часы и вот-вот назначит овертайм», то есть, попросту говоря, дополнительное время. Вполне естественно, что выражения и слова подобной «спортивной солянки» откладываются в ушах и умах многочисленных слушателей и воспринимаются как языковая норма.

Кстати, в книге «Золотой теленок» Шура Балаганов в итоге «определился», напрочь отказавшись от французского языка. Думаю, очередь за спортивными комментаторами.

Следить за своей речью просто обязаны и выступающие в средствах массовой информации публичные фигуры: политики, артисты, общественные деятели. К чему щеголять модными иностранными словечками перед аудиторией? Чтобы показать таким образом свою эрудицию? Это часто вызывает обратный эффект. Любителям словесной моды надо всегда помнить, что мы живем не на Западе, а в Республике Беларусь, где для общения есть очень красивые, сочные и точные языки, способные красочно передать языковую палитру речи человека со всеми ее оттенками.

Я прогулялся по проспекту Независимости от площади Якуба Коласа до парка Челюскинцев. Так вот — утверждаю, что добрая половина вывесок магазинов и иных заведений и учреждений на данном отрезке пути исполнена латиницей, причем названия порой бессмысленны. К примеру, кафе под названием «Freshcafe» (свежее кафе). Название «Freshcoffee» (свежий кофе) было бы понятно хотя бы тем, кто знает английский язык. Но «свежее кафе» заставляет призадуматься — что же имели в виду авторы названия.

Перед Новым годом зашел приобрести подарки для близких в один из крупных столичных торговых центров. Я обошел его весь, что заняло около трех часов. Огромный выбор товаров, многие десятки красочных торговых павильонов, места отдыха и развлечений для детей и взрослых, несколько уютных кафе. Везде чисто, светло, тепло. Люди, строившие торговый центр, безусловно, вложили в его великолепие много художественной фантазии, дизайнерского мастерства, не говоря уже о затраченных средствах.

Но удивило вот что. Все вывески в многочисленных павильонах сверкали неоном на разных языках, среди которых не нашлось места ни для белорусского, ни для русского языков. При этом на входных турникетах одного из таких «иностранцев» большими буквами высвечивалось: Sale. То есть, владельцы торгового предприятия приглашали граждан нашей Республики за покупками. В торговом зале этого предприятия установлена реклама: «Sale 50 %». Данная надпись способна поставить в тупик владеющих английским языком. Дело в том, что основное значение английского слова «sale» — продажа. Значит, по рекламе можно предположить, что продается лишь 50 % выставленного товара. А куда делась вторая половина? Вполне возможно, что продается с аукциона, поскольку одно из назначений все того же «sale» — продавать с аукциона.

Мне думается, я задам вполне логичный в этой связи вопрос — правомерно ли вытеснять родной язык из нашего обихода путем прямого нарушения закона о рекламе?

Русскому языку в данном торговом центре повезло несколько больше. Одно название на нем я нашел — «Аптека». Ну, добро, не «DRAGSTORE» какой-нибудь, а то ведь и приобретение валидола для не владеющих английским могло бы превратиться в проблему.

Долго думал, как завершить статью. Вспомнил, что есть у меня на эту тему стихотворение. Строками из него и закончу:

Модным словом щеголяет,
Кто — скажу наверняка, —
Ни заморского не знает,
Ни родного языка.

Владимир ТУЛИНОВ

ЛЕВАНОВИЧ (Леонов) Леонид Киреевич. Родился в 1938 г. в д. Клеевичи Костюковичского района Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат Литературной премии Ивана Мележа и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Живет в деревне Петрилово Вилейского района Минской области.

МОЗГО Владимир Минович. Родился в 1959 г. в г. п. Зельва Гродненской области. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, переводчик, публицист. Автор ряда книг поэзии, многие стихотворения из которых положены на музыку. Лауреат премии Федерации профсоюзов Беларуси и Литературной премии «Золотой Купидон». Живет в Минске.

ВИН Александр (Винокуров Александр Леонидович). Родился в 1958 г. в г. Рыбинск (Россия). Учился на филологическом факультете Калининградского государственного университета. Автор серии книг «Приключения эгоиста», сборника рассказов «Зачем открываются двери», романов «Сломанные куклы», «Принцип крекера», «Игры для взрослых мальчиков» и др. Живет в Калининграде.

ЦИРКУНОВ Анатолий Иванович. Родился в 1936 г. в Минске. Окончил Белорусскую государственную консерваторию им. А. В. Луначарского. Поэт. Печатался в журналах «Вожык», «Беларусь», «Крыніца», «Маладосць», «Полымя», «Нёман», еженедельнике «ЛіМ», в российских изданиях. Живет в Минске.

ЖУК Алесь Александрович. Родился в 1947 г. в Слуцком районе Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Прозаик, переводчик. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

КАРЕЛИНА Ирина Игоревна. Родилась в 1990 г. в Полоцке. Окончила Институт журналистики Белорусского государственного университета. Пишет на русском и белорусском языках. Произведения публиковались в журналах «Маладосць», «Полымя», «Литературной газете», еженедельнике «Літаратура і мастацтва» и других изданиях. Живет в Минске.

АБАНИНА Валентина Владимировна. Родилась в 1982 г. в г. Поставы. Окончила аспирантуру Белорусского государственного университета культуры и искусств. Искусствовед, режиссер, менеджер. Автор ряда статей в научных журналах и сборниках статей Беларуси и России, а также сценариев театрализованных программ, детских стихов, загадок, опубликованных в журналах и газетах «Праздник в школе», «Библиотека предлагает», «Музыкальное и театральное искусство», «Педсовет». Живет в г. Марьина Горка.

МАРТЫНЧИК (Степанова) Анна Сергеевна. Родилась в 1994 г. в Минске. Окончила Минский финансово-экономический колледж, студентка Белорусского государственного экономического университета. Автор книг «Лирика», «Пред…чувствие», «Осанна». Лауреат фестиваля молодых поэтов «Мцыри», международного фестиваля «Арфа Давида», победитель областного конкурса молодых поэтов «Мы рождены для вдохновенья» и др. Живет в Минске.

БАРЖАВЕЛЬ Рене. Родился в 1911 г. в г. Ньон на юге Франции. Окончил коллеж Кюссе возле Виши. Французский писатель, занимающий видное место не только во французской, но и в европейской литературе. Считается первым автором французской научной фантастики XX века. Работал в кино (сценарист, диалогист), в основном с режиссером Жюльеном Дювивье. Умер в 1985 году в Париже. Совместно с **Оленкой де Веер**, французской писательницей и астрологом, написаны два романа — «Девушки и единорог» и «Дни мира». Позже Оленка де Веер написала третью часть этой трилогии — «Третий единорог».